

АРХИВЪ

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

БУМАГИ РАЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

МОСКВА.

А Р Х И В Ъ

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА

XXIV.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

БУМАГИ РАЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографії (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1880.

*

Въ настоящей книгѣ собраны разныя историческія бумаги, сохраненные любознательностью предковъ свѣтлѣйшаго князя С. М. Воронцова. Сюда присоединены дополненія къ предыдущимъ книгамъ, найденные послѣ отпечатанія оныхъ, что объясняется несмѣтнымъ количествомъ рукописей, оставшихся отъ государственной дѣятельности, которая продолжается въ теченіи полутора столѣтія. Трудно указать, даже и въ чужихъ краяхъ, па другой болѣе богатый частный архивъ. Полный порядокъ при подобномъ обиліи и разнообразіи можетъ быть достигнутъ лишь приблизительно.

Петръ Бартеневъ.

*

СОДЕРЖАНИЕ

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ АРХИВА

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
1. Записка для памяти, объ управлениі Россіею. Графа А. И. Остермана....	1	9. Письмо графа М. П. Бестужева къ канцлеру графу М. Л. Воронцову....	79
2. Сеора дюка Делириа съ графомъ А. А. Матвѣевымъ.... . . .	6	10. Письма Людовика XV-го къ фельдмаршалу Апраксину.	89
3. Проектъ графа А. И. Остермана о приведеніи въ благосостояніе Россіи...	10	11. Мать и братъ Екатерины въ Семилѣтнюю войну..	90
4. Автобіографическая записка Бирона..... . . .	12	12. Прусаки въ Саксоніи въ Семилѣтнюю войну.....	99
5. Отвѣтъ на записку Бирона, сочиненный родственникомъ фельдмаршала графа Миниха.	37	13. Сношенія съ Франціею при Елисаветѣ Петровнѣ.	105
6. Письмо Матвѣя Ивинскаго къ канцлеру графу М. Л. Воронцову объ учрежденіи ордена Елисаветы, со стихами..... . . .	57	14. Письмо Д. В. Водкова о Русской торговлѣ при Елисаветѣ Петровнѣ....	117
7. Но дѣлу Лестока. Замѣчанія и памятная записка канцлера Бестужева....	60	15. Послѣдніе дни Елисаветы Петровны.....	127
8. Поляки при дворѣ Елисаветы Петровны	67	16. Письма княгини Е. Р. Даинковой къ ея отцу.....	130
		17. Письма графа П. В. Завадовскаго къ графу С. Р. Воронцову	142
		18. Инструкція камеръ-юнкера Нарышкину передъ от-	

<i>Cmp.</i>	<i>Cmp.</i>
правлениемъ его въ Турии	168
19. Письмо санскритолога Лебедева къ графу С. Р. Воронцову	174
20. Двѣ записки объ Индіи	180
21. Первая сношенія съ Японію	188
22. Изъ письма И. А. Пilla къ графу А. Р. Воронцову о Радищевѣ	214
23. Письмо П. В. Лоцухина къ графу А. Р. Воронцову о Москвѣ	215
24. Письма иprotoіерея Самборского	218
25. Письмо А. М. Бушуева къ графу С. Р. Воронцову (о графѣ Бобринаcкомъ)	221
26. Письма И. И. Голикова къ графу А. Р. Воронцову	225
27. Письма А. В. Храповицкаго къ графу А. Р. Воронцову	238
28. Письмо графа П. А. Зубова къ графу С. Р. Воронцову о С. И. Великомъ	250
29. Письмо П. И. Измаилова къ графу С. Р. Воронцову	250
ву о свиданіи съ Павломъ Петровичемъ	252
30. Письмо А. В. Гудовича къ графу С. Р. Воронцову объ отношеніяхъ къ Павлу Петровичу	254
31. Письма графа Ф. В. Расточина къ графу С. Р. Воронцову	256
32. Письма великаго Суворова къ князю Потемкину	283
33. Двѣ записки Суворова о своей службѣ	316
34. Письма Суворова изъ Итальянскаго исхода къ разнымъ лицамъ	318
35. Автобіографіческій бумаги В. В. Пасека	351
36. Донесеніе Иркутскаго на-мѣстника И. А. Пilla Екатеринѣ II-й о плаваніи Лаксмана въ Японію	391
37. Донесенія Ловцова и Лаксмана И. А. Пilla о пребываніи въ Японіи, съ приложеніями	403
38. Письмо Костюшки къ императору Павлу Петровичу	415

Записка для памяти

ГРАФА АНДРЕЯ ИВАНОВИЧА ОСТЕРМАНА.

Страхъ Божій.

Милосердіе и снисходительство.

Любовь къ правосудію и исполненіе онаго.

Подкрѣплять правосудіе частими издаваемыми манифестами.

Принимать ежемѣсячные рапорты о рѣшеныхъ и нерѣшеныхъ тяжебныхъ дѣлахъ.

Довершать новосочинляемое Уложеніе Законовъ посредствомъ учреждаемой особой на то комиссіи.

Не упускать награждать чинами и должностями людей достойныхъ и заслуги оказавшихъ.

Все слушать и все изслѣдовать.

Учредить четыре дни на недѣль для Совѣта, изъ коихъ одинъ или два дни трактововать ѿбъ иностранныхъ, а прочіе дли о внутреннихъ дѣлахъ.

Приглашать въ Совѣтъ изъ Сената, Военной и Адмиралтейской Коллегій нѣсколькихъ по обстоятельству дѣлъ членовъ для отвращенія вредной зависти.

Рѣшить дѣла по законамъ и учрежденіямъ, и потомъ, гдѣ заблагоразсудится и нужно, показывать милость.

Въ дѣлахъ церковныхъ, колико возможно, соображаться съ Духовнымъ Регламентомъ.

Оставить про духовныхъ и для монастырей, сколько нужно Архивъ Князя Воронцова. XVI, 1.

для брагопристойного содержания ихъ, а остальное употребить на школы и госпитали.

Распространить школы въ Имперіи.

Синоду повторять почаше изданной не вдавнѣ манифестъ и, какія отъ каждого въ епархіи своей учрежденія сдѣланы будутъ, о томъ требовать письменные рапорты, тожъ почасту.

Сухопутную силу содержать на непремѣнномъ основаніи.

Истребовать рапорты о смотрахъ полковъ по послѣдней Инспекторской Инструкціи, и по онымъ учреждать, что нужнымъ усмотрѣно будетъ.

Истребовать обстоятельное описание о крѣпостяхъ въ Имперіи и въ силу онаго поправлять по-малу одну за другою.

Въ полкахъ положенные сроки завести и точно наблюдать оные.

Въ мирное время можно для сбереженія казны опущать по нѣсколько сроковъ въ разсужденіи нѣкоторыхъ аммуни-онныхъ вещей.

Въ Тулѣ вырабатывается до 50,000 новыхъ ружьевъ ежегодно. Заводъ сей содержать тщательно и арсеналы вездѣ снабдѣвать новыми ружьями.

Въ мирное время можно старыя ружья оставлять въ полкахъ для употребленія, а новыя хранить въ арсеналахъ.

Буде сіе съ точностію наблюдало быть имѣтъ, то со временемъ не трудно открыть новой съ иностранными государствами ружейной торгъ.

Относительно артиллеріи и свозки брошенныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россійской Имперіи пушекъ сдѣланы уже полезнѣйшія предписанія.

Потребно перелить всѣ негодныя для употребленія пушки ради нововведенныхъ нынѣ калибровъ.

Литейное дѣло возстановить.

Въ артиллеріи повелѣть безпрерывно работу производить надъ лафетами и иными военными припасами для запаса.

Истребовать свѣдѣнія о состояніи пороховыхъ заводовъ и содергать оные въ безпрерывномъ теченіи, для пополненія магазейновъ порохомъ.

Селитренные заводы въ государствѣ умножить, поелику въ слѣдующія времена можно селитру выпускать изъ государства съ великою пользою.

Препоручить сбереженіе пороха.

Учрежденные конскіе заводы немедленно возстановить, также въ драгунскихъ полкахъ.

О ландмилиціи въ Украинѣ и населеніи тамошнихъ мѣстъ.

О Закамской, Царицынской и Украинской линіяхъ и о встрѣчающихъ при томъ разсужденіяхъ.

О бывшихъ учрежденныхъ Комиссіяхъ относительно рекрутъ.

О сбереженіи солдатскихъ дѣтей какъ въ полевыхъ полкахъ, такъ и въ гарнизонахъ.

О недоборахъ по подушному сбору и о взысканіи ихъ.

При учиненномъ предложеніи о новой ревизіи, можно, позволивши, совершить оную разомъ чрезъ воеводъ.

О исполненіи по прежде изданнымъ учрежденіямъ касательно флота.

О распоряженіи въ силу оныхъ строенія кораблей въ Санктпетербургѣ.

О подкрѣплѣніи новозаведенного строенія кораблей въ Архангельскомъ городѣ.

Приложить всемѣрное стараніе къ постройкѣ докеновъ въ Кронштадтѣ.

Галерную гавань вывесть и разсмотрѣть, нельзя ли такую же гавань завесть въ Кронштадтѣ.

Построить въ Кронштадтѣ каменную гавань.

Крестьянъ, около моря живущихъ, избирать въ рекруты для морской службы.

Смотрѣть о сбереженіи матроскихъ и иныхъ ремесленныхъ людей дѣтей.

Установить осмотръ артиллеріи и ружьямъ во флотѣ и привести оное въ порядокъ.

Не можно ли молодымъ дворянамъ вступать въ службу во флоты Англійскіе и Французскіе?

Ободрить дворянъ, поелику никто неохотно служитъ во флотѣ.

Сберегать наитѣшательнѣйше лѣса, и особенно новоразведенныя на Волгѣ дубовые лѣса.

Привести въ устройство находящееся въ Астрахани Адмиралтейство и содержать тамъ нѣсколько употребительныхъ вооруженныхъ судовъ.

Флоту надлежить получать положенную сумму изъ Адмиралтейства, для отвращенія многихъ замѣшательствъ и непорядковъ.

О приписанныхъ подъ Адмиралтество Казанскихъ ясашпыхъ.

Весьма полезно быть имѣть истребовать обстоятельный вѣдомости обо всѣхъ къ публичнымъ работамъ и заводамъ деревняхъ съ истиннымъ показаніемъ состоянія ихъ какъ прежняго, такъ и нынѣшняго.

Работу производить, колику возможно, вольнонаемными плотниками.

Повелѣть со старыхъ кораблей канаты, желѣзо и другія части сохранять и употреблять на новые корабли, и потому сіи послѣдніе строить всѣ по утвержденной пропорції.

Фабрики при Адмиралтествѣ содержать тщательно.

Повелѣть на Липскихъ *) заводахъ отливать токмо ядра, гранаты и бомбы.

Какое во флотѣ сбереженіе сдѣлано быть можетъ?

*) Вѣроятно Липецкихъ.

Учредить штатъ для Морскаго Кадетскаго Корпуса, дабы онъ приносилъ пользу.

Потребно учредить гражданской штатъ, поколику отъ онаго зависитъ все внутреннее устройство Имперіи.

Какимъ образомъ утвердить онъ по множеству и различию встрѣчающихся въ каждомъ судебномъ мѣстѣ дѣлъ?

(Записка не окончена).

Изъ царствованія Петра Втораго.

ССОРА ДЮКА ДЕ ЛИРІЯ СЪ ГРАФОМЪ А. А. МАТВѢЕВЫМЪ.

I. Письмо Гишпанскаго посла дюка де Лирія къ графу Остерману.

Мнѣ надлежитъ упредить ваше превосходительство о происшедшемъ здѣсь въ Перовѣ дѣлѣ. Графъ Матвѣевъ обидѣлъ мой караулъ и меня самого, чему знакъ оставшійся у меня кортикъ безъ ноженъ, о чёмъ я ваше превосходительство завтѣрь уведомлю поутру, ежели вы позволите. Я имѣю честь быть

Перово, 10 Июня 1729.

Дюкъ де Лирія.

II. Донесеніе Кейта.

Репортъ о томъ, чтѣ генералъ-майоръ Яковъ Кейтъ помнить, чтѣ видѣлъ и слышалъ у Гишпанскаго посла дюка де Лирія въ 10 день Июня 1729 года, по повелѣнію, полученному имъ въ 13 день отъ его сіятельства князя Ивана Алексѣевича Долгорукова съ стороны Императора.

Будучи прошенъ къ тому дню на обѣдъ чрезъ его сіятельство дюка де Лирія, пріѣхалъ я о полудни въ Перово, куда скоро потомъ прибылъ и графъ Матвѣевъ, а послѣ обѣда, услыша ружейные выстрѣлы, вышелъ посмотретьъ, чтѣ такое было, и увидѣлъ, что караулъ выстрѣлилъ залпомъ, по приказу реченнаго дюка. Графъ же Матвѣевъ сказалъ, что караулъ худо выпалилъ. Тогда дюкъ де Лирія

сказалъ ему, чтобъ онъ имъ командовалъ; по чёмъ графъ Матвѣевъ, пришедши ко мнѣ, спросилъ меня, не хочу ли я приказать самъ, чтобъ палили; и какъ я ему въ томъ вовсе отказалъ, то приказалъ онъ выстрѣлить. А потомъ, какъ дюкъ де Лирія и онъ солдатамъ дали нѣсколько денегъ на вино, возвратился я въ покой, гдѣ немногого спустя генераль-поручикъ Дугласъ меня кликнулъ и сказалъ, чтобъ я вошелъ въ одну комнату, въ которой, какъ онъ мнѣ сказывалъ, дюкъ де Лирія и графъ Матвѣевъ были, и что-де повидимому они вздорятъ. Я, вошедши, услышалъ, что дюкъ де Лирія ему говоритъ: „Мой господинъ! Вы обидѣли мой караулъ, и по справедливости надлежитъ вамъ дать мнѣ сatisфакцію“. На что графъ Матвѣевъ отвѣчалъ, что дюкъ ему далъ позволеніе командовать его карауломъ, и что онъ иного не сдѣлалъ, какъ только наказалъ солдата, которой безчинствовалъ. И въ самое то время, когда я хотѣлъ выдти, чтобъ кликнуть графа Дугласа, то и графъ Матвѣевъ вышелъ, и хотѣлъ сѣсть въ карету иѣхать; токмо дюкъ де Лирія остановилъ его за руку, сказавъ ему, что онъ его прежде не отпустить, пока не дастъ ему сatisфакціи. Нѣсколько времени потомъ графъ Матвѣевъ сказалъ мнѣ, что дюкъ де Лирія его арестовалъ. На что я дюку представилъ, что онъ права не имѣть оное чинить, и просилъ его, дюка, чтобъ его отпустилъ, на что дюкъ де Лирія и согласился. И видя, что начало уже становиться поздно, а графъ Матвѣевъ никакого резона не принималъ, и меня уже надлежаще почитать не сталъ, то я и побѣжалъ.

И сіе все, о чёмъ я помню, что видѣлъ или слышалъ при семъ случаѣ, а достальное, о чёмъ дюкъ жалуется, происходило послѣ моего отѣзда.

Жамесъ Нейтъ.

III. Промеморія.

Какъ дюкъ де Лирія трактовалъ третьяго дни, то есть 10 (21) сего мѣсяца, въ загородномъ своемъ домѣ, всѣхъ находящихся въ Москвѣ Агличанъ, Шотланцовъ и Ирлянцовъ, партіи претендентової, котораго былъ тогда день рожденія, то господинъ графъ Матвѣевъ туда же нечаянно пріѣхалъ и, по приглашенію дюка, склонился при банкетѣ оставаться. Когда вино компанію развеселило, то дюкъ приказалъ офицеру своего караула, чтобы солдаты палили при питьѣ здоровьевъ, и велѣлъ дать имъ денегъ, чтобы и они для такого празднества повеселились. А между тѣмъ графъ Матвѣевъ вышелъ вонъ, и одинъ караульной солдатъ поклонился ему не довольно низко, какъ ему показалось, за что онъ его своимъ кортикомъ билъ.

Офицеръ пожаловался о томъ дюку, и тѣмъ помѣшалось веселье званыхъ гостей. Но, не допущая до прямаго дѣла, отъ котораго бы слѣдствія произойти могли, реченої дюкъ хотѣлъ оное утешить, уговаривая графа, чтобы компаніи объявилъ, что онъ сожалѣетъ о томъ, что случилось отъ побой солдату его, дюкова, караула и что онъ надѣется, что его, происшедшую отъ вина, запальчивость извинятъ. А какъ ни умѣренность, ни представленія его, дюка, поманутаго графа ни къ чему склонить не могли, но еще больше разсердился; тогда вышли изъ покоевъ гулять въ рощу, куда Матвѣевъ прежде не пришелъ, пока не взялъ у своего лакея кортика, которой онъ бросилъ на землю въ присутствіи дюка, вызывалъ его съ собою биться, и скинулъ съ себя платье, чтобы ему въ томъ свободнѣе было. Дюкъ за сie не разсердился, но паче старался его успокоить, обнадеживая его, что онъ его другъ, а не такой непріятель, чтобы съ нимъ драться, и что есть другія средства,

гораздо пристойнѣе, для пресѣченія ихъ ссоры. Послѣ чего донъ Ласкосъ прибралъ тотъ кортикъ, а графъ хотѣлъ онай силою назадъ отнять; токмо донъ Ласкосъ отдать его не хотѣлъ. Тогда графъ старался ухватить шпагу дона Жюана, которой, державъ ее крѣпко, поранилъ у себя палецъ.

За сie графъ такъ разсердился, что хотѣлъ напослѣдокъ драться съ симъ новымъ соперникомъ, которой отъ того уклонился, а онъ, графъ, вмѣсто того, подрался съ маркиемъ де Кастело, которая драка долго продолжалась и, по-ка графа люди его напослѣдокъ отъ того не отвели.

Изъ сего краткаго и основательнаго объявленія происходятъ три подлинные пункта:

1-е. Что графъ Матвѣевъ, напившиесь при столѣ пьянъ, былъ солдата находящагося въ дюковомъ домѣ караула и нарушилъ безопасность дома его сіятельства.

2-е. Что онъ персону дюка весьма обидѣлъ вызываніемъ его съ собою биться.

3-е. Что, при бывшемъ банкетѣ, караульной офицеръ не зналъ своей должности, позволяющей своей командѣ палить; ибо караулъ только опредѣленъ для безопасности персоны и дома публичнаго ministра, а не для другаго употребленія.

Въ разсужденіи первого и втораго пункта, что графъ Матвѣевъ на такія наглости, позабывъ себя, поступилъ, онъ весьма виноватъ былъ бы, ежели бъ вино нѣкоторымъ образомъ его не оправдало. Но въ примѣръ другимъ надлежало бъ для виду съ нимъ строго поступить, а между тѣмъ искусствомъ образомъ заслать дюка, чтобы онъ за него у Его Императорскаго Величества заступилъ, которой покажетъ въ томъ великодушіе и милость.

Чтѣ принадлежитъ до употребленія и службы даваемаго иностраннымъ министрамъ караула, то надлежало бъ постановить кондиціи, съ повелѣніемъ командующимъ онимъ офицерамъ, чтобы они ихъ точно наблюдали.

Изъ времени правительницы Анны Леопольдовны.

Проектъ графа А. А. Остермана о приведеніи въ благосостояніе Россіи

(Съ копіи съ Нѣмецкаго подлинника, писанаго графомъ Остерманомъ собственноручно) 1741 года.

Сколько Вашего Императорскаго Высочества всемилостию въ йшему намѣренію было бы противно, столько притомъ и для меня невозможно описать въполномъ совершенствѣ отменно великия качества и добродѣтели, которыми съ волею Божией высочайшая и дражайшая особа ваша толь богато украшена; но въ сходствѣ всемилостивѣйшаго позволенія вашего не преминулъ я коснуться токмо до трехъ изъ оныхъ, поелику сіи главнѣйше припадлежатъ къ трактуемой нынѣ мною матеріи.

Первое качество есть извѣстный, обитающій въ сердцѣ Вашего Высочества, страхъ Божій.

Страхъ Божій содѣляетъ Ваше Высочество на вѣкъ благополучными. Чрезъ оный укрѣпляется паче и паче довѣріе, возложенное отъ всего народа на особу Вашего Высочества; поелику весь народъ вѣдаетъ, и точно потому почитаетъ себя счастливымъ, что имѣеть Правительницу богобоязненную.

Второе качество есть врожденное Вашего Императорскаго Высочества милосердіе и снисходительство, которымъ вы ко всѣмъ изъявлять благоизволите. Такимъ снисходительствомъ и милосердіемъ вы сопрягаете навсегда преданностю

къ вамъ сердца и умы всея націи, и слава ваша имѣеть пребывать въ незабвенності у позднѣйшихъ потомковъ. Извѣстно каждому, коль преизящное дѣйствіе производить въ сердцахъ подданныхъ, когда они увѣрены, что имѣютъ Правительницу, внимашую имъ съ милосердіемъ и снисходительствомъ и дарующую всѣмъ имъ высокоматернее утѣшеніе.

Третье качество есть извѣстная Вашего Императорскаго Высочества любовь къ правосудію. Точно посему Господь безпрестанно съ вами обращаться будетъ, поелику Онъ обитаетъ съ тѣми, кои соблюдаютъ правосудіе; злоба чрезъ сіе испровергнется, всякъ сохранится въ достодолжномъ повиновеніи, и въ сердцахъ всѣхъ честныхъ подданныхъ, Господа боящихся и желающихъ быть христіанами, воспламенится толикой пламень любви и радостнаго восторга къ Вашему Императорскому Высочеству, что во вѣкъ угаснуть и померкнуть опой не можетъ.

Колико тысячъ теплѣйшихъ молитвъ каждодневно возсылаемы будутъ ко Всевышнему Творцу о благоденствіи Вашего Высочества по той причинѣ, что подъ вашимъ досто-славнымъ правленіемъ всякъ, знатный и низкій, богатый и убогій, безъ различія и безъуваженія особы снискиваютъ правосудіе и расправу!

Автобіографическая записка Бирона.

Когда въ 1730-мъ году Португальскій принцъ Эмануилъ пріѣзжалъ въ Москву, съ намѣренiemъ узнать подъ рукою, не рѣшится ли въ Бозѣ опочивающая императрица Анна вступить въ супружество, но былъ отъ сего отведенъ до формального еще его о томъ отзыва и, перемѣня свои мысли, пожелалъ было совокупиться бракомъ съ принцессою Мекленбургскою, которой равнымъ образомъ былъ ему отсовѣтованъ: тогда проиществіе сie подало поводъ тогдашнему вице-канцлеру графу Остерману и оберъ-шталмейстеру Левенвольду многократно говорить Ея Императорскому Величеству о наслѣдствѣ, а именно о необходимости принять по сему свои мѣры. Наконецъ блаженные памяти Императрица повелѣла имъ, снесясь между собою, свое мнѣніе представить Ея Величеству, что и учинили они нѣсколько дней спустя, и состояло оно въ слѣдующемъ:

1-е, что когда Ея Императорское Величество не изволитъ рѣшиться сама въ бракъ вступить, то надлежитъ принцессу Анну выдать за иностранного принца;

2-е, чтобы изъ происходящихъ отъ нея принцовъ избрать Ея Величеству къ наслѣдству того, кого заслугоразсудить, не взирая на перворожденіе;

3-е, чтобы указать по всей Имперіи учинить присягу въ томъ, чтобъ будущимъ наслѣдникомъ быть тому, кого Ея Императорское Величество избрать изволить;

4-е, польза изъ того будетъ та, что какъ въ государствѣ, такъ и внѣ онаго истребятся всѣ бесполезные замыслы, увидя, что уже и о будущемъ помышляется;

5-е, что самую принцессу нельзя, кажется, назначить по слѣдующимъ причинамъ: 1) что уповать можно имѣть паки на престолъ мужеское поколѣніе; 2) что при нареченіи принцессы опасаться должно, чтобы не пришло ей на мысль, что престолъ принадлежитъ ей, яко отъ старшей сестры рожденной; 3) опасаться же еще надлежитъ, чтобы восходящее солнце не было предпочтено заходящему; 4) что всему свѣту извѣстно, какого она беспокойнаго отца имѣетъ, который не преминулъ-бы внушать ей всякия мысли, а сіе послужило бы единственно къ опечаленію Ея Императорскаго Величества; 5) что извѣстно, что императоръ Римскій подобное о наслѣдствѣ своемъ сдѣлалъ распоряженіе; 6) по что полезно принцессѣ принять Греческое исповѣданіе; 7) что когда сіи мнѣнія Ея Императорскимъ Величествомъ за благо приняты будутъ, тогда безъ потерянія времени надлежитъ послать довѣренную особу къ нѣкоторымъ дворамъ для пріисканія такого принца.

Когда же таковыя мнѣнія представлены были Ея Императорскому Величеству въ 1730-мъ году, то она, не показывая къ тому великой склонности, такъ оставить изволила; и когда ей вышепомянутыми особами о томъ напоминаемо было, отвѣтъ ея всегда былъ такой: что еще будетъ времени, что принцесса молода еще, чтобы замужъ выйти. Хотя же Ея Императорское Величество ничего о семъ не объявила сестрѣ своей герцогинѣ Мекленбургской, но примѣтно было, что она совершенно была извѣстна; ибо часто со слезами просила Ея Императорское Величество, чтобы принцессу къ себѣ взять, пещися о ея воспитаніи и наставить въ Греческомъ исповѣданіи. Тоже самое говорилъ и тогдашній отецъ духовной архимандритъ Троицкой. А

какъ Ея Величество нынѣшняя Императрица^{*)} мало была уважаема покойною Императрицею, то умершая герцогиня Мекленбургская обыкновенно въ дѣлахъ своихъ употребляла его, духовника. Правда, и удались всѣ устроенные пружины къ обнесенію ея; но главное дѣло оставалось все безъ успѣха, доколѣ, по многократномъ присовѣтованіи графовъ Остремана и Левенвольда, не учредила Ея Императорское Величество Кабинета, и не назначила тайными кабинетъ-министрами великаго канцлера графа Головкина, Остремана и князя Черкасскаго. Тутъ достигъ графъ Остреманъ и своего предмета, но наследственное дѣло не шло по его желанію. И такъ прильпился онъ къ архіепископу Новгородскому Прокоповичу, который въ великомъ почтеніи былъ у Императрицы. Сей-же дѣло представилъ тоже какъ весьма нужное, и представленія его были уважены, и по прошествіи двухъ или трехъ дней, когда Кабинетъ засѣдать началъ, сочинено было тайно клятвенное о будущемъ наследствѣ обѣщаніе, которое Ея Императорскимъ Величествомъ и подписано. Типографія взята была въ домъ архіепископа, и запертые въ ономъ типографщики напечатали нѣсколько тысяч экземпляровъ. Потомъ всѣ главные чины, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, были однимъ утромъ во дворецъ созваны, и когда великое ихъ множество собралось, то Ея Императорское Величество вышедъ изволила имъ сказать: что она за нужно почитаетъ велѣть имъ всѣмъ учинить присягу, равно какъ всему своему государству, чтобы они въ большомъ соборѣ и надлежащимъ образомъ се учили и подписали, что немедленно ими всѣми было учинено, продолжалось и на другой день.

Когда все сие къ концу приведено было, то графъ Остреманъ неизреченно похвалялъ за сие дѣло Ея Импе-

^{*)} Т. е. Елизавета Петровна.

раторское Величество. Потомъ графъ Левенвольдъ безпрестанно трудился о посылкѣ нѣкоторой особы въ Германію для пріисканія принца, и поелику архіепископъ Новогородскій въ первомъ успѣлъ, то употребили они его и въ семъ дѣлѣ. Онъ же представилъ столь живо Ея Императорскому Величеству, что оное весьма нужно, а наипаче послѣ учненаго клятвенного обѣщанія и зависитъ единственно отъ нея. Онъ и тутъ получилъ желанный успѣхъ. Вслѣдствіе чего оберъ-маршалъ посланъ былъ къ графу Остерману, чтобы узнать его мнѣнія объ особѣ, которую надлежитъ послать и получилъ въ отвѣтъ, чтобъ поручено было оберъ-шталмейстеру Левенвольду, который тогда не имѣлъ еще сего чина, а былъ только генералъ-адъютантъ; а ежели ему нельзя, то брату Мекленбургскому Остерману. Но Ея Императорское Величество изволила назначить въ сю посыпку Левенвольда и указала ему къ отѣзду приготовляться. Потомъ повелѣно ему было обозрѣть Германскіе дворы, впрочемъ не вызываться, а учинить донесеніе свое и мнѣніе подать самолично. Но едва выѣхалъ Левенвольдъ изъ Москвы, какъ уже примѣтно стало, что иностранные министры о томъ извѣстны. Левенвольдъѣздилъ и въ Вѣну, но съ чѣмъ, того я не могу припомнить. По возвращеніи своемъ онъ изустно донесъ и мнѣніе свое представилъ о всѣхъ иностранныхъ принцахъ, которыхъ онъ видѣлъ. Между прочими были двое, маркграфъ Карлъ и принцъ Антонъ Ульрихъ Бевернскій. Графъ Остерманъ былъ склоненъ Прускому принцу, а Левенвольдъ Бевернскому. Наконецъ рѣшилась Ея Императорское Величество принца Антона Ульриха опредѣлить кирасирскаго полка полковникомъ съ пенсіею. Графу Левенвольду велѣно было отписать о семъ къ родителямъ его, кои немедленно принца сына ихъ и послали. Но когда онъ ко двору явился, то не понравился онъ нимало Ея Величеству, и Государыня недовольна была

Левенвольдовымъ выборомъ. Но поелику его выписали, то не только данъ былъ ему полкъ, имѣлъ еще и отъ двора содержаніе, да нѣсколько тысячъ рублей пенсіи. Онъ ежедневно пріѣзжалъ ко двору, и сіе продолжалось нѣсколько лѣтъ. Ея Императорское Величество оставалась въ нерѣшиности, тѣмъ болѣе что Ея Высочество его совсѣмъ терпѣть не могла. Между тѣмъ графъ Левенвольдъ умеръ, и Остерманъ по причинѣ болѣзни не выѣзжалъ. Тогда казалось, что Ея Императорское Величество мало помышляла о семъ дѣлѣ и даже не любила, чтобы о томъ говорили; напротивъ того, Вѣнскій дворъ употреблялъ всѣ способы привести сіе дѣло къ концу, и блаженная памяти императоръ просилъ меня часто чрезъ своего ministра графа Остейна и резидента Гогенгольцера, чтобы я поспѣшествовала въ семъ дѣлѣ, съ тѣмъ, что его императорское величество, въ изъявленіе своего ко мнѣ почитанія, хочетъ отдать за моего наслѣднаго принца одну изъ Вольфенбютельскихъ принцессъ, съ приданымъ изъ своей казны, во стѣ тысячаахъ рейхсталеровъ состоящимъ. Но я поблагодарила за сію милость и отговорился отъ сего молодостію сына моего, чѣмъ подалъ я поводъ о себѣ думать, яко бы я желалъ принцессу Анну бракосочетать съ сыномъ моимъ, чтѣ мнѣ по всю мою жизнь на умъ не приходило. Когда же покойная Императрица, по моему мнѣнію, чувствовала умно-жающуюся свою немощь, то говорила она пѣкогда, что теперь никто не помышляетъ болѣе о томъ, чтобы я выдала принцессу, а теперь уже время; ибо начинаетъ она дородничать. Правда-де, что сей принцъ ни мнѣ, ни ей не нравится; но большія особы не всегда по склонности въ бракъ вступаютъ. Онъ правленіемъ государства заниматься не будетъ, слѣдственно-де все равно, за кого бы я ее ни выдала; имѣть бы мнѣ только отъ него наследниковъ; а притомъ сіе можетъ и императора озлобить, естьли я его

ни съ чѣмъ отпущу; онъ-де человѣкъ тихой; я пошлю спросить графа Остермана, чтѣ и было сдѣлано. Но я теперь не знаю, кого Ея Императорское Величество послала.

Остерманово мнѣніе было таково, что сіе—весьма полезное дѣло, и что Ея Императорское Величество весьма обрадуетъ императора въ теперешней его печали. Послѣ сего немедленно учинены были приготовленія къ бракосочетанію, которое, какъ извѣстно, и совершилось. Но когда принцесса родила принца, то Ея Величество покойная Императрица посыпала къ графу Остерману спросить о его мнѣніи: гдѣ въ церквяхъ на проскомидіи помѣстить новорожденнаго принца и какую титулатуру употреблять. Его совѣтъ былъ, чтобы его тотчасъ наречь Великимъ Княземъ и поминать безпосредственно по Ея Императорскому Величеству. Первое не было принято за благо, а послѣднее указано. По крещеніи же, Ея Императорское Величество взяла его къ себѣ. Правда, что Ея Императорское Величество изволила лѣчиться все время своего въ Петергофѣ пребыванія; но находилась тамъ въ лучшемъ состояніи. По прибытии же въ Санктпетербургъ, жаловалась безпрестанно на бессонницу; но врачи всемного сіе уважали. Наконецъ, въ Воскресеніе Ея Императорское Величество за столомъ упала въ обморокъ, съ сильною рвотою, и принуждена была лечь въ постель. Врачи тотчасъ были собраны, и архіятель Фишеръ сказалъ мнѣ, что Ея Императорскому Величеству случился тяжкой припадокъ, и что ежели болѣзнь усилится, то опасаться надлежитъ скорой кончины. Напротивъ того, придворный докторъ Саншесь сказывалъ, что сія болѣзнь не опасна. Ея Императорское Величество хотѣла заснуть и для того пустила меня изъ своей почивальни, а я послалъ моего старшаго принца къ принцессѣ Аниѣ, которая также недомогала и приказалъ ей сіе сказать; но она его не хо-

тѣла слышать, какъ онъ къ ней пришелъ, и сказала, что-бы онъ фрелинъ Менгденъ сказалъ, если онъ что сказать имѣеть, чтд онъ и учинилъ. Я же немедленно послалъ къ себѣ просить князя Черкасскаго съ господиномъ кабинетъ-министромъ Бестужевымъ и фельдмаршаломъ Минихомъ.

Какъ скоро они прибыли, представилъ я имъ обоихъ врачей, съ коими они говорили и которые имъ объявили, что болѣзнь Ея Императорскаго Величества опасна. Между тѣмъ меня позвали къ Ея Императорскому Величеству, и она изволила мнѣ слѣдующія слова сказать: „Я больна, я опасаюсь, чтобъ моя кончина не приблизилась; я готова повиноваться власти Господней; но что будетъ съ моимъ государствомъ, и не подвергнется ли оно величайшимъ замѣшательствамъ? Исчезнетъ по смерти моей слава моя, что оставила бжое въ такомъ состояніи“. Я старался Ея Императорское Величество утѣшить, говоря, что Богъ можетъ еще явить надъ нею милосердіе Свое, чтобъ она не столько тѣмъ беспокоилась; ибо чрезъ то увеличиваетъ только болѣзнь свою, что и безъ того все по предопредѣленію Божію. Нѣсколько спустя продолжала она, чтобъ я, будто отъ себя, послалъ къ принцессѣ дать ей знать, что Ея Императорское Величество трудна. Еще спрашивала, собрались ли министры и что они дѣлаютъ, и чтобъ я примѣчалъ, что они говорить станутъ. Я послалъ въ другой разъ къ принцессѣ и получилъ въ отвѣтъ отъ фрелины Менгденъ, что принцесса сама неможетъ. Министры были при дворѣ, для того что было собраніе и уже съѣзжаться начали. Потомъ спросила у меня Ея Императорское Величество, тутъ ли министры? Я отвѣтствовалъ, что я имъ объявилъ о опасности, въ которой Ея Императорское Величество находится, и что они весьма опечалены, а что принцесса сама неможетъ. Послѣ сего Ея Императорское Величество повелѣла мнѣ послать графа Левенвольда къ графу Остер-

ману и у него спросить, что надлежитъ дѣлать. Его отвѣтъ былъ: что прежде всего нужно помышлять о наслѣдствѣ, установя оное, и что онъ уповаєтъ, что Ея Императорское Величество останется при своемъ намѣреніи, а именно: касательно новорожденнаго принца, что въ томъ случаѣ потребно поступать по примѣру Петра Великаго, когда онъ опредѣлялъ къ наслѣдству юнаго принца Петра Петровича. Сей отвѣтъ привезъ графъ Левенвольдъ. А Ея Императорское Величество тотчасъ повелѣла двумъ кабинетъ-министрамъ ѿхать къ Остерману и имъ заготовить все къ тому потребное. А мнѣ сказала: „Я хочу сдѣлать свое, а впрочемъ буди воля Господня. Я напередъ знаю, что оставляю отрока въ плачевыхъ обстоятельствахъ. Самъ онъ себѣ пособить не можетъ, а отецъ и мать его не могутъ оного учинить: ибо отецъ не получилъ отъ Бога потребнаго къ тому, не имѣеть довольноаго знанія; а мать хотя не имѣеть недостатка въ разумѣ, но нелюбима въ народѣ; притомъ же отецъ ся живъ, который здѣсь столь извѣстенъ, что его почитаютъ за мучителя и который, немедленно сюда пріѣхавъ, сталъ-бы и здѣсь также поступать, какъ въ Мекленбургѣ, государство мое вмѣшалъ-бы въ войну, и разорилъ-бы оное. Истинно должна я опасаться, что и по смерти моей на меня пегодовать станутъ“. Я увѣщевалъ Ея Императорское Величество, говоря, чтобы она не отчаивалась; что Богъ ей поможетъ, и вышелъ вонъ къ министрамъ и пересказалъ имъ все, что Ея Императорское Величество повелѣть изволила и что она при томъ говорила.

Фельдмаршаль Минихъ началъ говорить, что во первыхъ герцогъ Мекленбургскій сдѣлается генералиссимусомъ, а потомъ заведеть много бѣдствій и станетъ мстить какъ Римскому императору, такъ и Гановерскому дому, о чёмъ они долго между собою говорили. А меня Ея Императорское Величество опять призвать приказала. Къ вечеру, какъ я от-

туда вышелъ, нашелъ я много людей въ моей комнатѣ. Фельдмаршалъ Минихъ сказалъ мнѣ, что собирались туда нѣсколько патріотовъ, которые, по совѣсти и по лучшему ихъ знанію, размышляли, чтобы было полезнѣе для государства, если-бы Богъ опредѣлилъ отозвать Ея Императорскoe Величество отъ сего міра, кому править государствомъ во время малолѣтія юнаго принца; что по довольною разсужденіи не нашли никого, кто-бы, человѣчески судя, удобнѣе былъ для государства какъ я; и то по тѣмъ главнымъ причинамъ: что я знаю положеніе государства, каждую особу; что они со мною свычны; что иностранныя, до государства относящіяся, дѣла мнѣ извѣстны. И употребляли еще другія слова, до моей особы касающіяся. Удивило меня сперва такое предложеніе; но потомъ я одумавшись учинилъ ему взаимное слѣдующее привѣтствіе: что если-бы пе зналъ я напередъ, что они всѣ мнѣ друзья, то-бъ увѣрился о семъ теперь; но что я думаю, что они меня столько любятъ, что не потребуютъ отъ меня того, чего я управлять не въ состояніи: ибо мое слабое здравіе и случавшіеся мнѣ доселѣ припадки и заботы довели меня до того, что для меня ничего теперь лучше быть не можетъ какъ совершенное освобожденіе отъ всѣхъ большихъ дѣлъ и препровожденіе оставшихъ дней моей жизни въ тишинѣ и покой, и что какъ скоро Ея Императорское Величество по волѣ Божіей отъидетъ изъ сего свѣта, то я, бывъ отъ всего свободенъ, уповаю и прошу ихъ, чтобъ они по достоинству моему обходились со мною, яко съ иностранцомъ, но притомъ всегда какъ съ дражайшимъ ихъ другомъ. Я благодарили ихъ за великую ихъ довѣренность; но что я сего принять не могу. Фельдмаршаль началъ опять говорить и въ присутствіи ихъ всѣхъ сказалъ мнѣ, что не человѣкъ меня о томъ просить, по великая Имперія и чтобъ я сіе уважилъ; а притомъ вспомнилъ-бы и тѣ великія и многочисленныя ми-

лости, кои Ея Императорское Величество поднесъ мнѣ оказать изволила, и что сіе—худое за онъя признаніе. Я отвѣтствовалъ, что благодарность моего сердца прекратится только мою жизнью, но что мнѣ надлежитъ себя самого лучшее знатъ. Нашъ разговоръ былъ пересъченъ позваніемъ меня къ Ея Императорскому Величеству.

Все сіе происходило въ Воскресенье, когда Ея Императорское Величество принуждена была лечь въ постелю. Какъ я пришелъ къ Ея Императорскому Величеству, то спросила она меня, кто у меня былъ? А я на сіе сказалъ, что были у меня фельдмаршалъ Минихъ, министры Черкасской и Бестужевъ, генералъ Ушаковъ, оберъ-шталмейстеръ Куракинъ, князь Трубецкой, адмиралъ Головинъ, оберъ-маршалъ Чевенвольде, господинъ Фонъ-Бревернъ и многіе другіе.. Потомъ весь день я не выходилъ въ свою переднюю горницу, а былъ принужденъ, по повелѣнію Ея Императорскаго Величества, на куртагъ пойти, гдѣ я и недолго пробывъ, остался до полуночи у Ея Императорскаго Величества.

Въ Понедѣльникъ поутру фельдмаршалъ Минихъ, оба кабинетъ-министры и другія знатныя особы собрались въ одну комнату и хотѣли со мною говорить. Когда я былъ вызванъ изъ покоя Ея Императорскаго Величества и къ нему вышелъ, требовали они, чтобы доложилъ я объ нихъ Ея Императорскому Величеству, что я и учинилъ. Ихъ немедленно допустили. По сожалѣніи ими изъявленномъ о болѣзни Ея Императорскаго Величества представили они клятвенное обѣщаніе касательно до Великаго Князя, которое они ночью у графа Остермана сочинили. По прочтеніи онаго, Ея Императорское Величество, подписавъ опое, ихъ и отпустить изволила. Но фельдмаршалъ Минихъ, который былъ изъ послѣднихъ, началъ Ея Императорскому Величеству говорить и благодарилъ ее за подписаніе; но что они

всѣ просятъ Ея Императорское Величество о назначеніи меня правителемъ. Ея Императорское Величество ему ничего не сказала; но какъ я пошелъ, то засталъ я ее въ печали и въ уныніи. Но ободрясь она тотчасъ сказала: „Я подписала клятвенное обѣщаніе трепещущую рукою, чего никогда да и въ то время со мною не случилось, какъ подписывала я объявление войны Туркамъ“. Чомолчавъ нѣсколько, спросила она у меня, какъ долго я ей служу? На сie отвѣтствовалъ я, что 22 года. Мое памѣреніе было пресѣчено, и Ея Императорское Величество изволила мнѣ сказать: „Я пе довольно наградила вѣрную вашу службу; по вѣрьте, что Богъ воздастъ вамъ за опую. Фельдмаршалъ Минихъ сказалъ мнѣ нѣчто, о чёмъ я сю почь размыслила“ Но я о томъ не навѣдывался, бывъ уже извѣстенъ.

По прошествіи одного или двухъ дней, много знатныхъ особъ собралось въ почиvalьни Ея Императорскаго Величества, между коими былъ и графъ Остерманъ, который, при выходѣ моемъ изъ комнаты, въ которой Ея Императорское Величество лежала, говорилъ мнѣ слѣдующее: что они всѣ собрались просить меня именемъ всего государства, чтобы я не отказалъ имъ въ просьбѣ ихъ, что пе исчетное множество меня за то благословять и за меня Бога молить будутъ. А я спросилъ, о чёмъ дѣло идетъ? Тогда открылись они, чтобы я принялъ на себя правленіе. Я всячески противился, но они на свое мѣсто настояли и говорили: „Мы хотимъ, яко честные люди, вамъ помочь песть ваше бремя“. Просили, чтобы я выслушалъ что они о семъ Ея Императорскому Величеству представить памѣрены, и немедленно прочли мнѣ оное. И поелику я пе могъ надежнымъ и приличнымъ образомъ отбиться, то просилъ я прибавить сie: что ежели мнѣ по причинѣ слабости здоровья моего или по инымъ обстоятельствамъ, госу-

дарствомъ править не можно будетъ, то-бъ дозволено мнѣ было сложить правленіе, что, какъ извѣстно, и было внесено. Графъ Остерманъ велѣлъ потомъ себя внести къ Ея Императорскому Величеству, которая его нѣсколько лѣтъ не видала и, поговоривъ наединѣ съ Ея Императорскимъ Величествомъ и оставивъ тамъ бумаги, велѣлъ онъ себя опять вынести. При входѣ моемъ къ Ея Императорскому Величеству, хотѣла она ту бумагу подписать; но я просилъ Ея Императорское Величество, чтобы она сего не чинила, ибо я того принять не могу и ежели Ея Императорскому Величеству угодно малая мои услуги наградить, то можетъ сіе исполнено быть тѣмъ, если Ея Величество не подпишетъ рѣчепной бумаги, чтѣ она и не изволила сдѣлать, а положила ее къ себѣ подъ изголовье. Какъ я вышелъ изъ комнаты Ея Императорского Величества, то всякий желалъ знать, подписано ли. А я всѣмъ отвѣтствовалъ, что нѣтъ. И хотя Ея Императорское Величество каждый день хотѣла подписать, однако-же я все ее отклонялъ, хотя безпрестанно былъ прошенъ о принятіи на себя. Наконецъ, когда главные чины государства провѣдали, что уже и нѣсколько дней прошло безъ подписанія, то единогласно и въ такомъ случаѣ условились, когда-бъ Ея Императорское Величество и не подпишетъ и скончалась-бы, не учинивъ распоряженія, опредѣлить меня своимъ правителемъ. Чтобы сіе тѣмъ вящше утвердить, созваны были всѣ знатныя даже до гвардіи капитанъ-поручиковъ. И тогда первыишихъ чиновъ особы, духовныя и свѣтскія, числомъ 190, безъ вѣдома моего, соединились для того въ кабинетѣ, о чемъ свѣдалъ я не прежде какъ 24 часа спустя, а когда сказали мнѣ о томъ и нѣкоторые изъ знатныхъ господъ,— дивился, какъ можно было къ сему предпріятію приступить, не сказавъ мнѣ ни слова. Но они остались непоколебимы въ рѣшеніи своемъ. Не довольствуясь симъ, нѣкоторыя изъ

первыхъ особъ, безъ моего-же вѣдома, положили сочинить прошеніе на имя Ея Императорскаго Величества, коимъ просили, чтобы Ея Императорское Величество оказала милость своему государству, назнача меня правителемъ во время малолѣтняго принца. Сие прошеніе поднесено было Ея Императорскому Величеству. Подписавшіяся особы были слѣдующія: 1) фельдмаршалъ графъ Минихъ, 2) фельдмаршалъ Трубецкой, 3) графъ Остерманъ, 4) кабинетъ-министръ Черкасскій, 5) генералъ-фельдцейхмейстеръ принцъ Гесенъ-Гомбургской, 6) генералъ-аншефъ Чернышевъ, 7) генералъ Ушаковъ, 8) оберъ-маршалъ графъ Левенвольдъ, 9) адмиралъ Головинъ, 10) дѣйствительный тайный совѣтникъ Головкинъ, 11) оберъ-шталмейстеръ Куракинъ, 12) дѣйствительный тайный совѣтникъ и оберъ-прокуроръ Трубецкой, 13) дѣйствительный тайный совѣтникъ и кабинетъ-министръ Бестужевъ.

Когда Ея Императорское Величество изволила прочесть прошеніе, то послала по утру за графомъ Остерманомъ. Въ 9 часовъ его еще не было, и такъ ея Императорское Величество повелѣла вторично за нимъ послать, и наконецъ онъ прибылъ. Она велѣла его къ себѣ допустить и потребовала чернильницу и перо и вынула бумагу изъ подъ изголовья. Въ самое то время вошелъ я въ комнату. Слова ея были слѣдующія: „Я подписываю сюю бумагу, а ты, графъ Остерманъ, всѣмъ скажи, чтобы они были спокойны, что я ихъ не оставила безъ призрѣнія“ и, проговоря, взяла перо и подписала. Потомъ графъ Остерманъ у ея кровати, сдѣлавъ кувертъ, запечаталъ, а Ея Императорское Величество взяла ту бумагу и отдала подполковнице Юшковой съ тѣмъ, чтобы положить оную къ брильянтамъ ея. Послѣ сего она долго еще говорила съ графомъ Остерманомъ и когда его вынесли, указала призвать графа Ушакова и спрашивала его о разныхъ вещахъ и сказала ему:

„Я въасъ призрѣла; вы будете довольны, и скажи сіе всѣмъ тѣмъ, съ которыми ты говорить будешь“

Во время болѣзни Ея Императорскаго Величества ежедневно были дамы и кавалеры около ея постели и по нѣсколько часовъ. На первыхъ дняхъ принцесса Анна не была у Ея Императорскаго Величества за болѣзнию, почему Ея Императорское Величество часто спрашивала врачей о ея болѣзни, кои ону считали неопасною. Но одинъ разъ нечаянно прислала принцесса подполковницу Юшкову и велѣла Ея Императорскому Величеству сказать, что она весьма слаба и что ей надлежитъ причаститься святыхъ тайнъ. Госпожа сія порученное ей не съ надлежащею осторожностью исправила, такъ что Ея Императорское Величество испугалась. День спустя, приказала она Ея Величеству сказать, что хочетъ собороваться. Ея Императорское Величество съ сердцемъ говорила докторамъ, которые отвѣтствовали, что принцесса не въ опасности, что они ей тоже сказывали, но что она о томъ слышать не хочетъ. Послѣ сей великой опасности принцесса черезъ два дня появилась внезапно въ почивальни Ея Императорскаго Величества, которая весьма негодовала за то на принцессу. Потомъ приходила она каждый день къ Ея Императорскому Величеству въ почивальню и когда она тутъ находилась, то уходилъ я купно со всѣми, въ комнатѣ случившимися, чтобы ей дать случай, буде она что говорить имѣла. Сіе примѣтѣ, покойная Императрица гнѣвалась, что мы всѣ выходили и говорила о принцессѣ въ такихъ выраженіяхъ, о которыхъ я умолчу. Она въ памяти была до послѣдняго часа своей жизни и жаловала къ рукѣ всѣхъ присутствующихъ, коихъ много тутъ было, называя каждого по имени, велѣла себя соборовать и отошла спокойно.

Какъ скоро сіе воспослѣдовало, приказалъ я запечатать брильянты Ея Императорскаго Величества, чтò было учи-

нено. Я сидѣлъ въ передней; ко мнѣ пришли главнѣйшія особы и павѣдывались, гдѣ завѣщаніе Ея Императорскаго Величества. Я отвѣтствовалъ, чтобы они спросили о томъ у подполковницы, которая и вручила имъ бумагу, а понеже кувертъ былъ запечатанъ, то былъ онъ паки распечатанъ. Они, взявъ бумагу въ присутствіи принца Брауншвейгскаго, распечатали, а генераль-прокуроръ князь Трубецкой прочелъ ее въ слухъ. Я же находился въ моей комнатѣ для того, что не былъ здоровъ. Во всю ночь имѣлъ я припадки жестокіе, въ Субботу не могъ выйти, и для того весьма я мало говорилъ. Между тѣмъ Кабинетъ заготовилъ все потребное и отправилъ указы безъ моего подписанія; ибо я не въ состояніи былъ что либо слушать. Принцесса Анна чинила мнѣ многія увѣренія и благодарила за принятое мною на себя великое попеченіе, обнадеживая меня безпрестанно о своей дружбѣ, чтѣ равнымъ образомъ и принцъ чинилъ. Какъ я немного оправился, то поѣхалъ къ нимъ обоимъ и сдѣлалъ имъ привѣтствіе, съ присовокупленіемъ просьбы: что ежели найдутся люди, которые донесутъ имъ обо мнѣ нечто противное, могущее помутить доброе согласіе, то прошу я ихъ, чтобы они такимъ слухамъ вѣры не давали и представляли-бъ ихъ мнѣ, ибо тогда истина выйдетъ наружу, чтѣ и я равномѣрно чинить буду. Сей разговоръ случился въ присутствіи многихъ знатныхъ особъ. Оное мнѣ и обѣщано было. Я подъ рукою провѣдать велѣль чрезъ оберъ-маршала, изволятъ-ли они содержаніе имѣть общее отъ двора, или желаютъ назначеніе себѣ ежегодной суммы. Избрано было послѣднее, а именно: 200,000 руб. Я безъ умѣденія согласно съ ихъ желаніемъ велѣль указъ изготавить и въ тоже самое время другой о выдачѣ Ея Величеству нынѣшней Государынѣ Императрицѣ 50000 рублей. Съ симъ поѣхали господа кабинетъ-министры и объявили о томъ въ обоихъ мѣстахъ. Немедленно потомъ

былъ у меня вечеромъ поздно кабинетъ-министръ графъ Бестужевъ и сказалъ, что есть два поручика Преображенскаго полка, имѣющіе злые замыслы. Я отвѣтствовалъ, что надлежитъ сіе дѣло нѣсколько отложить. По утру пришелъ ко мнѣ фельдмаршалъ Минихъ, котораго я увѣдомилъ о тѣхъ двухъ офицерахъ. Онъ-же, яко того полка подполковникъ, сказалъ, что ихъ къ себѣ позоветъ и, поговоря съ ними, поступить по усмотрѣнію. Потомъ приказалъ опѣ сихъ офицеровъ къ себѣ на домъ позвать и далъ мнѣ знать, что онъ разсудилъ за благо велѣть ихъ взять подъ стражу, но что надобно ихъ порядочно распросить. Скоро послѣ того пришелъ князь Черкасской и сказалъ, что у него былъ отставной капитанъ, который говорилъ ему, что былъ у графа Головкина и говорилъ съ нимъ о нынѣшнемъ правлѣніи, что оно принадлежитъ тогдатнімъ императорскимъ родителямъ; а что графъ Головкинъ отослалъ его къ нему князю съ тѣмъ, чтобы онъ о томъ ему представилъ; что ихъ 3000 человѣкъ недовольныхъ, отчасти дворяне, отчасти офицеры и солдаты; въ слѣдствіе чего онъ, князь Черкасской, ко мнѣ и пришелъ объявить объ ономъ и что онъ отставному капитану быть къ себѣ велѣть о полудни, чтѣ онъ и учинилъ. Тогда генералъ-прокуроръ князь Трубецкой туда-же пріѣхалъ и съ тѣмъ человѣкомъ подробнѣе говорилъ, спрашивая его, не знаетъ ли онъ сихъ людей поименно; но онъ сказалъ, что ни о комъ не знаетъ, выключая тѣхъ двухъ поручиковъ и одного унтеръ-офицера, находящагося у графини Головкиной, и другаго у графини Игужинской. Сей былъ взятъ подъ стражу съ двумя прочими. А какъ за Головкинымъ была двоюродная сестра покойной императрицы Анны, то и подумалъ я, что то его затѣи, поѣхать немедленно къ принцу Брауншвейгскому и сказалъ ему: что попеже я слово ему далъ ничего не утаить, чтѣ нѣкоторымъ образомъ мог-

ло-бъ дружбу нашу привесть въ остыду, то объявляю я ему, что есть нѣсколько дворянъ злонамѣренныхъ, и что я думаю, что ему то не безъизвѣстно, при чемъ представляю я ему, какія изъ того произойти могутъ худыя слѣдствія, если обѣ ономъ умолчано будетъ. Онъ отвѣтствовалъ мнѣ немедленно на сіе, что изъ сего иного произойти не можетъ какъ убіеніе. Я, напротивъ того, ему сказалъ: пеужели онъ сіе поставляетъ столь маловажнымъ, что онъ себя чувствуетъ къ оному склоннымъ; чтобы онъ разсудилъ, чтѣ произойти можетъ, ежели такое дѣло совершился, и что я не могу повѣрить, чтобы онъ такое предпріятіе подкрѣплять намѣрился. Но онъ повторилъ три раза, что онъ не будетъ зачинщикомъ. Я продолжалъ ему отвѣтствовать: что оно худо вымыслено, ибо начиная-ли я дурныя дѣла или бываю въ томъ помощникомъ, все равно и что при всемъ томъ, сіе больше всего вреда будетъ ему самому. Но онъ все при томъ оставался, что онъ зачинщикомъ быть не хочетъ. Я у него спрашивалъ, чтѣ онъ тѣмъ пріобрѣсть желаетъ, или по какимъ причинамъ онъ недоволенъ. Наконецъ, вышло, что онъ завѣщанія Ея Императорскаго Величества не почитаетъ дѣйствительнымъ, а думаетъ, что оно подписано подложно. Мой отвѣтъ былъ, что онъ о томъ лучше всего извѣститься можетъ у графа Остермана, который можетъ ему въ томъ отчетъ дать; и что по моему мнѣнію онъ себѣ и сыну своему симъ замысломъ величайшій вредъ чинить, ибо тѣмъ самымъ завѣщаніемъ подтвержденъ онъ Императоромъ. Я продолжалъ мою рѣчь, говоря ему, что я, чтѣ до особы моей принадлежитъ, все снести могу, чтѣ бъ онъ ни предпринималъ; но жалательно, чтобы расположение было основательнѣе, что я ему ничего болѣе сказать не могу, какъ только то, что конечно дѣла еще не на такомъ твердомъ основаніи, какъ онъ думаетъ. Я примолвилъ: „вамъ, конечно нужно остаться въ покоѣ и молить Бога“ Онъ от-

вѣтствовалъ, что сіе ничего не значитъ, чтобы я выключилъ только изъ гвардіи старыхъ офицеровъ и солдатъ, у которыхъ еще голова набита покойнымъ императоромъ Петромъ. Я отвѣтствовалъ, что сего трудно учинить, и что я не въ состояніи того исполнить, не подвергнувъ дѣла крайней опасности, что ему надлежитъ знать, что не одни старые солдаты, но и вся публика о императорѣ Петрѣ памятуется, и такъ-де я еще прошу его бросить такія мысли и отослать людей злонамѣренныхъ, а мнѣ обѣ нихъ объявить Но онъ въ то войти не хотѣлъ. Я ему еще сказалъ: положились ли онъ то на мѣрѣ съ супругою своею, или не известны ей его мысли? Онъ отвѣтствовалъ, что онъ съ нею о томъ не говорилъ. И послѣ сего я оттуда поѣхалъ. Послѣ обѣда позвалъ я къ себѣ обоихъ кабинетъ-министровъ, князя Черкасскаго и Бестужева; и рассказалъ имъ все происшедшее. Немедленно потомъ взошелъ въ комнату мою камергеръ Менгденъ и сказалъ, что принцесса Анна прислала своего Русскаго секретаря, который ей подозрительны казжется и чтобы явелъ его допросить. Въ слѣдствіе сего сей человѣкъ и былъ допрашиванъ обоими кабинетъ-министрами, и онъ признался, что Брауншвейгской принцѣ намѣрился сдѣлать возмущеніе и что адъютантъ его о семъ дѣлѣ лучше вѣдаетъ; что въ семъ заговорѣ находились и другіе люди, какъ-то: Яковлевъ, который, бывъ допрашиванъ, немедленно въ преступленіи своемъ признался. Адъютанта взяли подъ стражу, и онъ тотчасъ признался, что принцѣ употреблялъ его къ возмущенію народа, а что самъ принцѣ хотѣлъ предводительствовать при смѣнѣ обѣихъ гвардій и тогда рубить всѣхъ противящихся ему, а себя объявить первою особою по Императорѣ; что имъ надлежало сіе предпріятіе исполнить въ тотъ самый вечеръ, когда Ея Величество Императрица скончалась; но что Вольфенбютельскій тайный совѣтникъ Кейзерлингъ ему сіе от-

совѣтовалъ, сказавъ, чтобъ онъ остался еще въ покой, что напередъ надлежитъ довѣсть до того, чтобъ онъ сдѣланъ былъ генералиссимусомъ, а тогда-де прочее сбудется все. Оба кабинетъ-министры, бывъ о семъ увѣдомлены, почли за нужно собрать всѣхъ особъ первого и втораго ранговъ, и еще въ тотъ-же вечеръ созваны немедленно для открытия имъ о семъ происшествіи, чтѣ и учинено было. Собрались фельдмаршалы Трубецкой и Минихъ, три кабинетъ-министра, принцъ Гомбургской, генераль Ушаковъ, Чернышевъ, адмиралъ Головинъ, тайный совѣтникъ Головинъ, оберъ-шталмейстеръ Куракинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Трубецкой. Когда всѣ они собрались, объявилъ я имъ все, чтѣ между мною и принцомъ въ народѣ произошло. Написалъ я оное понѣмецки въ присутствіи всѣхъ тутъ находившихся, а тайный совѣтникъ Бревернъ сіе перевелъ на Россійскій языкъ и прочелъ въ слухъ. Всѣ были онымъ весьма удивлены и говорили, что они не могли себѣ представить, чтобъ такія дѣла заводить хотѣли, отъ которыхъ только зло родиться можетъ. Былъ при томъ и Волфенбютельскій министръ. Принцесса Анна также пріѣхала, и я ей донесъ обо всемъ случившемся. Она весьма казалась тронутою поступками супруга своего и увѣряла, что она ничего о семъ дѣлѣ не вѣдала, что она пойдетъ домой и объяснится съ нимъ, чтѣ она и учинила, а принцъ немедленно потомъ пріѣхалъ съ Вольфенбютельскимъ Кейзерлингомъ. Генерали и министры всѣ тутъ были. При входѣ сказалъ принцъ. „я рѣшился сложить съ себя всѣ чины, о семъ чрезъ сіе объявляю“. Отвѣтъ мой былъ, что не я ему ихъ давалъ, следственно ихъ у него и не возьму; что теперь не время говорить о чинахъ, а что дѣло идетъ о спокойствїе государственномъ и что я принужденъ былъ объявить всѣмъ присутствующимъ сегодняшній мой съ нимъ, принцомъ, разговоръ, который еще разъ отъ слова до слова повторилъ при немъ

и при всѣхъ бывшихъ. Онъ не могъ мнѣ ни въ чёмъ пре-
кословить. Отъ сего произошло отъ предстоящихъ на принца
роптаніе. Потомъ генералъ Ушаковъ, подошедъ къ нему
весьма близко, сказалъ: „Могли-ль мы подумать, чтобы вы
захотѣли у насъ такія дѣла заводить, каковыхъ, слава Богу,
сколько мы упомнимъ, никогда у насъ не бывало? То-ли за-
наши услуги воздаяніе, что вы намѣряетесь губительство
учинить? Хотя вы и отецъ Императору, однакоже вамъ вѣ-
датъ надлежитъ, что я старшій подполковникъ гвардіи, а
особливо Семеновскаго полка, на которой вы положитесь
хотите и его къ тому склонить. Не думайте, чтобы я пе-
ресталъ быть честнымъ человѣкомъ“. Тутъ началъ принцъ
плакать и проклинать тѣхъ, которые сіи мысли ему въ го-
лову вперили, просилъ прощенія въ присутствіи всѣхъ и
трижды клялся, что отъ всего отступаетъ. Послѣ сего со-
чинена была запись, кою содержанія я не запомню, и всѣми
присутствующими подписана и ихъ печатями припечатана,
а потомъ всякой поѣхалъ къ себѣ.

По прошествіи нѣсколько дній пріѣхала ко мнѣ баро-
несса Менгденова, которая съ удивленіемъ рассказала мнѣ,
что она была у нынѣ царствующей Императрицы, которой
показыванъ былъ портретъ герцога Голштинскаго, также
мѣра его роста съ великими похвалами добрыхъ его ка-
чествъ; присовокупила она къ сему, что при жизни покой-
ной Императрицы ничего о семъ не вѣдала; что извѣстно
ей, что сей портретъ приходящимъ всѣмъ тутъ показываются.
Фельдмаршалъ Минихъ, пріѣхавъ ко мнѣ, разсказывалъ сіе
такимъ-же образомъ, узнавъ о томъ отъ племянницы своей,
разсуждалъ при томъ, что тутъ нѣчто кроется, и что онъ
за нужно считаетъ присовѣтовать запретить въ томъ. Мой
отвѣтъ былъ: что всякий воленъ имѣть портреты родствен-
никовъ своихъ; какъ-же можно мнѣ запретить то Ея Импе-
раторскому Высочеству; что я сего не могу сдѣлать. Прин-

цесса Анна тоже, хотя и глухо, о семъ вызывалась; но нѣсколько дней спустя все было тихо.

Предъ самымъ моимъ несчастіемъ пришелъ графъ Минихъ и завелъ рѣчъ о Ея Императорскомъ Величествѣ, говоря, что кавалеры ея часто у Французскаго посла бывають, чтд ему кажется подозрительно. Я на сie отвѣтствовалъ, что я ни о чемъ не знаю, и что оно ничего не значитъ, но что имъ вѣдать надлежитъ, что Ея Величество нынѣ царствующая Императрица и молода, и много способовъ (ressources) имѣеть, ибо народъ всегда ей былъ преданъ. Онъ отвѣтствовалъ, что о поискахъ ея онъ то заподлино знаетъ. „Нѣть“, сказалъ я, „мнѣ известно, что и въ войскѣ, и въ народѣ весьма любима отъ мала до велика, что Ея Высочеству преданы и гвардіи, даже тотъ полкъ, которымъ онъ самъ предводительствуетъ“. Онъ отвѣтствовалъ, что теперь всѣ рады, имѣя Императора и что такимъ образомъ возстановилось мужеское поколѣніе; а что хотя и въ самомъ-бы дѣлѣ такъ было, то къ чему много околичностей, чтобъ я нынѣшнюю Императрицу велѣлъ взять въ монастырь. Я столь пораженъ былъ, что не скоро опамятиваться могъ; почему и сказалъ ему только сie, что сie было бы начать дѣло съ прямаго конца. Примѣтъ во мнѣ перемѣну, молвилъ онъ: „хотя бы и на нѣсколько лѣтъ“. Потомъ онъ меня оставилъ. Увѣрясь-же довольно, что сей совѣтъ мнѣ не нравенъ конечно, положено было долѣе ждать, чтобъ я о томъ не открылъ. И такъ 9-го Ноября ночью гренадеры, напавъ на меня, когда я былъ въ постелѣ, стащили меня съ оной неодѣта, притащили къ Миниховой каретѣ, и адъютантъ его Манштейнъ отвезъ меня въ зимній дворецъ. Тутъ у меня ни слова не спрашивали, но по полудни, посадя меня въ карету, отвезли меня со всею мою фамиліею въ Шлюсельбургъ, подъ крѣпкою стра жею, гдѣ оставался я по 10-е Іюня и былъ три раза до-

прашивалъ. Допросы, а именно 2-ой и 3-й, состояли въ томъ, чтобъ я сказалъ, поколику я съ Ея Величествомъ нынѣ царствующею Императрицею обязался тогдашняго свергнуть съ престола, какимъ образомъ хотѣлъ призвать въ Россію Его Высочество Великаго Князя, кто о всемъ томъ вѣдалъ и какимъ образомъ надлежало быть женихомъ на моей дочери. Прочее все было мелочи, а именно: для чего я сказалъ, что когда-бъ принцесса Анна вступила въ правленіе, то-бъ Менгденова фамилія всѣмъ государствомъ управлять стала. Все, что внесено въ безбожной манифестъ, суть лжи. Я кратко отвѣтствовалъ: что все сіе мнѣ неизвѣстно, и что я о томъ ничего не вѣдаю; что со мною поступаютъ такъ нехристіански, какъ еще не слыхано было въ свѣтѣ, что какъ по всей вселенной, такъ и въ здѣшней имперіи употребительно, чтобъ люди обвинены были въ ихъ преступленіяхъ, или самимъ дѣломъ, или чрезъ письма, или чрезъ свидѣтелей; что я владѣтельный государь, имѣющій ленъ отъ короля и республики Польскихъ, что и ихъ министрамъ надлежитъ притомъ-же быть какъ меня будутъ допрашивать, и чтобъ мои отвѣты слышать. Но сего и слышать не хотѣли, а отвѣтствовали мнѣ, чтобъ, на то не считая, я отъ сего намѣренія отступилъ; что сіе мнѣ ни въ чемъ не пособить, и что мнѣ довольно свидѣтелей представить могутъ. Я былъ доволенъ.

Наконецъ, былъ мнѣ представленъ графъ Бестужевъ въ весьма бѣдственномъ состояніи. Какъ скоро онъ меня увидѣлъ, то, поклонившись мнѣ, началъ говорить: „Я дурно сдѣлалъ, что я то и другое о герцогѣ говорилъ; все это неправда; я, кромѣ хорошаго, ничего худаго объ немъ сказать не знаю; и я прошу васъ, т. е. тогдашнихъ господъ комиссаровъ, сіе въ протоколъ записать. Я былъ къ сему доведенъ фельдмаршаломъ Минихомъ, который приказалъ мнѣ обѣщать, что меня немедленно освободятъ, если

я сіе о герцогѣ скажу"; къ чему присовокупилъ, что свирѣпость, съ которой съ нимъ поступлено, и страхъ ему представленный заставили его такое показаніе учинить. Впрочемъ все, чтд онъ про меня сказалъ, было маловажно, ибо касалось токмо до поведенія герцога Мекленбургскаго, до Менгденовой фамиліи, что я намѣрялся выходить съ принцомъ на поединокъ, и много тому подобныхъ бездѣлокъ. Весь генералитетъ, поздравляя меня, послалъ немедленно въ Санктъ-Петербургъ съ симъ извѣстіемъ, что они всѣ того мнѣнія, что дѣло мое не иначе пойдетъ какъ благополучно и хорошо. Но они всѣ поражены были, получа строгій указъ и выговоръ, что они не по надлежащему къ дѣлу приступили; чтобъ меня строже содержать съ мою семьею, а графа Бестужева возвратить въ С.-Петербургъ. И такъ они комиссію рушили и разѣхались.

Въ послѣднихъ числахъ Апрѣля мѣсяца (1741) бывшій капитанъ-секретарь Яковлевъ, маіоръ гвардіи Соковнинъ и капитанъ Ханыковъ присланы были допросить меня въ третій разъ, слѣдующимъ образомъ.

1-е. Что всѣ вѣсма опасныя мои преступленія открыты, но что великая милость принцессы Анны превосходитъ и тѣ мои преступленія, только-бѣ я безъ утайки отвѣтствовалъ на всѣ ихъ допросы. Буде-же я сіе учипю, то могутъ они именемъ ея увѣрить меня, что я не токмо мою свободу получу, но еще изобильно и награжденъ буду; что въ противномъ случаѣ, ежели я при старомъ останусь, то не только не надлежитъ мнѣ и семье моей милости ожидать, но что мы пропадемъ на вѣки.

2-е. Допросъ былъ, что какъ Елизавета Петровна объявила, что я безпрестанно стараюсь тогдашняго Государя съ престола свергнуть, а возвѣсть герцога Гольштинскаго, то сказалъ-бы я, для чего я сіе учинить хотѣлъ; какимъ

образомъ я оное пройзвѣстій намѣрялъся, кого я къ тому употреблялъ, и кто былъ тутъ сообщникомъ.

3-е. Для чего я не отсталъ отъ моего намѣренія, а напротивъ того настоалъ въ томъ безпрестанно у Ея Величества нынѣ царствующей Императрицы, когда она сама того не признавала за благо и столь человѣколюбива была, что часто мнѣ отвѣтствовала.

4-е. Какъ далеко дошелъ бракъ съ нынѣшними ихъ высоцествами *), и кого я къ тому употреблялъ?

5-е. Чѣдѣ я у Ея Величества нынѣ царствующей Императрицы по ночамъ дѣлалъ, и то такъ скрытно?

6-е. Зачѣмъ Ея Императорское Величество толь часто у меня была и какіе совѣты мы держали межъ собою при запертыхъ дверяхъ? Что Ея Величество нынѣ царствующая Императрица сама о томъ объявила, но что они всѣ обстоятельства хотятъ отъ меня узнать. Я отвѣтствовалъ кратко: что, будучи лишепъ всего, я не хочу лишиться имени честнаго человѣка и чистой совѣсти; что я о томъ ничего не знаю и во всю мою жизнь не помышлялъ; что я не бывалъ по ночамъ у Ея Императорскаго Величества, а былъ только однажды, да и то днемъ, когда былъ у Ея Императорскаго Величества съ сожалительнымъ комплиментомъ; но что всегдашняя ея къ моему дому милость причиною была, что она иногда меня посѣщала и что за подлинно знаю, что Ея Императорское Величество относительно сего обо мнѣ ничего сказать не можетъ; что я повинуюсь своей судьбѣ и полагаюсь на Бога, Который сердцевидецъ и когда либо судьею будетъ.

По семъ обѣявленіи кабинетъ-секретарь выслалъ обоихъ товарищѣй своихъ и старался меня еще уговорить, чтобы я только сказалъ; ибо тѣмъ себя спасти могу. Мой от-

*) Слѣдовательно, это писано Бирономъ не раньше какъ лѣтомъ 1744 г. П. Б.

вѣтъ былъ, что такимъ образомъ не требую я себѣ помощи. Тогда они мнѣ объявили, что мнѣ нечего уже надѣяться.

Июня 13 дня была команда, взяла настъ изъ Шлюсельбурга и везла водою и сухимъ путемъ по 5-е Ноября. Тогда пріѣхали мы къ тому мѣсту, гдѣ намъ жизнь кончить надлежитъ, и если бъ Всевышній и Всемогущій Богъ не былъ милосердъ къ Ея Императорскому Величеству, то-бъ не долго она продлилась при несносной нуждѣ, которую мы терпѣли. Но 20-го Декабря пришло наше освобожденіе. Курьеръ привезъ намъ сюю радостную вѣсть, что нашъ арестъ прекратится и что мы во всемъ удовлетворены будемъ. 28 Декабря сгорѣлъ тотъ домъ, въ коемъ мы находились, и мы перешли въ воеводской, гдѣ пробыли по 27 Февраля. А въ сей день отправились и въ четыре недѣли сюда прибыли. Бисмаркъ и братья мои пріѣхали нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Теперь мы здѣсь *) всѣ собрали и ожидаемъ ежедневно Божіей и Вашего Императорскаго Величества милости.

Переводилъ переводчикъ Павелъ Дивовъ.

*) Т. е. въ Ярославлѣ.

Отвѣтъ на записку герцога Курляндскаго, сочиненный нѣкоторымъ изъ ближнихъ родственниковъ фельдмаршала графа Миниха.

1740-го года весною здравіе государыни императрицы Анны подвержено было очевидной перемѣнѣ. Уже болѣе пятнадцати лѣтъ страдала она почечною каменною болѣзнью, однакожъ припадки оной во все сіе время были еще сносны. Но послѣ того почувствовала она не токмо гораздо сильнѣйшую боль, но и тѣлесныя ея силы содня на день дѣлались слабѣе.

Октября 6-го Императрица, сѣвъ за обѣденный столъ и покушавъ немногого, почувствовала тошноту, такъ что у ней вырвало принятую єю юстру, при чёмъ положена она была въ постель въ безпамятствъ.

Герцогъ Курляндскій велѣлъ немедленно призвать къ себѣ фельдмаршала Миниха, двухъ кабинетныхъ министровъ, князя Черкасскаго и тайного совѣтника Бестужева, такъ равно и оберъ-гофмаршала графа Левенвольда. По пріѣздѣ фельдмаршала, герцогъ началъ говорить со многими слезами и воплемъ, колико онъ несчастенъ, лишаясь столь рано и нечаянно Государыни, изъявлявшей ему неизреченную милость и довѣренность; что онъ, по смерти ея, не можетъ себѣ уже и вообразить никакого благополучія въ такой странѣ, гдѣ онъ, какъ извѣстно, имѣть болѣе непріятелей, нежели друзей, и что онъ за всѣ услуги, оказываемыя имъ государству, не ожидаетъ уженика-

кой иной награды, кроме неблагодарности и ненависти; что при всемъ томъ собственное свое положеніе менѣе его обезпокоиваетъ, нежели состояніе, въ какомъ по кончинѣ Императрицы находится будеть государство, о благосостояніи коего онъ до того толь ревностное имѣлъ попеченіе; что наслѣдникъ еще младенецъ, не имѣющій даже 8 недѣль; что въ разсужденіи назначенія наслѣдства престола отъ Императрицы еще ничего не обнародовано, и что потому неизвѣстно еще, какъ принять будеть въ настоящихъ обстоятельствахъ таковое назначеніе народомъ, при прежде бывшихъ малолѣтствахъ мятежничавшемъ; что Швеція, продолжая вооруженія свои, не можетъ желать для себя удобнѣйшаго случая къ нападенію на Россію, какъ когда начнутся въ оной внутрення безпокойствія; что при таковомъ состояніи дѣль весьма важно, чтобъ правленіе государства ввѣreno было такой особѣ, которая бы имѣла не токмо достаточное свѣдѣніе о дѣлахъ государственныхъ, но и довольно твердости къ укрошенію легкомысленныхъ подданныхъ; что онъ, хотя во нравѣ принцессы, матери младаго принца, ничего хулы достойнаго не находитъ, однако-жъ опасается, чтобъ она, вступивъ въ правленіе, по природной нѣжности, не призвала къ себѣ въ Россію отца своего герцога Мекленбургскаго Карла Леопольда и не дозволила бы ему принять великое участіе въ государствѣ, при чемъ страшиться должно, чтобъ сей государь, который, какъ извѣстно, по причинѣ своевольнаго и упрямаго своего нрава, и съ собственными своими подданными согласиться не могъ, не побудилъ принцессу, дщерь свою, къ такимъ предпріятіямъ, кои не токмо ей, но даже и сыну ея крайне опасными быть могутъ. Чтожъ касается до Брауншвейгскаго принца, то онъ, герцогъ, еще менѣе предусматриваетъ, какъ ему правленіе государства поручено быть можетъ, вѣдая за подлинно, что государство тогда

не помянутымъ принципомъ, но Вѣнскимъ посломъ управляемо, а слѣдственно и во всѣ дѣла Австрійскаго дома запутываемо будеть

Здѣсь остановился герцогъ Курляндскій въ рѣчи своей, какъ выплыли въ горницу оба кабинетскіе министры, князь Черкасской и Бестужевъ, коимъ онъ отъ слова до слова повторялъ все то, о чёмъ говорилъ съ фельдмаршаломъ и прежде того уже съ графомъ Левенвольдомъ; о заключеніи же рѣчи умолчалъ, будучи увѣрѣнъ, что всякъ удобно о намѣреніи его догадаться можетъ. Князь Черкасской, стараясь дать опытъ своей при семъ прозорливости, первый началъ говорить: что онъ къ отправленію означенной толь важной должности не находитъ никого способнѣе и достойнѣе герцога Курляндскаго, который во все времена царствованія Императрицы съ толикою-жъ ревностью какъ и славою управлялъ государственными дѣлами, и коего личная польза, въ разсужденіи герцогства его, столь тѣсно сопряжена съ благосостояніемъ Россіи; и что онъ потому окажетъ государству услугу, прося наисильнѣйше герцога приняться и впредь за оное. Тайный совѣтникъ Бестужевъ на сіе предложеніе согласился немедленно. Фельдмаршалъ же и графъ Левенвольдъ, предвидя, что тщетно и даже опасно было бы имъ въ томъ противорѣчить, разсудили за полезно слѣдовать сей разъ худому примѣру. Тогдашнее положеніе для честнаго человѣка было весьма колкое; ибо все то, чтѣ безстыдными льстецами въ пользу герцога и его фамиліи ни выдумывалось, Императрицею до того не токмо дозволяемо, но даже и ободряемо было. А напротивъ того, къ сожалѣнію, неоднократно бывали примѣры о томъ, сколь строго и самыя малѣйшія обиды, сему любимцу нанесенные, ею наказывались были. Нынѣ же, хотя врачи о выздоровленіи Императрицы и отчаявались, однако никто изъ нихъ за подлинно увѣрить не могъ, что при-

ближается дѣйствительно конецъ дней ея. Если-же бы случилось, чтобы она хотя мало оправилась и прожила-бы еще недѣлю, то и сего времени довольно-бы было ко вверженію въ крайнюю погибель того человѣка, который вздумалъ не утаить предъ герцогомъ сущей истины.

Герцогъ, выманивъ у всѣхъ желаемый имъ комплиментъ, отвѣчалъ: что учиненное ему предложеніе привело-бы его въ крайнее удивленіе, если-бы онъ не почиталь единую побудительную оныхъ причину любовь и дружество, кото-рыя къ нему имѣютъ; но что онъ имъ всѣмъ предаетъ на размышеніе, сколь малое они найдутъ число людей, тако-вое ихъ доброжелательство одобряющихъ; что онъ, яко иностранецъ, никакого въ государствѣ не имѣетъ участія; что милость, косу пользовался до того времени, возбужда-ла уже противъ него безчисленное множество завистни-ковъ, и что онъ неоднократно принужденъ былъ видѣть съ прискорбиемъ, что и чистѣйшія его намѣренія подвержены бывали самыми дурными толкованіями; что-жъ восполѣдуетъ, когда ему вѣрена будетъ высочайшая власть? Сколь малому числу людей будетъ онъ въ состояніи угодить, и коликухъ оклеветаній остается ему тогда ожидать? Что по сie время Императрица покровительствовала его противъ всѣхъ его непріятелей, а кто-жъ впредь за него вступаться и ему пособлять будетъ защищаться отъ оныхъ? Что онъ милостью Императрицы снабденъ столь избыточнымъ имѣніемъ, что ему на семъ свѣтѣ не остается уже желать болѣе ничего, кроме того, чтобы онъ честнымъ образомъ отпущенъ былъ въ свой домъ, и что, чаятельно, наиболѣе его друзья не восхотятъ лишить его сего утѣшенія. Если-же онъ, взявъ все въ разсужденіе, и могъ-бы склониться принять на себя столь тяжкое бремя, то поводомъ къ тому будетъ не иное что какъ признательность за великія благодѣянія, Импера-трицею на него изливаемыя, преданность его къ ея фами-

ліи, и ревность, съ которою онъ безпрестанно тщался купно о славѣ и о благосостоянїи Россійской Имперіи; но что онъ ни на что рѣшиться не можетъ, не вывѣдавъ прежде о семъ мнѣнія другихъ благомыслящихъ сыновей отечества; и что онъ на сей конецъ признаваетъ за полезно, дабы на другой день собранъ былъ собѣть изъ знатнѣйшихъ особъ Сената, генералитета и придворныхъ служителей; что необходимо нужно объявить младаго принца Ивана наследникомъ и преемникомъ и учинить ему присягу въ вѣрности. Наконецъ-же, предложилъ имъ герцогъ, чтобъ они пошли къ графу Остерману для общаго съ нимъ разсужденія о состоянїи дѣлъ, и старались-бы, чтобъ издаваемый въ народъ манифестъ сочиненъ былъ еще будущею ночью, дабы оный на другой день Императрицею подписанъ и немедленно обнародованъ быть могъ.

Хитрому графу Остерману въ 1730-мъ году, по кончинѣ государя Петра Второго, удалось, или за дѣйствительною или-же за мнимою его болѣзни уволиться отъ засѣданія въ собраніи, для уничтоженія самодержавія тогда назначенномъ; нынѣ-же и самое разслабленіе обѣихъ ногъ, за которымъ онъ уже слишкомъ пять лѣтъ изъ дому не выходилъ, не могло ему воспрепятствовать въ подаваніи наравнѣ съ прочими голоса своего къ возведенію герцога Курляндскаго направленіе. Едва фельдмаршалъ обще съ прочими вышеупомянутыми особами успѣли увѣдомить его обо всемъ происшедшемъ, какъ онъ уже съ горячею ревностью и объявилъ па оное дѣло свое согласіе, присовокупя: что если герцогъ нерѣшимымъ въ томъ останется, то надобно будетъ и самую Императрицу просить, дабы благоволила его къ сему уговорить. Вышеозначенный манифестъ сочиненъ, и разсуждено за благо пригласить къ чрезвычайному Совѣту еще слѣдующихъ особъ, а именно: генерала Ушакова, адмирала графа Головина, оберъ-шталмейстера кня-

зя Куракина, сенатского генералъ-прокурора князя Трубецкаго, генералъ-поручика Салтыкова и гофъ-маршала Шепелева.

На другой день по утру собрались всѣ вышеупомиаемыя персоны ко двору въ покой герцога, и самъ графъ Остерманъ велѣлъ нести себя туда-же въ креслахъ. Четыремъ гвардіи полкамъ приказано было расположиться предъ дворцомъ по утру того-же дня. По подписаніи же Императрицею манифеста оный читанъ былъ въ придворной церкви при многолюдномъ собраніи знатнѣйшихъ воинскихъ и приказныхъ служителей, а принцу Ивану, яко преемнику престола, учинена присяга. Въ городскихъ церквахъ происходило тоже, собравшіеся же предъ дворцомъ гвардіи полки по ротамъ приведены были къ присягѣ.

Послѣ всего того приступлено было вновь къ дѣлу, до управлениія государства касающемся. Не токмо всѣ согласны были въ томъ, что герцогъ къ сему всѣхъ прочихъ особъ способнѣе, но считали даже за полезное поднести Императрицѣ прошеніемъ докладъ о семъ единодушномъ ихъ мнѣніи, и просить при томъ Ея Величество, какъ о высочайшей ея на оное апробаціи, такъ и о томъ, чтобъ благоволила склонить герцога къ принятію на себя правленія. При томъ положено было подать Императрицѣ на подписаніе декларацію, по которой слѣдовало герцогу, яко правителю, государствомъ управлять до того, пока не достигнетъ младый государь до 17-го года возраста своего. Графъ Остерманъ принялъ на себя подность Императрицѣ какъ прошеніе, такъ и декларацію; но цѣлые два дни прошли, пока могъ допущенъ быть на аудіенцію.

Въ теченіи сего времени велѣно было созвать еще отъ 40 до 50 изъ знатнѣйшихъ военныхъ, статскихъ и придворныхъ служителей, отъ коихъ, по представленіи имъ необходимости избрать герцога въ правители государства, ис-

требовано было объявленіе ихъ согласія чрезъ подписаніе ихъ именъ

Сколь ни велика была сила, которую имѣлъ герцогъ у Императрицы, но никогда что либо не стоило ему такого труда, каковъ онъ принужденъ былъ прилагать въ преклоненіи ея къ учиненію надежныхъ распоряженій касательно будущаго. Она ниже слышать не хотѣла о смерти, представленія же герцога почитала предвѣщаніемъ оной. Наконецъ же, согласилась она выслушать графа Остермана, который, подая ей припесенные съ собою бумаги, приводилъ наиважнѣйшимъ образомъ на память состояніе дѣлъ. Императрица, принявъ оныя бумаги съ холдностью, сунула ихъ подъ возглавіе, сказавъ только, что дастъ на то рѣшеніе.

* Но какъ по прошествіи нѣсколькихъ дней объщенное объясненіе все еще не послѣдовало, то герцогъ сталъ беспокоиться и, опасаясь, чтобъ Императрица не воспящаема была въ томъ движеніями нѣжности къ принцессѣ Аннѣ, вздумалъ внушить сей послѣдней чрезъ извѣстную особу, чтобъ она просила не токмо его самого о принятіи правленія, но также и Императрицу обѣ опредѣленіи его къ оному. Принцесса отвѣчала ему на сіе странное предложеніе: что она никогда не вмѣшивается въ дѣла государственныхъ, и что она, при ныпѣшихъ обстоятельствахъ, еще менѣе то учинить осмѣлитсѧ; что хотя жизнь Императрицы и кажется быть въ опасности, но, не смотря на то, она опять выздоровѣть можетъ; что учиненіе ей помянутаго представленія послужило-бы ей вновь напоминаніемъ о ея смерти, и что ей, принцессѣ, на то отнюдь рѣшиться нельзѧ; что Ея Величество, благоволивъ всемилостивѣйше объявить принца Ивана преемникомъ, несомнѣнно сдѣлаетъ также и нужная обѣ управлениіи государства распоряженія; что впрочемъ, предая все на соб-

ственное Императрицы благоразсудженіе, не непріятно будетъ ей, если отъ оной во время малолѣтства правленіе поручено будетъ герцогу.

Герцогъ притворился, будто ему о сѣмъ отвѣтъ ничего неизвѣстно. Особа-же, коей оное дѣло поручено было, не упустила дать о томъ знать Совѣту, отъ котораго по-тому немедленно положено было послать двухъ членовъ къ принцессѣ, для убѣжденія ея, буде можно будетъ, къ исполненію желаній герцога.

На другой день депутаты сіи и дѣйствительно посланы были, но не получили иного кромѣ данпаго уже первому повѣренному отвѣта, почему герцогъ и видѣлъ себя принужденнымъ ходить за дѣломъ своимъ одинъ. Не взирая же на то, что Императрица чистосердечно его предостерегала сими словами: „Сожалѣю о тебѣ, герцогъ; ты не-благополучнымъ будешь“, не давалъ онъ ей покою до того, пока она, призвавъ къ себѣ графа Остермана, не подписала при немъ декларацію и не приказала оную запереть въ стоявшій возла постели ея поставецъ, гдѣ хранились драгоцѣнныя ея каменя.

Потомъ графъ Остерманъ, вышедъ изъ покоя Императрицы, объявилъ сию важную вѣдомость колеблющемуся между страхомъ и надеждою собранію. Вскорѣ потомъ явился въ оное и герцогъ Курляндскій съ обпадеживаніемъ, что Императрица изъявила въ разсужденіи поступковъ оного собранія не токмо высочайшее свое благоволеніе, но при-томъ обѣщала также давать оному, какъ скоро помощью Божією оправится, отличные знаки своего удовольствія. Самъ же онъ, для изъявленія собственной своей благодарности, говорилъ слѣдующія слова: „Вы, господа, поступили такъ, какъ древніе Римляне!“

Между тѣмъ состояніе Императрицы съ дня на день становилось хуже; но, не смотря на то, принимала она

ежедневно посещенія отъ принцессы Елизаветы и Анны и ихъ супруговъ *), доказывая при томъ всѣми вопросами и разговорами своими, что она владѣеть еще всѣмъ разумомъ.

Октября 17-го послѣ обѣда почувствовала она разслабленіе въ лѣвой ногѣ. Въ вечеру же, по вторичномъ приходѣ къ ней обѣхъ принцессы и принца Брауншвейгскаго, прощалась она съ ними съ великимъ равнодушіемъ. Въ 9 часовъ чувствуемы были у нея судорожные припадки, при чёмъ призваны были къ ней въ комнату ея духовникъ, придворной церкви священникъ и пѣвчіе, для отправленія, по обыкновенію Греческой церкви, отходныхъ молитвъ. Въ тоже самое время вошли и фельдмаршалъ Минихъ, князь Черкасской и нѣсколько другихъ особъ. Первому умирающая Императрица, узнавъ его, сказала: „прощай, фельдмаршалъ!“ прочихъ-же не могла она узнать, но спросила, кто они таковы, и услышавъ отъ герцога имена ихъ, со всѣми ими простилась. Потомъ она, бывъ соборована масломъ и окроплена освященою водою, испустила послѣднее свое дыханіе.

По представлениіи Императрицы двери въ комнатѣ, гдѣ она скончалась, были отворены, и всѣ находящіеся при дворѣ въ оную впущены. Тогда-то повсюду слышно было не что иное, какъ вопль и сѣтованіе. Принцесса Анна, сидя въ одномъ углѣ покоя, проливала горькія слезы; герцогъ же Курляндскій стеналъ громко и притворился быть отъ грусти вѣнѣ себѧ. Но едва лишь прошло полчетверти часа, какъ онъ, опамятуясь, приказалъ принести декларацію, до правленія его касающуюся, и читать онью. Генераль-прокуроръ князь Трубецкой, держа оную бумагу въ рукахъ, приблизился къ свѣчѣ, куда слѣдовали за нимъ и всѣ прочіе при томъ бывшіе; герцогъ же, примѣтъ, что принцъ Браун-

*) Т. е. супруга Анны Леопольдовны.

швейгскій, стоя за стуломъ супруги своей, съ мѣста не сошелъ, спросилъ его немедленно: не желаетъ ли онъ слушать послѣднее Императрицыно завѣщаніе? Принцъ, не сказавъ ни слова, пошелъ также къ великому числу собравшихся около генералъ-прокурора и слушалъ терпѣливо, какъ читанъ былъ его, или паче сказать супруги его, приговоръ. По окончаніи всего вышеписанного герцогъ возвратился паки въ свой покой, а принцессы съ супругомъ своимъ легла спать возлѣ колыбели младаго Императора.

На другой день, на разсвѣтѣ, уже всѣ гвардіи полки рядами стояли предъ дворцомъ. Въ девятомъ часу, по собраніи ко двору великаго числа какъ духовныхъ особъ; такъ военныхъ и приказныхъ служителей, графъ Остерманъ, обѣявивъ имъ о кончинѣ Императрицы, читалъ декларацію касательно до правленія. Потомъ учинена была и молодому государю, и правителю присяга, послѣ которой всѣшли къ герцогу для засвидѣтельствованія ему почтенія и для поздравленія съ новымъ его достоинствомъ. Герцогъ, вошедъ, говорилъ стоящимъ въ близости сенаторамъ слѣдующее: что онъ, не находя нужнымъ поощрять ихъ къ продолженію ревности, съ кою они до того наблюдали пользу отечества,увѣренъ, что одно уваженіе нѣжнаго возраста младаго ихъ Императора послужить имъ сильнѣйшимъ къ тому побужденiemъ; что всѣ дни и часы его жизни имъ посвящаемы будутъ дѣламъ государственнымъ, и что оные сенаторы не могутъ ему дать убѣдительнѣйшаго знака довѣренности ихъ, какъ обратясь прямо къ нему для учиненія полезныхъ предложеній и для полученія нужныхъ решеній; что онъ любимцевъ имѣть не будетъ, но что двери его для всякаго честнаго человѣка отворены *).

*) До того времени Сенатъ состоялъ подъ Кабинетомъ, яко верховиѣйшимъ тогда мѣстомъ.

Потомъ герцогъ, вышедъ, взялъ съ собою фельдмаршала, графа Остермана, князя Черкасского и тайного советника Бестужева, приносилъ имъ свое благодареніе за изъявляемую ими привязанность и, обнадеживъ ихъ, что не упустить дать имъ знаки своей признательности, просилъ ихъ подкрѣплять его впередь добрыми ихъ совѣтами.

Еще того же утра велѣлъ герцогъ перевестъ младаго Императора въ тѣ палаты, въ коихъ дворъ обыкновенно жительство свое имѣлъ зимою, куда потомъ и принцессы Анна съ супругомъ своимъ перебѣхала. Самъ же онъ, оставаясь въ лѣтнемъ дворцѣ, вознамѣрился не выѣхать изъ онаго прежде погребенія Императрицы. Послѣ обѣда, посѣтивъ младаго государя обще съ его родителями и оказывая принцессѣ Аннѣ свое соболѣзвованіе, обнадѣжилъ ее, что онъ не приминетъ расположить сумму, назначаемую на годовое ея содержаніе, такъ что ей можно будетъ вести жизнь, роду и достоинству ея соотвѣтствующую. Послѣ того поѣхалъ онъ къ принцессѣ Елизавѣтѣ, коей опредѣлилъ годовой пенсіи пятьдесятъ тысячъ рублей.

Въ первые дни правленія своего занимался герцогъ освѣдомленіемъ о состояніи войскъ и государственныхъ доходовъ. Поелику Сенатъ еще въ самомъ началѣ прежняго правительства, при учрежденіи Кабинета, лишился первенства своего, то герцогъ старался оному льстить, присутствуя и самъ неоднократно въ засѣданіяхъ онаго. Сенатъ, напротивъ того, во угощеніе герцогу, предложилъ производить ему на расходы его ежегодно по пятьсотъ тысячъ рублей. А какъ титулъ свѣтлость для правителя казался быть слишкомъ простъ, то опредѣлилъ Сенатъ придать ему название Императорскаго Высочества, на что однакожъ герцогъ не согласился до того, пока не предоставлено было оное также и принцу Брауншвейгскому.

До того времени принцесса Анна пользовалась содер-
жаниемъ обще съ прочими, къ Императорскому дому при-
надлежавшими; нынѣ же герцогъ, для приведенія ея въ
состояніе управлять собственнымъ своимъ хозяйствомъ,
обѣщалъ ей выдавать каждый годъ по двѣсти тысячъ
рублей.

Еще не прошло во время правленія герцога недѣли съ
спокойствиемъ, какъ онъ уже во исполненіе власти своей
началъ употреблять строгость. Два офицера гвардіи, изъ
коихъ одинъ былъ капитанъ, а другой поручикъ, не могли
воздержаться открыть однажды въ разговорахъ съ ихъ
сотоварищами неудовольствіе свое обѣ управлениія герцога:
перваго же при томъ видѣли иногда посѣщающаго прин-
цессу Елизавету. Сихъ обоихъ офицеровъ велѣлъ герцогъ
взять подъ стражу и производить надъ ними пытку для
узнанія, не затѣяли ли они противъ него какого либо
злоумышленія, и не имѣли-ли въ томъ сообщниковъ; одна-
ко жъ они признались только въ томъ, что прегрѣшеніе
ихъ состояло единственно въ разговорахъ. Тоже самое
случилось и съ кабинетскимъ секретаремъ, потому что
онъ во время составленія деклараціи относительно правле-
нія не токмо сочиненіе сіе начерно показалъ обѣимъ прин-
цессамъ, но еще жаловался онъ на уставляемый вновь
образъ правленія, въ чемъ онъ при пыткѣ самъ признался.
Но таковые насильственные поступки, вмѣсто того, чтобы,
по мнѣнію герцога, другихъ устрашить, послужили только
людямъ къ превращенію непависти въ огорченіе и от-
мщеніе.

Въ то самое время получено извѣстіе, что Римскій им-
ператоръ Карлъ VI-й 10 (20) Октября, а слѣдовательно за
7 дней до императрицы Анны, умеръ. Коликое участіе
герцогъ принялъ бы въ дѣлахъ Австрійскаго дома, если-
бы еще долѣе остался главнымъ начальникомъ, о томъ

тогда еще судить не можно было. Но что онъ вовсе на-
мѣренія не имѣлъ наблюдать гарантированное императри-
цею Анною постановление, о томъ увѣриться можно по
тому трактату, который онъ, какъ послѣ паденія его ока-
залось, заключилъ съ Россійскимъ дворомъ и по которому
обѣщано было Польскому королю, что ему со стороны
Россійской Имперіи не будетъ сдѣлано никакого препят-
ствія во удовлетвореніи тѣхъ требованій, которыхъ онъ со
стороны супруги и дѣтей своихъ имѣеть на Австрійское
наслѣдство. Король, напротивъ того, гарантировалъ гер-
цога и его наследниковъ въ спокойномъ владѣніи герцог-
ствомъ Курляндскимъ.

Сей-то единый былъ союзъ, въ которой время дозволило
ему вступить съ чужестранными державами. Что жъ ка-
сается до внутренняго состоянія Имперіи, то въ ономъ не
происходило ничего достопамятнаго, кромѣ того, что гер-
цогъ, для облегченія подданнымъ новаго образа правленія,
уступилъ имъ обыкновенные подушные сборы за четыре
месяца.

Со времени арестованія вышепомянутыхъ офицеровъ не
прошло ни единаго дня, въ которой не были оклеветаны
герцогу и по его приказанію взяты подъ стражу разного
состоянія люди; однакожъ всѣхъ оныхъ вина состояла
единственно въ поносительныхъ рѣчахъ. Но вдругъ от-
крылся формальный тайный заговоръ, произшедший слѣ-
дующимъ образомъ. Сенаторъ и дѣйствительный тайный
совѣтникъ графъ Михайло Головкинъ въ разсужденіи
супруги его, яко урожденной княгини Ромодановской и
двоюродной сестры Императрицы со стороны материнской,
могъ ласкаться быть въ ближнемъ родствѣ съ импе-
раторскимъ домомъ. Не взирая на то, принужденъ онъ
былъ видѣть въ послѣднія лѣта Императрицы, что слава
его явно ослабѣваетъ, чему причиною были иѣко-

торых слишкомъ откровенныя рѣчи, произносимыя имъ о новеденіи герцога. Но если-же онъ нынѣ отъ него, яко правителя, много доброго ожидать не могъ, то помышлялъ ии о чёмъ иномъ какъ о его погубленіи; къ произведенію же онаго въ дѣйство выдумалъ средство, которымъ онъ чуть самъ не попалъ въ крайнюю бѣду. Открывъ пѣкогда нѣсколькоимъ изъ вышереченныхъ офицеровъ, ему наиболѣе доброжелательными бывшихъ, неудовольствіе свое о повышеніи герцога и о причиненной тѣмъ принцессѣ Аннѣ обидѣ и получивъ отъ нихъ взаимное увѣреніе какъ о доброхотствѣ ихъ къ оной принцессѣ, такъ и о томъ, что большая часть гвардейскихъ офицеровъ готовы ничего для нея не щадить, какъ скоро только найдется для нихъ предводитель, положено было въ семъ дѣлѣ поступать такимъ же образомъ, какъ и въ 1730 году при возстановленіи самодержавія въ Москвѣ. Въ слѣдствіе сего должно было, въ назначаемый день, преданнымъ принцессѣ особамъ и на то согласнымъ, идти къ оной и, припадши къ ея ногамъ, просятъ ее объ освобожденіи народа отъ ненавистнаго правителя и о принятіи па себя, во время малолѣтства сына ея, правленія. А быть въ семъ предпріятіи начальникомъ графъ Головкинъ никакъ рѣшиться не могъ, по представилъ къ тому кабинетскаго ministра князя Черкасскаго, воображая неосновательно, что онъ къ сему столько же окажеть готовности, сколько изъявилъ прежде при подачѣ покойной Императрицѣ отъ лица дворянства прошенія объ уничтоженіи введеннаго Долгорукими аристократическаго образа правленія. Положивъ сие рѣшительно, назначили къ учненію о томъ князю Черкасскому предложенія день, по приближеніи котораго упомянутые офицеры пошли къ князю и, объявивъ ему о своемъ желаніи, напомнили ему объ оказанной имъ прежде отечеству ревности, прося при томъ его усилѣнійше, дабы онъ, препроводя ихъ къ принцессѣ,

говорилъ съ нею за нихъ. Черкасской, выслушавъ ихъ спокойно, похвалилъ ихъ намѣреніе и будто за множествомъ посыпаемыхъ дѣлъ приказалъ имъ опять явиться къ нему на другой день. А какъ скоро они ушли, то онъ, поѣхавъ къ герцогу, рассказалъ ему обо всемъ.

Менѣе нежели въ два часа всѣ бывшіе у князя Черкасского взяты были подъ стражу, и еще того же дня начался уголовный допросъ о прочихъ ихъ товарищахъ. Назвавъ пѣсколькихъ изъ оныхъ, никто не сказалъ на графа Головкина, хотя о томъ и допрашиваемы были несъмь строго; потому что знали, что они всѣ были доброжелатели помянутаго графа. Одинъ изъ тѣхъ, о коихъ объявили, былъ Россійской секретарь принца Брауншвейгскаго, который, при произведеніи надъ нимъ пытки, признался не только въ томъ, что зналъ объ опомъ дѣлѣ, но открылъ также еще и по-вый заговоръ, въ коемъ онъ съ вѣдома и одобренія принца способствовалъ. По сказкѣ его, намѣреніе при семъ состояло въ томъ, чтобы склонить на свою сторону всѣхъ офицеровъ гвардіи Семеновскаго полка, въ которомъ принцъ былъ подполковникомъ и, обнадеживъ себя также въ разсужденіи полка, напастъ на правителя и его сообщниковъ и стараться, буде возможно, всѣми ими завладѣть. Помянутый секретарь повѣрилъ сю тайну еще одному только офицеру, а именно капитану князю Ивану Путятину, поручая ему набрать другихъ сообщниковъ. Путятинъ-же, претерпѣвая пытку, признался во всемъ ономъ дѣлѣ и объявилъ о тѣхъ, съ коими онъ о семъ спосился. Сіи были два капитана и одинъ поручикъ реченнаго полка.

По всему тому герцогъ могъ бы совершенно увѣриться о томъ, сколь мало правленіе его правилось людямъ; но, не смотря на то, отважился онъ все еще обходиться съ оными строго. Онъ наипаче положился на вѣрность двухъ гвардіи полковъ, какъ-то Измайловскаго и Копнаго, изъ

коихъ первымъ братъ его Густавъ Биронъ, а вторымъ старший его сынъ принцъ Петръ командовали.

Для показанія принцу Брауншвейгскому, что онъ его не опасается, велѣль герцогъ призвать его къ себѣ, представилъ сму публично о сказкѣ его секретаря, называлъ его неблагодарнымъ, кровожаждущимъ и такимъ человѣкомъ, который, имѣя начальство, сдѣлалъ бы самого себя, сына своего и все государство несчастливыми. А какъ принцъ ненарочно лѣвою рукою схватилъ за эфесъ своей шпаги, то герцогъ, почитая сіе за угрозы, ударилъ и по своей шпагѣ, сказавъ, что онъ, буде пожелаетъ принцъ, готовъ и посредствомъ оной рѣшить дѣло. По долгомъ преніи, въ коемъ однако принцъ, ни въ чемъ не признаваясь, подтвердилъ, что онъ не имѣетъ никакихъ умысловъ, разошлись они, и болѣе тогда ничего не происходило. На другой же день отъ герцога поручено было дѣйствительному тайному совѣтнику Миниху, брату фельдмаршала, представить принцу, что, буде онъ желаетъ заслужить еще впредь довѣренность, то долженъ поставить по себѣ поручительство, которое нынѣ состоять имѣеть въ томъ, чтобы онъ отсталъ немедленно отъ всѣхъ своихъ званій, какъ-то отъ чина генерала-поручика, а особенно гвардіи подполковника. Принцъ на сіе согласился и въ тотъ-же еще день послалъ герцогу сказать, что онъ всѣ свои должности съ себя сложилъ, о чемъ тогда-же извѣщено было какъ гвардіи, такъ и прочимъ гарнизоннымъ полкамъ. Однакожъ недовольно было сего оскорбления, но принцъ еще принужденъ былъ слышать отъ герцога странное увѣдомленіе, что не худо-бы было для него нѣсколько времени изъ дома своего не выходить; поелику опасаться должно, чтобъ народъ, огорченный по причинѣ множества людей, ради его въ тюрьму посаженныхъ, не произвелъ противъ его какихъ либо наглостей.

Въ такомъ-то состояніи были тогда дѣла. Со дня на день ожидали, чтобъ принцъ и принцесса вздумали выѣхать изъ государства, или-же въ отдаленномъ мѣстѣ Россіи пользоваться пенсіею, какъ предпринято было фельдмаршаломъ Минихомъ всѣ дальнѣйшія насильства прекратить, чтѣ произведено было имъ въ дѣйство слѣдующимъ образомъ.

Ноября 8-го до полудни, пошедъ къ принцессѣ, представилъ опѣ ей опасность, которой не токмо всѣ императорскаго дома служители, по даже и она сама подвержена будетъ, если правленіе останется еще долѣе за герцогомъ Курляндскимъ, и обязался, какъ скоро она дастъ па то свое соизволеніе, взять и предать ей герцога; для вицшаго же ободренія офицеровъ и солдатъ, при томъ имъ употребляемыхъ, просилъ опѣ ее быть самолично при семъ предприятіи. Чѣмъ менѣе принцесса ожидала могла подобного предложенія, тѣмъ пріятнѣе оное для нея было; однакожъ не осмѣлилась въ произведеніи онаго сама соучаствовать. Между тѣмъ условилась она съ фельдмаршаломъ, чтобъ онъ будущей ночи паки къ ней пришелъ и, собравъ нужное число людей изъ находящихся во дворцѣ часовыхъ, взялъ подъ арестъ правителя. Потомъ фельдмаршалъ, просивъ принцессу не сказывать о семъ никому, ниже супругу своему и откланявшиись, поѣхалъ къ герцогу отдать ему, по обыкновенію, свое почтеніе, и въ тотъ день съ нимъ обѣдалъ.

Послѣ обѣда фельдмаршалъ, возвратясь домой, исправилъ дѣла до должности его касавшіяся, а въ вечеру въ обычновенное время легъ спать. По полуночи въ два часа вставъ, поѣхалъ обще съ тогдашимъ его генеральсь-адъютантомъ подполковникомъ Манштейномъ ко дворцу и, прибывъ туда, вошелъ тихонько задними дверьми, кои нарочно оставлены были незапертыми, въ принцессинъ по-

кой. Принцесса съ супругомъ своимъ уже почивала, однакожъ приказано было отъ нея фрейлине Юлианѣ фонъ-Менгденѣ, подругѣ ся и сестрѣ невѣстки фельдмаршаловой, чтобы она, по прибытии сего послѣдняго, разбудила ее немедленно. Но сколь все сіе нипроисходило тихо, однако принцъ отъ того пробудился и спросилъ, чѣд оное значить? Принцесса отвѣчала ему, что она нѣсколько занемогла, и чѣдъ онъ остался въ постели, ибо она скоро опять къ нему возвратится. Когда она вышла къ фельдмаршалу, то сей сказалъ ей, что пынѣ настало удобное время къ произведенію извѣстнаго предпріятія въ дѣйство, и просилъ ее вторично идти съ вимъ вмѣстѣ. Но какъ она на то отнюдь согласиться не хотѣла, просилъ опъ, чѣдъ она по крайней мѣрѣ призвала къ себѣ караульныхъ во дворцѣ офицеровъ, и по объявлениіи имъ намѣреваемаго дѣла, увѣщавала бы ихъ слѣдовать ему во всемъ съ вѣрностию, чему она и не противилась, но, вѣлѣвъ допустить къ себѣ офицеровъ, сказала имъ: что она надѣется, чѣдъ они, яко честные люди, не отрекутся оказать младому Императору и его родителямъ одну изъ наиважнѣйшихъ услугъ, состоящую въ взятіи подъ арестъ правителя, коего насильства имъ столь же извѣстны, сколь и непавистны быть должны; что она просить ихъ исполнять охотно все то, чѣдъ имъ ни приказано будетъ отъ фельдмаршала, и чѣдъ они увѣревы быть могутъ въ получениіи награжденія за ихъ вѣрность. Наконецъ, обнявъ фельдмаршала, жаловала офицеровъ къ рукѣ и желала имъ благополучнаго въ семъ дѣлѣ успѣха.

Фельдмаршаль, сошедъ потомъ обще съ вышеозначенными офицерами внизъ въ караульню и взявъ изъ оной 30 гренадеровъ съ тремя офицерами, отправился съ ними. Правитель жилъ тогда въ такъ называемомъ лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ находилось еще и тѣло покойной Императрицы. Здѣсь-

то стояли слишкомъ триста человѣкъ на караулѣ, которые, если бы были доброжелатели герцогу, удобно могли-бы отвратить арестъ онаго. Однакожъ фельдмаршалъ для предосторожности выбралъ нарочно къ произведенію своего предпріятія въ дѣйство такую ночь, когда на караулѣ былъ Преображенскій полкъ, коего онъ былъ подполковникъ. Приближась къ помянутому лѣтпему дворцу, остановился онъ разстояніемъ отъ онаго въ пѣсколькихъ стахъ шаговъ и послалъ напередъ офицера сказать караульному капитану, чтобы онъ не дѣлалъ никакого шума, но пристель-былъ съ двумя изъ своихъ офицеровъ къ нему. Оные тотчасъ и явились и, узнавъ о вмѣреніи фельдмаршала, обладеживали они его, что никто изъ нихъ и изъ подчиненныхъ имъ ниже не пошевелится, послѣ чего онъ продолжалъ идти до самаго входа во дворецъ, а оттуда отправилъ своего генеральсъ-адъютанта подполковника Манштейна съ 12 гренадерами въ покон герцога. Пока могли они дойти до оныхъ, надлежало имъ проходить еще мимо пѣсколькихъ часовыхъ; по сіи, бывъ обо всемъ известны, молчали и допустили Манштейна безпрепятственно до дверей спальни, которая, будучи внутри затворенными, выломить должно было. Герцогъ отъ того пробудился и, выскочивъ изъ постели, хотѣлъ спрятаться подъ кроватью, думая, что пришли его умертвить. Однакожъ Манштейнъ на его напалъ; и между тѣмъ какъ онъ всѣми силами сопротивлялся, прибѣжалъ гренадеры и схватили его. Надѣвъ на него тулупъ, посадили его въ коляску, которая нарочно подвезена была по приказанію фельдмаршала, и съ сею-то добычею пріѣхалъ фельдмаршалъ къ принцессѣ и донесенiemъ своимъ причинилъ неизреченную радость.

При возвращеніи ихъ во дворецъ взятъ былъ подъ стражу также герцоговъ братъ Густавъ Биронъ, жившій въ той улицѣ, которою они шли. Тоже самое послѣдовало въ

ту ночь и съ тайнымъ совѣтникомъ и кабинетскимъ министромъ Бестужевымъ, которому поставили въ вину чрезвычайную преданность его къ правителью.

Герцогъ и его братъ содержаны были до указа во дворцѣ, каждый особливо подъ строгимъ стереженiemъ.

Еще до разсвѣта извѣщено было о семъ происшествіи всему городу, и всѣ чиновныя особы призваны ко двору. По принесеніи императорскимъ родителямъ поздравленій, собрался чрезвычайный совѣтъ, въ коемъ положено было просить принцессу о принятіи па себя правленія во время малолѣтства государя, сына ея, подъ названіемъ Великой Княгини Всероссійской. И какъ скоро она дала на то свое соизволеніе, то по отправленіи Божіей службы въ придворной церкви, при пушечной пальбѣ, воспѣта была пѣснь: „Тебе Бога хвалимъ!“ а потомъ, по учиненіи правительницѣ присяги въ вѣрности, еще въ тотъ-же день отправлены были какъ во всѣ области Россійской Имперіи, такъ и къ чужестраннымъ дворамъ нарочные съ извѣстіемъ о произошедшей перемѣнѣ.

Около вечера бывшій правитель съ фамиліею отвезенъ былъ подъ сильнымъ конвоемъ въ крѣпость Шлиссельбургскую, отъ Санктъ-Петербурга въ 60 верстахъ лежащую. Какъ вывезли его изъ дворца, то принцесса, стоя у окна и не могши воздержаться отъ слезъ, сказала, что она имѣла лучшее въ разсужденіи его памѣреніе, если-бы онъ самъ не принудилъ ее поступить съ нимъ такимъ образомъ. Такжѣ присовокупила она, что она, если-бы герцогъ поручилъ ей правленіе, съ охотою отпустила бы его въ домъ со всѣми приличными ему почестями и сокровищами.

Изъ временъ Елисаветы Петровны.

I.

КОПІЯ СЪ ПІСЬМА ГОСПОДИНА ИВИНСКАГО ОТЪ 2-ГО ДЕКАБРЯ
ПРИСЛАННОГО КЪ КАНЦЛЕРУ.

Высокосиятельнейшій графъ, милостивой государь и отецъ Михаилъ Ларіоновичъ!

Мы думали¹⁾, когда Марія Терезія за необходимую баталію имѧ свое орденомъ въ вѣкъ славнымъ учинила, а Елисавета Великая Первая не учинить ли особой свой орденъ памъ, въ память будущимъ родомъ о неслыханной побѣдѣ, и такое ужасное предпріятіе дѣвическому сердцу и достопамятное²⁾ утвердилось бы орденомъ величія и храбрости Россійскія Елисаветы; сама-бѣ за услугу благоволила того ордена быть великимъ магистромъ. То-то-бѣ было на свѣтѣ великое чудо повелѣть въ титлахъ писать Мать Отечества. Ань вотъ, государь, не потрафилъ я. Люди заслуженные 17 лѣтъ въ лосинныхъ орденахъ затянулись и предъ всѣмъ свѣтомъ смѣшины, обойдены и постыждены, и какая худая форма учинена! Какую шапку имѣеть бретадиръ, такую и барабанщикъ; какую имѣеть шпагу бре-

¹⁾ Напечатанное въ разбивку подчеркнуто въ подлиннике краснымъ карандашомъ.

²⁾ Т. е. восшествіе на престолъ.

гадиръ, такую и флейщикъ; а по военнымъ во всѣхъ полкахъ обрядомъ во всемъ отмѣна; здѣсь все въ равномъ достоинствѣ. Однимъ словомъ сказать, не имѣемъ па себѣ въ должности вида честности на нитку не токмо часовыхъ, и часовые чести ружьемъ не отдаютъ и вашимъ дѣломъ править и командуетъ Воейковъ, а мы развѣ или подлинно дураки. А тутъ есть такіе глупцы, могутъ великую армію водить, да достоинства и храбрости ихъ вашему сіятельству видѣть не почemu: ибо такой человѣкъ отъ дѣла познавается, а здѣсь подъ мѣдными сумами кромѣ стыда, хотя-бы былъ Минихъ, не прославиться, и не знаю, для чего-бы по моему желанію быть въ гвардіи мнѣ не вмѣстно: тамъ меня ни благородствомъ, ни дородствомъ никто не превосходитъ; намъ ихъ знатность вѣдома, все наши братія дворяне. Они и сами на себя дивятся, за что такъ украшены и обвѣшаны орденами и право не вѣдаютъ, что въ томъ министерія употреблена, дабы предъ военными глазами увеличить пачальника, чтѣ и неотмѣнно справедливо. А и то на правду походитъ: не добро отъ яти хлѣбъ чадамъ и поврещи исомъ; а они думаютъ: это-де мы достойны, не кого другова кромѣ насть.

И когда уже выпустить меня въ гвардію и товарищей моихъ генералъ-маіорами повысить не можно, и политика не дозволитъ: прошу исходатайствовать отпускъ мнѣ вѣчный въ деревню мою оплакивать бѣдно-несчастную жизнь мою, а должности здѣсь офицерской, какъ стать предъ судъ Божій, понести ей-ей не могу: совсѣмъ боленъ сталъ и дряхль.

Жалѣю и о томъ, па что я разумѣю: по пословицѣ, съ умомъ жить вѣкъ мучиться, безъ ума жить тѣшиться.

Прошу милостиваго прощенія, что болѣзнь принудила
письмомъ, а не персонально просить надлежащей помочи:
ослабѣлъ, груди утѣшены, на стужу выдти не могу, ток-
мо истиннымъ сердцемъ, радуясь вашего сіятельства бла-
гополучію, есмъ

Всепокорный слуга Матвѣй Ивинской.

При самой горести позвольте попутить.

Развѣ тѣ головы дороже,
Кон усы носятъ на своей рожѣ?
Журавлевы съ Улучкинымъ служили не однѣ,
Отрубленымъ головамъ всеѣ равнѣо чѣо сверху, чтѣ
на днѣ;
Они жѣ, я слышалъ, памѣрены жить лѣтъ по двѣстѣ,
И для того не очистятъ никому здѣсь мѣста.

*Примѣчанія на поляхъ этого письма, написанныя графомъ М. Л.
Воронцовыимъ:*

Кромѣ его пустой головы едвали кто другой подобныя
мысли имѣлъ, и однимъ словомъ сказать, что содержаніе
сего письма грубо, безразсудно и паказанія достойно со-
чинено. Токмо не соизволите ли, Ваше Величество, вели-
кодушно глупости Ивинскаго простить, хотя онъ и досто-
инъ штрафоватъ бытъ, но для избѣжанія худыхъ разгла-
шеній оставить, и ему реprimандъ учинить.

Симъ письмомъ довольно разума своего оказать.

Ивинскій получавъ большія владѣнія въ Скопинскомъ уѣздѣ Рязанской гу-
берніи П. Б.

II.

По дѣлу Лестока.

1. ПЕРЕВОДЪ СЪ РАЗОБРАННОЙ СЪ ЦЕФРЪ РЕЛЯЦІИ ПРУССКАГО МИНИСТРА ГРАФА ФИНКЕШТЕЙНА КЪ КОРОЛЮ, ИЗЪ С.-ПЕТЕРБУРГА
отъ 4 мая 1748 г.

Я съ почтительнѣйшею уваженностию имяниои указъ вашего величества отъ 20 Апрѣля получилъ, и я не ишако какъ на то согласиться могу, ежели въ ономъ о князѣ Трубецкомъ, и о той малой надеждѣ, кою на него и на друзей его по опасенію ихъ отъ великаго канцлера, положиться можно, находится. Между тѣмъ я радуюсь, что онъ отъ послѣдней своей болѣзни выздоровѣлъ; ибо онъ панипримирительнѣйшимъ графа Бестужева непріятелемъ и, по великому своему разуму, наиспособѣйшимъ есть своихъ пріятелей въ тѣхъ мѣніяхъ содержать, которое обстоятельство въ какомъ иибудь изъ тѣхъ дивныхъ случаевъ, коихъ иныи предвидѣть не можно, по какою иибудь резолюцію, смертю канцлеровою, или какою другою неожиданною перемѣною, однакожъ приключиться въ состояніи существительнымъ учиниться можетъ: ибо тогда тѣ же самые пріятели, которые теперь въ спячкѣ находятся, всемѣроно подымутся, и для интересовъ вашего величества, которымъ они усердно преданы, полезными быть могутъ.

Примѣчаніе канцлера Бестужева:

Ея Императорское Величество всевысочайше вспомнить изволитъ, что предъ симъ отъ Французскаго и Пруссаго дворовъ канцлера поносили, и чрезъ своихъ партизановъ Ея Императорскому Величеству внушали, яко бы опъ Мекленбургской принцессѣ Аннѣ преданъ былъ. Въ семъ же письму (которое хотя Ея Императорскому Величеству

оберъ-секретаремъ, въ послѣднюю бытность въ Петергофѣ, съ другими, поднесено было, однако въ разсужденіи важности онаго и очевиднаго опасенія, вторично на всевысочайшее проницаніе предается) Финкенштейнъ признавается, что формальпая потаенная шайка, по одному опасенію отъ канцлера, замысловъ своихъ въ дѣйство произвести еще не въ состояніи, и для того всю надежду свою на смерть его, канцлера, полагаетъ; следовательно, по неволѣ своей, ему въ вѣриности и усердіи къ Ея Императорскому Величеству справедливость отдаеть. Впрочемъ же Вольфенстирна, будучи остороженъ, весьма скрытно писалъ, какъ то и Финкенштейну пріятельно усильно рекомендовалъ; однакожъ канцлеръ справедливо тогда угадывалъ, что Лестока опасаться надобно, чтобъ онъ изъ своей партіи другаго Мнихса не сдѣлалъ: ибо теперь явствуетъ, что князь Трубецкой достойнымъ къ тому уже признанъ, къ чему, правда, по власти его въ Сенатѣ, и поводъ есть. Теперь только остается Ея Императорскому Величеству всевысочайшую свою самодержавную власть оказать или допустить, чтобъ явные и потаенные измѣнники умножались, и пламя вдругъ возгорѣлось, еже уже и чинится: ибо известно, что баронъ Черкасовъ по ночамъ къ вице-канцлеру и къ генераль-прокурору въ чужихъ коляскахъѣздить. Лестоковы сборища Ея Императорскому Величеству совершенно известны, такъ что болѣе и распространяться нечего. Лестокъ уже давно лучшее мѣсто въ Камчаткѣ заслуживаетъ; а другое, конечно, способнѣе были бы въ Сибири или индѣ гдѣ въ губернаторахъ, нежели здѣсь. Сие, можетъ быть, достаточно бъ было потаенныхъ измѣнниковъ устрашить и привести въ память самихъ себя и ихъ должности.

2. ЗАПИСКА КАНЦЛЕРА ГРАФА ВЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.

(1748).

Записка на память для всенижайшаго донесенія Ея Императорскому Величеству и на всемилостивѣшую аprobацию.

По слабѣйшему мнѣнію видится, что въ разсужденіи толь очевидно наружу вышедшихъ богоизрѣкихъ замысловъ, какъ безпрестанными ноющими сѣздами и конференціями, такъ наипаче извѣстными секретными письмами, къ чему еще поселяется въ Берлинѣ о воспослѣдованной перемѣнѣ въ правительствѣ присовокупить и безъ такого примѣчанія оставить не должно, какъ подаванныя въ прѣжнія времена Аглинскимъ, здѣсь бывшимъ, посланикомъ Филипомъ равномѣрныя же извѣстія, отъ чего нынѣшнее благополучное государствованіе ко всенародной радости воспослѣдовало, оно же Всеизвѣшній на неисчислимыя лѣта подъ покровомъ Своимъ да сохрани! Ничего иного пе остается, какъ надѣ некоторыми измѣнниками и ихъ мнимыми сообщниками въ одно время высокомонаршую Ея Императорскаго Величества власть, для собственной своей и общей государственной безопасности, оказать, разославъ ихъ вдругъ внутрь государства по всеизвѣшнему благоизбрѣтенію, для чего на всемилостивѣшую аprobацию мѣста ниже сего предлагаются, чрезъ которой серьезной примѣръ у протчихъ безъ сумнѣнія многихъ вѣроломныхъ или по меньшей мѣрѣ въ присяжной должности колеблющихся, колѣни затрясутся, и они въ такую робость придутъ, что не токмо безсовѣстные свои замыслы въ дѣйство производить пе отважатся, но

иаче весьма рады будутъ, когда злостные ихъ виды паружу ие выдуть. А чтобы въ имѣющихся доказательствахъ изустными сказками надежнѣе утвердиться, то того не довольно чтобы (какъ прежде сего всенижайше донесено было) находящагося при извѣстномъ смѣломъ Прусскомъ партизанѣ капитана одного схватить (ибо онъ, почувствуя изъ того, что и до него дѣло дойдетъ, иногда какого десператнаго поступка не училъ бы); но всемѣрно потребно, чтобы и онъ въ одно время купио сть своими письмами захваченъ и въ крѣпость посаженъ быль. А хотя и то легко статья можетъ, что оной Прусской смѣлой партизанѣ по извѣстной своей злости и упрямству, не взирая на всѣ доказательства, страхи и угрозы, для предъявленія своей непринадлежности и для спасенія своихъ сообщниковъ, запираться станетъ, не взирая на то, когда-бъ сть нимъ и до самыkhъ крайностей дошло; то однакожъ и того довольно, что онъ, за всѣ отъ Ея Императорскаго Величества ему показанныя щедроты и неописуемая награжденія, себя столько, какъ извѣстно, неблагодарнымъ окказалъ, дабы предъ очми Ея Императорскаго Величества болѣе не являться и свою шайку въ предосужденіе Ея Императорскаго Величества и государства не ободрять, но самое дальнѣйшее мѣсто въ Камчаткѣ достойнымъ за всѣ его преступленія награжденіемъ есть; Ея же Императорское Величество, яко самодержавная Государыня, никому кромѣ Бога, предъ Которымъ въ совѣсти своей чиста, отвѣта дать не должна.

Чтѣдо важнаго Прускаго партизана касается, то по слабѣйшему миѣнію весьма излишне быть видится ему какія-либо доказательства предлагать; ибо Ея Императорское Величество, уповательно, изъ разныхъ пассажевъ такія дѣла примѣтить изволила, о которыхъ опъ Ея Императорскому Величеству одинъ представлялъ, и Ея Величество о томъ ии къ кому иному отзываться не изволила, а опъ одна-

кохъ о томъ открылъ. Напротивъ же того, по прежнему объ немъ мѣнію, чтобы его при дворѣ опредѣлить, нѣсколько опаснымъ быть разсуждается, а особливо по причинѣ дальнѣйшаго открытія изъ секретныхъ писемъ его вѣроломства и нарушенія прежней должности; и когда Ехъ Императорское Величество доставшееся капцлеру въ руки, мимо его на обратномъ походѣ изъ Ревеля сюда, письмо вспомнить изволить, будучи онъ въ немъ, яко такой человѣкъ, наикрѣпчайше рекомендованъ, которому бы и пріятелямъ его въ совѣтахъ во всемъ послѣдовать: то для него весьма особливая милость была бъ, когда бъ онъ въ сходственной съ Италіянскимъ воздухомъ, теплой климатъ, а именно въ Астрахань генералъ-губернаторомъ отправленъ былъ. Извѣстной же корреспондентъ, котораго въ послѣдній разъ одиннадцать писемъ всенижайше поднесено было, хотя и теперь арестованъ быть довольно заслужилъ; но, для лучшаго доказательства его преступленія, всемѣрно потребно, па посланныя предъ четырьмя мѣсяцами въ извѣстное мѣсто піесы цыфирного ключа и того дождаться, чтобы онъ туже цыфирь употреблять сталъ, дабы возможно было ему разобраные оригиналы предъявить, и тогда сѣнимъ иначе, нежели съ Шетардіемъ, поступить должно, арестовать его и забравъ всѣ находящіяся письма, изъ которыхъ безъ сомнѣнія всѣ богомерзкіе проекты и авторы оныхъ еще обстоятельнѣе пынѣшняго усмотрятся. А что такимъ образомъ поступить можно, то примѣры есть, особливо же тотъ, который въ 1717 году надъ Шведскимъ посланникомъ Гилленбургомъ, который потомъ сенаторомъ и президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Стокгольмѣ былъ, и предъ нѣкоторымъ временемъ, яко Французско-Пруской партизантъ, околѣлъ, будучи не токмо съ дѣлами своими, по причинѣ открытаго въ перехваченныхъ письмахъ умысла о всеномоществованіи претенденту въ Анг-

ліи, по и другой первой Шведской министръ баронъ Герцъ, бывшій съ некоторыми комисіями въ Гагѣ, по причинѣ переписки съ нимъ о томъ, по требованію Великобританскаго двора, заарестованъ. Но понеже думать надобно, что господинъ того кореспондента въ такомъ случаѣ за него вступится, то необходимо нужно съ тѣмъ дворомъ, чрезъ котораго такія тайности получены, и слѣдовательно ему оныя извѣстны, заблаговременно и прежде нежели ожидаемыя откровенія получатся, согласиться, да-бы оной въ слѣдствіе союзного трактата, скажи вышепомянутой господинъ за своего кореспондирующаго раба вступится, вспоможеніе учинитъ. И, яко по вышепредъявленному, Ея Императорское Величество никому въ свѣтѣ, наименьше же своему рабу, отчетъ въ своихъ поступкахъ и предпріятіяхъ давать не должна, то слабѣйше думается, весьма потребно быть, важному Прускому партизану прямыхъ причинъ, для которыхъ съ пимъ такое распоряженіе чинится, не открывать: ибо онъ безъ сумнѣнія, ежели самъ времени имѣть не будетъ, по меньшей мѣрѣ чрезъ другихъ кореспондента о томъ увѣдомитъ, а сей немедленно цыфирь перемѣнить, слѣдовательно съ нимъ пожеланнаго вида достигнуть невозможно будетъ.

А дабы мнимыхъ Прускихъ тайныхъ сообщниковъ отъ нынѣшихъ дѣлъ къ другимъ перевести и опредѣлить, и Французско-Пруско-Шведской партизанки, которая, упова-тельно, не отъ одного изъ сихъ дворовъ подати полу-чаетъ, избавиться, то слабѣйше думается мужу ея ниже-слѣдующее объявить, а именно:

Генералу гравю Румянцову: что Ея Импера-торское Величество, изъ особливой своей къ нему милости, въ разсужденіи его старости и слабости здравія, его какъ отъ сенатскихъ дѣлъ, такъ и отъ воинскихъ командъ со-всѣмъ освобождаетъ и увольняетъ, позволяя ему и съ женою
Архивъ Князя Воронцова. XVI,

въ тѣхъ мѣстахъ жить, гдѣ онъ для своего покоя за спо-
собнѣе изобрѣтѣ.

А па мѣсто его въ подполковники Преображенского полку
генерала-маюра и маюра конной гвардіи князя Черкасскаго,
или генерала-маюра и гвардіи маюра Ушакова, кото-
рой напѣ за особливою комиссіею въ Москвѣ, или же ко-
го иного Ея Императорское Величество опредѣлить всевы-
сочайше заблагоизобрѣтѣ.

Генералъ-прокурора генералъ-губернаторомъ въ Сибир-
скую губернію.

Слабѣніе кѣмъ другимъ мѣста его видится быть излиш-
нимъ, и однимъ оберъ-прокуроромъ довольствоваться мож-
но; да и во всѣхъ прокурорахъ, кромѣ Синода и Сената,
по слабѣйшему мнѣнію, никакой нужды не усматривается,
потому что токмо ябеды производятъ и дѣла болѣе протя-
гиваются, интересамъ же Ея Императорскаго Величества
еще ни малѣйшей пользы не приносятъ; а между тѣмъ они
появляются въ тридцать четыре тысячи рублей становят-
ся, а со времени благополучнаго Ея Императорскаго Ве-
личества государствованія двѣсти тридцать восемь тысячъ
рублей убытка причинили.

Тайного советника и сенатора князя Алексѣя Голицына
на мѣсто вѣсма престарѣлого генерала-порутчика Загряж-
скаго губернаторомъ въ Казань.

Генерала-порутчика и стамбейстера Сумарокова въ Ниж-
ний на мѣсто губернатора князя Друцкаго.

На мѣсто его не соизволить ли Ея Императорское Ве-
личество графа Ивана Симоновича Генрикова пожаловать,
или не соизволить ли, до времени опредѣленія, советника
Неронова унтеръ-шталмейстеромъ въ рангѣ бригадирскомъ
пожаловать и управлениe тѣхъ дѣлъ поручить?

Вице-канцлеръ канцлеру неоднократно упоминалъ, чтобы
оберъ-церемоніймейстера Сантія посломъ въ Китай отпра-

вить. Правда, такая посылка для всевысочайшихъ Ея Императорскаго Величества интересовъ весьма полезна была бы; однакожъ не такого шпиона, какъ Санти, которой Французско-Пруско-Шведской партизанъ и, какъ известно, отъ Далюпа потаенно подарки получалъ, къ тому употребить надлежитъ. И потому не соизволить ли Ея Императорскому Величеству его лучше въ пограничной Сибирской городъ Селенгинскъ воеводою на мѣсто бригадира Якоби (которой при кавалеріи не безпотребенъ быть можетъ) отправить?

А на его мѣсто видится, и ни въ комъ другомъ нужды неѣтъ, потому что опь токмо при посольскихъ аудиенціяхъ, которая не часто случаются, слѣдовательно камергеромъ тогожъ ранга сія должность тогда исправлена быть можетъ; а между тѣмъ жалованье его, три тысячи рублей на годъ, въ казнѣ Ея Императорскаго Величества останется.

Камергера князя Александра Голицына, которой и предъ симъ въ военной службѣ находился, не соизволено ли будетъ бригадиромъ въ армію отправить?

Камергера князя Петра Голицына, яко наперсника двухъ Прусскихъ партизановъ и перенощика всѣхъ вѣдомостей, на мѣсто камергера Бутлара (которой извѣстнымъ образомъ королю Прускому преданъ и въ раздачѣ секвестрованныхъ мызъ дѣла, въ коихъ опь и предъ симъ употребленъ былъ, вмѣстѣ съ полковникомъ Бестужевымъ-Рюминымъ, для лучшей надежности исправлять, а Бутларь въ Ригу или какое иное мѣсто для отчета потребенъ быть имѣть.

Всенижайше думается, что для учиненія вдругъ удара, и для разогнанія и устрашенія какъ сей шайки, такъ и многихъ другихъ потаенныхъ злодѣевъ, указы по командаимъ заблаговременно подписать, чтобы въ одно время

вышеупомянутыхъ двухъ, по чюю заарестовавъ, въ крѣпость отвезти, а прочимъ въ слѣдующее потомъ утро означенное объявление съ такимъ присовокуплениемъ учинить, чтобъ каждой изъ нихъ въ недѣлю изъ С.-Петербурга, а въ два дни изъ Москвы къ мѣстамъ своимъ вѣхалъ. Но ежели бы, по сказкамъ двухъ въ крѣпость посаженныхъ, дѣло докого-нибудь изъ отправленныхъ коснулось, то ихъ всегда и съ дороги назадъ поворотить можно.

Впрочемъ же все сие слабѣйшее, но вѣрно-рабское представление монаршимъ стопамъ подвергается и на всевысочайшее пропицаніе предается.

III.

Поляки при дворѣ Елисаветы Петровны.

1. Переводъ экстрактомъ изъ письма князя Корибути-Воронецкаго къ графинѣ Міончинской, каштеляншии Подляйской.

(Апрѣль 1752).

Первую мою здѣсь удачу Богъ благословилъ весьма благополучно, попеже, на третій день по прибытіи моемъ сюда, имѣлъ честь представленъ быть Ея Величеству пресвѣтѣйшей Императрицѣ, при чемъ Ея Величество изволила меня весьма отлично принять и со мною довольноное время разговаривать. Третій тому день, какъ изволила Ея Величество отъѣхать въ Питергофъ для гулянья на пѣсколько дней, а завтрашняго дlya изволить возвратиться; попеже слѣдуютъ торжественные дни, а именно: 21-го сего мѣсяца день рожденія Великой Княгини, а 25 день коронаціи Ея Величества, конъ съ великолѣпіемъ обыкновенно здѣсь празднуются. Сіи праздники сдѣлаютъ уже прибавку и моему карману; а еще не вѣдаю, какъ скоро и съ чѣмъ Богъ меня отсюда вынесеть; слышу же, что здѣсь дѣла весьма не скоро дѣлаются.

2. Переводъ экстрактомъ изъ письма Станислава Піора къ Михаилу Нафвичу, губернатору Бирзанскому, изъ С-ти-Петербургія отъ Апрѣля 1752 года.

Донопу вашей вельможности, что я здѣсь, по милости Ея Императорскаго Величества, имѣю великую выгоду: палаты мнѣ опредѣлены весьма изрядныя, также и для

услугъ моихъ болѣе десяти человѣкъ изъ придворныхъ служителей; вина Венгерскаго, Шампанскаго, Бургунскаго и другихъ, какихъ только потребую, весьма довольно; карета богатая, кровать съ постелью и съ балдахиномъ пребогатѣйшая; при дворѣ часто за однимъ столомъ съ Ея Императорскимъ Величествомъ кушаю, и па одномъ балѣ имѣль честь съ Ея Величествомъ танцевать попольски. Однимъ словомъ, сколько есть счастья въ свѣтѣ, все Богъ изліяль на меня, бѣдную креатуру. Описать также не могу, сколько я здѣсь имѣю милостивыхъ благодѣтелей, кои меня одипъ по другомъ па обѣды и ужины къ себѣ просятъ. Чужестранные министры, а именно: Англійской, Дацкой, Шведской, Саксонской и прочие, отдали мнѣ контравизиты, и также одинъ по другому у себя меня трактуютъ; я, напротивъ того, часто многихъ кавалеровъ и у себя имѣю и богатымъ трактаментомъ опыхъ принимаю. Великолѣпіе двора описать невозможно; красота покоевъ, новомоднаго строенія и величость Петербурга неизречеппая.

Переводъ экстрактомъ ею же Станислава Пюра къ Антонію Соботковскому, стольнику Венденскому отъ Апрѣля 1752 года.

Доношу вамъ, что на сихъ дняхъ прибылъ сюда изъ Волыни князь Воронецкій съ небольшимъ числомъ служителей, и въ прошлую недѣлю имѣлъ онъ честь быть предъ Ея Императорскимъ Величествомъ; квартиру папялъ онъ по семнадцати рублей на мѣсяцъ; имѣеть орденъ святаго Губерта Рейнскаго палатина, и ключъ камергерской нашего короля; ѿздитъ онъ въ своей каретѣ парою паемыхъ ямщицкихъ лошадей. Онъ желаетъ получить рекомендацио отъ здѣшняго двора къ нашему, чтобы дано ему старство, оставшееся по большемъ братѣ его, которой

недавно умре; но только я весьма сумниваюсь, чтобъ онъ такую рекомендацио получить могъ; понеже говорили со мною уже нѣкоторые, что то не сходствуетъ съ добрымъ манеромъ; что опъ, не будучи заслуженъ, ниже звакомъ, смѣеть утруждать Ея Величество; мы-де имѣемъ въ Польшѣ такихъ, которые намъ вѣрны и которымъ падобно милости оказывать, упоминая при томъ и обо мнѣ; что вамъ-де съ охотою такая милость учинится. И потому крайне я не чаю, чтобъ оной князь желаемое получилъ; но жаль будеть того кошту и времени, которое онъ потеряетъ напрасно; попеже здѣшнее министерство о такихъ дѣлахъ весьма тонко разсуждаетъ. Помянутой князь—кавалеръ изрядной, и видно, что онъ человѣкъ достаточной; понеже много здѣсь покупаетъ богатыхъ матерій на платье, чтобъ себя хорошо показать при дворѣ, при которомъ чрезвычайно богатые уборы носять. Прошу пе всякому въ нашемъ kraї обѣ ономъ князѣ разглашать.

Я же здѣсь по милости Божеской, весьма благополучно пребываю, и по моей пропорціи дѣлаю себѣ платье въ двѣсти и въ трѣста рублей одну пару; недостаетъ мнѣ только одной золотой сабли. Шуговицы бриліантовыя уже имѣю по милости нѣкотораго доброго человѣка, и кушакъ въ двѣсти сорокъ рублей, подаренной отъ Аглинского резидента, господина барона Вульфа. Всѣхъ презентовъ получиль я здѣсь на девять сотъ рублей, и только сначала, а впредь уповаю, что Богъ пошлетъ Своимъ милосердіемъ еще больше. Ежели-бы нужда меня пе влекла ѿхать отсюда къ празднику святаго Иоанна для раздѣлки съ моими кредиторами, то я пожилъ-бы здѣсь до самой осени; понеже всѣ ко мнѣ такъ ласковы, что о скоромъ моемъ отѣздѣ и воспоминать мнѣ не даютъ; но ежели не выѣду въ среднихъ числахъ Іюля, то по крайней мѣрѣ въ первыхъ Августа, чтобъ быть мнѣ на сеймѣ изъ Лифлянд-

діи, и для одного сего резону могу скорѣе быть отсюда отпущенъ. Одинъ изъ пріятелей моихъ ко мнѣ отзывался, что здѣсь желають, чтобы я до зимы пробылъ; да и правда, что при такихъ выгодахъ, которая я имѣю, падлежало-бы хотя и до самой смерти жить здѣсь и Бога благодарить и молить о многолѣтнемъ здравіи и благополучномъ государствованіи Ея Императорскаго Величества. Одна та бѣда моя, что надобноѣхать и раздѣляться съ заимодавцами. Столъ мой коштуетъ въ мѣсяцъ болѣе тысячи рублей; изъ сего можно видѣть, какая ко мнѣ милость Ея Императорскаго Величества. Сія Монархия толь наполнена милосердія и щедротъ, что она всему свѣту есть короною и красотою; счастливымъ-бы свѣтъ себя почиталъ, когда бы онъ весь подъ властію и державой сей Монархии находился. Но ея красотѣ можно назвать ее истинною Шульхерію, а по милости къ подданнымъ истинною матерію. Прошу увѣдомить меня, иѣтъ-ли какихъ вакантныхъ мѣстъ или леновъ, и дайте мнѣ совѣтъ, просять-ли мнѣ о старостѣ Пропойскомъ? Я уже подаю одинъ проектъ, которой уповаю, что на сихъ дняхъ пойдетъ въ дѣло, а какая резолюція воспослѣдуетъ, о томъ донесть вамъ не премину. Прошу донести его сіятельству князю подканцлеру о моемъ здѣшнемъ поведеніи, чтобы ко мнѣ былъ милостивъ, когда отъ здѣшняго двора къ нашему пошлется обо мнѣ рекомендациѣ. Я же здѣсь особу его сіятельства столько прославляю, что и сказать невозможпо.

Я имѣю здѣсь первого и особливѣйшаго моего благодѣтеля его сіятельство графа Разумовскаго, которой такъ ко мнѣ милостивъ, что описать не могу; онъ мнѣ прислалъ презентъ въ четыреста рублей. Боже даруй ему многолѣтное здравіе! Когда ни случится мнѣ у него быть, то принимаетъ меня весьма милостиво, и сѣсть мнѣ ве-

литъ, и разные разговоры одинъ па одинъ со мною продолжаетъ. Сей кавалеръ достоинъ наивящаго почитанія, попеже при томъ въ великомъ своемъ счастіи нимало онъ не возносится, но ко всякому упражнѣи и пріятенію. Три раза уже имѣлъ я честь публично бытъ при одномъ столѣ съ Ея Величествомъ и попольски танцоватъ.

4. Переводъ экстракто изъ письма Станислава Піора къ Максимилиану Замойскому, отъ 8-го Апрѣля н. с. 1752-го года.

Я всякую недѣлю два раза пишу къ господину Беренсу въ Ригу, только онъ ко мнѣ еще ни единожды не писалъ; да и отъ васъ ни одного письма я не получилъ. Я предъ симъ уже къ вамъ писалъ, въ какомъ благополучіи здѣсь я нахожусь, по Высочайшей милости Ея Императорскаго Величества, и для того о томъ болѣе при семъ не упоминаю; только прошу какъ наискорѣе прислатъ ко мнѣ дѣтей Стефана и Михайла, чтобъ они всеконечно прибыли сюда къ 1-му или 2-му числу будущаго Мая предъ праздникомъ рожденія Ея Высочества Государыни Великой Княгини. О старостѣ Вилкомирскомъ чтобъ слышать будете, прошу мнѣ о томъ знать давать, чтобъ намъ послѣ съ рекомендациеми къ двору нашему не опоздать; а то легко сдѣлать можетъ господинъ Беренсъ, понеже письма мои у него пропадаютъ. Онъ человѣкъ безбожной и грубіянѣ; я ему, покуда жить буду на свѣтѣ, никогда того не забуду.

Переводъ экстракто изъ письма Станислава Піора къ Максимилиану Замойскому отъ 22-го Апрѣля н. с. 1752-го года.

Прошу послать письмо мое хотя съ парочнымъ въ Вильну, а чтобъ коротко пишу, то затѣмъ, понеже времени не имѣю для безпрестанно чинимыхъ мнѣ визитъ отъ вели-

кихъ господъ, а въ слѣдующій Вторникъ пошлио вамъ вѣсть весьма изрядную, которою вы будете довольны, и Бога благодарить станете, что Онъ сдѣлалъ со мною великое чудо. На одно платье издержалъ я девять сотъ ефимковъ; такъ-то здѣсь щеголялъ, что ни одинъ панъ въ Польшѣ лучше меня щеголять не можетъ. Богъ мнѣ послалъ милость Свою и чудо сдѣлалъ; пускай бѣсятся мои непріятели, а и пріятелимъ завидить вольно.

б. Переводъ экстрактомъ изъ письма Станислава Піора къ Венденскому столиціу Антону Соботковскому отъ 22-го Апрѣля н. с. 1752-го года.

Хотя въ первомъ моемъ къ вамъ письмѣ, отправленномъ чрезъ нарочнаго, пространно писалъ я о моемъ здѣшнемъ благополучії; однако описание онаго еще неполное и несовершенное. Да и описать всего счастья моего отнюдь невозможно, понеже по окончаніи великаго поста, который Ея Величество пресвѣтлѣйшая Императрица чрезъ все онаго время толь крѣпко наблюдать изволила, что въ иѣкоторые урочнѣе дни и рыбы не купала, а послѣднюю недѣлю однимъ только хлѣбомъ и водою препроводила, вѣденныхъ и почныхъ молитвахъ, чтѣ все хотя и надлежало бы, кажется, съ трудностью быть толь деликатной особѣ, однако Богъ милостью Свою укрѣпляетъ здравіе Ея Величества и помогаетъ безъ всякаго вреда такое строгое пощеніе сносить. По окончаніи великаго поста наступилъ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова, въ недѣлю послѣ нашего. Въ первомъ часу по полуночи, прежде начатія заутрени, данъ былъ сигналъ трикратною пальбою изъ пушекъ; потомъ въ придворной церкви началась торжественнымъ образомъ церковная церемонія съ многочисленною пальбою-же изъ пушекъ; въ церкви всѣ были знатные

господа и дамы, гдѣ и мнѣ быть велѣно. Заутреннее пѣніе три часа продолжалось, по окончаніи котораго Ея Величество Императрица, ставъ па высокомъ мѣстѣ, изволила жаловать всѣхъ къ рукѣ; потомъ первенствующій архіерей началъ обѣдню, которая продолжалась два часа съ пѣніемъ, всякия пріятности превосходящимъ; пѣвчихъ было до двухъ сотъ самыхъ избранныхъ и наилучшихъ. Я много въ свѣтѣ слыхалъ разныя хорошия музыки, но такого пѣнія, какъ сихъ пѣвчихъ, въ жизни моей пигдѣ еще не слыхивалъ. По окончаніи службы Божией, въ восьмомъ часу, Императрица изволила пойти въ свои покои, а мы всѣ разъѣхались по своимъ домамъ. Въ оный день можно было насмотрѣться здѣсь великому множеству пребогатѣшаго платья, экипажей и ливреи, такъ что здѣшній дворъ не уступитъ великодѣліемъ ни одному изъ всѣхъ Европейскихъ дворовъ. Во Вторникъ на Святой Недѣлѣ былъ великой куртагъ при дворѣ, па которомъ всѣ чужестранные министры находились; я того-жъ дня имѣлъ счастіе быть у руки Ея Величества Императрицы и нѣсколько разъ съ Ея Величествомъ разговаривалъ. Въ Среду его сіятельство вице-канцлеръ графъ Воронцовъ, мой особливѣйший благодѣтель, взявъ меня съ собою въ свою карету, вмѣстѣ съ шуриномъ его графомъ-же господиномъ Скавронскимъ,ѣздилъ къ Аглинскому резиденту, господину барону Вульфу въ приморскую мызу его, семнадцать верстъ отъ С-ти Нѣтербурга, въ которой построенъ домъ весьма богатой и преизрядной. Тамъ трактовалъ насть онъ, господинъ баронъ, весьма богато, и подарилъ мнѣ Китайскій кушакъ цѣною во сто пятьдесятъ рублей. Въ Четвергъ была Французская комедія преизряда. Въ Пятницу былъ день наилучшаго моего благополучія. Онаго дня представленъ былъ знатной балъ у его сіятельства графа Петра Ивановича Шу-

валова, на которомъ присутствовать изволила Ея Величество Императрица съ штатсъ и другими знатнейшими дамами и кавалерами, па которой и я также призванъ быль, гдѣ, послѣ многихъ Французскихъ танцовъ, ея сіятельство графиня Шувалова зачала со мною танцевать; потомъ и сама-жъ Ея Величество со мною-жъ танцевать изволила. Танцы продолжались до полуночи, а въ первомъ часу быль ужипъ, гдѣ и я тамъ-же при столѣ сидѣлъ, и три раза имѣлъ счастіе получить отъ собственныхъ рукъ Ея Величества самое деликатное кушанье, и при томъ Ея Величество, позволя мнѣ довольно съ собою разговаривать, изволила дражайшими словами обнадежить о своей неотмѣнной ко мнѣ милости, которую я никогда не заслужилъ. Балъ продолжался до шестаго часа за полночь, и уже съ свѣтомъ разѣхались. Въ Субботу весь день всѣ спали. Въ Воскресеніе при дворѣ па куртагѣ были. Я па опомъ игралъ въ карты съ княгинею Трубецкою, и съ княгинею Юсуповою, и съ княземъ Голицынымъ адмираломъ. Въ Понедѣльникѣ былъ у его сіятельства капитлера графа Бестужева-Рюмина па обѣдѣ, во Вторникѣ па комедіи. Въ Среду одинъ изъ здѣшнихъ графовъ, мой особливо милостивый благодѣтель, прислалъ мнѣ презентъ въ четыреста рублей. Въ Четвергѣ былъ цѣлый день у графини Румянцовой, первой штатсъ-дамы; тамъ будучи, игралъ въ карты въ ломберѣ съ свѣтлѣйшею княгинею Гессен-гомбургскою, и съ генеральшию Нарышкиною, и господиномъ полковникомъ, роднымъ племянникомъ его сіятельства графа Разумовскаго, у которого былъ я вчерашияго дня на визитѣ и который принялъ меня столько милостиво, что приказалъ мнѣ дать стулъ; и сидѣлъ я съ нимъ цѣлый часъ въ его компатѣ, наслаждаясь милостивыми его разговорами, которой меня при томъ обнадежилъ,

что покуда здѣсь бытность моя будеть, онъ обѣщаетъ мнѣ во всемъ милостію своею помогать; а когда я объявилъ, что я намѣрещь по прошествіи Мал отсюда отѣхать, то его сіятельство изволилъ сказать: „Господинъ полковникъ, не извольте отѣхдомъ вашимъ спѣшить; мы вамъ сердечно рады; поѣдете, только не такъ скоро. Извольте еще посмотреть хорошия здѣшнія мѣста, императорскіе дома, сады и фонтаны, и другія курьезныя вещи, а особливо въ Питергофѣ и въ Царскомъ Селѣ“ Описать невозможно всѣхъ изряднѣйшихъ качествъ сего кавалера, который, будучи въ столь великой милости у Ея Величества Императрицы, не только никакой амбиціи не имѣетъ, но и напротивъ того весьма пріятель и ко всѣмъ милостию склоненъ. Когда день тезоименитства его, святаго Алексѣя, здѣсь праздновали, то и я званъ былъ къ нему на банкетъ, и имѣль мѣсто при томъ-же столѣ, при которомъ Ея Величество Императрица присутствоватъ изволила, изъ собственныхъ своихъ рукъ кушанье мнѣ жаловала. Того-жъ дня играли тамо въ карты въ фаро; помянутой его сіятельство, пришедъ ко мнѣ, говорилъ: „Господинъ полковникъ! Что вы въ карты не играете? Али вы съ собою денегъ не имѣете? Я здѣсь хозяинъ, прикажу тотчасъ деньги пріести, сколько изволите“, и того-жъ времени, кликнувъ флигель-адъютанта господина Барсукова, велѣлъ принесть семь сотъ рублей; но я, пижайше поклонясь отвѣтствовалъ, что мнѣ пріятие видѣть монаршее лицо, нежели картами забавляться, и не игралъ; но довольноствовался милостію его сіятельства, что онъ, посадя меня возлѣ себя на капапѣ, велѣлъ дать вина и кушаль здоровье маленькой моей старостяночки, фамиліи моей и всѣхъ добрыхъ пріятелей въ Польшѣ. Чужестранные министры, не умѣя говорить попольски, говорять со мною

полатинъ, называя меня превосходительнейшій господинъ полковникъ. Его сіятельство графъ Бестужевъ-Рюминъ, мой особливой благодѣтель—прямой канцлеръ и министръ премудрой и проницательной, который всѣхъ государствъ состояніе и дѣла всей Европы совершенно вѣдаетъ. Опъ имѣть великолѣпный домъ, живеть подлинно по господски и достоинъ всякаго паивящаго почитанія. Сего дня званъ я на обѣдъ къ господину камергеру Строгонову, богатому господину, и для того время мнѣ сократить сію о преизрядныхъ вещахъ реляцію. Чтѣ касается до дѣлъ господина писаря напольного, то я и при семъ случаѣ паки повторяю, что теперь время, коли что надобно дѣлать. Господинъ Герцъ ожидаетъ резолюціи, да и я прошу прислатъ мнѣ опую съ полною мочью па примиреніе, либо что нибудь отписать ко мнѣ, чтобъ здѣсь не оставаться мнѣ какимъ либо обманщикомъ; попеже не мой интересъ въ томъ состоитъ, не только желалъ-бы я тѣмъ усугубить. Пусть не думаютъ, чтобъ я хотѣлъ чѣмъ либо покорыстоваться. Мнѣ Богъ послалъ счастье съ другой стороны: къ 25-му числу сего мѣсяца буду имѣть такое хорошее платье, что одна только матерія будетъ коштовать болѣе трехъ сотъ рублей, а на полукафтанье бралъ парчу, аршинъ по шестнадцати рублей. Такое чудо Богъ со мпою сдѣлалъ, что я выѣхалъ ни съ чѣмъ, а нынѣ на одно платье уже девять сотъ рублей издержалъ! Кто можетъ судьбы Божіи постигнуть, Которой изъ грязи дѣляетъ князя. Бога ради прошу отыскать отъ старостишии Дан-говской табакерку мою, которую мнѣ Государыня предъ симъ пожаловала, и опую прислать въ Ригу.

7. *Переводъ экстрактомъ изъ письма Станислава Пюра къ Рижскому купцу Беренсу отъ 8-го Маія н. с., 1752 года* *).

Ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ такой немилости ни отъ кого не получиль, какъ я отъ васъ, что вы на семь писемъ моихъ къ вамъ ни одного ко мпѣ въ отвѣтѣ не писали; вамъ же не безъизвѣстно, что я пріѣхалъ въ С-ктъ Петербургъ для крайней моей нужды искать здѣсь своего счастья, которое и сыскалъ. Ежели бы могъ я еще получить и того, о чемъ я пріѣхалъ сюда просить, то мнѣ весьма нужное изъ дому извѣстіе, живъ ли еще господинъ староста Вилкомирской или уже умре. Такожъ и другія о домашнихъ дѣлахъ извѣстія потребны. Того ради васъ покорно прошу, какъ возможно, съ первою почтою въ отвѣтѣ ко мнѣ отписать не подъ другимъ чымъ кувертомъ, но съ надписаниемъ ко мнѣ, прибавя на кувертѣ титулъ полковника, понеже меня здѣсь тѣмъ титулуютъ. Бога ради, не погубляй меня неисправнымъ наблюденіемъ почты, но хотя единожды ко мпѣ отпиши; иначе же, ежели далѣе будешь меня тѣмъ проводить, то о томъ двору извѣстно будетъ; понеже здѣсь петерпѣливпо ожидаемъ отъ васъ отвѣта. Но, можетъ быть, вы затѣмъ ничего ко мнѣ въ отвѣтѣ не пишете, что не хотите кредитъ мнѣ вашъ учинить въ иѣсколькихъ стахъ рубляхъ, которыхъ я у васъ на вексель просилъ; но что жъ дѣлать? Мнѣ васъ принудить трудно, когда милости вашей ко мнѣ иѣть; однако еще васъ и чрезъ сіе о томъ же прошу; понеже здѣсь такого пріятеля не имѣю, кто-бъ мнѣ въ томъ вспоможеніе уч-

*) Капцлеръ, за должно разсудя за письмами находящихся здѣсь Поляковъ Пюра и князя Воронецкаго посмотретьъ, выписано сіе переводомъ изъ оныхъ чрезъ переводчика Ивана Данилевскаго на почтовомъ дворѣ, и при семъ для извѣстія и любопытства Ея Императорскаго Величества, а наче для забавнаго сихъ писемъ содержанія всеніжайше подносится.

пиль, а миѣ краиняя пужда сдѣлать нѣсколько паръ хорошаго платья къ наступающимъ торжественнымъ днамъ. Пожалуй, пришли вексель безъ всякаго сумнїя, и когда пріѣдетъ въ Ригу служитель мой, то прошу постараться какъ скоро возможно, отправить его сюда, выпрося для него надлежацій тамо паспортъ и давъ ему сколько надобно депегъ на дорогу.

IV

Письмо изъ Дрездена въ Москву отъ графа М. П. Бесту-
жева-Рюмина къ вице-канцлеру графу М. Л. Воронцову.

Сиятельнѣйшій графъ, милостивой государь мой
Михайла Ларіоновичъ!

По пріѣздѣ моемъ въ Дрезденъ, засталъ я здѣсь при королѣ знатныхъ Поляковъ; потомъ, по возвращеніи его величества изъ Польши, другіе знатные Поляки, по древнему со мною знакомству, о разныхъ вещахъ со мною разговаривая, дали мнѣ при томъ знать, какъ имъ прискорбно, что сть нашего двора къ королю и рѣчи Посполитой опредѣленъ министромъ Нѣмецъ породою, да и тотъ-де почти незпамо откуда, и недавно при покойномъ князѣ Кантемирѣ приватнымъ секретаремъ былъ. Развѣ-де какое неудовольствіе или гнѣвъ Ея Императорскаго Величества къ нимъ имѣется; ибо-де при жизни блаженной памяти Петра Великаго всегда изъ знатнѣйшихъ персонъ Россійской націи министрами при Польскомъ дворѣ содержаны были, яко князь Григорій Федоровичъ Долгорукій двадцать лѣтъ посломъ въ Польшѣ былъ, въ томъ характерѣ и умеръ; послѣ его князь Василій Долгорукій, и послѣ сихъ двухъ всегда изъ знатныхъ персонъ Россійской націи министрами при Польскомъ дворѣ содержаны были. На что я имъ отвѣтствовалъ, чтобъ они нимало не сумнѣвались о дружбѣ и благоволеніи Ея Императорскаго Величества ко всей Польской націи, и что Ея Императорское Величество по

общирному съ ними сосѣству, во всемъ тойъ, что до яснѣйшой Рѣчи Посполитой касаться можетъ, истинное участіе пріемлетъ, а наипаче въ сохраненіи ихъ правъ и вольности, и чтобы ни пяди земли отъ ихъ республики оторвано не было. Въ такихъ сентиментахъ государь родитель Ея Императорскаго Величества былъ, въ тѣхъ сентиментахъ и Ея Императорское Величество неотмѣнно пребывать изволитъ, въ чемъ бы они весьма удостовѣрены были. А что касается да отправленія нынѣшняго Россійскаго къ Польскому двору ministра, то бы они сами разсудили, что отъ ихъ короля къ нашему двору министромъ опредѣленъ во истинно не лучше нашего; ибо оной Функъ и у меня моимъ приватнымъ секретаремъ нѣсколько лѣтъ въ Швеціи былъ, и въ послѣднемъ викариатствѣ только дворяниномъ сдѣланъ и со мною въ Россію выѣхалъ, и тамо при разныхъ Саксонскихъ ministрахъ секретаремъ былъ. И тако мнѣ видится, что и его величества Польскаго не менышай интересъ есть при Россійскомъ дворѣ знатную персону министромъ имѣть, пежели г-на Функа. На что они мнѣ отвѣтствовали, что мое разсужденіе въ семъ дѣлѣ самое справедливое есть, но что они слышали за подлинное, что король, ихъ государь, тайнымъ совѣтникомъ Функа сдѣлалъ и къ Россійскому двору министромъ опредѣлилъ во угожденіе и по требованію оного, а безъ того никогда бы оное не воспослѣдовало; на что я имъ репликовалъ, что мнѣ о такомъ происхожденіи нимало неизвѣстно.

Я о такомъ происхожденіи далѣе освѣдомлялся, и увѣдомился отъ надежныхъ пріятелей, что будто о Функѣ подлинно отъ нашего двора требовано было, и что король противу воли своей и весьма неохотно въ тайные совѣтники его пожаловалъ. Знакъ тому есть такой, что о Функѣ и по сie время въ колегіяхъ здѣшнихъ объявленіе не учено, какъ здѣсь обыкновенно бываетъ, что когда король

въ какой чинъ кого пожалуетъ, тотчасъ во всѣ колегіи объявление посылается, дабы его за такого признавали.

Я еще для лучшаго увѣдомленія съ самимъ графомъ Брилемъ о Функѣ отзывался. Сей министръ прямо мнѣ сказалъ, что по желанію двора вашаго и по многому помогательству онаго такъ съ Функомъ воспослѣдовало.

Я, еще будучи въ Вѣнѣ, о Функѣ слышалъ, что будто чужестранные министры, резидующіе при нашемъ дворѣ, зѣло его ласкаютъ, почти куръ ему дѣлаютъ, будучи въ такомъ мнѣніи, яко бы онъ у насъ въ такомъ кредитѣ былъ, что добрую и худую погоду дѣлать можетъ. Сей малиціозный и интригантный дѣтина все подноготное у насъ вѣдаетъ и сюда доноситъ. Весьма потребно, чтобъ онъ отъ нашего двора отозванъ былъ; да и не къ чести такому великому двору, яко нашъ, чтобъ такая малая креатура отъ Польскаго двора при Россійскомъ дворѣ министръ былъ, гдѣ наиглавнѣйше интересы съ обѣихъ сторонъ имѣются.

А чтѣ надлежитъ до г-на Гроса, воистину кажется человѣкъ неглупой, и Россійскаго языка научился съ великою апликаціею, и сіе можно за мерить ему почесть; весьма годится при какомъ знатномъ министрѣ секретаремъ посольства быть, или за заслуги его (ежели какія есть) въ резиденты въ Гамбургъ или въ Амстердамъ. Довольно было бы и той ему фортуны, а не къ такому знатному двору, гдѣ по обширному сосѣдству наиглавнѣйше интересы имѣются: ибо королевство Польское надобно намъ консiderировать, яко баріеръ отъ Турокъ и Прусаковъ. И того наиглавнѣйше надлежитъ смотрѣть, чтобъ Россійская инфлюенція въ дѣлахъ Польскихъ и нашъ кредитъ въ Польшѣ превосходительнѣе былъ всѣхъ другихъ Польскихъ сосѣдей. Да и то надобно въ разсужденіе взять, сколько единовѣрныхъ нашихъ въ Польшѣ обрѣтается, и какое имъ отъ

Польского духовенства гонение происходит. Российская протекция необходима имъ потребна. Сихъ ради резоновъ надобно при Польскомъ дворѣ министра Российской націи имѣть человѣка знатнаго, какъ то прежде всегда бывало, дабы Поляки къ нему почтеніе, консiderацію, откровенность и повѣренность имѣли, а не такого какъ Гросъ, съ которыми Поляки, какъ я ихъ знаю, и говорить погордятся, не токмо консiderацію или повѣренность къ нему имѣть; а Поляки натурально спѣсивы и горды, Нѣмцовъ не любятъ.

Скоропостижной изъ Россіи его сюда прѣездъ всѣмъ удивителенъ былъ. Я слышалъ за подлинно, что къ нему на дорогѣ изъ С.-Петербурга стафета прислана была, дабы онъ какъ наискорѣе въ Дрезденъ прїѣхать спѣшилъ и себя акредитовать. Королю то противно было. Королева его не жалуетъ, потому и прочие поступаютъ. Сверхъ всего того, онъ имѣетъ при себѣ одну женщину, которая здѣсь и въ Лейпцигѣ въ..... была, и изъ сего послѣдняго мѣста за кражу и за худое ея житіе выгната метлами съ барабаннымъ боемъ. Оттуда ретировалась она въ Берлинъ, и тамъ въ..... же пребывала; изъ такого дому къ нему взята, а здѣсь она въ его экипажѣ ѻздить на всѣ променады, гдѣ знатныя персоны гуляютъ, чemu всѣ здѣсь насыщаются. Я сіе вашему сіятельству доношу воистину не по какой злобѣ, ибо сего г-на Гроса впервыя здѣсь узналъ, и мнѣ онъ никакой противности не показаль, но единственно отъ ревности моей ко отечеству, когда до чести и достоинства оного касается. Вручитель сего графъ Сергій Павловичъ Ягужинской о сей женщинѣ много слышалъ и самъ видѣлъ, то болѣе словесно донести можетъ, которого въ высокую вашу милость рекомендую. Я въ семъ молодомъ кавалерѣ примѣчаю много доброго, ежели онъ въ добрыя руки достанется, а наипаче для обученія ми-

нистерскихъ дѣлъ; а что надлежитъ до Функа, то когда отъ нашего двора единымъ словомъ потребовано будетъ, чтобы онъ отзванъ былъ, тотчасъ отзывъ его воспослѣдуетъ, и потому всѣ интриги и совѣты прескучутся, да и дѣла лучше пойдутъ.

Еще имѣю о графѣ Кейзерлингѣ довести: чаю, вашему сіятельству неизвѣстно. Кстати ли и это было, милостивой государь мой, что помянутой графѣ, будучи Польскимъ подданнымъ, многіе годы при Польскомъ дворѣ Россійскимъ министромъ былъ? *C'est un exemple sans exemple*, какъ Французы говорятъ; да сверхъ того два староства отъ короля Польского имѣлъ: одно въ Литвѣ, а другое въ Пруссахъ, которыя болѣе осми тысячъ талеровъ битыхъ въ годъ ему приносили; да отъ Саксонскаго двора четыре тысячи талеровъ пансіону имѣлъ. Я о семъ, какъ скоро увѣдомился, прежде отъѣзда моего въ Вѣну, до государственного канцлера, брата моего, писалъ, но все отъ него принято было за ложное вымысленіе и химеры. А нынѣ явно то оказалось, что не ложныя вымысленія и химеры были; понеже здѣсь публично вѣдомо, что графъ Кейзерлингѣ помянутыя два староства промѣнялъ графу Брилю на одну деревню, а пансіонъ прежде отъѣзда своего въ Вѣну уступилъ сыну своему, о чемъ здѣсь явно говорятъ, и публично свѣдомо. Знатное дѣло, что онъ авертированъ былъ, что со временемъ долженъ будетъ въ томъ отвѣтъ дать; для того онъ и староства на деревню промѣнялъ и пансіонъ свой сыну своему уступилъ, чтобъ о томъ далѣе не пропеслось. Потому надобно думать, что и при Вѣнскомъ дворѣ сей великой министръ болѣе о своихъ приватныхъ интересахъ, нежели о государственныхъ помышлять будетъ; да и явно то показуетъ, что въ Вѣну прїѣхавъ, тотчасъ сына своего съ добрымъ жалованьемъ пристроилъ. Ежели графъ Кейзерлингѣ двумя помянутыми ста-

роствами и Саксонскимъ пансіономъ со всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества позволенія пользовался, то дѣло другое; но ежели же, паче чаянія, безъ всемилостивѣйшаго соизволенія и тайнымъ образомъ пользовался, то за такое его преступленіе и за такой весьма продерзкой поступокъ не токмо заслужилъ выкинуту быть изъ Россійской службы, но и наказанія достойнымъ себя учинилъ; да и никакой государь на свѣтѣ такой странный и продерзкой поступокъ безъ восчувствованія не оставилъ бы. Я къ вашему сіятельству все сіе пишу, яко къ честному и радѣтельному патріоту. Ей, милостивой государь мой, сердце болить и всѣмъ намъ не къ чести, что чужеземецъ такъ поступаетъ, и все ему съ рукъ сходитъ, яко бы у насть людей не было и безъ него обойтися не можно. Ежели онъ полученіе въ Регенбургѣ графскаго титула отъ Нѣмецкой Имперіи за великую услугу себѣ почитаетъ: пусть онъ то твердитъ игнорантамъ, которые о ситуациіи тогдашихъ дѣлъ въ Европѣ не свѣдомы; ибо тогда такія полезныя намъ коньюктуры были, что хотя бы всемилостивѣйшая наша Государыня нѣмаго человѣка въ Регенбургѣ прислать изволила, то все бы по ея высочайшему желанію сдѣлано было, понеже тогда вся Имперія отъ Франціи и Прускаго короля въ крайней опасности была, и Россійская помощь необходимо потребна была. Да и по нынѣ равновѣсие въ Европѣ отъ Россіи зависитъ. Вѣнскай и Аглинской дворы и вся Нѣмецкая Имперія довольно сіе чувствуютъ. И тако, милостивой государь мой, не по его искусству или радѣнію все то воспослѣдовало, а онъ только сидѣлъ дома въ серали своей между своими метресами, какъ паша какой; никому куска хлѣба не давалъ и не потчиваля. Такъ въ Дрезденѣ во всю свою бытность жилъ, такъ власно нынѣ и въ Вѣнѣ живетъ. За что такая атенція ему въ Вѣнѣ оказывается, ежели не за Сербское дѣ-

ло, дабы оное утешить, совсѣмъ замять, ежели возможно, или по послѣдней мѣрѣ въ долгой ящикѣ отложить! Секретарь посольства при немъ такожде иноземецъ, Прусацъ породою, многіе годы при немъ обрѣтается, его креатура, одно сердце и одинъ духъ; а бѣдной Чернєвѣ ни о чёмъ несвѣдомъ, все отъ него таять и скрываются, хотя онъ о Сербскихъ дѣлахъ достаточно свѣдомъ. И пока оное въ движеніи находится, и Сербская почти вся нація склонна въ Россію выходить, то не надлежитъ оное упускать, но, какъ скоро возможно къ пожеланному окончанію приводить стараться.

Еще присовокупить имѣю, что здѣсь подъ рукою заподлинно отзываются, яко бы Вѣнскай дворѣ, незнамо для чего, показуетъ въ себѣ многія важности и нужду, и сильное стараніе прилагаетъ привлещи Россію въ нѣкоторыя новыя обязательства единственно для своей нужды; но какъ и кромѣ того почти безпрестанно продолжающіяся цустыя неготіаціи не токмо своихъ сосѣдей, но и весь свѣтъ напрасно алармируютъ, а существительной пользы изъ того нашему отечеству истинно нѣть и не будетъ: то всякому изъ настѣ честному человѣку и радѣтельному патріоту желать надо, чтобы въ томъ дѣлѣ поступлено было со зрѣлымъ разсмотрѣніемъ, и отнюдь себя во ономъ не преципировать; ибо лишніе ангажаменты ни къ чему иному какъ токмо къ нашему болѣшему отягченію, а со временемъ и къ предосужденію, причиною будуть; напротивъ же того, въ случаѣ какой нужды, прямо намъ полагаться не на кого, и прежніе примѣры тому довольно свидѣтельствуютъ *). Слѣдственно уповаю, что домашнія распоряженія лучше всего удобными быть могутъ, нежели постороннія ласкательныя промесы заслуживали бъ какого дальнѣйшаго уваженія.

*) Точно будто въ наши дни писано. П. Б.

Не погнѣвайтесь, милостивой государь мой, что я ваше сіятельство такимъ пространнымъ письмомъ утружаю, еже я безъ всякого пристрастія учинилъ. Покорно прошу все то менажировать, дабы мои непріятели о томъ не провѣдали; ибо они и болѣе меня гнать и злодѣйствовать будутъ. Что же, милостивой мой патронъ, партикулярно до меня касается, то я, бѣдной, совсѣмъ дряхль и старъ сталъ; всѣ докторы единогласно совѣтуютъ два лѣта подважды въ Теплицѣ въ минеральныхъ сидѣть для отнятія боли и слабости въ ногахъ и для подкрѣпленія жилья. Недѣли три-четыре едва отъ боли и слабости по избѣ бродить могу; въ такомъ худомъ состояніи нахожусь.

Вашего сіятельства
покорнѣйшій и вѣрий слуга
Графъ М. Бестужевъ-Рюминъ.

Дрезденъ, 18 Марта 1753.

P. S. Жена моя нижайше свой поклонъ вашему сіятельству и дражайшей вашей супругѣ посылаетъ, и я мой респектъ ея сіятельству объявляю, и посылаемъ маленькой презентецъ графинѣ вашей; весьма намъ пріятно будетъ слышать, ежели та багателя ея сіятельству поправится.

V

Переводъ съ письма короля Французскаго къ фельдмаршалу Апраксину, изъ Фонтенбло, отъ 26-го Сентября 1757 года *).

Господинъ Апраксинъ! Шевалье Менаже вручилъ мнѣ письмо ваше, отъ 31-го числа минувшаго мѣсяца, которымъ вы меня уведомляете о побѣдѣ, одержанной состоящемъ подъ командою вашею армією моей дражайшія и любезнѣйшія сестры Императрицы Всероссійской надъ королевскимъ Прусскимъ, подъ командою фельдмаршала Левальда, войскомъ. Я пріемлю крайнѣйшее участіе во всѣхъ успѣхахъ, подкрепляющихъ предпринятое мною намѣреніе посыпкою войскъ моихъ въ Германію, для возстановленія тамъ тишины и для способствованія въ дѣйствованіи ополчившихся для праведной обороны союзниковъ моихъ. Впрочемъ я съ немалымъ порадованіемъ извѣстился о благополучіи оружія Самодержицы вашей, и благодарствую вамъ за атенцію вашу въ учіщенномъ мпѣ о томъ уведомлениі, которая атенція заслуживаетъ немалую похвалу. Я же не забуду того, что вы упоминаете въ пользу находившихся при сей бatalіи Французскихъ офицеровъ, кои увидятъ, по опредѣленіемъ мною каждому изъ нихъ достаточнымъ пенніямъ, что поданное вами о поведеніи ихъ засвидѣтельствованіе для нихъ небезполезно было.

Лудовикъ.

*) Оригинальное письмо сообщено княземъ Куракинымъ, съ котораго копія снята въ колегіи и ему обратно отдано. Замѣтка графа М. А. Воронцова. Кн. Куракинъ былъ женатъ на дочери Апраксина. И. Б.

VII.

Мать и братъ Екатерины II-й въ Семилѣтнюю войну.

1. Копія съ письма къ бывшему канцлеру Бестужеву-Рюмину отъ бригадира Салтыкова, изъ Гамбурга отъ 24-го Февраля, полученнаго въ 30 день Марта 1758 г.

Ея свѣтлость вдовствующая принцесса Ангалть-Цербстская, которая въ минувшее Воскресенье въ здѣшний городъ прибыла, просила меня вчера, чтобы я приложенной при семъ отъ ея свѣтлости къ вашему сіятельству пакетъ съ моимъ всенижайшимъ письмомъ препроводилъ.

2. Переводъ съ письма ея свѣтлости вдовствующей княгини Ангалть-Цербстской къ бывшему канцлеру, изъ Гамбурга отъ 1-го Марта 1758-го года.

Мой господинъ!

Самое рѣдкое и донынѣ неслыханное въ Германіи приключение принудило меня нынѣ имѣть честь писать къ вашему сіятельству, прилагая при семъ два письма, одно отъ сына моего, а другое отъ меня, къ государынѣ великой княгинѣ. А дабы ваше сіятельство многимъ повторениемъ не утрудить, то ссылаюсь я въ томъ на извѣстіе, сообщенное господину Салтыкову и на отправляемую его реляцію; тако-жъ на обстоятельную мою о томъ грамату къ государынѣ великой княгинѣ. Я-жъ пріемлю смѣлость сильно просить васъ о заступлениі сего дѣла вашимъ дво-

ромъ, для насъ собственно, ѹли же по дѣлу господина маркиза де-Френжа, которое достойно онаго застуленія. Вы понимаете, отъ чего произошло сie показанное намъ насилиство и къ чему особливо сыпъ мой себя подвергнулъ своею твердостю, коей причиною особливо удостовѣрнія союзныхъ державъ.

Впрочемъ ему столь чувствительно видѣть страѢдущимъ для него господина маркиза де-Френжа, своего друга и суще достойнаго человѣка, что онъ тѣмъ много здоровьяя своего потерялъ, и опасаюсь, чтобы его вовсе не лишился, если сей молодой человѣкъ вскорѣ освобожденъ не будетъ. Я же съ моей стороны, по прибытии моемъ сюда, весьма недомогала, однако внынѣ нарочито поправилась. Я ласкаю себя, что государыня великая княгиня апробуетъ, равно какъ и ваше сиятельство, выѣздъ нашъ сюда, находившись уже дома въ опасности, и будучи памъ здѣшнее мѣсто гораздо удобнѣе какъ для совѣтованія, такъ и для всѣхъ тѣхъ приключеній, кои повидимому рѣшатъ, сколь долго мы здѣсь пребывать имѣемъ. Сие по истинѣ мою экономію нѣсколько въ безпорядокъ приводить; но одолжительная старанія вашего сиятельства спосбствовали къ подачѣ мнѣ въ свое время средствъ въ прежнее прійти состояніе. За симъ прошу о продолженіи вашей ко мнѣ дружбы и напамятованія.

З. Переводъ съ письма къ ея императорскому высочеству великой княгини отъ довѣстившей княгини Аннальть-Цербстской, изъ Гамбурга отъ 1-го Марта по нов. шт. 1758-го году.

Мадамъ!

Вашему императорскому высочеству безъ сумнѣнія удивительно будетъ видѣть сie мое письмо, писанное изъ Гамбурга; но еще гораздо больше удивитесь той реляціи, ко-

торую господинъ Салтыковъ послалъ къ своему двору. Въ семъ моемъ письмѣ ссылаюсь я на обстоятельства, показанныя въ помянутой реляціи господина Салтыкова; не сумнѣвалась, чтобы обѣ оныхъ сообщено вамъ не было; я довольствуюсь только упомянуть здѣсь о главныхъ причинахъ и о нѣкоторыхъ особливыхъ обстоятельствахъ, побудившихъ моего сына и меня выѣхать сюда, о коихъ я запотребно не разсудила внести въ его реляцію, дабы о томъ не всѣмъ извѣстно быть могло.

Тому уже около двухъ мѣсяцевъ пазадъ, какъ король Французской, свѣдавъ о жалобахъ, принесенныхъ о беспорядкахъ, кои Французская армія при приближеніи своемъ къ Гальберштату причинила въ пашей деревнѣ Милингенъ отправленнымъ туда своимъ деташаментомъ гусаровъ, прислать намъ господина маркиза Френжа, человѣка молодаго, знатной породы и постояннаго, крайняго друга моего сына, которой зналъ его еще во Франціи и отъ него великія одолженія себѣ видѣлъ. Ему, маркизу, дано при томъ вѣрющее письмо, и не токмо поручено обнадежить насть обѣ аттенціи его двора къ намъ, въ разсужденіи вашего императорскаго высочества, по и точно повелѣно наблюдать нашъ интересъ, при приближеніи арміи къ пашимъ границамъ. Принять онъ со всякою отличностію, достойною его породѣ и порученной ему комиссіи. Въ то время въ Цербѣстѣ находилось еще великое множество Прусаковъ всякаго званія, кои бѣжали туда по причинѣ экспедиціи господина Гаддикса, и коихъ, по силѣ законовъ и установовъ имперскихъ, не впустить въ городъ невозможно было. По родству певѣстки моей съ королевскою Прусскою фамилиею *), паѣхало ко двору Цербѣстскому между прочими

*) Брать Ангальть Цербѣстской княгини, Шведскій король, былъ женатъ на сестрѣ короля Прусскаго.

множество и такихъ, кои только присматривали; токмо имъ всякая тамъ показана была учтивость, какую честность и обхождение требовали въ толь трудномъ случаѣ, въ кото-ромъ оные тогда находились. На лицѣ ихъ видѣла я всегда, когда маркизъ ни появлялся, перемѣну. Между ними немалое число было женщинъ, кои оказывали ему великія неучтивости, говоря съ нимъ весьма грубо; токмо онъ все принималъ такимъ образомъ, что, ни мало не уроня своей чести, заслужилъ себѣ еще почтеніе отъ всѣхъ честныхъ людей.

Я не скрываю отъ вашего императорскаго высочества, что, по поступкамъ сихъ женщинъ, я нечто худаго себѣ предвѣщала, не зная и сама тому причины. Я старалась было сіи предвѣщенія мои отъ себя удалить, воображая, что нынѣ натурально Прусакамъ Французовъ нелюбить; что мало такихъ людей, кои порядочны въ поступкахъ своихъ быть могутъ, и что между знатными есть такие-же подлые, какіе-бы они подлинно и въ самомъ званіи томъ были; и есть-ли-бѣ я мнѣніемъ моимъ послѣдовала, то-бы конечно могла предупредить слѣдствія того, но я почитала сихъ женщинъ за болтливыхъ. Я видѣла происки ихъ при небольшомъ нашемъ дворѣ, и противъ самой меня и сына моего, и теперь узнала я, что онѣ писали ко двору *), чтѣ и подало причину ко всему происшедшему.

Въ одну ночь, какъ всѣ въ самомъ глубокомъ спѣ бывали, деташаментъ Прусскихъ гусаровъ, введенной въ городъ тайно, напалъ на квартиру господина маркиза Френ-жа, и какъ онъ сталъ противиться, не впуская никого къ себѣ въ двери, то ранивъ его взяли было въ шлафрокѣ; но сынъ мой, увѣдомясь о томъ отъ караульныхъ и отъ дозору, прибѣжалъ самъ туда, и его у нихъ отбивъ, при-

*) Т. е. ко двору Прусскому.

сталъ ко мнѣ въ портшезѣ, и онъ остался у меня до втораго печального происшествія, о коемъ я вкратцѣ упомянуть намѣренъ.

Офицеръ, который командовалъ симъ дѣташаментомъ, коимъ учинены означенныя насильственные поступки, объявилъ, что имѣеть онъ словесное о томъ отъ короля повелѣніе, и предъявилъ письмо, запечатанное королевскою Прускю печатью, но надпись онаго никому показать не хотѣлъ. По сему случаю привнесены королю жалобы въ пристойныхъ и умѣренныхъ терминахъ. Сие письмо адресовано на имя первого ministра графа Подевильса, которому учлены наисильнѣйшия, пристойныя и умѣренныя представлени¤; а отвѣта на сие отъ помянутаго ministра ожидали чрезъ цѣлля двѣ недѣли. Напослѣдокъ полученъ оной отвѣтъ, сочиненной въ такихъ терминахъ, о коихъ было и не думали. Въ семъ отвѣтѣ не отрицаются отъ вышеупомянутаго насильственнаго поступка, при чёмъ еще предъявляется съ стороны королевской угроженіе противъ персоны господина марки, въ такихъ терминахъ, о которыхъ я ради благопристойности здѣсь упомянуть не могу. Въ то время думали, что надлежитъ уведомить короля и ministra его о характерѣ означенаго маркиза, чего ради послана была копія съ кредитива; но вместо ожидаемаго на то отвѣта, присланъ отрядъ многочисленной конницы, которой окружилъ здѣшній замокъ. Командующій симъ дѣташаментомъ офицеръ объявилъ сыну моему, что взялъ онъ господина марки Френжа, и вручилъ ему королевское письмо въ отвѣтъ на учленныя графомъ Подевильсомъ по сему случаю представлени¤. Сему офицеру объявлено, что намѣренъ еще ожидать втораго письма, которое бы рѣшительно было. Весьма было трудно склонить сего офицера, чтобы онъ возвратился въ городъ, чтобъ онъ однако наконецъ и учнилъ, но при томъ объявилъ, что онъ долженъ

донесть о семъ полковнику своему Тауенцину, которой ко-
нечно пришлеть около четырехъ сотъ человѣкъ съ пушка-
ми. Въ семъ ему воспрепятствовать было не можно; и
для того, ради предосторожности, писано къ полковнику
и притомъ послана копія съ учиненныхъ вновь королю
представленій. Къ сему же государю еще писали и требо-
вали паспорта для господина маркиза въ такомъ случаѣ, если
его величество того не отмѣнить, чтобы помянутый маркиз
выѣхалъ изъ Цербста. Вместо отвѣта отъ короля, отъ ми-
нистра его присланъ деташаментъ, которымъ вышеозначен-
ной офицеръ угрожалъ. Сей деташаментъ состоялъ изъ
конницы и пѣхоты, при чемъ были и пушки. Командую-
щій симъ деташаментомъ офицеръ, по учиненіи ему силь-
ныхъ представленій, склонился пробыть два дня въ Ро-
славѣ. Но какъ королевскимъ отвѣтомъ было умѣлено,
то по востребованію отъ полковника своего Тауенцина чо-
ваго ордера, подошедшъ къ городу, овладѣлъ городскими
воротами, поставилъ на площади пушки, и по возвращеніи
курьера его объявилъ намъ, что въ силу полученнаго имъ
ордера имѣеть онъ поступать противъ замка съ крайнею
жестокостью; но мы за потребно не разсудили выдать
акредитованаго. Господинъ маркизъ де-Френжъ объявилъ,
что онъ, паблюдая должностъ свою, въ разсужденіи двора
своего, не дозволить, чтобы для него замокъ разломатъ, и
что онъ въ полночь отдается въ руки одному офицеру отъ
кавалеріи; и онъ то учинилъ съ такою твердостію, что
чрезъ то заслужилъ все мое почтеніе. Его повели въ Маг-
денбургъ; гдѣ его бросили въ одну изъ basses cours.

Въ томъ состоять, милостивая государыня, всѣ обстоя-
тельства сего чрезвычайного приключенія, кое мы претер-
пѣли и которымъ явно нарушены народное право, законы
и конституціи, до сихъ поръ столь свято почитаемыя въ
Имперіи; по чтѣ наигорестнѣйшимъ есть для меня въ семъ

приключенія, чтò наивище пронзаетъ сердце мое, и о чмъ не должно и свѣту вѣдать: то воспріятые противъ меня умыслы въ самомъ Цербстѣ, и по онымъ воспослѣдовавшее сыну моему жестокое насильство. Онъ столько о томъ неизвѣстенъ, сколько я; да и для его покоя весьма нужно, чтобъ онъ о семъ тайномъ замыслѣ отнюдь прямо не вѣдалъ. Я начинщиковъ тому знаю, однако вознамѣрилась вовсе объ пихъ умалчивать. Я подлинно никогда не забуду тотъ великой страхъ, въ которой я какъ отъ сего поступка, такъ для сообщниковъ и производителей оного приведена, ни мѣсто, гдѣ то дѣлалось, ниже тотъ ужасъ, коимъ я всегда объемлема, особенно когда вспомню о лукавствѣ нѣкоей персоны, о коварствѣ которой я подлинно подозрѣвала, однакожъ никогда не думала, чтобъ по мое му къ ней черезъ четыре года показанному благодѣянію и учтивости, могла она столь неблагодарно быть. Чтобъ до сына моего касается, то я онымъ весьма довольна. Онъ добрые подаль опыты о своемъ благонравіи, которые къ чести его послужатъ.

Впрочемъ побудительныя причины учиненному въ нашемъ мѣстѣ насилиству и прочее не принудили бѣ еще насъ оттуда выѣхать, еслибы мы не получили подтверждительного и важнаго извѣстія, что сынъ мой должностимъ пребываніемъ въ домѣ своемъ подверженъ былъ поруганію, будучи онъ Аустрійскимъ генераломъ, а я матерью вашего императорскаго высочества и сестрою такого принца, который воюетъ противъ страшнаго и сильнаго сосѣда, и потому мы за нужно разсудили на сей выѣздъ поступить. Въ тотъ день, когда мы намѣреніе приняли выѣхать, имѣла я отъ извѣстной руки толь ясныя о тѣхъ умыслахъ улики и свидѣтельства, что мы не мѣшкавъ еще той-же ночи оттуда выѣхали. Моя невѣстка осталась въ Цербстѣ, крайне любима въ тѣхъ мѣстахъ и у той фамиліи, въ коей ея сестра въ

супружествѣ находится. По великому и тѣсному ея тамъ союзу, не имѣть она причины съ той стороны чего либо опасаться и можетъ, если похочетъ, тамо полезною быть своему супругу. А какъ я увѣдомилась, то она съ двѣ недѣли прежде отѣзда моего больна была; а во все то время я, и сама не помогая, ее постыдить не могла. Нашъ отѣездъ учинился потаеннымъ образомъ, ибо никто о томъ не вѣдалъ, и мы вѣхали троє сутки безъ остановки, а прибыла я сюда больна жабою (отъ которой я однакожъ почти выздоровѣла), чему нимало удивляться не должно, въ разсужденіи беспокойства въ пути при нынѣшней худой дорогѣ и тѣхъ обѣзводъ, кои мы чинить принуждены были для избѣжанія погони отъ Прусской арміи. Гоненіе отъ Прусковъ продолжалось чрезъ девять дней; мы видѣли формальную осаду земли нашей, а сіе случилось два дни послѣ полученнаго извѣстія мною о кончинѣ моей дражайшей сестры принцессы Саксенготской. Если ваше императорское высочество себѣ представите ту жестокость, съ кото-рою сіи самыя персоны, на которыхъ я столь сильно жало-ваться причину имѣю, со мною поступали по случаю кончины сестры моей и во время помянутаго ужаснаго проис-шествія, то вы благоволите отъ бѣднаго сына моего такія мои обиды скрыть. Я оныя вамъ вѣряю, открывая при томъ всю искренность сердца моего и прося никому о томъ ни-когда не объявлять; а ежели вы о тѣхъ людяхъ догадаетесь, то прошу обѣ отпущеніи имъ винъ ихъ. Я все сіе больше причитаю въ вину несчастливому жребію своему; паче же всего прошу не смигнать виноватыхъ съ невин-ными. Тѣ, которые остались послѣ меня въ Цербстѣ, въ томъ певиновны, а можетъ быть и между ими вѣкоторые малодушные или паче отважные найдутся, но могутъ иногда прийти въ совѣсть и показать полезныя услуги, когда имъ

Архивъ Князя Воронцова, XVI. 7.

представляются въ томъ выгоды и оказывается онимъ довѣренность.

По происшествіямъ увидимъ мы, сколь долго мы здѣсь пребывать имѣемъ. Я, когда о семъ ни помышляю, всегда опасаюсь и ужасаюсь Цербста. мнѣ онъ всегда представляться будеть дикимъ и страшнымъ мѣстомъ. Много времени потребно, чтобы истребить изъ меня сей страхъ. Что жъ до сына моего касается, то принялъ уже онъ свои мѣры; однако еще видѣть надобно, можетъ ли онъ исполнить.

Я нашла здѣсь господина Салтыкова весьма ревностнымъ, учитивымъ, радѣтельнымъ, готовымъ во всемъ служить мнѣ, равно какъ и любезную его супругу. Я утѣшеніе имѣю ежедневно разговаривать съ ними о вашемъ императорскомъ высочествѣ. Сie порадованіе мнѣ весьма нужно. Я стою въ домѣ родительницы моей, въ коемъ братъ мой уступилъ мнѣ верхній этажъ. Моя сноха, супруга моего брата Георгія, которая ежечасно сюда изъ Пруссіи ожидается, нижній этажъ получить. Я о сыне моемъ ничего не упоминаю, ибо онъ самъ къ вамъ нынѣ пишетъ, а токмо совокупно съ нимъ прошу, дабы бѣдной маркизъ де-Френжъ, какъ скоро можно, освобожденъ былъ; онъ ему другъ, онъ его любить и крайнѣйше сожалѣть видѣть его для него страждущаго, почему и столь много обѣ немъ печалится, что мнѣ весьма прискорбно его въ такомъ состояніи видѣть. Показуемое по сему дѣлу заступленіе ваше наипаче заставитъ насъ Бога молить за ваше высочество, пребывая съ сущимъ искреннѣйшимъ атташементомъ, мадамъ, вашего императорскаго высочества

Покорнѣйшая и послушнѣйшая вѣрная мать и служница I. Елисаветъ.

VII.

Прусаки въ Саксонії.

Пребывающій здѣсь Саксонскаго посольства совѣтникъ Прассе, при промеморіи своей отъ 2 (13) Декабря 1760 года, сообщилъ канцлеру полученной имъ, Прассемъ, отъ двора своего обстоятельной меморіаль о причиненныхъ въ Саксонії королемъ Прускимъ убыткахъ и о прочемъ, изъ котораго меморіала, для Высочайшаго Ея Императорскаго Величества извѣстія, слѣдуетъ при семъ экстрактъ.

ЭКСТРАКТЪ ИЗЪ МЕМОРИАЛА О ПРИЧИНЕНИХЪ КОРОЛЕМЪ ПРУСКИМЪ ВЪ САКСОНІИ УБЫТКАХЪ, И О СРЕДСТВАХЪ КЪ ДОСТАВЛЕНИЮ ОНОЙ СПРАВЕДЛИВАГО НАГРАЖДЕНИЯ ЗА ПРОШЕДШЕЕ, ПНАДЛЕЖАЦЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ ВУДУЩАГО ВРЕМЕНИ.

Его величѣство король Польской предъявляетъ, что причиненные ему и землямъ его отъ короля Прускаго убытки превосходятъ сумму ста миллионовъ ефимковъ; что оные убытки не могутъ заплачены быть всѣ наличными деньгами; да такое возвращеніе убытокъ и не доставило бы Саксонії безопасности для будущаго времени, которая безопасность однако должна составлять наисущественнѣйшую часть справедливаго награжденія. Но понеже лишенъ онъ болѣе четырехъ лѣть всѣхъ своихъ доходовъ, и Саксонія отдана ему будетъ въ истощенномъ состояніи, то требуетъ онъ:

1) Чтобы для исправленія и избавленія оной отъ бѣдности, возвращена ему была нѣкоторая часть убытковъ и наличными деньгами; и чтобы для поправленія же города Лейпцига и возстановленія его кредита заплачена оному была по крайней мѣрѣ пѣкоторая часть вынужденной тамъ превеликой суммы денегъ.

2) Чтобы въ будущемъ мирномъ трактатѣ, или же, если возможно, формою прелиминарныхъ пунктовъ, именно выговорено было, дабы всѣ письма, документы и другія дѣла, принадлежащія къ кабинету и къ архивамъ курфирстскаго Саксонскаго дома, которые похищены неслыханнымъ насилиствомъ, отданы были обратно всѣ въ цѣлости, такъ чтобы ничего изъ оныхъ удержано не было.

3) Чтобъ король Прусской обязанъ былъ возвратить на-турою, или заплатить точно по описямъ всю артилерію, ружье, амуницію и другіе военные снаряды, которые увезены съ 1-го Сентября 1756 года изъ арсеналовъ Саксонскихъ, а особливо изъ Дрездена, Цейца и Вейссенфельса.

4) Чтобъ всѣ полки, конные, пѣхотные и драгунскіе, съ артилерійскимъ и инженернымъ корпусомъ, всѣ мастеровые и другіе люди, какого бы званія они ни были, принадлежащіе къ военному Саксонскому штабу и составляющіе Саксонскую армію, такъ какъ была она въ лагерь при Пирнѣ въ 1756 году (сколько-бѣ еще оныхъ подъ властію короля Прусскаго ни находилось) отданы были вѣрно и отведены въ Саксонію, не удержавъ ни одного человѣка. Тожъ требуетъ онъ и въ разсужденіи всѣхъ другихъ Саксонскихъ подданныхъ, которые отведены и переселены въ области короля Прусскаго, а особливо всѣхъ тѣхъ, кои при окончаніи войны опредѣлены добровольно, или по неволѣ въ Прускія войска; такожъ возвращена была-бѣ шляхетная рота кадетовъ и всѣ другіе Саксонскіе дворяне, ко-

торыхъ король Прусской, по неслыханному нарушению правъ самодержавства и по безпримѣрному безчеловѣчію, привидилъ употреблять оружіе противъ законнаго ихъ государя. Требуетъ же онъ, чтобы они осуждены были вѣрно, такъ что ни одинъ изъ нихъ, подъ какимъ бы видомъ и въ какомъ бы достоинствѣ то ни было, въ службѣ короля Прусскаго не остался.

5) Его величество падаетъ, что не токмо будетъ исходатайствовано для него возвращеніе пропорціональное убыткамъ, но еще и доставлена ему впредь безопасность достаточная противу такихъ насилиствъ, каковыя онъ претерпѣлъ; а для сего сугубаго намѣренія, ничего пристойнѣе не было-бѣ, какъ отнять у непріятеля герцогство Магдебургское съ смежными къ оному землями и отдать ихъ королю и его дому. И такъ его величество предлагаетъ, чтобы помянутое герцогство со всѣмъ Сальскимъ окружомъ, Нитсбургской амтъ, княжество Гальберштатское со всѣми онаго принадлежностями, земское верховное начальство части графства Мансфельдскаго, секвестрованной въ пользу короля Прусскаго, Бранденбургская часть въ графствѣ Гогенштейномъ и штифтъ Кведлинбургской отдѣлены были отъ владѣній короля Прусскаго, для присоединенія навсегда къ областямъ курфирстскаго Саксонскаго дома.

6) Понеже всей Европѣ известны права курфирстскаго Саксонскаго дома на наследство Клевское и Юлихское, то король требуетъ часть сего наследства, находившуюся до пынѣшней войны во владѣніи у короля Прусскаго, представляя о достальной части учинить раздѣлъ съ Фальцскимъ домомъ, такъ какъ высокіе союзники разсудятъ то за пристойно.

7) Что сія часть земель, которыя достанутся Саксонскому дому, можетъ быть обмѣнена съ его свѣтлостью курфирстомъ Майнцкимъ на городъ Эрфуртъ, на обѣ онаго

крепостцы, Петерсбергъ и Цираксбургъ, и на Эйхфельдскую землю, съ двумя городами, Дудерштадомъ и Гейлигенштадомъ; и его величество уповаеть на дружбу высокихъ союзниковъ, что они благоволять склонить его свѣтлость курфирста Майнцскаго къ сему распоряженію, обоимъ курфирствамъ равномѣрно удобному. Эрфуртъ и Эйхфельдская земля весьма отдалены отъ прочихъ владѣній курфирста Майнцскаго, а смежны съ ландграфствомъ Туинскимъ, а потому были-бъ оному весьма выгодны въ разсужденіи комерціи.

8) Что владѣнія короля Прускаго, включенные въ Нижней Лаузациіи и вообще называемыя Богемскими ленами, а именно: Котбусъ, Цейцъ, Сторкау, Бескау и Зоммерфельдъ, суть источникомъ беспокойствъ для Саксоніи и могутъ причинить несогласія; почему, хотя оныя сами собою весьма маловажны, для короля однако нужны, и его величество требуетъ, чтобъ сіи владѣнія включены были въ награжденіе за его убытки.

9) А дабы можно было свободную комуникацію имѣть между его королевствомъ и наследственными его областями, которая выгода безъ сумнѣнія учинитъ дружбу его полезнѣйшею, то король ласкаетъ себя, что высокие его союзники главнѣйшимъ пунктомъ имѣть будутъ то, чтобъ доставить ему герцогство Кроссенское и Циллихавской дистриктъ въ Силезіи.

10) Что къ сему благоволить присовокупить ея величество императрица-королева Венгерская землю Швибускую, какъ то уже обѣщала она въ 1745 году Лейпцигскою конвенціею.

11) Еще-жъ желаетъ король, чтобъ въ будущемъ мирномъ трактатѣ поставлено было то, что касается до уступленія правъ верховнаго начальства ея величества императрицы-королевы надъ князьями и владѣтелями Шварцбург-

скимъ, Рейскимъ, Шенбургскимъ, Лихтенштейнскимъ и Маркъ-Ашскимъ; такъ же чтобы учинено было совершенное отрицаніе на право короны Богемской, на Зонневальдъ въ Лаузациі и пѣкоторыя мѣста въ Фогтландѣ.

12) Требуетъ онъ, чтобы учинены были пѣкоторыя распоряженія, которыя могли-бы освободить по крайней мѣрѣ большею частію курфирство Саксонское отъ великихъ долговъ, и въ семъ намѣреніи принудить бы короля Прускаго, чтобы онъ заплатилъ все то, что Саксонская рентерей должна еще своимъ подданнымъ, тѣмъ наипаче, что онъ получалъ болѣе четырехъ лѣтъ доходы, опредѣленные для сей публичной казны. А при томъ отнять бы у него то, чѣмъ онъ понимає владѣть въ Гельдріи, и отдать оное королю курфирсту Саксонскому. Еще-жъ принудить бы короля Прускаго отречись отъ всѣхъ своихъ правъ на княжество Нефшательское и Валленгинское въ Швейцаріи, уступивъ оныя равномѣрно его величеству королю курфирсту Саксонскому.

13) А понеже король Аглинской весьма много способствовалъ къ раззоренію Саксоніи учиненiemъ королю Прускому вспоможенія, то требуетъ его величество Польское, чтобы долгъ, состоящій въ трехъ миллионахъ и пятистахъ тысячахъ ефимковъ, которые выданы ему въ ссуду отъ короля Аглинскаго изъ особливой его Ганноверской казны, былъ уничтоженъ будущимъ мирнымъ трактатомъ со всѣми свершками, и чтобы область Шлайзингенъ, положенная въ заладъ для безопасности помянутаго долга, объявлена была свободною отъ всякаго обязательства.

14) Что же касается до герцога Саксенготского, которой соединенiemъ своихъ войскъ съ Ганноверскою арміею способствовалъ къ продолженію утѣсненія, подъ которымъ стояло курфирство Саксонское съ начала войны, то его величество полагается въ томъ на высокихъ своихъ союз-

никовъ и ручателей Вестфальского мира, чтобы признать несправедливость сего поступка и возвращеніе убытковъ, котораго имѣеть онъ право отъ него ожидать для облегченія своихъ подданныхъ.

Наконецъ, требуетъ его величество Польское точныхъ и формальныхъ о доставленіи ему совершенного удовлетворенія обнадеживаній, либо чрезъ декларацио, или запасною копвенцію, и падбѣется, что Ея Императорское Величество Всероссийская соблаговолить безъ утраты времени склонить всѣхъ высокихъ союзниковъ къ согласному принятію обязательства для доставленія награжденія Саксоніи, такъ какъ оное означено выше сего; а для сего, по предъявленію его, запасная конвенція, подписанная всѣми союзными державами, имѣеть быть надежнѣйшимъ способомъ къ предупрежденію затрудненій, могущихъ произойти при будущихъ ногоціаціяхъ о возстановленіи мира.

VIII.

Сношенія съ Франціею.

1. ПЕРЕВОДЪ ПИСЬМА КЪ КАНЦЛЕРУ ОТЪ ИЗВѢСТНАГО ТЕРСІЕ, ИЗЪ ПАРИЖА ОТЪ 10-ГО ФЕВРАЛЯ 1760 ГОДА (ПОЛУЧЕННАГО СЪ КАПИТАНОМЪ ШОКУРОВЫМЪ 9-ГО АПРѢЛЯ).

Милостивой государь! Письмо, которымъ ваше сіятельство почтили меня изволили 20-го Октября по старому стилю прошлаго года, врученено мнѣ 21-го Декабря нов. ст. господиномъ капитаномъ Шокуровымъ съ наказанными ему отъ вашего сіятельства предосторожностями. Первое мое стараніе было тогда всеподданнѣйше поднести оное королю моему государю. Разныя обстоятельства не дозволили мнѣ получить такъ скоро, какъ бы я того желалъ, повелѣніе его величества о моемъ на то письмо отвѣтѣ; а иныи, будучи въ состояніи къ тому, исполняю сію должностъ безъ упущенія времени.

Когда Ея Величество (какъ упоминаете ваше сіятельство) съ удовольствiemъ усмотрѣть изволила королевскую къ вей искренную дружбу и твердое памѣреніе оставаться при обязательствахъ своихъ о подкрѣплениі общаго дѣла: то имѣю честь обнадежить ваше сіятельство, что король совершенно одинакихъ мнѣпій съ Ея Величествомъ; да и подлинно ничто пріятнѣе быть ему не можетъ, какъ согласie, основанное болѣе на взаимномъ другъ къ другу почтеніи, произведенномъ отличными добродѣтелями и высокими качествами обоихъ государей пашихъ, нежели на

интересъ, для котораго обыкновенно сдружаются государи. Почему главное основаніе дружбы Ихъ Величествъ не иное что какъ праводушіе ихъ, добрая вѣра и искренность. Толь равныя съ обѣихъ сторонъ свойства и кои особливо примѣчаются во всѣхъ Ея Императорскаго Величества дѣлахъ, имѣютъ удостовѣрить Ея Величество, что король за всегда особливое стараніе прилагать будетъ доказывать дѣйствительными опытами искреннѣйшую къ пей довѣренность свою, соотвѣтствуя той, которую опа на дружбу его полагать изволитъ. Сю довѣренность съ великимъ удовольствиемъ усмотрѣлъ его величество изъ письма вашего сіятельства. Вся Европа отдастъ безспорно должную справедливость той ревности, съ которой Ея Императорское Величество защищаетъ утѣсненныхъ несправедливымъ непріятелемъ государей и ихъ земли. Не токмо данные уже Ея Величествомъ опыты твердости своей въ соблюденіи обязательствъ союза и польза, которую храбрость войскъ ея принесли общему дѣлу ослабленіемъ силъ помянутаго непріятеля, но и все, чтд Ея Величествомъ чрезъ три года сдѣлано, предвѣщаетъ, чего еще и впредь учинить изволить, пока общими союзниками устремленіями въ земляхъ, бѣдствіями войны изнуренныхъ, возстановится прочной и постоянной миръ, къ чemu единствено простираются всѣ поступки его величества. А какъ повседневно перемѣняющіяся обстоятельства могутъ произвестъ такіе случаи, въ коихъ-бы небезнужно было, чтобъ король откровенно сообщилъ Ея Императорскому Величеству о намѣреніяхъ своихъ, и желалъ-бы вѣдать мнѣніе ея, почему сіе обстоятельство и подало поводъ къ секретной чрезъ вале сіятельство перепискѣ: то его королевское величество, будучи весьма благодаренъ за ту охотную податливость, съ каковою Ея Величество оную принять изволила, за особливое почелъ бы себѣ удовольствіе пользоваться симъ способомъ для

соглашениі о тѣхъ разныхъ дѣлахъ, о которыхъ отъ вашего сіятельства ко мнѣ писано. Но сами легко разсудить можете, что сколько-бѣ его величество того ни желалъ, будучи при томъ увѣренъ, что между государями, послѣдующими токмо собственной сердецъ своихъ искренности, всякая въ дѣлахъ трудность вскорѣ преодолѣвается, невозможно однакожъ отступить отъ обыкновенного порядка производить дѣла чрезъ министровъ и пословъ своихъ; ибо изъ сего самаго произошли-бѣ безчетныя несходства, коихъ его величество со всею усердностью своею поправить не могъ бы. Но я имѣю повелѣніе объявить вашему сіятельству, что можете обнадежить Ея Величеству, что въ тоже самое время, когда секретная переписка предоставлена будетъ для дѣлъ, кои собственно до государей нашихъ касаться могутъ, первой пунктъ инструкцій для постановленія договоровъ о мирѣ въ Германіи и опредѣляемыхъ министровъ въ томъ состоять будетъ, чтобъ они во всемъ способствовали желаніямъ и интересамъ Ея Императорскаго Величества и оныя бы подкрѣпляли. Король совершенно чувствуетъ все, чтобъ для Ея Величества дѣлать должно за учиненное ею въ пользу общихъ интересовъ. Его величество надѣется, что происшествія, коими война кончится, союзникамъ такъ полезны будутъ, что возможеть доказать Ея Императорскому Величеству, сколько въ существѣ самомъ упражняется тѣмъ, что до нея касается. Но дѣла це достигли еще до той степени, чтобъ возможно было предвидѣть, какой конецъ войны имѣть будетъ. Между тѣмъ точныя расположенія къ дѣйствительному исполненію искреннаго его величества намѣренія способствовать самымъ дѣломъ въ успѣхахъ желаній Ея Императорскаго Величества иначе какъ на семъ познаніи основать можно. Сие однакожъ подлинно, что непремѣнна пребудетъ королевская дружба къ Ея Величеству, и что успѣхи войска ея ко-

нечно-бъ еще важнѣе были, если-бъ имѣли они съ тылу такое мѣсто, которое бы съ безопасностью облегчало имъ вступленіе въ непріятельскія земли. Одипъ токмо Стетинъ къ сему способнымъ быть могъ. Сожалѣнія достойно, что не можно было его осадить; но его величество уповаетьъ, что происшедшее дѣло при Максенѣ и положеніе Австрійскихъ войскъ, препятствующихъ Прусакамъ овладѣть Дрезденомъ, и кои и совсѣмъ изъ Саксоніи выгнать ихъ могутъ, въ нынѣшнюю кампанію болѣе, пежели въ прежнихъ облегчать взятие Стетина. Извѣстно вамъ, милостивой государь, сколь сильно представляется о нуждѣ сей осады. Отъ Гданска, напротивъ того, толь великой пользы имѣть отнюдь не можно. Сей городъ, будучи виѣ натурального положенія воинскихъ дѣйствъ, можетъ, правда, сначала служить убѣжищемъ войскамъ Россійскимъ и охранить ихъ отъ нападеній толь проворного и отважного непріятеля; но думать не должно, чтобъ король Пруской, упражняясь нынѣ въ спасеніи собственныхъ своихъ земель, пошелъ на Россіянъ даже подъ самой Гданскъ. Сего ради думаетъ его величество, что, не упоминая ниже о несправедливости (какъ то смѣло сказать можно) предпріятія сего, которое, не будучи нужное, слѣдовательно и настоящео яко-бы въ томъ надобностию извинено быть не можетъ, ниже о должныхъ по собственному же вашему сіятельства признанію уваженіяхъ къ Польшѣ, чаемая отъ занятія Гданска польза не можетъ въ сравненіе поставлена быть съ тѣми бѣдственными слѣдствіями, кои-бы отъ того произошли; что завладѣніе симъ городомъ подъ нынѣшнее время возбудить можетъ новыхъ непріятелей, или воспричинствуетъ по меньшей мѣрѣ роптаніе всея Европы; потому что всякой, по различію пристрастій, разнымъ-бы образомъ и толковать сталъ о семъ предпріятіи, и сіе самое конечно вредило бы славѣ Ея Императорскаго Величества, о которой ваше сія-

тельство ревнуете столь много, что Ея Величеству ничего совѣтовать не будете, чѣмъ бы оная помрачена быть могла.

Г-нъ Шокуровъ спрашивалъ меня также именемъ вашего сіятельства, можетъ ли Ея Величество совершенно увѣриться, что о сей перепискѣ никому неизвѣстно *). Я имѣю точное повелѣніе обнадежить васъ, что сія тайна всемѣрно замыкается токмо между обоими нашими государями, и что кромѣ вашего сіятельства, господина Олсуфьевы, господина Шокурова (которому поручено отъ васъ сдѣлать мнѣ сей вопросъ и которой о дѣлахъ переписки нашей не вѣдастъ), да меня, никто другой безъ извѣстія про то не знаетъ.

Исполня повелѣнія моего государя, которой черной отпушкѣ сего письма собственноручно апробовать изволилъ, остается мнѣ токмо обнадежить ваше сіятельство о томъ безпредѣльномъ почтеніи, съ коимъ имѣю честь быть, милостивой государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою

Терсіе.

P. S. Я долженъ засвидѣтельствовать вамъ, милостивой государь, что господинъ Шокуровъ весьма желалъ безъ замедленія возвратиться къ вамъ съ отвѣтомъ на ваше комѣ письмо; но невозможно было вручить ему оной прежде сегодняшняго числа, т. е. 19 Февраля, хотя и поставлено въ немъ 10-е число; а кромѣ сего ничто иное его здѣсь не задержало.

Такожъ прошу господина Олсуфьевы извинить поправки въ цифрахъ, происшедшія отъ того, что я ихъ прилежно

*) Кромѣ отдачи пакета Терсіеру никакой больше комисіи Шокурову поручено не было; и сей вопросъ имѣ собственно учиненъ весьма не кстати и продержано, можетъ быть отъ излишняго любопытства, за что и выговоръ ему учиненъ. Примѣчаніе графа М. Л. Воронцова.

пересматривалъ, дабы, ежели возможно, никакихъ ошибокъ не было.

Переводилъ дѣйствительной статской совѣтникъ Адамъ Олсуфьевъ.

2. изъ реляцій дѣйствительнаго камергера князя дмитрия голицына изъ парижа, полученныхъ съ возвратившимся отъ него курьеромъ кашталинскимъ въ 16-й д. ноября 1760 года, подъ № 35-мъ отъ 12 (23) октября.

Въ отправленной моей реляціи на послѣдней почтѣ упомянуто было токмо вкратцѣ о полученіи мною Вашего Императорскаго Величества высочайшаго рескрипта чрезъ маіора Кашталинскаго; а нынѣ съ сею надежною оказіею доношу, что когда я включепное при томъ же рескриптѣ особое письмо отъ Вашего Императорскаго Величества канцлера дюку Шоазелю вручилъ, и при томъ Прусское подлинное письмо ему показывалъ, препроводя пространно точными изъясненіями и увѣреніями отъ стороны Вашего Императорскаго Величества (какъ оное тѣмъ указомъ предписано мнѣ было): то онъ Шоазель, прочитавши тѣ письма и выслушавши о семъ мой разговоръ, принималъ сіе все, колико до него касается, за особливой опытъ Вашего Императорскаго Величества къ нему милостивой довѣренности и высочайшаго благоволенія, удостовѣряя меня пакрѣпко, что имѣющіяся обѣ немъ единственно по великодушію Вашего Императорскаго Величества толь ласкателныя мѣнія онъ съ глубокою благодарностью пріемлетъ и не преминетъ при всѣхъ удобныхъ случаяхъ существительно доказывать, коли много его сіе побуждаетъ наивяще наблюдать все то, чтѣ общему дѣлу полезно и обоимъ высочайшимъ дворамъ угодно быть можетъ; по чемъ меня просиль опое ориги-

нальное письмо у него оставить ради предъявленія королю его государю, на чтѣ я поступить дерзновеніе и принялъ въ разсужденіи обоюднаго взаимнаго откровенія респективныхъ державъ.

При читаніи помянутыхъ писемъ, по примѣчанію моему, онай Шоазель былъ спокоенъ, пе оказывая ни малѣйшей въ себѣ какой либо перемѣны, которое чаятельно происходило отъ того, что содержаніе оныхъ ему было уже гораздо знакомо; разсужденія-жъ того Шоазеля при томъ были о словахъ упоминаемыхъ королемъ Прускимъ въ томъ своемъ письмѣ, что онъ въ силахъ своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ истощевается, то оное-де и прежде было уже извѣстно по состоянію его дѣлъ, не меныше-же сумнительно и опасно сіе для него одного. А о нареканіяхъ чинимыхъ ему, Шоазелю, онъ многажды разговоромъ подтверждалъ, что прямо того дознаться не можетъ и по любопытству единому стараться будетъ стороною о томъ свѣдать. Между тѣмъ же догадывается токмо, что не то ли иногда королю Прускому противно показалось, что давно уже онай проискивалъ миръ заключить съ Франціею, отдѣля ее отъ высокихъ союзниковъ, въ чемъ ему однако-жъ отказано было строго. А впрочемъ означенныя въ ономъ письмѣ коварныя и препнебрегательныя выраженія обѣ пемъ Шоазелѣ онъ за ни что пріемлетъ, и въ затѣянномъ на него оправдается достаточно вѣрными услугами своему государю.

Его величество король Французскій, по полученіи той копіи, тогда-жъ ее читать изволилъ самъ стъ Шоазелемъ, и оба совсѣмъ понять не могутъ, въ чемъ-бы такія нареканія на онаго Шоазеля состояли. Часто упоминаемое оригинальное письмо дюкъ Шоазель мнѣ паки отдалъ, купно и съ отвѣтнымъ письмомъ къ Вашего Императорскаго Величества канцлеру, которая оба при семъ слѣдуютъ, съ

тѣмъ отъ него объявленіемъ, что король первообъявленное читалъ и сообщеніе того почитаетъ за знакъ Вашего Императорскаго Величества искренней къ нему дружбы и союзнической откровенности, за что его величество съ особливою чувственностью засвидѣтельствуетъ свое признаніе.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПИСЬМА КЪ КАНЦЛЕРУ ОТЪ ДЮКА ШОАЗЕЛЯ, ПЪЗЪ ПАРИЖА ОТЪ 23-ГО ОКТЯБРЯ (1760).

Король повелѣлъ мпѣ засвидѣтельствовать вашему сіятельству, сколь много онъ чувствуетъ опить довѣренности, оказанной ему отъ Ея Императорскаго Величества Всероссійской сообщеніемъ его величеству оригинального письма короля Прускаго, перехваченного императорскими войсками. Сія взаимная довѣренность весьма сходственна съ сентиментами дружбы и соединенія и которая, какъ импѣраторъ, такъ и завсегда пребудетъ твердымъ основаніемъ королевскаго союза съ Ея Императорскимъ Величествомъ.

Мы не могли понять, по какой причинѣ ругаетъ меня его Прусское величество въ своемъ письмѣ. Я думаю, что истинное мое преступленіе противъ сего государя есть та точность, съ которой исполняю я королевскія повелѣнія сходственно съ его искренностю и союзомъ съ двумя императорскими дворами; въ такомъ случаѣ ругательство короля Прускаго служить похвалою праводушію и сентиментамъ моего государя, также и моей вѣрности въ моемъ званіи. Я же, нимало не печалюсь о презрѣніи короля Прускаго, умножу еще ревность въ моемъ поведеніи. При семъ приемлю смѣлость просить ваше сіятельство повергнуть сіи почтительныя обнадеживапія къ стопамъ Ея Императорскаго Величества и быть увѣреннымъ о особливомъ поченіи и преданности, съ коими имѣю честь быть.

№ 36-й отъ того-жъ числа.

Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества рескрип-
томъ № 20-го, полученнымъ здѣсь такожде чрезъ прислан-
наго сюда курьеромъ маіора Кашталинского, дано мнѣ
знать *), коимъ образомъ въ С-тъ Петербургъ изъ Вар-
шавы извѣстіе дошло, что бывшій тамо Французскій ми-
нистръ Дюранъ внушалъ тайно Полякамъ и ихъ склонялъ,
чтобъ припцъ Ксаверій не токмо наслѣдововалъ постъ от-
ца своего въ достоинствѣ короля Польского, но и дабы его
королевское величество еще при жизни своей уступилъ ко-
рону оному принцу; такожде, что дофіня, доброжелатель-
ствуя брату своему, главпою въ томъ предводительницею
была, употребляя преданныхъ Франції Поляковъ; и что ко-
роль Польской, увѣдавъ о такихъ обстоятельствахъ, писаль
дочери своей помянутой дофіпѣ, равно какъ и къ означен-
ному принцу Ксаверію, оказуя въ томъ свое великое не-
удовольствіе, такъ что къ послѣднему и не отвѣтствуетъ
ва присланныя отъ него письма; при чемъ всемилостивѣй-
ше мнѣ повелѣно откровенно о томъ изъясниться съ дю-
комъ Шоазелемъ, чтѣ я дѣйствительно всеподданѣйше и
исполнилъ безъ всякаго замедленія; напротивъ чего объ-
явленной дюкѣ Шоазель мнѣ по сему поводу открылся,
что показанному безосновательному дѣлу здѣсь происхож-
деніе было слѣдующее.

Что прѣдъ нѣсколькимъ временемъ помянутая дофія,
такожде принцъ Ксаверій, да Саксонской министръ Фонте-
не и Саксонской же генералъ-маіоръ обрѣтающейся при
томъ принцъ Мортанжъ, бывъ вмѣстѣ въ дофининыхъ
покояхъ, въ шуткахъ сочинили о томъ мемо-

*) О семъписано по случаю поданнаго извѣстія отъ посланника Воейкова.
Приимѣчаніе графа М. Л. Воронцова.

Архивъ Князя Воронцова. XVI, 8.

ріаль *), которой послѣ и дофину показывали; съ восемь же мѣсяцевъ тому назадъ, Римско-Императорской посолъ графъ Старенбергъ, получа отъ своего двора въ ономъ увѣдомленіе, сообщилъ въ откровенности для прочтенія помянутой меморіалъ дюку Шоазелю, которой ни мало о томъ прежде не зналъ и съ удивлениемъ то видя, выпросилъ его у Старенберга на сколько себѣ дней, по чьмъ оной королю показавъ допосиль, какое происшествіе означенному меморіалу было, и его величество, сіе прочетши съ пренебреженіемъ, пазадъ Шоазелю отдалъ, объявя, что оное самое непристойное дѣло, и писано безъ всякаго основанія, а особливо прогнѣвался, что въ томъ меморіалѣ упомянуто было, что принцъ Ксаверій, будучи королемъ Польскимъ, женится на принцессѣ Французской, дочери королевской.

Шоазель такожде о томъ тогда-жъ говорилъ съ дофиномъ, которой отвѣтствовалъ, что тотъ меморіалъ дофина ему вскользь показывала, но онъ, не уважая на такое пустое дѣло, и читать его не хотѣлъ; о чьмъ означенній Шоазель и самоѣ дофину въ тоже время спрашивалъ, представляя ей, колико сіе неосновательное дѣло причинить можетъ какъ подозрѣніе и недовѣренность у союзныхъ дворовъ, такъ и оскорблениe королю Польскому ея отцу. Она на то изъяснилась, что оное происходило токмо келейно въ единую забаву, и съ тѣмъ, чтобы то никѣмъ знаемо быть не могло, по которымъ обстоятельствамъ Шоазель весьма меня увѣрялъ, что содержаніе того меморіала почитается здѣсь за одни несходныя и вздорныя мысли, и что сіе дѣло тогда-жъ крайне пренебрежено и совсѣмъ уничтожено.

Послѣ онаго показанный Шоазель, распространя свой разговоръ о Польскихъ поведеніяхъ, со всякою ласкою мнѣ

*) Сія шутка довела до непріятныхъ изъясненій. Примѣчаніе графа М. Л. Воронцова.

сказывалъ, что Французскіе министры, обрѣтающіеся въ Варшавѣ, отсюда инструированы Россійскимъ интересамъ отнюдь не препятствовать, и будто повелѣно было имъ о семъ посланнику Воейкову объявить, изображая мнѣ далѣе, что Французская партія въ Польшѣ болѣе есть мнимая, и дѣла тамошнія состоятъ въ единыхъ интригахъ и сплетняхъ, которая здѣсь во уваженіе принимать мало достойны; о чемъ онъ болѣе отказывался изъ особливой откровенности ко двору Вашего Императорскаго Величества, прибавя къ тому еще и сіе, что графъ Бриль самъ многія лжи вымышилъ, а потомъ ихъ сообщаетъ другимъ дворамъ за тайность, узнавъ будто оныя чрезъ постороннихъ, иувѣдомлять о томъ въ осторожность. Да и другое того Бриля разные поступки призпаєтъ оной Шоазель за не-пристойные, яко человѣка нетвердаго и склоннаго токмо къ интригамъ и тщеславію, чрезъ что единствено себѣ пріобрѣсти ищетъ многихъ заслугъ.

Вышереченный Французской министръ Дюранъ, акредитованной въ Польшѣ, недавно сюда пріѣхалъ, и известно мнѣ отъ надежной стороны, что онъ разговоромъ представлялъ здѣшнему министерству, что Поляки Саксонскаго курпринца никогда себѣ королемъ не выберутъ, по причинамъ, что графъ Бриль сего хочетъ, и о томъ старается, и еще-жъ они Поляки желаютъ, чтобъ король Польской никакихъ особыхъ владѣній ни въ Нѣмецкой землѣ, ни индѣ гдѣ совсѣмъ не имѣть и резидовалъ бы всегда въ Варшавѣ. А герцогу Курляндскому королемъ тамо быть препятствуетъ будто то, что сіе Россійскому двору не угодно, и яко-бы оной герцогъ тайно уже женатъ на иѣкоторой шляхтичѣ Польской; но чтобъ до принца Ксаверія надлежитъ, то оному будто сход-

нѣе быть Польскимъ королемъ паче помянутыхъ двухъ его братьевъ, однако-жъ при нынѣшнихъ обращеніяхъ не упомятельно, дабы Французской дворъ по сему предложенню похотѣлъ на что либо поступить, и чаятельно опое останется безъ рѣшенія малѣйшаго, до будущаго времени.

№ 37-й отъ того-жъ числа.

Отъ обоихъ ихъ Римско-императорскихъ величествъ присланъ сюда съ увѣдомленіемъ о совершившемся бракѣ его королевскаго высочества архи-дука Іосифа камеръ-геръ графъ Колоредо, которой въ Фонтенебль имѣлъ уже у короля свою аудіенцію.

Пребывающій здѣсь Гишпанской посолъ сообщилъ мнѣ экстрактъ письма, присланного къ нему отъ Дона Вала, въ которомъ упоминается, что графъ Рикла своего государя просилъ отъ посылки онаго въ С-тъ Петербургъ, въ разсужденіи слабаго состоянія его здоровья, увольнить; на что король милостиво склонность и показалъ, но при томъ вместо того Рикла назначилъ ко двору Вашего Императорскаго Величества полномочнымъ министромъ Марки Далмодовара, своего мажоръ-дома, которой природою и отличностію ничѣмъ не менѣе прежде къ тому было избраннаго, и что оной марки къ своему отѣзду какъ панскорѣе возможно готовится.

IX.

**Письмо конференцъ-секретаря Д. В. Волкова о Русской тор-
говлѣ ¹⁾.**

(1760)

Сіятельнѣйшій графъ,

Милостивый государь мой Иванъ Григорьевичъ.

Ваше сіятельство, принимая на себя дирекцію важной Коммисіи о комерціи, сверхъ великой вашей къ великимъ дѣламъ способности, конечно, послѣдовали болѣе вашей ревности и усердію къ службѣ Ея Императорскаго Величества и къ пользѣ отечества.

Я, съ меньшими дарованіями ²⁾, по таковою-жъ ревностію движимъ, пріемлю смѣость представить мои слабѣйшія мнѣнія. Когда позволено и безъименно подавать полезныя представленія, то я толь болѣе уповаю благосклоннаго выслушанія, что въ моихъ мнѣніяхъ не будетъ ничего мнѣ зазрительнаго и что по тому адресуюся я прямымъ лицомъ и къ самому шефу Коммисіи.

Неизвѣстны мнѣ всѣ основанія, на которыхъ учреждена сія Коммисія, или какіе ей положены предѣлы; но во первыхъ, довольно для моего свѣдѣнія, что ваше сіятельство избраны въ оной предсѣдать, и потому я уже смѣло могу Коммисію о коммерціи воображать себѣ во всемъ ея пространствѣ.

Покажется, можетъ быть, что мое званіе и служба должныствовали-бы меня воздержать отъ подобныхъ представленій и научали-бы не желать новостей, а еще меньше искать имя прожектіора; но я донесу на первое, что пря-

¹⁾ Съ современнаго списка. Неизвѣстно, къ кому писано (не къ графу ли И. Г. Чернышову?) и кому принадлежать примѣчанія. П. Б.

²⁾ Награди меня Богъ такими.

мому усердію и ревности къ добру никакое званіе предъ-
ловъ полагать не имѣть, а па второе, что до новостей
я и самъ не охотникъ; ибо ваше сіятельство изъ ниже-
слѣдующаго усмотрѣть изволите, что новаго иностраннаго
ничего не будетъ, а много найдется смѣшаннаго съ дѣ-
лами политическими *).

1-е. Что продолжающаяся война весьма истощила не-
казну, но государство деньгами, то вѣмъ извѣстно, сколь-
ко-жъ (уповаю я) и сіе неоспоримо, что возвращенія
оныхъ въ государство не учинится и при долговременномъ
мирѣ, буде балансъ коммерціи не станетъ оставаться въ
нашу сторону, а особливо что роскошь и страсть ко вся-
кимъ чужимъ новостямъ несказанно возрастаетъ. Но пу-
скай возстановленіе мира могло бъ возвращать, однакожъ
хлѣбомъ торгъ производить Рига и великую Полякамъ при-
быль дѣлаетъ: то мнѣ кажется стыдно толь изобильной
Россіи въ семъ торгу ничего не соучаствовать и весь свой
хлѣбъ на одномъ винѣ пропивать, а на случай, сохрани
Богъ, недороду, совсѣмъ никакого запасу не имѣть. Про-
шедшиіе годы возили мы много въ Кенигсбергъ, а больше
еще накупили въ Ригу; какъ то ни есть, хлѣбу былъ ра-
сходъ, а деньгамъ обращеніе. Что жъ будетъ, если мы, даѣмъ
поворъ прилежать къ земледѣлію, вдругъ обнажится, что
сія надежда была маловременная? Я не буду съ тѣми ра-
доваться, кои кричать станутъ: „слава Богу, у насъ въ
Пензѣ хлѣбъ по четыре алтына четверть“. У нихъ, мо-
жетъ быть, великие винные заводы, и такъ имъ прибыль.
Но я воображаю, сколько бѣдному крестьянину тогда чет-
вертей возить надо было, пока онъ свои соберетъ семь гри-
венъ! Сія великая матерія многими уже была трактована,

*) Будто бы не равная должность была всѣхъ о пользѣ и благополучії об-
щества стараться, а наче такимъ людямъ, которые такимъ большими даро-
ваніемъ Божескимъ обогащены. Саривый талантъ проклять отъ Бога.

и поданы уже объ ней такие проэкты, кои достойны сей матеріи и своихъ сочинителей. Но какъ искусство *) намъ доказало, что всякий торгъ въ казенномъ содержаніи упадаетъ, да не меныше и то подлинно, что ко управлению весьма великихъ и обширныхъ дѣлъ весьма артифиціельная машина не имѣютъ довольно силы, и почти одинъ рычагъ памъ приличествуетъ; то мое слабѣйшее мнѣніе въ томъ состоитъ: 1-е. Выпускъ хлѣба изъ всѣхъ портовъ генерально позволить безпошлинио, или съ такою пошлиною, съ какою изъ Лифляндіи отпускается; но мнѣ видится, что и передъ тою еще убавить надобно, какъ по новости торга, такъ и потому, что здѣшнія гавани не таковы способны какъ Ревельская. 2-е. Но чтобы и выпускъ былъ умѣренной и въ тожъ время знатной въ государствѣ хлѣба запасъ былъ, то надобно сей торгъ отдать городамъ, съ тѣмъ, чтобы въ первые годы, напримѣръ буде Тверь отпустить сто тысячъ четвертей,—двадцать пять тысячъ, конечно, въ городовомъ магазинѣ оставалось. Со временемъ сие число можно умножить печувствительно до нѣсколькихъ капиталовъ; а въ Ригѣ и въ Ревеле тотчасъ уже можно сдѣлать, что ровное число противу отпуска оставаться будетъ. Пространнѣйшаго требуетъ сей артикуль объясненія, однакожъ точно къ разсмотрѣнію вашего сіятельства и принадлежитъ, отчего барки, коими производится вся сюда коммерція, втрое дороже прежняго стали, и нѣтъ ли опасности, что потребнаго на оныя лѣсу недоставать будетъ; а я смѣло донесу вашему сіятельству, что въ Можайскомъ уѣздѣ и около Гжатской пристани, гдѣ непроходимые лѣса были, теперь степь стала, но не отъ того, чтобъ весь на барки изошелъ, а отъ винныхъ, стеклянныхъ и желѣзныхъ заводовъ и отъ небреженія; потому что тамъ па него цѣны нѣтъ.

*) Т. е. по нынѣшнему: опытъ. П. Б.

2-е. Знатное число отпускаемъ мы отсюда желѣза, по не смотря на то, что мы имѣемъ самое лучшее, Швеція дѣлить однакожъ съ нами такую прибыль, которая, кажется, намъ однимъ принадлежать имѣла-бъ. А я только вѣдаю, что предъ многими уже годами Агличане хотѣли не купить одного фунта въ Швеціи, если мы не одно полосное, но и по лекаламъ ихъ дѣлать станемъ. О всемъ томъ тогда-жъ представлено Сенату, а о томъ я распространяться предъ вашимъ сіятельствомъ нужды не имѣю, колико политически и экономически интересована о томъ польза имперіи.

3-е. Когда уступлены обратно Персіи завоеванныя кро-вію отечества приморскія Каспійскаго моря провинціи, то за сie въ награжденіе Россіи выговорено въ трактатѣ тор-говать тамъ безданио и беспошлино всѣмъ Россійскимъ людямъ, исключая изъ того всѣхъ иностранцевъ, а паче Персидскихъ подданныхъ. Толь свободной торгъ и толь дорого купленный, принадлежитъ всему государству, и какіе тамо разоренія и грабежи ни были, сія часть коммер-ціи всегда однакожъ была велика, и многія тысячи людей питались оною. Господь Евреиновыхъ отецъ вдругъ поте-ряль тамо, помнится, сто семдесятъ тысячъ рублевъ, а однакожъ торга туда не прѣѣхъ. Нынѣ, когда возставшія въ Персіи замѣшанія подавали поводъ искусно тѣмъ поль-зоваться, и ко обогащенію государства населить Астрахань, Кизляръ, Царицынъ и другія близкія къ Астрахани мѣста какъ разными Персидскими художниками, такъ и самими капиталистами, но странному несчастью или потому что экономическая дѣла съ политическими соглашаемы не были, отданъ сей торгъ въ такую компанію, что директорскимъ сей компаніи имѣемъ можно честнаго человѣка выбратьъ, которая сама собою никакой коммерціи производить не мо-жетъ, а всѣмъ другимъ препятствуетъ, и сей полезной

торгъ совсѣмъ остановила. Страннѣе всего: вѣдьно, чтобъ Астрахань, которая симъ торгомъ и питается, и какъ первой пограничной городъ для славы государства въ хорошемъ состояніи находится имѣть, употребила въ сию компанію капиталу только пятьдесятъ тысячъ рублейъ, слѣдовательно кормилась-бы только свершками съ сей суммы, когда однакожъ болѣе какъ по 50 рубл. въ годъ тамо съѣдаемо и выпиваемо быть имѣть. Такимъ образомъ необходимо надобно, чтобъ Астрахань обѣдняла, а и поселившіеся тамо богатые иностранцы разѣхались. Сего ради, думаю я не только полезно, но и необходимо надобно: 1-е, сию компанію, чтѣ скорѣе, то лутче совсѣмъ уничтожить, и затѣмъ отпюдь не останавляться, что казенныхъ денегъ сто тысячъ рублей дало, ибо къ полученію онъихъ и безъ того надежды нѣть; 2-е, Астраханской портъ на пѣсколько лѣтъ сдѣлать совсѣмъ вольнымъ, ибо пошлины собирается тамо и безъ того весьма мало; 3-е, разнымъ около Астрахани лежащимъ мѣстамъ дать привилегіи лѣтъ на двадцать или на тридцать, что буде кто иностранной на нихъ поселится, тотъ отъ всякихъ налоговъ и податей свободенъ, и можетъ заводить фабрики, какія кто хочетъ, не требуя новыхъ позволеній и не будучи въ рукодѣліи своемъ ни отъ кого зависимъ.

Можетъ мѣръ на сіе сказано быть, что вольной торгъ въ Персіи многимъ былъ бѣдствіемъ, и велиkie дѣлались отъ несогласія купцовъ подрывы. То неоспоримо; но какъ Персіяне и сами не хотятъ, чтобъ мы по всей Персіи Ѣзда, щепетильничали, а охотно сами прїѣзжая къ портамъ, покупаютъ, а сихъ портовъ въ Персіи немнogo, то предоставляю другимъ на разсмотрѣніе, не можно ли намъ получить тамо маленькой Мадрасъ или Пондишери? На первой случай за довольно я почитаю такое узаконеніе сдѣлать, чтобъ всякий годъ, когда купцы туда начинаютъ

съезжаться, въ присутствіи консула дѣлали товарамъ своимъ сами оцѣнку съ тѣмъ, чтобы ниже уже того не продавать, а кто ниже продастъ и изобличенъ будетъ, у того все конфискуется въ пользу торгующаго туда купечества. Да я думаю, что давпо надлежало-бы по тому же поступать въ Оренбургѣ и въ Швеціи, хотя тамо торгъ и не знatenъ.

4-е. Говоря о купечествѣ, въ Персіи торгующемъ, тотчасъ представляется мнѣ, что нужнѣйшій для пасъ тамошній продуктъ есть шелкъ, но теперь за разореніями и онаго тамо мало. Я не знаю, не остановятся ли наши фабрики, ежели оваго въ Персіи совсѣмъ не будетъ; а то подлинно вѣдаю, что Параби въ Астрахани пѣсколько пудъ такого сдѣлалъ, которой добротою никакому не уступаетъ, или больше того, что ежели-бъ мы своимъ шелкомъ пробавляться могли, оставляя времени надежду о выпускѣ, то неизреченная государству польза была-бъ; а между Кизляромъ и Астраханью такія мѣста есть, где дремучими лѣсами растутъ шелковичныя деревья. Сіи мѣста и съ немалою, я чаю, суммою въ приданыхъ, отданы оберъ-директору Василію Макарову, дабы шелкъ завель; но сіе въ добромъ намѣреніи учиненное опредѣленіе или не исполняется, или во зло употреблено. Макаровъ, всегда многими хлопотами и приказными дѣлами отягощенный, шелку еще ничего не дѣлалъ, а вмѣсто того селятся у него, въ крестьяне выходящіе, Грузинцы и другіе изъ горъ и, съя пшено, такъ воздухъ тѣмъ заражаютъ, что моровыхъ повѣтрій опасаться надобно; и понеже сія вотчина ни по чѣму ему не принадлежить, а къ шелковому разводу такъ способна, то, по моему мнѣнію, и надлежитъ оную выше-писанною привилегію спабдить, особенно-же сію привилегію такимъ образомъ распорядить, чтобы оная къ размноженію шелку не принужденіемъ, по ласкателымъ пово-

домъ была. А я увѣренъ, что сколь скоро такая привилегія въ Персіи извѣстна учinitся, то лутшіе люди оттуда съ радостью пріѣдутъ съ ихъ имѣніями, не дѣлая казнь никакого убытка.

Симъ способомъ, думаю я, можно и другіе нѣкоторые города поправить, не дѣлая великихъ казенныхъ издержекъ.

5-е. Хлѣбной здѣшнему государству торгъ натуральне всѣхъ. Подлинно, бывшиими и часто безъ нужды запрещеніями, заставили мы мпогихъ прилежать къ земледѣлію, и убавили расходъ на нашъ хлѣбъ. Но когда малая обширной имперіи провинція Лифляндія великой прибытокъ дѣлаетъ, мнѣ кажется весьма опасно ожидать спокойно сего пеподлиннаго времени; ибо если-бъ паче желанія и ожиданія надлежало войну еще нѣсколько лѣтъ продолжать, то въ государствѣ серебрянаго рубля не осталось-бы. Потому короче всего казалось-бы всю роскошь пресечь и привозъ сюда многихъ разорительныхъ излишествъ запретить. Но понеже первое сопряжено со многими окрестностями, а запрещеніе подвержено также великому разсмотрѣнію, да-бы, запрещая привозъ, не уменьшить весьма и вывозу и тѣмъ, вмѣсто распространепія, не сократить весьма коммерціи: то мое слабѣйшее мнѣніе къ тому клонится, чтобъ всѣ товары здѣшняго продукта, кои какимъ либо образомъ были донынѣ запрещены, и такъ отъ времени изъ коммерціи выбыли; что нескоро ихъ и покупать станутъ, не токмо тотчасъ позволить, но и безпошлинико отпускать или съ такою малою пошлиною, которая была-бы совсѣмъ нечувствителъна *).

Съ другихъ здѣшнихъ товаровъ пошлина уже убавлена, однакожъ и тамъ, по разсмотрѣнію, убавку сдѣлать

*) Дай Богъ, чтобы на оное согласились.

можно. Если-бъ казна теряла, напримѣръ, двѣстіи тысячъ рублей, а государство пріобрѣтало тѣмъ миллионъ, мнѣ кажется, сю потерю великою паходкою почитать можно. Здѣсь будетъ вопросъ о лѣсахъ, кои отпускались изъ Нарвы и изъ Пернова и кои запрещены. Мнѣ нужды въ томъ иѣть, какъ дѣланы запрещенія и паки отмѣняемы были, или какъ во зло употреблены данныя позволенія. Но я знаю, что и сбереженіе лѣсовъ крайне нужно, и что два города опустошаются во время, когда мы людей заводить хотимъ, что вырубленные лѣса гниютъ, и государство великихъ суммъ лишается. Потому на сей артикулъ мое слабѣйшее не въ указѣ мнѣніе въ томъ состоять, чтобы, напримѣръ, года на два позволить отпустить по парочитому числу, потому что много есть заготовленнаго, а на прочіе годы сіе число гораздо умѣрить. Запрещеніемъ вывозу лѣсъ еще не сберегается. Въ заморской отпускѣ идетъ только годный на строенія; а я знаю, что гдѣ иѣть лѣсамъ цѣны, тамъ мачтовыя деревья употребляются на куреніе вина. Отними Лифляндцамъ всю надежду къ полученію пользы отъ лѣсу, опи, имѣя торгъ хлѣбомъ, всѣ лѣса пожгутъ, чтобы на мѣстѣ онаго сильнѣе бѣ хлѣбъ родился. Отдѣляюсь я нѣсколько отъ моего предмета, но для вашего сіятельства проницанія довольно означивать краткія идеи. Я единое токмо присовокуплю, что, понеже сіи городовые магазины имѣютъ быть на содержаніи города и на ихъ отвѣтѣ, хотя имъ же и принадлежатъ: то всемѣрно надобно, чтобы дворянство ни прямо за море хлѣба не отпускало, ниже иностраннымъ купцамъ продавать могло. Я истинно отъ всего сердца дворянство почитаю и хочу ему всякаго добра, но я добромъ дворянскимъ не почитаю, когда-бъ мы сдѣлялись купцами, а купцы наши должности исправляли.

6-е. Фабрики принадлежать до Манифактуръ-коллегіи. И въ томъ весьма согласенъ, а особливо сколько касается до суда и расправы; но они должныствуютъ составлять знатную часть коммерціи и потому всемърно къ разсмотрѣнію вашего сіятельства подлежать. Обыкновенно полезны государству бываютъ тѣ, гдѣ много людей кормится, и гдѣ свои продукты въ дѣло употребляются. Не имѣемъ мы своего шелку, но падъ нимъ много людей работаютъ, а сверхъ того имѣемъ надежду и свой шелкъ получить. На противу того, ситцевая фабрика употребляетъ въ дѣло одну Красносельскую воду и, лишая многихъ подданныхъ промыслу печатанія холстовъ, вводитъ только въ государство беспошлино иностранные товары. О сахарныхъ фабрикахъ тоже ничего лучше сказать нельзя; ибо, конечно, ни сахарного песку, ни ситцевыхъ полотенъ у насъ въ государствѣ не быть. Я потому смѣло говорю, что сіи лишнія фабрики или безъ всякихъ церемоній уничтожить, или пространная ихъ привилегіи весьма сократить надобно.

Были еще некоторые небезважные пункты у меня замѣчены, по частію вышли изъ памяти, частію же недостаетъ мнѣ и времени; почему и здѣсь о всѣхъ артикулахъ не съ такою пространностью писано, какой оныя требовали. Но я уповаю, что довольно изобразилъ, коль далеко простирается моя ревность. Много есть людей, кои болѣе и лучше моего вздумаютъ; но вѣрно такихъ мало, кои о представленныхъ мною пунктахъ говорить станутъ. Если я счастливъ буду, и мое усердіе пайдетъ апробацію вашего сіятельства, то я всегда въ состояніи буду краткіе пункты пространнѣе объяспить.

Огпустите, ваше сіятельство, что я такъ нечеткою рукою и на такой бумагѣ писалъ: когда я начиналъ, то, при всемъ моемъ усердіи, вѣдая свои недостатки, сумпѣвался,

могу ли я такъ написать, чтобъ вашему сіятельству поднести; а написавъ теперь не хочу уже пропустить случая увѣрить ваше сіятельство о совершенномъ истинномъ высокопочитаніи, съ каковымъ имъю честь быть
вашего сіятельства
покорнѣйшій слуга
Дмитрій Волковъ.

Декабря 19 го дня 1760 года .

X.

Къ послѣднимъ дніямъ жизни Елизаветы Петровны.

1. Канцлеръ графъ Воронцовъ къ И. И. Шувалову.

Покорнейше вашему превосходительству благодарствую за сообщеніе письма графа З. Г. Чернышева *); оное при семъ возвращаю.

Что же касается до протчаго содерянія письма вашего превосходительства, которое мнѣ много прискорбія училило, что вы изволили къ сожалѣнію моему столь горестно изъясниться, по случаю вчерашняго дня нашего разговора, я истинно не въ состояніи изобразить вамъ, сколь много чувствую, что ваше превосходительство такъ мало, или легко воображаете о состояніи моемъ. Я всегда ласкателюю надеждою себя питалъ, что ваше превосходительство больше, нежели кто другой чрезъ искусство и довольные опыты моего чистосердечія совершенно удостовѣренъ о непорочныхъ моихъ сентиментахъ, усердной и вѣрной службѣ къ Ея Величеству, отадите мнѣ справедливость, видѣвъ, что я при нынѣшней крайней слабости потерянаго моего здоровья и будучи безъ всякой помощи упражненъ сверхъ силы, настоящую по званію моему должностъ исправляю, вы примите прямое участіе въ моемъ печальному состояніи, и будете мнѣ болѣею помощію. Я не хочу здѣсь упоминать о собственныхъ моихъ нуждахъ и недостаткахъ, которые мнѣ довольно беспокойства приносить.

*.) Находившагося на войвѣ въ Пруссіи.

2. И. И. Шуваловъ къ канцлеру графу Воронцову.

Милостивой государь мой Михайла Ларіоновичъ! Ваше сіятельство, по отъѣздѣ своемъ отъ меня, въ великомъ меня сомнѣніи и горести оставили, когда вы изволили сказать на мое предложеніе, чтобъ дѣла не оставались, дабы васъ изъ онаго исключить. Ваше сіятельство, какъ я не сумаѣваюсь, по состоянію слабому вашего здоровья то учинить принуждены; но представьте печальное теперешнее состояніе, которое часъ отъ часу хуже приходитъ; представьте всѣ вредныя обстоятельства вамъ болѣе извѣстныя, которыхъ мои слезы и скатое горестю сердце описать не допускаетъ; однимъ словомъ, когда ваше сіятельство отречетесь, то еще изъ настоящаго худа будущее ожидать зло надлежитъ. Вы, милостивой государь мой, испытанной вѣрностю, трудами и усердіемъ и персонѣ Ея Величества и отечеству слуга; соберите свои силы, сдѣлайте что можете въ малыхъ часахъ вашего здоровья, дабы свѣтъ еще видѣлъ, что мы не такъ какъ о насъ описываютъ, и государство бы чувствовало власть самодержавства. Всѣ новеллія безъ исполненія, главное място безъ уваженія, справедливость безъ защищенія. Простите все огорченному моему духу; желалъ бы, ей божусь, чтобъ конецъ былъ моей жизни. Съ такою безполезнотю, съ какою я живу въ свѣтѣ, я не могу ничѣмъ удостоиться изліяніиныхъ на меня щедротъ, ни заслужить въ свѣтѣ имени, сходнаго съ моимъ усердіемъ и чрезмѣрнымъ желаніемъ служить отечеству и всемилостивѣйшей Государынѣ папкѣ. Ваше сіятельство, котораго я первого здѣсь въ государствѣ по должности почитаю, можетъ быть, вы сами внушеніемъ какихъ бездѣльниковъ перемѣняете обо мнѣ мысли, которыя вы нѣсколько лѣтъ имѣли. Радъ, естьли

въ томъ ошибаюсь. Мнѣ, милостивой государь, нечего въ свѣтѣ желать, какъ скораго конца своей жизни. Когда Богу неугодно меня сдѣлать полезнымъ, то по крайней мѣрѣ надѣюсь на Его щедроты, что Онъ не продолжить вѣкъ злосчастнѣйшаго человѣка. Вижу хитрости, коихъ не понимаю, и вредъ отъ людей преисполненныхъ моими благодѣяніями. Невозможность ихъ продолжать прекратила ихъ ко мнѣ уваженіе, чего конечно всегда ожидать былъ долженъ, и не былъ столько простъ, чтобы думать, что меня, а не пользу свою во мнѣ любятъ. Но сіе все постороннее главному намѣренію, ни къ вашему сіятельству не надлежитъ. Но смущенные мысли беспорядочно изъясняютъ мою горесть тому, которому всегда была моя откровенность. Простите теперь, позабудьте меня, и дѣлайте, милостивой государь мой, сколько твое усердіе сверхъ должности въ пользу Государыни позволяетъ. Богъ дастъ вамъ силу Я бѣ самъ пріѣхалъ, только столь горестенъ, что боюсь, чтобы наконецъ домъ вашъ не заразить печалію. Простите, ваше сіятельство, нанесенную вамъ скуку.

XI.

Письма княгини Е. Р. Дашковой къ отцу ея графу Роману Ларіоновичу Воронцову *).

1.

Москва, 2-го Іюня 1761 г.

Осмѣливаюсь васъ просить, не можно-ль вамъ опредѣлить доктура Шкіада на мѣсто Тельса, которой просится въ отставку, а оному это мѣсто и по старшинству почти принадлежитъ. Минѣ жъ ему за труды, которые онъ приложилъ въ болѣзнь князя Михаила Иваныча **), заслужить не остается другаго средства; обо всемъ же о семъ васъ обстоятельно увѣдомить шуринъ его Топильской.

*) Печатаются съ подлинниковъ. На вѣкоторыхъ письмахъ не имѣется чи- словыхъ отмѣтокъ.

**) Мужа княгини Дашковой, которой было 18 лѣтъ отъ роду, когда писано это письмо и которая уже тогда отличалась домовитостью и дѣловитостью.

2.

30-го Августа (1770).

Свѣдавъ, что братцу Семену Романовичу всемилостивѣйше пожаловалъ орденъ святаго Георгія, я сердцемъ порадовалась и имѣю честь васъ всею мою душою поздравить, желая при томъ, чтобы вы, какъ таковыя порадованія, такъ и все по желанію вашему часто имѣли.

Объ себѣ-жъ, милостивой государь, я только могу сказать, что я была на сихъ дніяхъ огорчена болѣзнью сына моего, но теперь онъ выздоровѣлъ и купно съ Настиющей ручки ваши цѣлуетъ. Дней черезъ двадцать я отправлюсь отсель въ Лондонъ, чтобы его тамъ въ школѣ оставить, какъ для науки, такъ и для того, чтобы его по дорогамъ не таскать. Я не болѣе пяти недѣль въ Англіи остановлюсь и пойду или въ полуденныя Французскія провинціи или въ Нисъ искать умѣреннаго климата.

Прикажите, милостивой государь, письмы ваши къ Алексѣю Семёновичу Пушкину *) адресовать; онъ и по отъѣздѣ моемъ изъ Англіи способно можетъ мнѣ оныхъ доставлять.

P. S. Простите мнѣ, милостивой государь батюшка, если я возьму смѣлость васъ просить о присылкѣ мнѣ въ Лондонъ горностаеваго, самаго бѣлаго, мѣху, которой я обѣщала одной знатной моей пріятельницѣ: вы несказанно меня онымъ одолжить и утѣшить изволите.

*) Нашему посланнику въ Англіи.

3.

Акенъ *), 10 Февраля.

Я была больна жестокою въ головѣ простудою, но нынѣ, слава Богу, здорова. Дѣти также много перемѣнились противу того, какъ онѣ имѣли счастіе въ видѣть: они крѣпки, здоровы и выросли. Мы, здѣсь не долго побывѣ, поѣдемъ чрезъ Швейцарію и ту часть Нѣмецкой земли, которой еще не видали, то есть внизъ по Рейну и, пробывъ недѣли три у Акенскихъ водъ, проѣдемъ въ Спа. Вотъ, милостивой государь, все, что я теперь про себя знаю, прибавя только, что если вы сдѣлаете мнѣ сю несказанную милость, увѣдомивъ меня о вашемъ дражайшемъ здоровье и подтвердивъ мнѣ, что я не лишена вашей отеческой милости, я тогда только могу быть спокойна. Объ здѣшнемъ же народѣ или правленіи я лишнимъ считаю васъ увѣдомлять, бывъ увѣренъ, что оно вамъ совершенно свѣдомо. Портъ Тулонской, расположевіемъ въ ихъ адмиралтействѣ магазиновъ и прочихъ потребныхъ строеній, очень достойной примѣчанія, а паче всего, что вся сбруя для вооруженія каждого корабля въ особливомъ отгороженномъ магазинѣ подъ именемъ званія того корабля хранится, и какъ въ срединѣ сего квадратнаго строенія введенъ въ басейнъ вода, то каждой корабль къ своему магайзену для вооруженія подѣхать можетъ. Я, милостивой государь, не бывала никогда въ Кронштадтѣ, по бывъ въ Тулонѣ, я желала, чтобы такая же способность у насъ сдѣлана была. Въ прочемъ здѣсь не только арсенала и адмиралтейства не

*) Это, должно быть, Тирольскій Акенъ, гдѣ тоже минеральная вода.

кажутъ чужестраннымъ, но и националамъ рѣдкимъ. Спин-
схожденіе, которое мнѣ сдѣлали, пустя меня всюды, здѣсь
за велико считается.

4.

Страсбургъ, 15 (26) Мая.

Имѣю честь вамъ донести, что мы всѣ, слава Бѣгу, здоровы и сюды благополучно прѣѣхали вчера. Но сколько я ни была обрадована, увидѣвъ брата Ларіона Ивановича, я очень была оскорблена, увидѣвъ его въ такихъ дурныхъ рукахъ: гувернеръ его, котораго господинъ Мариньянъ къ нему приставилъ, не только самъ не учить его ничему, но и другихъ мастеровъ не нанимаетъ. Да что всего хуже, пьетъ и всякия дурия дѣла дѣлаетъ съ свѣдома всего города. Надобно справедливость отдать, со всѣми здѣшними жителями, Ларіону Иванычу, что онъ любезной ребенокъ, и удивительно, что симъ худымъ примѣромъ ни мало не испортился; а какъ я правила и поведеніе свыше наукъ и всего ставлю, то я и не могла до сего вечера быть спокойна, покамѣстъ я не уговорила Разумовскихъ гувернера его завтра къ себѣ взять, бывъ увѣренна, что сей мой поступокъ, какъ вамъ, милостивой государь, такъ и дядюшкѣ Ивану Ларіоновичу, не будетъ противенъ. Многіе здѣшніе професоры писали въ Парижъ къ Мариньяну о скверномъ поведеніи братцына учителя; но какъ онъ самъ не здѣсь, то онъ наконецъ писалъ въ отвѣтъ къ Разумовскихъ гувернеру, чтобы онъ его къ

себѣ взялъ; но сей послѣдній, не зная, будетъ ли оно пріятно графу Кириллѣ Григорьевичу, въ томъ отказался. Таперь, милостивой государь батюшка, я его склонила братца къ себѣ взять и держать до тѣхъ поръ, пока онъ свѣдѣаетъ, что то непріятно графу К. Г.; почему вамъ надобно, милостивой государь батюшка, о томъ съ графомъ переговорить, и если сіе утвержденіе не можетъ состоять, то онъ мнѣ обѣщалъ хорошаго человѣка пріискать. Я здѣсь нарочно для братца еще два дни лишнихъ проживу, чтобы до моего отѣзда перѣѣхалъ и чтобы я могла спокойна бытъ; онъ же здѣсь всѣми любимъ и таковъ, что я могу увѣрить дядюшку, что онъ радоваться имъ можетъ.

5.

Спа, 16 (27) Іюля.

Послѣ жестокой болѣзни, найдя себя очень ослабѣвшую, доктура и лекаря сочли самое способное время сдѣлать операцию и вырѣзать шишку въ ногѣ, которая величиною своею уже меня беспокоила, и отъ коей ожидать должно было очень худыхъ слѣдствіевъ, почему я на оное согласилась, и теперь, слава Богу, оно все благополучно окончилось; только остается терпѣливо сносить скуку, быть въ постели, не чувствуя никакой болѣзни и бывъ уже 16 дней неподвижна. Я за долгъ сочла, милостивой государь батюшка, вамъ оное донестъ и осмѣлиться вѣсть просить объ увѣдомленіи меня о вашемъ мнѣ дражайшемъ здоровыи, чтѣ меня очень много утѣшитъ. Здѣсь очень много насъ Русскихъ сѣхалось, кои всякой день у меня, а особливо

Николай Иванович Салтыковъ съ женою. Завтра или послѣ завтра будетъ сюда Степанъ Степановичъ Зиновьевъ и Алексѣй Васильевичъ Нарышкинъ, почему, хотя я не имѣю надежды прежде двухъ недѣль изъ комнаты выходить, надѣюсь безъ скуки время свое проводить, а въ Февраль мѣсяцѣ ваши ручки цѣловать, теперь же препоручаю себя въ продолженіе вашей драгоцѣнной мнѣ отеческой милости.

6.

Сиа, 29-го Июля 1771 г.

Не знаю, какимъ образомъ и кто, не сказавъ своего имени, въ концѣ прошлаго мѣсяца, отдалъ моему банкиру въ Парижѣ ваше милостивое письмо отъ 18-го Октября и горностаевый мѣхъ, которымъ вы меня пожаловали, почему, милостивой государь, изволите заключить, что я не могла прежде вамъ низайшую свою благодарность принести. Прошу нынѣ принять ее отъ искренняго моего сердца и быть увѣреннымъ, что малѣйшій знакъ вашей ко мнѣ милости мнѣ драгоцѣненъ.

Что-жъ изволите, милостивой государь батюшка, писать, чтобы поспѣшить мнѣ своимъ возвращенiemъ, я могу васъ увѣритъ, что я сама считаю тѣ часы, кои остаются до тѣхъ поръ, что я пріѣду въ свое любезное отчество и буду пользоваться вашей отеческой милостью. Но мнѣ и подумать отсельѣѣхать прежде семи недѣль нельзя: рана моя прежде закрыться четырехъ недѣль не можетъ, а какъ я не только не выѣзжаю, но и мало изъ комнаты выхожу, то я окромѣ курь водъ, кои мнѣ здѣсь дѣлать надо, не

въ состояніи такую дальнюю дорогу такъ скоро предпринять, чтд единственno меня задержитъ.

Дѣти мои, слава Богу, здоровы, и Навлуша верхомъ разъѣзжаетъ изрядно. Больше донестъ ничего не имѣю, а прошу покорнѣйше сохранить мнѣ свою отеческую милость, которая всегда будетъ главнѣйшимъ предметомъ.

P. S. Брать Иванъ Алексѣевичъ *) поѣхалъ на двѣ недѣли съ Александромъ Николаевичемъ Строгоновымъ въ Голандію.

7.

Позвольте, милостивой государь батюшка, васъ просить объ Дохтуровѣ, племянникѣ моемъ, чтобъ у Давыдова его выпросить хотя въ капралы; онъ 10 лѣтъ рейтаръ конной гвардіи, и ему девятнадцатой уже годъ, и если можно въ Московскую команду его опредѣлить. Другая просьба мнѣ до васъ собственная: въ день моего отъѣзда я отослала въ подарокъ къ Марье Романовпѣ бюро, и за суетами я не успѣла осмотрѣть одного ящика и не зпаю теперь, чтд въ немъ осталось; но Марья Воиновна пишетъ ко мнѣ, что она у ней видѣла портретъ моего друга madame Morgan, и узнала отъ нея, что она въ ящикѣ въ столѣ его нашла. М. В. просила у сестры его, чтобъ отослать ко мнѣ; но Марья Романовна отказалася, сказавъ, что она сама ко мнѣ отправитъ. Сдѣлайте милость, батюшка, извольте оной у ней взять и ко мнѣ прислать, а то мнѣ его не имѣть.

*) Воронцовъ.

Р. S. Прошу приказать включенное не мѣшкавъ отослать къ Ивану Логиновичу; онъ, я чаю, у васъ, милостивой государь, бываетъ.

8.

14 Генваря.

Не могу, милостивой государь, не сообщить вамъ, сколь чрезвычайно меня всемилостивѣйшая Государыня утѣшила, указавъ безъ моей или чьей къ тому просьбы дѣятъ моимъ имѣть входъ въ эрмитажи и на концерты. Показанная сія мнѣ и имѣ милость тѣмъ драгоцѣнѣе, что я оной отличности никакъ не ожидала; а какъ Ея Величество во всякомъ случаѣ продолжаетъ мнѣ свое благоволеніе оказывать, и съ другой стороны дѣти мои своимъ поведеніемъ апробацію заслуживаютъ и меня утѣшаютъ, то я могу сказать, что я себя весьма счастливо считаю и Всевышняго довольно возблагодарить не могу. Одного только не достаетъ для совершенного моего удовольствія: присутствіе ваше. Я не могу утѣшиться, что васъ еще, милостивой государь, не видала и что не могу поѣхать къ вамъ, чтѣ бъ я конечно сдѣлала, если-бы я не полагала, что пристойность требуетъ, чтобъ послѣ почти семилѣтняго отсутствія мнѣ здѣсь оставаться.

Возвратясь въ отечество свое, прискорбно было мнѣ найти, что я еще буду лишена удовольствія па нѣсколько времени ваши дражайшія руки пѣловать. Покорнейше

прошу меня уведомить о вашемъ здоровьѣ. О своемъ я не могу похвастаться; съ пріѣзду сюды была очень опасно больна, и только третьаго дни, и то противу мнѣнія дохтура, яѣздила въ Царское Село. Отмѣнно милостивой приемъ Ея Величества, коя дозволила мнѣ и обоихъ дѣтей привестъ и утѣшеніе найти ея такъ здоровою, веселою и милостиву къ намъ не по достоинству нашему, сдѣлало, чтѣдохтура не могли сдѣлать, что я, окромѣ слабости, почти уже ничего не чувствую. Вчерашняго числа Ея Величество сына моего всемилостивѣйше пожаловать изволила въ капитанъ-поручики въ Семеновской полкъ. Радость свою и благодарность къ всемилостивѣйшей Государынѣ нашей я словъ не нахожу, чтобъ изразить и лъщусь, что вы, милостивой государь батюшка, наше благополучіе раздѣлить изволите.

9.

26-го Февраля.

За милостивое ваше письмо и увѣдомленіе о пріѣздѣ вашемъ въ будущемъ Маѣ мѣсяцѣ сюды, покорную мою приношу благодарность. Вы, конечно, милостивой государь, усомниться не можете, что я съ петерпѣніемъ онаго ожидать буду. Но позвольте мнѣ васъ пижайше просить, чтобъ пріѣздъ вашъ ускорить, потому что въ пятое или шестое на десять число Маѧ мѣсяца, сынъ мой отправится отсюда, чтобъ императорскія и короля Пруссакаго военные маневры видѣть, да и я въ оное-же время, чтобъ съ нимъ подолѣе быть, намѣрена, отпросясь у Государыни па два мѣсяца, въ новопожалованнныя мнѣ деревниѣхать.

При семъ прилагаю нѣсколько экземпляровъ каталогу нашихъ книгъ съ просьбою, чтобы вы милостиво способствоватъ изволили въ раскупкѣ оныхъ. Ея Величество изволила апробовать, чтобы опытъ я сдѣлала о распродажѣ по памѣтничествамъ книгъ, Академіи принадлежащихъ. Уповательно, что премѣнное (отъ мудраго вновь въ губерніяхъ установленія) состояніе, въ коемъ нынѣ состоять губерніи, въ сравненіе того, въ коемъ 14 лѣтъ назадъ они были, и когда безъ успѣху Володимиръ Григорьевичъ Орловъ въ нѣкоторыя изъ оныхъ книги посыпалъ, уповательно говорю я, что болѣе охотниковъ къ чтенію сущутсѧ. Я же, милостивой государь, изъ шести сотъ рублевъ, сто рублевъ уступки положила. Посему если въ вашихъ памѣтничествахъ по симъ каталогамъ на 600 р. книги отберутъ, то соблаговолите только меня увѣдомить, сколько и какихъ книгъ требуется и кому мнѣ оныя здѣсь вручить, и въ заплату за оныя отъ кого деньги принять. Какъ монаршее памѣтніе очевидно клонится къ поданію во всѣхъ странахъ имперіи просвѣщенія, то участіе, кое вы въ семъ случаѣ имѣтъ будете, конечно благоугодно будетъ.

10.

Имѣю честь вамъ донести, что всемилостивѣйшая Государыня изволила мнѣ пожаловать въ Могилевской губерніи мѣстечко Круглое, съ принадлежащими къ оному селами и деревнями, въ коихъ числилось 2557 душъ, а думаю, что по нынѣшней ревизіи будетъ болѣе. Деревни, сказываютъ, весьма хороши и угодны велики. Да еще изволить за домъ здѣсь для меня 35 тысячъ платить. Монаршія сіи благодѣянія, а паче милостивой ея ко мнѣ пріемъ, которой она и вчера въ бытность мою въ Царскомъ Сель изъявлять изволила, наполняетъ сердце мое радостною благодарностью. Я не сомнѣваюсь, что вы, по милости своей ко мнѣ, симъ хорошимъ вѣстямъ порадуетесь.

11.

28 Ноября 1782 г.

За милостивое ваше письмо покорную мою приношу благодарность; также приопу мое поздравленіе съ нашимъ Володимирскимъ кавалеромъ и съ фреилиною *), котою, по просьбѣ моей черезъ князя Григорья Александровича, я несказанно утѣшена: ибо я чрезъ то оправдалась въ дружбѣ своей къ сестрицѣ, которая отчаявалась оную милость получить, въ коей никто, окромѣ князя

*) Графомъ Александромъ Романовичемъ и Анною Александровною Полянскую.

Потемкина, участія не имѣлъ. Онъ ко мнѣ и къ сыпу искреннюю дружбу показываетъ, и какъ я желала въ Екатерининъ день оную радость сестрѣ принесть, такъ онъ и сдѣлалъ. Наканунѣ Екатеринина дня Ея Величество, при очень милостивомъ своеручномъ письмѣ, изволила мнѣ прислать брильянтовой перстень съ ея портретомъ подъ бриліантомъ же вмѣсто стекла; но какъ камень ни драгоцѣненъ, но портретъ въ немъ включеною и лестное ея письмо сто кратъ драгоцѣннѣе мнѣ. Дѣти мои нижайшее свое почтеніе свидѣтельствуютъ и купно со мною руки ваши цѣлуютъ.

12.

26-го Декабря (1782).

При возобновленіи года, позвольте, чтобъ, при пожеланіи вамъ всѣхъ возждѣлленныхъ благъ, я возобновила также нижайшую мою преданность и просьбу о содержавіи меня въ отеческой вашей милости.

Мундиры вашихъ намѣстничествъ, милостивый государь, очень хороши, особенно Володимирской. Я очень жалѣю, что не имѣю въ ономъ намѣстничествѣ хотя маленькой деревни, чтобъ имѣть право оной носить. Если же изволили свѣдѣть о таковой, душъ 40 или 50 въ себѣ содержащей и не за дорогую цѣну, то прошу сдѣлать милость, приказать меня увѣдомить.

XII.

Письма графа П. В. Завадовского къ графу С. Р. Воронцову *).

1.

Могилевъ (на Днѣстрѣ), 25 Февраля 1775.

Послѣ твоего отъѣзда не было ничего новаго изъ Москвы, а вслѣдствіе дѣлъ мирныхъ намъ уже отданъ замокъ Кинбурнъ, а Туркамъ отдаютъ Бендери и Хотинъ. Посолъ Турацкій уже въ Адріанополѣ и присыпалъ своего церемоніймейстера съ обвѣщеніемъ къ фельдмаршалу и къ князю Репнину. Надобно сему послѣднему быть уже вскорѣ.

Ты меня оставилъ въ дурномъ положеніи, продолжается оное и теперь. Я терпѣлъ сжавши сердце. Тебѣ известно качество онаго, и можешь потому представить, каково мнѣ. Съ другой стороны, любезный Сенюша, я въ такомъ расположениі: пусть падаетъ хотя бы и небо, оно задавитъ меня, однакожъ безстрашно.

Здѣсь князь Прозоровскій и проживеть до полученія курьера. Дѣла Крымскія смутны, но должно уповать, что сдѣланное у Порты и оныя поправить.

Прикажи, пожалуй, открыть секретъ чищенья ружей и сумокъ для науки симъ посланнымъ въ твой полкъ вру-

*) Письма эти, вновь найденные, служатъ дополненіемъ къ XII-й книгѣ Архива Князя Воронцова. Первый изъ нихъ относится къ совмѣстной службѣ обоихъ пріятелей при графѣ Румянцовѣ.

чителямъ сего. Тебя никогда не приведетъ въ зависть изѧщество сбруи Староскольского полка; ибо нась судьба разводить другъ отъ друга весьма далеко.

Подумай, Сенюшенька, сколь мало доводилось быть вмѣстѣ намъ, а и того меньше видѣть другъ друга непечувствующими огорченія. Почти всегда какъ я тебя видѣлъ, ты меня паходилъ въ беспокойствѣ душевномъ. И дай Богъ мнѣ обмануться, когда мнѣ кажется, что еще не конецъ нашей прискорбности. Но вѣрь твердо, что пока ты здоровъ будешь, всякое горестное чувство меня не сразитъ.

Я къ тебѣ тотчасъ палишу, какъ что получимъ изъ Москвы на депешу посланную съ Рохмановымъ, а теперь не досадуй, что я молчу какъ рыба. Пріятнаго писать не могу, а чтѣ и теперь изражаю, то конечно по дружбѣ своей ты съ большимъ сожалѣніемъ воспримешь.

Игельштромъ съ недѣлю тому поѣхалъ въ Варшаву получить старство богатѣе того, чтѣ уже имѣеть. Вотъ сколь путь его спѣется!

Посылаю тебѣ посылку, присланную изъ Молдавіи. Да раздѣляю съ тобою конфекты, которыя мнѣ привезъ Селецкій, прїѣхавшій не впору.

Прости. Я тебя дѣлу и обнимаю поминутно въ моихъ мысляхъ. Ничего не знаю въ жизни тебя драгоцѣннѣе.

Кланяйся Яцупскому, котораго люблю сердечно, кромѣ прочаго и за то, что онъ, будучи Полякъ, посредствен-но пьетъ.

2.

(1775)

Перестаю о разлукѣ твердить, не перестаю однакожъ объ ней думать. Ахъ Сенюша! Ежели-бъ можно было такъ легко отмѣнить чувства, какъ можно перестать говорить. Правда, я быъ въ такомъ состояніи, которое никакъ нельзя поравнять съ настоящимъ. Желая тебѣ славы, я хотѣлъ, чтобъ ты былъ въ тѣхъ баталіяхъ, въ которыхъ ты и участвовалъ, но часы между нерѣшимостію о сколь миѣ были тяжки, когда крайность, воспослѣдовавшая съ тобою, на-вѣрно-бъ разрушила и мое бытіе; по крайней мѣрѣ и тогда и теперь я такъ думаю, не испытавши себя въ такой потерѣ и не любя ничего па свѣтѣ подобно какъ я люблю тебя. Но все минувшее меныше насъ трогаетъ, нежели настоящее, и въ семъ послѣднемъ, я не могу почти льститься тою сладкою надеждою, которая тогда меня ободряла. Я опять позабылъ молчать, однакожъ воздержусь: пусть сіи изъясненія уподобятся послѣдней лебединой пѣснѣ.

Послѣ моего послѣдняго письма, былъ одинъ курьеръ изъ Москвы. Все что онъ привезъ состоитъ, что Игельштромъ опредѣленъ въ пристава послу Турецкому. Комисія по его сердцу: на рукахъ будетъ чистотою болѣе 300,000. Репнинъ располагаетъ свою фѣзду, чтобъ не прежде Сентября быть въ Царьградѣ, а посолъ Турецкій уже въ Галацахъ и бѣжитъ какъ скороходъ. Размѣнивать посольство съ Турецкой стороны посланъ Мелекъ-паша, бывшій каймаканъ визирскій; онъ на сихъ дняхъ прибудетъ въ Хотинъ.

Здѣшніе куртизаны всѣ исчезли, и я уже въ Могилевѣ двора не вижу. Милорадовичъ дежурнымъ; фельдмаршаль,

какъ самъ тебѣ пишеть, страждеть на зубъ; тишина и безмолвіе заняли мѣсто потакательствъ и всѣхъ дворскихъ ухватокъ. Отсель, когда выѣдетъ, не знаю, а смекаю, что пока не получимъ инструментовъ письменныхъ на счетъ Кинбурна, то въ ожиданіи оныхъ тутъ продержимся. Дѣло жъ сіе уже совершено, и на всякий день уповаляемъ имѣть съ тѣмъ курьера.

Съ послѣднимъ курьеромъ Г. А. Потемкинъ своею рукою написалъ ко мнѣ между пустошью сіи слова: „Графу Семену Романовичу поклонись и скажи, чтобы онъ свой полкъ привелъ въ комплектъ“. Я ему уже отвѣчалъ, что ты въ походѣ и что обѣ исполненіи сего твое стараніе велико.

Когда со мною послѣдуетъ то, чего я жду и чтѣ навѣрно предвижу, то я съ тобою увижуся конечно въ Малороссіи; да пожалуй, когда прибудешь, увѣдомь моего старшаго брата, чтобы онъ къ тебѣ выѣхалъ. Онъ отсюда выѣхалъ въ чувствительномъ огорченіи, видя мое состояніе не лучшимъ, и опять, что не успѣлъ въ самомалѣйшихъ просьбахъ, за людьми весьма достойными; ибо о себѣ онъ не имѣлъ да и ничего не просилъ.

Прощай, Сенюша, гряди съ Богомъ: вотъ тебѣ на цѣлые сутки разбирать шифры, ибо требуешь, чтобы я много писалъ, то и принимай мой почеркъ нечеткой.

3.

3 Марта.

Я воображаю тебя въ новой заботѣ, по полученному чрезъ почту Военной Коллегіи указу, вслѣдствіе коего даны повелѣнія отъ фельдмаршала, чтобы всѣхъ однодворцевъ изо всѣхъ полковъ отдать въ Украинскую дивизію, а изъ полковъ оной возвратить въ ваши даточныхъ всѣхъ же людей. Я знаю, что сей ударъ для твоего полку болыше будетъ, чѣмъ минувшій наборъ въ гвардію; по когда пособить сему нельзя, то пожалуй, отправляя своихъ людей къ Энгельгарту, посовѣтуй имъ, чтобы они просились въ мой полкъ, гдѣ за хорошее содержаніе я имъ отвѣчу, и пожалуй отпиши, кто лучшіе люди изъ твоего полку выбудутъ. Я не знаю, не изъ даточныхъ ли сержантъ и два солдата, которыхъ я отправилъ въ твой полкъ учиться чищенью; ежели они не однодворцы, то и не вели имъ показывать болыше секрету; ибо ихъ должно будетъ отдать въ другіе полки.

Я чувствительно представляю, сколь досадно тебѣ будетъ обстоятельство, котораго, можетъ быть, совсѣмъ ты не ждалъ, но опять ты можешь посредствомъ милости Федора Ивановича къ себѣ прибрать всѣхъ лучшихъ людей, изъ нашихъ полковъ отдаваемыхъ.

Не потаися предо мною, Сенюша, великолѣпный балъ, о которомъ столько ты гремишь, не задѣлъ ли твое сердечко, со стороны достоинствъ хозяйки? По тѣмъ чувствамъ, съ которыми я на тебя смотрю, не могу я вѣрить, чтобы ты долго могъ быть свободенъ отъ нападокъ любовныхъ.

4.

Фокшаны, Августа 16.

Фельдмаршалъ такъ боленъ, какъ ты былъ при Селпухѣ. Не разглашай однакожъ сего, чтобъ не крушились его домашніе. Я никакого уже въ себѣ чувства болѣя не имѣю, кромѣ скорби безмѣрной, видя его муку. Я ничего тягостнѣе въ моей жизни не переносилъ, какъ сей есть случай, что вижу моего благодѣтеля въ столь жалостномъ состояніи. Я бъ еще хотѣлъ претерпѣть мою третьягоднишнюю болѣзнь, лишь бы тѣмъ подать ему малѣйшее облегченіе.

5.

Генваря 15.

О ъздѣ графской еще не пишутъ ни слова, кромѣ что желаютъ его видѣть, а дворъ въ Москву поднимается съ 13 Генваря. Я тебѣ прилагаю письмо ко мнѣ Григорія Александровича. Въ немъ не найдешь ни слова, о чѣмъ бы должно уже написать, ежели бы его намѣреніе было на мою пользу. Вѣдь и то быть можетъ, что онъ, разсердясь на кого либо, хотѣлъ перемѣнить его мнѣю, а какъ гибѣвъ утихъ, то и нѣтъ больше памѣренія.

6.

12 Марта (1775).

Желанный ордеръ тебѣ посылаю. Я столько обрадовался, когда удовольство и тебѣ и мнѣ не отказано, и соглашенно не поморщившись, что едва помню то, что ты мнѣ совѣтуешь великодушно переносить. Я конечно не унываю, да и никакъ не уповаю на предложеніе Г. А. П.¹⁾, чтобъ съ онаго что либо быть могло. Курьера и никакихъ извѣстій еще не получалъ по сей часъ. Пріѣхалъ изъ Москвы самоизвольно къ своему мѣсту князь А. И. Прозоровскій²⁾. Онъ сказываетъ, что тамъ веселятся, что графъ фельдмаршалъ опредѣленъ шефомъ Егорьевскаго полку, которому квартиры назначены въ Стародубѣ; тутъ же слышу, якобы Н. М. Рохмановъ ничѣмъ не пожалованъ, да и холодно принять отъ Г. А. Я къ тебѣ тотчасъ пришлю, какъ только получимъ курьера, коему быть надобно вскорѣ по словамъ Прозоровскаго, отъ коего также я слышалъ и имъ слышанное, что твой полкъ будущимъ лѣтомъ хотятъ привести въ лагерь къ Москвѣ.

Изъ моего полку 239 человѣкъ даточныхъ выходитъ. Между ними пѣтъ ни одного вершковъ 8, и мнѣ совѣстно, что твоѣ благодѣяніе приметъ мой полкъ безъ взаимства къ тебѣ. Я почитаю за грѣхъ таиться предъ тобою и призываюсь, что до 10-ти человѣкъ есть у меня первыхъ людей во всемъ полку, въ которомъ однакожъ послѣ посѣщенія Рохманова не осталось уже въ 9-ть вершковъ ни одного человѣка. Ихъ я памѣренъ утаить, чтобъ ни было, да и даль-

¹⁾ Т. е. Г. А. Потемкина.²⁾ Князь Андрей Ивановичъ, братъ жены Суворова?

шѣкоторымъ образомъ знать о томъ самому ф. ¹⁾). Сотвори, Сенюшенька, дружбу и крайнюю для меня милость, не дѣлай на сю утайку своей претензіи. Ты довольно наберешь себѣ людей, да и всегда тебѣ будутъ случаи, а для меня сей уже послѣдній. Я же собираюсь быть конечно въ полку. Людей всѣхъ, по присланному тебѣ списку, который уже и въ мой полкъ я отправилъ, вели поскорѣе отправить прямо въ оный. Я писалъ къ маюру, чтобъ имъ тамъ было хорошо.

Дождавшись курьера, ежели съ нимъ не позовутъ фельдмаршала скоро въ Москву, онъ хочетъ перебѣхать въ Тульчинъ, и къ тому уже все готово. Муромцовъ сей день или завтра отправляется въ Москву по своей Арнаутской комисіи.

Ко мнѣ пріѣхалъ братъ мой старшій. Мнѣ бы и ему весьма хотѣлось, чтобъ онъ побывалъ у тебя; но время краткое, да и страшная безпутица весьма мѣшаетъ. Однакожъ, если ты будешь на сихъ дняхъ въ Шарградѣ, то онъ туда конечно пріѣдетъ.

Пожалуй, Сенюшенька, пе досадуй, что изъ моихъ всѣхъ людей по росту ни одинъ не годится въ твой полкъ, а по храбрости они могутъ занять и офицерскія мѣста.

Твои люди хотя у тебя послѣдніе, а ²⁾ моего полку будутъ первыми, ежели только правду ты пишешь, что даешь восьмнадцать 8-ми вершковыхъ.

¹⁾ Т. е. фельдмаршалу.

²⁾ Неразобранное слово.

7.

Не жалъй, что духъ Аполлоновъ не беспокоить твоей души, и что пе засыпаешь на лопѣ Парнасскихъ дѣвшекъ. Имѣешь другой даръ въ себѣ не менѣше стихотворческаго таланта, то есть краснорѣчіе. Читая твои письма, мнѣ кажется, что я собесѣдую съ Цицерономъ, къ котораго словамъ еще присоединены Горациевы шутки. Потомство и отечество наше много потеряеть, ежели пе всѣ узнаютъ твои достоинства въ полной ихъ мѣрѣ.

8.

Порадуйся, мой любезный графъ, что на меня проглянуло небо и что уже со вчерашняго дня генеральсь-адъютантомъ вашъ искренний другъ и предаппѣшій слуга
Заводовскій.

3 Генваря (1776, Петербургъ).

Адресъ: „Его сіятельству, графу Семену Романовичу Воронцову, милостивому государю моему, въ Спятовкѣ“ *).

Съ этого времени начинается придворный случай Завадовскаго, продолжавшій по Іюль 1777 года. Его другъ не воспользовался онимъ, вышедъ въ отставку и по болѣзни уѣхавъ въ Италію. П. Е.

*) Вероятно подъ Ладогою, гдѣ стоялъ полкъ графа Воронцова.

9.

С.-Петербургъ, 5 Марта (1777).

Петру Васильевичу ¹⁾ вручилъ я при семъ медаль, которую по твоему письму Государыня пожаловала графу Урсини. Доставь ему опую и удостовѣрь, что трудъ и усердіе его весьма ей угодны, знакомъ чему да послужить сей подарокъ. Иванъ Ивановичъ ²⁾), видно, позабылъ докладывать о семъ дѣлѣ. Послѣднее твое письмо еще было съ Пизы, въ которомъ ты мнѣ писалъ, что хочешь увидѣть Разумовскаго.

Г. ³⁾ я отъ тебя кланялся, и она велѣла благодарить и взаимно ея послать тебѣ поклонъ. О Польской лентѣ, которую пошу и не имѣвъ и имѣя ону, я также какъ ты думаю. Библіотеки купить не разсудилъ за нужно. Хочется, а не смѣю ждать твоего возвращенія вскорѣ. Не желаю отнюдь, чтобъ совершенное выздоровленіе предпочелъ ты чемунибудь. Ежели воздухъ таковъ, чтѣ тебѣ лечить, то живи годъ и больше; надежда, что увижу тебѣ здороваго, наградитъ разлуку, какъ бы она ни долговременна была.

Мнѣ совѣстно, что я не со всякою почтою пишу къ тебѣ. Я тебѣ сказалъ въ предыдущемъ письмѣ, что не отъ лѣни моей сіе происходитъ. Я живу, покоряя разсудокъ уваженію, не мѣря себя съ тѣми, кои меня выше, но сравнивая себя съ таковыми, которыхъ я счастьемъ превзошелъ несрав-

¹⁾ Бакунину.

²⁾ Бецкій.

³⁾ Т. е. Государынѣ.

непно. Совершеннѣе удовольствія едва ли я въ мою жизнъ имѣлъ, кромѣ того, что я тебя имѣю вѣрнымъ себѣ другомъ, и таковымъ же для тебя есмь.

Адресъ: въ Венецію.

10 *).

С.-Петербургъ, 16 Марта 1777.

Сенюшенька! Письмо твое изъ Венеціи и послѣднее изъ Пизы отъ 27 Генваря я получилъ. Первое возобновило въ моей памяти слѣды, забвніемъ изглаженные, чтѣ чтеніе и слухъ иногда впечатлѣвали въ мою голову, о состояніи и мудромъ правленіи горсти сего народа, меныше существительныя, нежели мнимыя величество и вольность внушающаго.

О, другъ милый, ты отрицаешься отъ своихъ мнѣ благодѣяній и въ ту самую пору, когда ихъ дѣлаешь. Развѣ вразумлять человѣка и пецись о просвѣщеніи его ума не есть добротвореніе и пе больше всѣхъ даровъ? А ты сіе всегда для меня дѣлалъ и дѣлать не престаешь.

Не бывъ политикъ, не нося большаго парика и одежды широкаго покроя, чѣмъ обыкновенно мудрствууетъ дипломатической корпусъ, не весь изъ Ришельевъ и Мазариновъ состоящій, осмѣливаюсь думать, что республика Венеціанская могла сохранить себя въ настоящемъ состояніи, потому наипаче, что предѣлы ея едва ли теперь простираются далѣе выстрѣла; что другой державѣ нечего отрѣзать изъ ея владѣній, а пока имѣла нѣкоторую свою обшир-

*) Помѣта графа Воронцова: Recue à Pise, le 4 Mai n. s. 1777.

ность, тогда вѣдь и она подвергалася общему жребію силы и алчности, избыточествующихъ стяжаніями. Переставъ быть предметомъ опасности и корысти какъ въ людяхъ, такъ и въ царствахъ, получается безпечность пренадежная.

Я обращаюсь къ твоимъ нравоученіямъ, которыми наполнилъ ты Пизкое свое письмо. Сенюша! Іоганъ Гофманъ цѣлымъ книги написалъ о спокойствіи и удовольствіи душевномъ, рѣдко однакожъ кого нибудь успокоившія. Писать легко, а выполнять есть трудъ и тягость.

Ты чрезмѣрно превозносишь мои способности и мои добродѣтели. Я ихъ не имѣю; но ты меня любишь горячо, слѣдственно хочешь, чтобы во мнѣ все было наилучшее. Я умѣю оцѣнить твои чувства, я съ ними сливаю мои.

Въ Р. S. я тебѣ больше о семъ скажу.

Прости лишнюю чувствительность, которая водила моимъ перомъ, отвѣчая на твои попреки. Ты требуешь, чтобы я писалъ тебѣ разъ въ недѣлю. Въ первое являюсь преслушникъ твоего хотѣнія; ибо не могу тебѣ сего обѣщать. Весь предавшись моимъ чувствамъ къ тебѣ, часто я писывалъ по пѣськольку листовъ и, послѣдуя возвратившемуся разсужденію, сжигалъ оныя, къ тебѣ не посыпая. Я буду писать сколько можно къ твоему утѣшенію, и то тогда, какъ душа совершенно установится. Новостей ты не хочешь; повѣрь, что я ихъ меньше всѣхъ знаю, и послѣдній въ городѣ свѣдаю, ежели-бъ чтѣ и было. Ты знаешь, что я любилъ упражняться моимъ дѣломъ, но здѣсь я не имѣю никакого. И такъ всегда одинъ, время иногда провождаю читая книги, однакожъ не больше въ головѣ остается, какъ воды рѣшетомъ почерпнутой. Бывъ самъ съ собою, думаю я много и премного, и думаю обѣ тебѣ.

Не тужи обо мнѣ: я здоровъ и, говоря по разсужденію, счастливъ безмѣрно. Но ежели мысли и твое здоровье позволяютъ, чтобы тебѣ увидѣть того, который тебя любить

и если не м'яко и которому твоє присутствіе причинитъ безм'якою радость, то возвратись, милой другъ, поскорѣе. Иришай, Сенюшенька, я тебя нив'есь какъ прошу. Развѣ всѣмъ дружба ко удовольству кромъ нась! Вспомни, кого и колико ты обрадуешь. Звай, что когда къ осени не возвратишься, я съѣмъ твой портретъ, который теперь не-престанно цѣлую вмѣсто тебя. Да одушевлятъ сіи строки, которая я напою сильнымъ желаніемъ видѣть тебя, чтобы лишь коснется ихъ взоръ, вдругъ бы ты заразился вожделѣніемъ, подобнымъ страстной любви, увидѣть свое отечество и кинуться въ объятія твоего вѣрнаго друга. На сей пунктъ я призываю все волшебство. Страшись, Сенюша, не возвратиться, и бойся не пріѣхать вскорѣ.

И я прошу, возвратитесь скарбя ¹⁾.

P. S. Стока сія рукою Г. приписана. Совѣтую отвѣтить къ пей прямо, если можешь, что ты пріѣдешь, или буде здоровье требуетъ того климата па возстановленіе оного, я тебя не обязываю жертвовать онимъ сему позыву: ибо я самъ начинаю чувствовать, каково хворать. Въ томъ и другомъ случаѣ изъясни однакожъ свою чувствительность. Можешь сказать, что ты жертвовалъ собою прежде по склонности къ службѣ, по долгу къ отечеству и къ Государю, а теперь охотно предаешься ея повелѣніямъ; что ты готовъ и силы и самую жизнь ронить, гдѣ только опредѣлить угодно. Самъ ты лучше меня можешь изобразить свою мысль и благоговѣніе. Мы любимъ хвалу и въ опой не знаемъ излишества ²⁾. Ты, Сенюша, по-русски пишешь завидно; я бы желалъ важность и плавность твоего слога имѣть. Я тебя удостовѣряю по чести, удостовѣряю потому, что ты разумѣешь меня знающимъ

¹⁾ Эти слова приписаны Екатериною.

²⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ. П. Б.

Русскую грамоту. Однакожъ, какъ ты самъ считаешь сильнѣе свое перо на Французскомъ, то пиши хотя на ономъ.

Венеціанское аллилуя имѣло то дѣйствіе, какого я желаль. Продолжай тоже дѣлать. Помни, что твой другъ никогда тебя на худое не наставитъ. Сенюшенька, мнѣ нечего тебѣ говорить. Суди по моей къ тебѣ любви, которая и есть столь велицемърна, что надобно преодолѣть сильныя препятствія, чтобы твое состояніе, которое мнѣ дороже моего, поправить. О семъ письмѣ я не сказалъ и твоему брату: между тремя не бываетъ секретъ. Онъ имѣетъ знакомыхъ, разнесется слишкомъ по болтливому городу, а враги всякому нашему удовольствію вопреки положать коварство. И отъ одной утробы рожденные не одну крѣость духа имѣютъ.

Чтобъ я всѣмъ сердцемъ былъ доволенъ, этого сказать не могу. Но сравнивая себя съ тѣми, которые меня ниже, благодарю за все Бога. Впрочемъ, Сенюша, не клади столь много надеждъ на добродѣтели, кои мнѣ приписывашь. Они суть утѣшеніемъ любомудрцамъ, а не достоинство свѣта. Позналъ я дворъ и людей съ худой стороны, но не измѣнилось правомъ ни для чего; ибо ничѣмъ не прельщаюся.

Благодѣтель пашъ ф. своеобычіемъ теряетъ много. Враги его никогда бы его не превозмогли, ежели-бъ онъ самъ на себя не давалъ оружія. Я болѣю сердцемъ, а помочь неѣтъ мочи; ибо упрямствуетъ, скрывая впрочемъ истинные свои виды. Однакожъ, чтобы онъ искалъ удалиться, этого по сю пору еще неѣтъ.

Ученому, коего ты усердіе рекомендовалъ, Г. велѣла послать медаль, которая сдѣлана на мирное торжество, а присылка и письма къ Бецкому ей доселѣ неизвѣстны были.

Пріѣзжай, Сенюшенька. Каково ни тепло въ Италии, но въ Петербургѣ твои друзья.

11 *).

С.-Петербургъ, Іюля 8 го 1777.

Собылось со мною все, что ты думалъ; оправдались твои предреченія: я столько несчастливъ, сколько истины твои заключенія. Горька моя участь, ибо сердце въ мукахъ и любить не можетъ перестать.

Сенюша, тебя стыжусь, а все прочее на свѣтѣ не дастъ мнѣ забвенія. Среди надежды, среди полныхъ чувствъ страсти, мой счастливый жребій преломился, какъ вѣтеръ, какъ сонъ, коихъ нельзя остановить: исчезла ко мнѣ любовь. Послѣдній я узналъ мою участь и пе прежде какъ уже совершилась. Угождая волѣ, которой повинуюсь, до колѣ существую, я ѿду въ деревню Малороссійскую; ты меня въ ней найдешь по твоему предвѣщанію. Мой отпускъ хотя съ тѣмъ опредѣленъ, дабы чрезъ 6-ть недѣль возвратиться, но могу ли я чemu нибудь уже вѣритъ!

Заклинаю тебя дружбою и любовью, пе огорчайся и пе обвиняй ее тяжкимъ образомъ. Представь человѣчество и страсть и, забывая все прочее, люби и будь привязанъ, по крайней мѣрѣ за то, что она вѣчно мила моему сердцу. Я пе чувствую обиды, люблю одинаково, и буде бѣ страсть облегчилася, вмѣстѣ съ оною теперь дѣйствующая останется во мнѣ благодарность. Я просилъ Алексашу, чтобъ онъ обстоятельно описать тебѣ мое состояніе. Рыданіемъ и возмущеніемъ духа платя горькую дань чувствительному моему сердцу, я столько ослабѣлъ, что не въ состояніи о себѣ говорить, и для тебя и ради себя убѣгаю проходить воспоминаніемъ мою долю, которая столь живо сще мои

*) Помѣта графа Воронцова: Recue le 7 Août n. s. 1777. A Livourne.

чувства поражаетъ. Жалость и отчаяніе исторгали изъ меня жизнь; спасеніемъ онай не своему разсудку, но долженъ попеченью моихъ пріятелей, между коихъ твое мѣсто занималь равно тебѣ и мнѣ любезный твой братъ. Еще не скажу, чтобъ я былъ въ силахъ бороться съ печалію. Щду въ лѣсъ и пустыню не умерщвлять, но питать оную.

Прощай, любезный другъ. Пріѣздъ твой оставляю въ твою волю, однакожъ на будущій годъ совѣтую пріѣхать; изъ деревни я буду къ тебѣ писать чрезъ твоего брата. Прости въ томъ медленіе и прежнее и будущее; не пеняй, что я былъ дуракъ. Глупость сія любезна: я на оную и теперь бы промѣнялъ всю премудрость міра и отдалъ бы всякое благополучіе на свѣтѣ, еслибъ можно возвратить удовольствіе прошедшее.

Сеношенька, не забудь меня; спрашивай обо мнѣ у своего брата, а я теперь сажусь въ твою коляску, оставляя городъ и чертоги, гдѣ толико былъ счастливъ и злополученъ, и гдѣ сраженъ я на подобіе агица, который закалается въ ту пору, когда ласкаясь лижетъ руку.

Прими отъ меня подобный подарокъ (который я оставилъ твоему брату), каковъ ты мнѣ сдѣлалъ въ воспоминаніе любви.

12.

29 Мая, Могилевъ 1780.

Сюда я пріѣхалъ съ моимъ старшимъ братомъ. Явившись у двора, впупрепиѣ очень пожалѣлъ, что на сей разъ не пришла ко мнѣ горячка, ибо одинъ я былъ во всей публикѣ, котораго не пожаловали ни единимъ словомъ. Но въ уборной бывалъ лучше принять. Я предвижу, Сенюша, что много будетъ досаднаго, чѣмъ долѣе на глазахъ двора остануся; по вы меня связали домомъ; другое, что я и самъ полагаю благопристойностью нѣсколько подержаться, перенося всѣ непріятности. Ради сего чрезъ мѣсяцъ я возвращуся въ П.бургъ и сіе время только здѣсь проживу изъ нужды, что люди для дому мнѣ надобные прежде не могутъ туда пріѣхать.

Императоръ въ свитѣ Государыни поѣдетъ до Смоленска. Оттуда провождать его будетъ князь Потемкинъ чрезъ Москву въ П.-бургъ, а возвратной его путь будетъ чрезъ Ригу и Польшу, не касался Варшавы. Онъ весьма ласковъ. Память, острота равны его жадному любопытству, которое его побуждаетъ знать всякую вещь отъ корня. Онъ не имѣлъ никакихъ на себѣ признаковъ величія, но сить мундиръ полковницкій своихъ войскъ, не предшествуетъ, ни посѣдаетъ нашихъ фельдмаршаловъ. За столомъ и гдѣ сидятъ, онъ беретъ лѣвую сторону, упрощенъ будучи; словомъ, въ томъ состояніи, въ которомъ его вижу, онъ отличенъ въ людяхъ, а какъ отличить себя въ царяхъ, о томъ нельзя судить прежде царствованія.

Говорить твердо и любить говорить, и разговоръ его доказываетъ основательное знаніе, пріобрѣтенное наукою

и обращенiemъ съ людьми, отлагая образъ царя. Все время въ публикѣ занимается безперерывнымъ разговоромъ съ Государынею, и въ томъ есть ихъ взаимное удовольствіе.

Завтра отсюду дворъ выѣдетъ, 17-го будущаго возвратится къ вамъ. Полкъ свой училъ для Императора князь Потемкинъ, котораго вездѣ вижу херувимомъ. Показался Николай Рохмановъ, о которомъ Левашовъ говорить, что онъ прїѣхалъ подъ именемъ Императора. Въ проѣздѣ его смотрѣль полкъ нашъ гость и очень хвалилъ. Конечно и достоинъ онъ сего. Однакожъ онъ и не хулилъ ничего нашего. Здѣсь Ржевской преуготовилъ было маневръ для полковыхъ собратовъ, однакожъ его не дѣлали будто ради того, что поля сдѣлялись тошки отъ дождей.

Фельдмаршалъ здѣсь не глядитъ и не говорить со мною.

13.

25 Февраля. Ляличи.

Выѣхавши изъ Новгорода, я почувствовалъ пресильный жаръ, такъ что вся одежда была мнѣ въ несносную тягость, и я принужденъ облегчепія искать въ халатѣ; часъ за часъ я чувствовалъ тошноту, и наконецъ полился потъ. Я не поберегъ и застудилъ въ себѣ онъ, какъ былъ морозъ съ вѣтромъ. Тутъ сперся во мнѣ духъ, наступила боль во всемъ тѣлѣ, я ревѣлъ какъ лошадь и совсѣмъ былъ въ рѣшеніи вѣрить своей кончинѣ. При такомъ зломъ приключеніи я попалъ на непроѣздимую дорогу въ деревню Александра Андреевича, и почти двое сутокъ ѿхалъ 15 верстъ. Тамъ я не нашелъ бани, древняго моего лѣкарства, и такъ бросился въ винокуренную барду вмѣсто ванны. Но-

сидѣвъ съ часъ, получилъ я великое облегченіе дыханію, и все мѣста болѣвшія освѣжились; за тѣмъ слѣдовалъ сонъ долгій и крѣпкій, и я всталъ на другой день такъ здоровъ, какъ бы ничего со мною прошедшаго не было. Я нашелъ старшаго моего брата въ Бѣлорусской деревнѣ, меня ожидающаго; съ нимъ я сюда пріѣхалъ въ очень хороший и въ очень выгодный господскій и хозяйствскій домъ.

Чтобъ отбыть панщину, скоро я поѣхалъ въ Курскъ къ фельдмаршалу. У него прожилъ я недѣлю; принялъ меня учтиво, но ту я видѣлъ въ немъ холдность, которую онъ всегда принимаетъ къ людямъ, которыхъ случай кончился. О тебѣ спросилъ только однова, гдѣ ты живешь и съ кѣмъ ведешь компанію. Когда я отвѣчалъ, что кроме прочихъ домовъ ты чаще бываешь у князя Орлова, онъ сказалъ, что новое знакомство. Пускай другіе будутъ какъ хотятъ; но мое правило быть всегда противъ всѣхъ такому, каковымъ быть должно. И такъ я цѣлый мѣсяцъ все былъ въ юздѣ и теперь только беру мое отдохновеніе. Былъ у меня Андрей Васильевичъ, котораго я примѣтилъ досаду, что графъ Александръ Романовичъ не за одно съ его сватомъ въ дѣлахъ. Я всю скучу и туже непріятность переношу, которую ты чувствуешь въ разлученіи со мною; но истинныя нужды требовали, чтобы я то сдѣлалъ, чтѣ сдѣлалъ. Будемъ еще жить, мой милый другъ, вмѣстѣ и очень долго. Я уже дозпаю по моему теперешнему вояжу, что здоровье терпитъ отъ долгой юзды, которая прежде опое укрѣпляла и такъ съ тѣмъ отсюда возвращусь въ Петербургъ, чтобы жить въ ономъ долго. Правда, не все тамъ по сердцу, но тебя Сенюша я другаго пигдѣ не имѣю. То уже всякое мѣсто, то наилучшее для меня, гдѣ я буду жить съ тобою. Я тебѣ никогда не хотѣлъ говорить объ особѣ, которая по слову Гудовича обо мнѣ тужитъ. Нельзя не любить человѣка, отъ котораго видишь къ себѣ любовь.

На семъ основаніи моя къ ней привязанность или лучшее назову признаніе было и есть. Обхожденія я съ нею имѣлъ больше, чѣмъ съ другими; сама благопристойность и благодарность того требовали, да и усугубляло то хорошее поведеніе; но чтѣдо страсти пылкой, она во мнѣ не произвела оной, ниже я самъ ее могъ возбудить въ себѣ; и такъ какъ я по сю минуту самъ себя слѣдую, то я имѣлъ разъ въ жизни лютую и несчастную страсть, которая, размучивши сердце, не оставила въ ономъ для другой мысли на вѣки *). Я дѣлаю тебѣ, какъ моему искреннему другу, откровеніе полное. Нельзя никому за себя отвѣтить впредь на вѣрно; можетъ быть и паки я буду безуменъ не менѣе прежняго, но я тебѣ открываюсь, такъ какъ я теперь себя чувствую. Я часто говорилъ Гудовичу, чтобы онъ на счетъ мой не вдавался въ виды женитьбы, о коей я николи не выговорилъ ни одного слова, да и не имѣлъ обхожденія иного, какъ при всемъ людствѣ. Я предвижу, что съ возвращеніемъ моимъ надобно быть исторіи. Доброго и столь хорошаго поведенія дѣвицу нельзя не любить, но сіе не есть обязательство жениться. Я и сюда имѣю отъ нея отзывъ, который показываетъ, что она во мнѣ находитъ милага для себя человѣка. Но подумай, Сенюшенька: ей только 16 лѣтъ. Сколько склонностей измѣняется и не въ сіи лѣта? Ежели ты можешь ее гдѣ увидѣть, поклонись отъ меня. Я не могу отрешись, что ее люблю больше другихъ. Сіе я си и самъ говорилъ, когда она требовала, чтобы я ее любилъ. Вотъ я и чувствую долгъ противъ того, какъ она ко мнѣ расположена. Но не только какія либо обязательства, но и разговоръ мой не доходилъ до такого градуса, какъ, можетъ быть, въ ихъ домѣ или въ другомъ толкуютъ. Мнѣ очень жаль, что я ей не могу соотвѣтствовать равнымъ чувствомъ; впрочемъ основательно могу думать, что отсутствіе мое

*) 1775—1777 годы. Страсть была обоюдная.

Архивъ Князя Воронцова, XVIII. 11.

излѣчить подобнымъ образомъ, какъ то уже было послѣ отказу Корсаку ¹⁾). Не назови меня звѣремъ и жестокосердымъ. Я очень имѣю чувствительное сердце, которое меня преклонило къ такому знакомству, каково я вель; но съ другой стороны ясно, что люблю честь и добрую славу, что никогда ничего не сдѣлалъ въ предосужденіе, а того менѣе въ обманъ особѣ, отъ которой вижу ласки ²⁾). Я въ первое говорю столь много о сей матеріи. Гудовичъ, коего разумѣютъ моимъ конфидентомъ, отъ меня никогда сего не слыхалъ. Я и отъ Льва Александровича ³⁾ получилъ теперь письмо и отвѣчаю ему на комплиментъ таковымъ же.

Ты не выводишь николи меня изъ страха, что здоровье твое всегда не лучшее. Пріучи себя, Сенюша, раза по два въ сутки полоскать во рту прехолодною водою и тереть лицо льдомъ, да и привыкай ходить сколько нибудь на воздухъ, не взирая на дурную погоду. Ежели ты сего не начнешь дѣлать, простуда твоя будетъ вѣчна. Живши безвыходно во дворцѣ при горящихъ каминахъ, я себя было подвергнулъ сей болѣзни, которую слава Богу и сбылъ, вырвавши зубъ тѣми средствами, которыя тебѣ употреблять совсѣтую.

Поцѣлуй отъ меня Лафермьера. Братъ мой тебѣ усердно кланяется. Кланяюсь Петру Васильевичу, прося его о штатѣ, который онъ прислать мнѣ обѣщалъ. Когда станешь выѣзжать, кланяйся отъ меня князю и княгинѣ ⁴⁾ и всѣмъ съ ними выѣстѣ въ дому принадлежащимъ фрелинамъ.

¹⁾ Корсаковъ, извѣстный красавецъ и позднѣе любимецъ Екатерины.

²⁾ Говорится о гр. Вѣрѣ Николаевнѣ Апраксиной, на которой впослѣдствіи женился Завадовскій. Она жила дѣвицею при матери, въ домѣ графа К. Г. Разумовскаго, зять котораго И. В. Гудовичъ былъ сослуживцемъ Завадовскаго и устроилъ его свадьбу, совершившуюся въ 1787 году.

³⁾ Нарышкина, человѣка близкаго къ дому гетмана.

⁴⁾ Орловымъ.

Подъ исходъ Марта поѣду къ Киеву, спѣша возвратить-
ся къ пріѣзду двора въ Москву, чтò очень разстроиваетъ
мой планъ. Здѣсь прилагаю на твой расходъ 500 р., въ ас-
сигнаціяхъ. Ежели ты станешь мнѣ благодарить за сию ма-
лость, то это будетъ для меня пощочина. Велъ я тогда съ
тобою счетъ, когда ты былъ богатѣе меня? Сколько вещей я
принялъ отъ тебя въ арміи, пе сказавши тебѣ и спасибо? Прос-
трай, мой милый другъ, прощай Сенюшенька. Человѣкъ
сей будетъ ко мнѣ возвращаться: пожалуй не забудь дать
письма. Мнѣ только нужно знать, что ты здоровъ. Не до-
садуйте, буде не часто пишу; случан здѣсь весьма рѣдки: я
ни въ Глуховѣ, ни у самаго фельдмаршала не получилъ
онаго.

14.

25 марта, Ляличи.

Я былъ уже въ дорогѣ въ печальный домъ Александра
Андреевича и принужденъ возвратиться, получивъ письмо
отъ него, что домъ сторгованъ. Я его не знаю, а плачу,
дабы ему не остаться въ словѣ данномъ, что мпою купленъ
будетъ. Не затрудняю тебя сею матеріею, ибо ты по мо-
ему домоводецъ; а скажу, что я здѣсь весьма покойно
живу. Семья пе велика, а упражненіе одна лишь охота;
довольно набилъ медвѣдей и волковъ. Впрочемъ писать
лишнее, когда предстанетъ самъ Александръ передъ твои
очи: у него спрашивай о моей жизни.

Какъ я пе чаю, чтобъ мнѣ отсрочили до зимы, а при
томъ и домъ привязывать долженъ въ разсужденіи его
устройства, то я надѣюсь, увижу тебя послѣ возвращенія

11*

двора изъ Бѣлоруссіи. Я бы настоящую свою жизнь не покинулъ вскорѣ, ежелибъ Александръ Андреевичъ не сдѣлалъ сюрприза. Мило мнѣ быть съ тобою, Сенюша; но что лежитъ до должности, она меня не будетъ никогда веселить.

Я слова обязательнаго никоимъ образомъ не давалъ и всячески соблюль осторожность, даже и не говорить о томъ. Благодарность же за чувства все имѣю, да и чтожъ буде не признаніе заставляло меня ъздить столь часто ¹⁾? Я съ тобою въ томъ согласенъ, что и сіе перемѣнится, какъ все другое перемѣняется. Ежели Орловы пе уѣхали, поблагодари и ихъ и всѣхъ, кои мнѣ чрезъ тебя кланялись. Пожалуй, загляни на кафтаны что нынѣ шьютъ для праздниковъ Бѣлорусскихъ и отврати, чтобы молодежь буйная пе нарядила меня Индѣйскимъ принцемъ.

15.

Отъ Чернышева я заѣжалъ вчера къ тебѣ, по уже ворота были заперты и не достучался. Увѣдомь, каковъ ты; ибо мнѣ казалось, что кровь хотѣла пустить. На вчерашнемъ балѣ много у меня павѣдалася о тебѣ графиня К. П. Строгонова ²⁾). Ежели бы не такой день, что, избѣгая обѣда праздничаго, должно дома просидѣть, я бы къ тебѣ пристель; но сіе время употреблю на письма домой и къ князю.

¹⁾ Т. е. ъздить въ Петербургъ, по оставленію покоевъ въ Зимнемъ дворцѣ. Какъ извѣстно, Завадовскій съ великою пользою для государства былъ употребленъ на службу. Екатерина поручила ему Медико-хирургическую Академію и Народныя Училища, и онъ часто призываешьъ былъ на совѣщанія по важнѣйшимъ дѣламъ.

²⁾ Вторая супруга графа Александра Сергеевича.

16.

Я имѣлъ всю добрю надежду тебя застать еще въ постель; но ты прекрасной Діанѣ послѣдуешь въ лѣсахъ. Князь *), къ которому я заходилъ, тебѣ и Гаррису кланяется. Я не буду въ комедіи, ибо смотрѣть на отврашающихся непріятно. Демидовъ проситъ усильно завтрашняго обѣдать; я и за тебя и за себя обѣщалъ его жепѣ. Чрезъ Александра Андреевича дай миѣ знать, забѣжать ли къ тебѣ завтра, ибо я ранѣе бѣ для сего выѣхалъ.

Хозяину и хозяйкѣ поблагодари отъ меня за хороший завтракъ, которымъ я былъ здѣсь употчивањъ.

17.

Августовъ, 5 Іюня.

Миѣ не позволили больше двухъ недѣль остаться здѣсь: такъ и опровергнуто мое желаніе, чтобы тебя тутъ увидѣть, а уже жди меня къ себѣ 29 къ ночи непремѣнно, а на случай бываемыхъ въ дорогѣ остановокъ, 30-го. Я не могу не прїѣхать въ сіи дни, потому что срокъ мой 1-го Іюля. Поклонись отъ меня графу Александру Романовичу да земнымъ поклономъ, предъ коимъ я проливаю молитву, чтобы онъ наставилъ ничего не разумѣющаго моего Александру приготовить для дому первыя надобности, которыхъ я и

*) Орловъ, гостепріимно жившій съ своею молодою супругою въ Гатчинскихъ лѣсахъ, гдѣ часто навѣщали его Петербургскіе пріятели. Изъ любимицевъ Екатерины поженились: Орловъ, Завадовскій, Ероцовъ и Зубовъ.

самъ не зпаю. Поблагодари отъ меня Петра Васильевича ¹⁾ за послѣднія его письма. Штать имъ сдѣланній будетъ уставъ моего домоуправлениа.

Вы прѣжде увидитесь съ дворомъ и со вся-вѣдущимъ Александромъ Андреевичемъ ²⁾: то и не для чего продолжать увѣдомленія къ сдѣланному отъ меня для васъ изъ Могилева.

18.

Князь, княгиня ³⁾ и обѣ нимфы благодарятъ тебя за твой имъ поклонъ. Очень довольны, что ты возвратишься въ Субботу. Вчера таскался съ ружьемъ, а сегодня не выходитъ и прочель обѣ книги, кои всучилъ мнѣ графъ Александръ Романовичъ, которому представь мое почтеніе и выпроси еще слѣдующіе томы, да и привези ихъ съ собою. Мнѣ послѣ возвращенія изъ Гатчины пора уже будетъ собираться въ свой долгой путь. Кланяйся отъ меня Гаррису, тоже и любимымъ нашимъ графамъ Румянцовымъ.

¹⁾ Бакунина.—Пріятели, чтобы Завадовскій не заживался въ своемъ Екатеринодарѣ (Ляличахъ), заставили его купить домъ въ Петербургѣ.

²⁾ Безбородко.

³⁾ Орловы. Подъ нимфами можно разумѣть двоюродныхъ сестеръ княгини Орловой, Сенявиныхъ, изъ которыхъ одна Екатерина Алексѣевна скоро вышла за графа С. Р. Воронцова, а другая, Марья, была потомъ супругою Александра Львовича Нарышкина.

19.

Я былъ нездоровъ и, не охотникъ будучи къ публикѣ, разсудилъ удобный день употребить на диету. Привыкаю сносить безъ огорчения гнѣвное поведеніе противу себя ф. которой вчерась долго говорилъ, предосуждая твою чувствительность, что ты досадуешь за обходъ тебя младшими по службѣ, что онъ бы сего не сдѣлалъ. Кого никто не обошелъ, да и обойти ужъ нельзя, тому легко говорить подобныя разсужденія для другихъ.

20.

С.-Петербургъ, Августа 29-го 1804.

Милостивый государь мой графъ
Семенъ Романовичъ!

Податель сего письма, Виленскаго университета г. профессоръ Бекю отправленъ для усовершенствованія врачебныхъ его занятій въ Англію. Определенное ему для сего путешествія время должно употребить наилучшимъ образомъ въ пользу своего университета. Зная, сколь приятно вашему сіятельству братъ участіе во всемъ томъ, что клонится ко благу Отечества нашего, я тѣмъ смѣлѣе препоручаю сего профессора въ его подвигѣ вашему покровительству, покорнѣйше испрашивая, дабы, подъ вліяніемъ онаго, могъ онъ получить свободный входъ во всѣ мѣста, относящіяся къ предметамъ его наукъ и удобнѣе вступить въ связь съ учеными въ незнакомой ему странѣ.

Имѣю честь быть и пр.

Інструкція господину камеръ-юнкеру Алексею Нарышкину *).

При настоящемъ вашемъ путешествіи къ цѣлительнымъ водамъ, а оттуда въ Италію, соизволяеть Ея Імператорскoe Величество, какъ въ удостовѣреніе о вашемъ къ службѣ ея и отечества похвальномъ усердіи, такъ и въ разсужденіи усматриваемыхъ въ васъ къ дѣламъ отличныхъ способностей, поручить вамъ начатіе и производство нѣкоторой при Туринскомъ дворѣ небезважной негоціаціи, коєй счастливое окончаніе будетъ непремѣнно вамъ самимъ и въ заслугу, и въ пользу; ибо отнынѣ уже изволитъ всемилостивѣйшая Государыня пред назначивать васъ министромъ своимъ къ сему двору, есьли скромнымъ и благоразумнымъ попеченіемъ вашимъ та негоціація къ желанному краю доведена будетъ.

Дѣло состоитъ въ томъ, что политические двора нашего интересы требуютъ какъ для настоящаго времени, такъ и для переду, ближайшей между имъ и королемъ Сардинскимъ связи, нежели какая донынѣ была въ одной пріязненной и ничего незначущей перепискѣ.

Къ достижению сего конца нужно съ одной стороны дойти до того, чтобы оба двора начали взаимно одинъ при другомъ содержать аккредитованныхъ министровъ, а съ другой избѣжать предъ публикою и самой наружности первого отъ насъ въ томъ исканія: ибо нѣжность обще-

*) Печатается съ подлинника. Тетрадь прошнурована и скрѣплена печатями двухъ членовъ Иностранный Коллегіи, графа Панина и князя А. М. Голицына. П. Б.

принятыхъ между дворами правиль въ равенствѣ и предсѣдавіи коронъ поставляетъ уніженіемъ одной передъ другою все то, что въ какомъ либо общемъ дѣлѣ чинится неравными и весьма строго на обѣ стороны размѣренными шагами.

Судя по естественному положенію земель короля Сардинскаго, нельзя разсудительнымъ образомъ сомнѣваться, чтобы сей прозорливый и во всѣхъ своихъ дѣлахъ толь слѣдственный государь самъ не радъ былъ близкому съ нами соединенію. Какъ по сю пору вся знатность и могущество дома его возрастили и перемѣнило, по перемѣнѣмъ обстоятельствамъ, основывались на древнемъ и естественномъ между собою соперничествѣ Австрійскаго и Бурбонскихъ домовъ, между коими оной въ ту или другую сторону, но всегда въ собственную свою выгоду, перевѣсь дѣлать могъ: такъ, напротивъ того, теперь со времени толь тѣснаго между ими содруженія, стало состояніе его весьма иначево и подвержено всегдашней опасности совершенного отъ нихъ порабощенія, потому что нѣть въ Италии другихъ сильныхъ статовъ, кои бы сохраненію его существительно способствовать могли. Сихъ ради причинъ его Сардинское величество, чувствуя довольно всю заботу положенія своего, старался по сю пору всячески менажировать, какъ и теперь дѣйствительно менажируетъ, по крайней мѣрѣ парижную дружбу Вѣнскаго и Бурбонскихъ домовъ, чтобы ему отъ нихъ вдругъ сурпризовану не быть; по въ тоже время тщательно искалъ и ищетъ онъ содруженія болѣе и болѣе съ Великобританіею, какъ такою короною, которая собственнымъ своимъ бытіемъ поставлена въ естественное противоборствованіе Бурбонскому фамильному пакту. Россія, находясь относительно сего пакта въ подобныхъ Аглинскимъ обстоятельствахъ и играя теперь знаменитый въ Европѣ роль, которой діаментраль-

но противорѣчить политикѣ Версальскаго двора, представляеть королю Сардинскому небезполезную для безопасности его перспективу и опору, взаимно чemu онъ самъ нынѣ морскимъ нашимъ операциемъ въ Средиземномъ морѣ и въ Архипелагѣ много полезенъ быть можетъ. Основываясь на такой для обѣихъ сторонъ взаимной выгодности (коя до тѣхъ поръ существительна во всей своей силѣ настоять будетъ, доколѣ продолжится нынѣшнее между Австрійскимъ и Бурбонскими домами несвойственное, тольтѣсное согласіе, какъ выше уже сказано), предугадывать можно, что король Сардинскій самъ не не радъ будетъ близкому съ нами соединенію; слѣдовательно же и остается только достигнуть откровенного въ томъ на обѣ стороны въ мысляхъ изъясненія, которое требуетъ и скромности, и общаго напередъ о всѣхъ подробностяхъ соглашенія, для того одного, чтобы въ глазахъ публики сохранить цѣлостность точнаго и полнаго равенства.

Къ сему потребно, чтобы первыя представленія произошли не чрезъ характеризованныхъ министровъ, а постороннимъ и партикулярнымъ образомъ, хотя съ употребленіемъ посредства и персоны съ публичнымъ характеромъ, по третьяго двора.

Собственное ваше благоразуміе даетъ вамъ изъ вышеписаннаго достаточное руководство въ томъ, что до существа самой негоціаціи касаться можетъ; напротивъ чего, въ разсужденіи образа производства ея, можно преподать здѣсь слѣдующія примѣчанія.

1-е. По прїездѣ вашемъ въ Туринъ въ качествѣ партикулярнаго, по собственной охотѣ путешествующаго, дворянина, надобно будетъ вамъ прежде всего стараться о томъ, чтобы быть при дворѣ и министерствѣ обыкновеннымъ образомъ представлену, употребляя тамъ въ посредство ministra Аглинскаго, какъ намъ союзного и дру-

жественійшаго двора, или хотя самого Вѣнскаго двора, не открываясь ему однакожъ въ истинномъ намѣреніи пріѣзда вашего.

2-е. Получа такимъ образомъ доступъ къ двору или министерству, можете вы, отзываясь передъ всѣми въ генеральныхъ терминахъ о персональной естимѣ Ея Императорскаго Величества къ королю Сардинскому, отозваться партикулярнымъ образомъ и наединѣ къ правящему иностранными дѣлами министру, что Ея Величество, въ разсужденіи взаимной и очевидной для обѣихъ сторонъ пользы, также и по хорошимъ ея о королѣ мнѣніямъ, желала бы настоящую донынѣ между ими церемоніальную переписку превратить въ ближайшее соединеніе, почему она и не удалена прислать къ двору его Сардинскаго величества ministra своего въ публичномъ характерѣ, сстыли и онъ съ своей стороны, соотвѣтствуя высочайшимъ ея намѣреніямъ, согласится такойже поступокъ вмѣстѣ и въ одно съ нею время сдѣлать.

3-е. Изъ отвѣта того ministра на сей вашъ отзывъ будете вы въ состояніи судить, какую дѣну поставить оному Туринскій дворъ; а усматривая въ немъ искреннюю и взаимную готовость къ общему дѣлу, можете вы далѣе уже открыться, что все предложеніе ваше не только по точному отъ двора повелѣнію чините, на что и сами вы въ запасъ предназначены имѣть честь быть первымъ со стороны Ея Императорскаго Величества инструментомъ къ начатію съ Туринскимъ дворомъ безпосредственного чрезъ взаимныхъ ministровъ сношенія; что дѣло зависитъ только отъ ихъ на то согласія, по которому и не сумнѣвается вы уже получить для себя кредитивныя грамоты на тотъ самый характерѣ, въ какомъ министръ со стороны его Сардинскаго величества назначенъ будетъ; и надобно только заранѣе условиться о томъ да и въ какой именно день

при обоихъ дворахъ объявить взаимное назначение, дабы послѣ ни въ чёмъ и никакого недоразумѣнія быть не могло.

4-е. Естьли вы на мѣстѣ къ успѣху комиссіи вашей за нужно признаете дѣлать первыя внушенія чрезъ Аглинскаго ministра, дабы собою не сдѣлать излишней огласки, или же не compromетировать себя въ тщетной сверхъ чаянія попыткѣ, о томъ оставляется рѣшеніе на собственное ваше благоразумное смотрѣніе и соображеніе всѣхъ въ пользу и вопреки настоять могущихъ увѣреній, а особенно персонального нрава, поведенія и кредита при дворѣ того Аглинскаго ministра; ибо намъ впрочемъ нѣть нужды таиться предъ дворомъ его въ намѣреніи нашемъ, потому что исполненіе онаго ему самому полезно быть можетъ умноженіемъ новыхъ препонъ Бурбонскому фамильному пакту чрезъ составленіе новыхъ и безпосредственныхъ политическихъ связей между собственными его друзьями.

Какимъ образомъ собственной ли вамъ безпосредственной или же чрезъ Аглинскаго ministра чинимой отзывъ при Туринскомъ дворѣ принять и соотвѣтствованіе будетъ, о томъ о всемъ не оставите вы немедленно доносить сюда, употребляя для надежности корреспонденціи слѣдующіе вѣдѣсь цифирные ключи *), дабы по тому послѣднія Ея Императорскаго Величества резолюціи обратно къ вамъ послѣдовать могли, въ желанное ли окончаніе негоціаціи или же въ совершенное ея, по непредусматриваемъ теперь затрудненіямъ, пресѣченіе. А въ семъ послѣднемъ случаѣ вы можете уже выѣхать изъ Турина въ какое либо отъ онаго недальнее мѣсто, для обожданія отсюда дальнѣйшихъ вамъ предписаній, дабы иначе долговремен-

*) Этихъ ключей при подлинной бумагѣ не имѣется. П. Б.

пое ваше тамъ безъ видимой падобности пребываніе, также и частые съ королевскимъ министромъ переговоры, кои бы по начатіи негоціаціи печувствительнымъ образомъ сами собою раждались могли, не произвели въ публикѣ, а особливо у Бурбонскихъ министровъ, излишняго примѣчанія и не открыли мало-по-малу собою причину пріѣзда вашего къ Сардинскому двору.

По именному Ея Императорскаго Величества указу.

Графъ Н. Панинъ.

Князь Александръ Голицынъ.

Въ Сапкетербургѣ.

Мая дня

1770 года.

Письмо первого Русского Санскритолога Герасима Лебедева къ
графу С. Р. Воронцову.

Калкота, 15 (26) Июля 1797.

Сиятельныйшай графъ Семенъ Романовичъ

Милостивый государь!

Смѣлость мою, надѣюсь, вы изволите не токмо извинить, но извлечете, думаю, благоволеніе воспокровительствовать; юбо желаю по возможности сдѣлать услугу вѣрноподданнѣмъ сынамъ православной Россійской державы. По довольною распознаніи Гиндостанскихъ языковъ, при всѣхъ моихъ хлопотахъ, вольныхъ и невольныхъ, я не позабылъ почесть себѣ за великую честь къ вашему сиятельству изъ Востока писать прошлаго года, корабля именуемаго „Райналь-Шарлотъ“ съ капитаномъ, о моемъ успѣхѣ и ободреніи отъ публики, который корабль, хотя уже опять въ Калкоту возвратился, но мнѣ неизвѣстно, получены ли вами мои письма. Ко удовольствію моему однакожъ изъ газетъ я узналъ, вы пребываете еще въ Лондонѣ и что королевскимъ мастеромъ Офъ-Дъи-Горсъ представлены были ея величеству Аглинской королевѣ. Сумнѣнія нѣтъ, ею вы, ваше сиятельство, приняты были гораздо почтеннѣе за блюденіе Россійской націи.

Пекущійся о умноженіи блага сиятельныйшай графъ, для пользы всемирной, увеличь ко удовольствію обширныхъ Россійскихъ обществъ добродѣтель твою и пострайся, императорское изображеніе, двоевичный образъ, также,

яко отецъ единоземцамъ напимъ, сдѣлать известными мои по любви къ отечеству пріобрѣтенія, написанныя съ Бенгальскими словами и переведенныя при всевозможномъ о правдѣ розысканіи: героическая поэма на бракосочетаніе Бордгманского (Бордвансаго) государя дочери лучшимъ писателемъ Шри-Бгаротъ-Чондро-Раи, словарь, довольно разговоровъ, двѣ комедіи, ариѳметическая дѣленія, которыя, думаю, въ Европѣ до сего вѣкъ неизвестны, часть календаря и нѣсколько разныхъ собраніевъ для Шанскритскаго, Бенгальскаго и для смѣшаннаго Гиндостанскаго языковъ.

О рачительномъ упражненіи моемъ отпиши къ нашему государю и властямъ и, такие труды твоимъ превосходнымъ знаніямъ ободря, припомн имъ, что эти написанныя извѣстія служать не ради чтенія только одного, но не меньшее ради сношенія съ такими народами, съ которыми Россія (вамъ лучше извѣстно), можетъ быть, не имѣла никогда переписокъ, хоша и сдѣлано Тамерланомъ-государемъ посланіе въ Москву. И меньше сего мнѣ извѣстно, были ли когда нибудь какимъ Россіяниномъ переведены въкія Гиндостанскія книги на Русской языкъ и какихъ восточной страны государствъ? Только то чрезъ опытъ знаю, что отъ завладѣнія Мусульманцами и Европейцами, при причиненныхъ замѣшательствахъ, языки, какъ и многое другое, такъ перемѣшаны и правописаніе перепорчено (слѣдовательно и исторія невѣрна), что для исправленія и обновленія требуется нарочно-рожденныхъ людей, независимыхъ отъ ненасытной алчбы, а не рыщущихъ чекаловъ (родъ между собакъ и волковъ) промышленниковъ львовой пищи, которые какъ добытчики добычу смѣшиваютъ съ нечистотою.

Покровителямъ намъ въ Россіи, яувѣренъ непапррасно, будетъ пріятно видѣть древнихъ нравоучительное, увеселительное писаніе, и особенно сообщаемое Россіяниномъ,

которой, истративъ на сie свое имѣніе, желаетъ услужить и быть угоднымъ между обществомъ въ своемъ отечествѣ. За такую доставляемую пользу здѣсь переводчики имѣютъ тысячу фунтовъ въ годъ жалованья и постепенно доходятся до вышнихъ чиновъ со умноженiemъ доходу. Но я-бъ почелъ себя довольнымъ имѣть пять тысячъ рублей въ годъ съ пристойнымъ чиномъ, какую сумму я здѣсь получалъ до открытия моего театра.

Надѣюсь, ваше сіятельство, изволишь повѣрить, я не безъ знанія и не безъ труда, кроме другихъ книгъ перевелъ съ Аглинскаго на Бенгалскій языкъ комедію (Desquesse) „Притворство“ и послѣ отказу компанскихъ слугъ надзирателя ссудить меня театромъ не безъ предмету былъ: смѣль състроить свой, который вмѣщалъ около четырехъ сотъ персонъ и въ которомъ театръ помянутая комедія обѣихъ родовъ Бенгалскими комедіантами была два раза представлена подъ моимъ только покровительствомъ, какъ и все другое, предъ многолюднымъ собраніемъ. И я чрезъ сie конечно обогатился-бъ, еслибъ по зависти отъ промышленниковъ театральныхъ не былъ обманутъ, ограбленъ и разоренъ, и для чего отъ хранящихъ правосудіе не могъ сыскать для помощи расположенія, отъ коихъ я требовалъ. То что бы могло и Агличавамъ не токмо новостю опять нравиться, но ради вѣрнѣшаго о языкахъ увѣдомленія, публиковать въ Калкотѣ не могу; за тѣмъ что иностранцово въ наукахъ уравненіе переводчикамъ несносно, торговцамъ непріятно, и правлѣніе, для ободренія своихъ, знаю, какъ надлежитъ иностранца не окуражить. Извѣстно свѣту, иностранцы ободряются лучше въ Россіи, и не требуется другихъ вѣковъ доказательства. Единоземцы наши, если не ошибаюсь, всякаго класса, за тоже не бываютъ позабыты, и я съ неизъяснимою благодарностью свѣту свидѣтельствую собою за милость и отеческое благопріятство

такое, какое я имѣль счастіе получить отъ Его Императорскаго Высочества Государя Павла Петровича, отъ его супруги и отъ странствующихъ съ ними высокопочтенныхъ господъ лицъ въ Парижѣ и въ Момбильярѣ. Славить соразмѣрно милостямъ желаю занять витійства; но кто устроить мой языкъ въ чужой дальней восточной сторонѣ?

Во истину счастливымъ бы себя почель жертвовать до смерти умноженіемъ услугъ, когда-бы ваше сіятельство благоволили выходить жалованье и чинъ, и тѣмъ сдѣлали защищена отъ такихъ компанейскихъ сосуновъ, изъ которыхъ нѣкіе не превосходнымъ достоинствомъ, а что въ службѣ лгутъ, чванись предъ небольшимъ въ службѣ человѣкомъ таковымъ, который въ разныхъ націяхъ великими людьми и богами призрѣнъ, а въ не такомъ составленномъ на рыхлотѣ бытіи, какъ пѣтухи будто предъ воробьемъ съ напряженными отъ раздуванья зобами, оклеветывая вѣрныя его дѣла, желаютъ проглотить, какъ таракана и тѣмъ затмить славу его. Да и за что же? Что, знаю, они не выразумѣваютъ яснаго Саншкритскаго азбучнаго блеску, и клюючи не могутъ глотать словесныхъ Гиндостанскихъ язычныхъ жемчужинъ.

Хоша я до гола почти и разоренъ, только изъ подданныхъ Россіи, здѣсь находящихся, при желаніи и помочь исправить мое состояніе, присовѣтовали ваше сіятельство просить исходатайствовать два паспорта, ради трехмѣстныхъ двухъ кораблей, или двумѣстныхъ (если чрезъ линію проходить позволяется), чтобъ оные подъ флагомъ Россійскимъ и съ должны-ми привилегіями изъ Индіи, изъ рѣки Гонча (Gonga), изъ Восточного и Средиземного океана и другихъ морей по выходѣ чрезъ Балтическое море мною могли введены быть въ Неву и чтобъ оные, какъ можно скорѣе, вы благоволили ко мнѣ переслать.

Разсуждая, что не требуется денегъ на покупку кораблей и на товары и что не токмо внесется умноженіе въ казну пошлинами, но ободрится торгъ и мореплаваніе, кромѣ другихъ обрѣтеніевъ, надѣюсь, благоволите паспорты ко мнѣ переслать.

Архивъ Кнізя Воронцова XVIII.

Вашему сіятельству, яко върноусердному желателю Россійскаго блага, предавъ написанное и себя въ провидѣніе и по-кровительство, прошу удостоить отъѣтомъ и такимъ совѣтомъ или предписаніемъ, отъ котораго зависить все мое благополучіе.

Отечеству всякаго блага желающій, вашего сіятельства, милостивый государь, всепаипокорный слуга

Герасимъ Лебедевъ.

*

Герасимъ Лебедевъ издалъ въ Лондонѣ книгу объ Индійскыхъ парѣчіяхъ подъ слѣдующимъ заглавиемъ:

A grammar of the pure and mixed east-indian dialects with dialogues affixed, spoken in all the eastern countries, methodically arranged at Calcutta, according to the Brahmenian system, of the Shamserit language, comprehending literal explanations of the compound words and circumlocutory phrases, necessary for the attainment of the idiom of that language etc., calculated for the use of Europeans. With remarks on the errors in former grammars and dialogues of the mixed dialects called Moorish or Moors, written by different Europeans; together with a refutation of the assertions of sir William Jones, respecting the Shamskrit alphabet; and several specimens of oriental poetry, published in the Asiatic Researches. By Herasim Lebedeff. London. Printed by J. Shirven, Ratcliff-Highway; for and sold by the author, № 3 Warwick-place, Berford-row, and by mr Debrett, Bookseller, Picadilly. 1801.

Книга посвящена Остъ-Индской Компаниї, въ Лондонѣ 20 Мая 1801. Въ предисловіи сочинитель говоритъ, что 12 Февраля 1785 онъ отправился въ Мадрасъ и въ Августѣ 1787 прибылъ въ Калькутту, что 27 Ноября 1795 и 21 Марта 1796 его піесы игрались въ Калькуттѣ на Бенгалльскомъ языкѣ.

Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ бумагахъ по сношениямъ съ Англійскимъ дворомъ, мы нашли слѣдующее шифрованное письмо графа Растворчина въ Лондонъ къ покрѣпленному въ дѣлахъ В. Г. Лизакевичу.

Pawlowsky, le 22 May 1800.

Par ordre de l'Empereur.

Скажите г-ну Лебедеву, что онъ писалъ нелѣпое письмо о сумасшедшемъ врачу, на коего онъ самъ походитъ и что если онъ думалъ служить симъ Государю, то онъ весьма ошибся.

Графъ Растворчинъ.

Д В Ъ З А Н И С К И О Б Ъ И П Д И И *).

1.

Note sur la guerre dans l'Inde.

De tous les événements politiques qui depuis quelque tems se succèdent avec une si étonnante rapidité, ceux qui donnent le plus à penser au ministère britanique et qui occupent le plus la nation anglaise, sont amenés par la guerre que cette puissance fait dans l'Inde à Tippo-Sultan. L'on se rappelle la part considérable que le parti indien a eue, si ce n'est à l'élévation du présent ministre, au moins à sa stabilité; il semblerait aujourd'hui que ce même parti lui prépare l'écueil où sa fortune politique doit échouer, et sous ce point de vue il est peut-être de quelque intérêt de rapprocher succinctement l'origine et les principaux événements d'une mesure qu'il était à l'option de m-r Pitt d'empêcher.

Le prétexte de cette guerre date de 1788. Le rajah de Tranvacore ayant acheté aux Hollandais, au commencement de la même année, deux forts, Cranganore et Aicota, ce qui causa de l'inquiétude à Tippo-Sultan, ces deux forts étant au Nord des territoires du pays de Cochin, sur les frontières du circar de Misore, fief qui relève de Tippo-Sultan, qui ne pouvait voir ces deux places fortifiées passer d'une puissance neutre entre les mains d'un voisin dont il suspectait l'ambition, Tippo,

*) Объ бумаги сохранились въ спискахъ.

offensé de cette acquisition, prétendit être en droit de s'y opposer. Il fit savoir au gouvernement anglais du Bengale, que si leur allié le rajah de Tranvacore ne s'empressait pas à s'en désister, il emploierait la force pour l'y contraindre. Peu de tems après cette notification il fit effectivement avancer des troupes sur les frontières des territoires de Tranvacore, et même elles en passèrent les lignes. Le gouvernement du Bengale résolut de ne pas répondre à Tippo-Sultan et de considérer comme un attentat irrémissoire les mesures qu'il avait prises contre leur allié. Cependant, par le traité de la Compagnie avec le rajah de Tranvacore de 1769, renouvelé en 1784, la Compagnie ne s'engagea à défendre le rajah que dans les cas où il ne donnerait pas lieu à des hostilités, et cette acquisition de deux forts sur les frontières de Tippo-Sultan ne pouvait difficilement être considérée que comme un dessein d'agression éventuelle contre ce prince. Dans les commencemens le gouverneur-général ne paraissait pas favoriser la part que voulait prendre à ces hostilités le gouvernement du Bengale, mais depuis il changea d'avis.

Tels furent les motifs apparents de la guerre actuelle; mais les causes réelles qui l'ont fait naître tiennent au système de vénalité et de corruption qui règne dans l'Inde. Les agents de la Compagnie ne visent qu'au monopole et à des contracts d'approvisionemens lucratifs, le militaire au pillage et à la rapine; les parens et les amis de tous ces gens là, qui résident en Angleterre, intéressés à leurs fortunes, entraînent facilement un ministre, avide de pouvoir et qui fait du patronage son principal appui: il se livre aveuglément aux succès qu'on lui promet et à son tour éblouit le public par l'appât du gain, attache à son char les esclaves des richesses. Alors la raison n'a plus d'accès; envain se fit-elle entendre contre la guerre en question, par l'organe de Charles Fox, de Francis, de Husseys, qui tous dans la dernière session s'opposèrent vivement à cette mesure et recommandèrent la paix; mais ce fut sans succès.

Le ministre actuel Dundas proposa la résolution suivante qui obtint la majorité:

„Que les attaques commises par Tippo contre les lignes de „Tranvacore le 29 Décembre 1789 et le 6 et 15 de Mars 1790, „étaient des infractions injustifiables au traité passé à Mangalore le 10 Mars 1784 et qu'elles n'avaient pas été provoquées“.

2-de résolution:

„Que la conduite du gouverneur-général du Bengale en „poursuivant la guerre avec vigueur contre Tippo, pour avoir „attaqué les possessions du rajah de Tranvacore, était hautement méritoire.

3-me résolution:

„Que par les traités passés avec le Nizam du Decan et „les Marattes, pour coopérer avec vigueur dans les opérations „de la guerre qui tendaient à la tranquillité future de l'Inde, „la foi britannique se trouvait liée à l'observation de ces „traités“.

Ces deux résolutions passèrent également, et les traités dont il était fait mention furent rendus publics; ils avaient été ratifiés au mois de Juin 1790 par le lord Cornwallis, gouverneur du Bengale, à Fort-William. Ces traités constituent une alliance offensive et défensive entre les Marattes, la Compagnie Anglaise et le Nizam. Les conventions de cette ligue sont une guerre qui ne doit cesser que par la conquête générale des possessions de Tippo-Sultan, que l'on qualifie du nom de tyran de Misore; l'on y établit le partage de ses provinces, l'obligation à chaque partie contractante de ne pouvoir pas faire la paix sans le consentement unanime des co-partageurs et de fermer l'oreille à toutes les propositions de l'ennemi. La Compagnie Anglaise s'engage à payer les troupes de ses alliés, et la quantité des troupes que ceux-ci doivent fournir y est stipulée.

Dans le même tems la philanthropie du ministre s'attendrissait sur les sort des Nègres et indirectement fomentait l'explosion dont les malheureuses colonies sont aujourd'hui

les victimes. Lui et ses amis lisaient avec délices une lettre du général Meadows, qui annonçait sa résolution d'aller mettre à feu et à sang le pays de Misore et détrôner le tyran Tippo, fondant la certitude de ses exploits sur l'équité de ses projets et la justice de la cause que servaient les armes britanniques. Peu de tems après, au grand étonnement du public, on a reçu la nouvelle que le colonel Floyd, qui avec un gros détachement devait joindre l'armée que commandait le général Meadows, avait été surpris par un corps de la cavalerie de Tippo-Sultan, avait perdu beaucoup de monde et tous ses bagages avec son artillerie et ne s'était échappé avec le reste de ses troupes qu'à la faveur de la nuit.

Il avait été déterminé par le gouverneur-général du Bengale et son conseil, que tout le pays de Misore devait être conquis avant la saison des pluies: elle s'approchait, et les montagnes qui séparent le royaume du Carnate n'étaient pas encore traversées. Lord Cornwallis dit qu'il prendrait le commandement de l'armée la campagne prochaine, et il annonça qu'il la terminerait par la conquête de Seringapatam, capitale du pays de Misore et où Tippo-Sultan avait tous ses trésors.

Les premières nouvelles que l'on reçut des commencemens de l'entreprise du lord Cornwallis, promettaient spéculativement de grands succès; plusieurs mois se passèrent avant d'en recevoir d'autres. Celles que l'on eut ensuite apprirent que lord Cornwallis avait passé les Ghauts ou montagnes et qu'il avait pénétré dans le pays de Tippo; que les alliés, le Nizam et les Marattes, se préparaient lentement à suivre lord Cornwallis, que les deux autres divisions de l'armée anglaise, l'une sous les ordres du général Meadows, l'autre commandée par le général Abercromby, s'avançaient aussi vers Seringapatam, rendez vous général des forces des co-alliés. Ces forces sont formidables; les Anglais comptent *vingt-cinq* mille hommes de troupes européennes et *quarante* mille sypaïs bien disciplinés, et le Nizam et les Marattes ont fourni plus de cent mille combattans; l'armée de Tippo-Sultan est réputée de *cent cinquante* mille hommes. Les succès de lord Cornwallis ont été

d'abord la prise de quelques petits forts et de celui de Bangalore, auquel Tippo attachait une assez grande importance; ses troupes le défendirent avec une valeur et une fermeté extraordinaires aux Indiens. Cependant les nouvelles que le ministère anglais a eues vers la fin de l'été, par des lettres officielles de lord Cornwallis, devênaient moins satisfaisantes; le général en chef se plaignait de la lenteur et de la mauvaise volonté de ses alliés, il parlait beaucoup de l'habileté de l'ennemi qu'il avait à combattre, du courage inattendu de ses troupes et de leur fidélité; car on l'avait assuré qu'à l'approche des forces anglaises elles quitteraient leur chef, l'armée anglaise avait paru, et les soldats de Tippo ne désertaient pas; enfin, il prévenait qu'une autre campagne serait ruineuse, et quoiqu'il sentit que sa réputation était exposée en s'efforçant de terminer la guerre dans celle-ci, il croyait qu'il était de son devoir de le tenter.

Sur la fin de Novembre dernier, des nouvelles apportées par une frégate française annoncèrent que lord Cornwallis avait reçu un échec et qu'il avait été forcé de se replier sur Bangalore, ayant perdu dans sa retraite *quatre vingt* mille boeufs de trait, toute son artillerie de siège, et que son armée avait beaucoup souffert des pluies et de la cavalerie de Tippo, qui la harassait dans sa marche. D'abord ces rapports furent décriés. Mais un bâtiment anglais qui avait touché à Madras a apporté dernièrement la confirmation de ces désastres, dont cependant les détails sont peu connus. Ce que le ministère a jugé à propos d'en publier est évidemment tronqué et atténué relativement aux pertes que, d'un autre côté, les ennemis de la présente administration ne manquent pas d'exagérer. Cependant la majorité est d'accord que le général en chef ne s'étant pas entendu avec le Monsoon, qui est la saison des pluies, elles avaient commencé plutôt que de coutume et l'avaient forcé, comme il a été dit ci-dessus, de se retirer; que le général Abercromby, qui commandait l'armée de Bombay et qui comptait sur l'appui de la grande armée, ayant appris la retraite de lord Cornwallis dans le même tems qu'il se

trouva à l'improviste attaqué par un gros corps de cavalerie ennemie, s'était vu dans la nécessité de se retirer avec tant de précipitation, que tout son camp, sa caisse, ses papiers et les bagages de l'armée ainsi que l'artillerie, étaient tombés entre les mains de l'ennemi, et que ses troupes avaient marché en retraite pendant dix jours de pluies continues sans aucun abri et nulle autre nourriture que du ris cru.

Lord Cornwallis avait eu près de Seringapatam un engagement avec Tippo, que l'on dit avoir été meurtrier de part et d'autre; la cavalerie du Nizam qui avant l'action était présente, avait disparu lorsqu'elle a eu lieu. Les Marattes, que lord Cornwallis croyait éloignés de plus de deux cent milles, ont paru tout-à-coup quand il effectuait sa retraite, et lui furent très-utiles en lui procurant des subsistances dont il manquait à un tel point, que Tippo aurait pu, sans ces secours inattendus, tirer un grand avantage de la position où se trouvait l'armée anglaise. Quoique l'on sente ici tout le prix de l'arrivée imprévue des Marattes, les gens instruits du caractère de cette nation ne sont pas sans inquiétude de savoir l'armée anglaise absolument à leur disposition, pouvant l'affamer avec la plus grande facilité; et les craintes à cet égard augmentent par l'aveu que fait lord Cornwallis, qu'il a été dans la nécessité de leur promettre une grosse somme pour des raisons qu'il ne peut pas détailler.

Ces dernières affaires qui terminent la campagne se sont passées dans les mois de Mai et de Juin de cette année. Il en résulte que les alliés seront obligés de conclure une paix qui s'écartera à quelques égards du traité de partition ou d'entreprendre une autre campagne dont on évalue les dépenses pour la Compagnie à neuf millions sterling et les revenus nets de la Compagnie ne peuvent pas suffire à beaucoup près à ces dépenses. La cavalerie des alliés, pendant les quatre mois où les pluies la tiennent dans l'inaction, coûte à la Compagnie au delà de six cent mille livres sterling; cependant les secours de l'Europe continuent, et au moment où le navire le Léopard quittait l'Inde, un bâtiment

y débarquait 3.000 hommes de troupes européennes et un demi-million sterling en espèces, prêté par les capitalistes de Londres.

Du 13 Décembre n. st. 1791.

2.

О выгодахъ Русской торговли съ Индію.

La Russie consume une très-grande quantité de marchandises des Indes, comme toiles de coton, mousselines et épiceries, qu'elle est obligée d'acheter des Hollandais, Anglais et autres. Si les vaisseaux russes peuvent venir directement des Indes à Constantinople et de là dans la mer Noire, ces marchandises entreront alors en Russie de la première main et à beaucoup meilleur compte.

Il en est de même avec les produits de la Russie, que les étrangers envoyent aux Indes: il ne part pas de vaisseaux anglais, hollandais ou danois qui n'ayent au moins pour la somme de 10 à 15.000 roubles de marchandises de Russie à bord. Ces articles peuvent aisément être envoyés de la Mer Noire en Egypte et de là embarqués à Suez pour les Indes. Ainsi le commerce des Indes, ou à Suez, ou à Constantinople, peut avec le tems devenir très-avantageux pour la Russie en ce qu'elle peut débiter ses marchandises directement et en recevoir de même, sans avoir besoin de vendre ni d'acheter des étrangers.

Le commerce d'Egypte avec la Mer Noire peut aussi devenir considérable. Voici une note des marchandises propres pour l'Egypte. Savoir:

Fer en barres plat et quarré, acier en petites barres quarrees, cables et cordages, toile à voiles, diverses quincailleries en fer et en cuivre, bois de construction, planches et autres. Tabac en feuilles, soufre, de la poix et du goudron, toutes sortes de pelleteries etc.

L'Egypte consomme en tout des marchandises ci-devant mentionnées pour la somme à peu-près de 200.000 roubles par an.

Voici une autre note de marchandises d'Egypte que la Russie reçoit de la Hollande et d'Angleterre.

Café de Moka, dents d'éléphant, ris, safran, dattes, sel ammoniac, fil de coton, toutes sortes de droguerias, comme gomme arabique, baume de la Mecque, aloès succatrine, myrrhe, sang-dragon, feuilles de séné, poivre long, tamarin, cassia etc.

La Russie ne peut avoir besoin des articles ci-dessus que pour la somme à peu-près de 50.000 roubles par an. Ainsi la balance est toujours en faveur de la Russie de 150.000 roubles excepté la douane d'entrée et de sortie. Les payements se font en Egypte en or et en argent comptant.

Il y a plusieurs marchands grecs et arméniens établis au Caire et Alexandrie qui souhaiteraient de faire venir des articles de Russie par la Mer Noire. Mais comme la Russie n'a point de consul établi en Egypte, cela fait qu'ils n'osent risquer de faire ce commerce et surtout sous la protection de quelque autre puissance.

О СНОШЕНИЯХЪ СЪ ЯПОНІЕЮ.

1.

Письмо Кирилы Лаксмана къ графу А. Р. Воронцову.

Сіятельныйшій графъ, милостивый государь!

Хотя я уповаю, что несчастный жребій Японскихъ мореплавателей вашему сіятельству небезъизвѣстенъ; однако осмѣливаюсь изобразить оный вамъ въ краткой подробности.

Въ 1783-мъ году Декабря 13-го дня отправились 17 человѣкъ Японцевъ на мореходномъ суднѣ для торговли изъ города Широко въ столичный ихъ городъ Эддо и, не доходя до оного на половинѣ дороги, въ бухтѣ Семіодѣ, въ коей множество таковыхъ же судовъ пристаетъ для ночлега, при жесточайшемъ вѣтре, другимъ судномъ отшибло у нихъ руль, почему безъ оного принуждены они были срубить мачту, и такъ предаться на произволъ волнамъ, по коимъ носило ихъ слишкомъ 7 мѣсяцевъ въ разныя стороны и наконецъ въ 20 день Іюля 1784 года прибило ихъ на Алеутскій островъ Амисачка, гдѣ они,бросивши якорь, вѣхали на эльботъ на берегъ и нашли тамъ семь человѣкъ Алеутовъ, промышляющихъ дикихъ гусей, кои, приглася изъ нихъ пять человѣкъ, повели въ свои земляные юрты и кормили ихъ жареными гусями и рыбой. Подъ вечеръ пришли къ нимъ Русскіе промышленные люди съ разбитаго при томъ же островѣ судна, принадлежавшаго Тотемскому купцу Холодилову. Сіи, пришедъ къ Японскому судну, ночевали въ каюте на берегу; но въ ночь, при небольшой на морѣ погодѣ, якорный канатъ обѣ острѣ

камня избился; судно сорвало и разбило у того-же берега; почему, лишась послѣдней надежды, принуждены были остаться на семъ островѣ чрезъ три года и одинъ мѣсяцъ, въ кото-рое время Русскіе промышленники построили изъ своего раз-битаго листвянишнаго судна и изъ остатковъ Японскаго (изъ краснаго и канфарнаго дерева состоявшаго) буса новое судно и на ономъ вывезли въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1787 года въ Нижне-Камчатскъ оставшихся девять человѣкъ Японцевъ: ибо семеро изъ нихъ въ бытность на Алеутскомъ островѣ умерло, а осмой лишился жизни во время обуреванія судна на морѣ.

Въ бытность ихъ въ Нижнекамчатскѣ по Іюньмѣсяцу 1788 года производилось казенное содержаніе, и въ семъ году 6 человѣкъ изъ оныхъ (трое-же въ Нижнекамчатскѣ умерли) привезены были въ Иркутскъ на казенномъ же иждивеніи, куда приѣхали они 19 Генваря 1789 года, гдѣ они равнымъ образомъ содержимы были казеннымъ иждивеніемъ по 1790 годъ, въ которомъ, на представление объ нихъ Иркутской Казенной Палаты, воспослѣдовалъ Правительствующаго Сената указъ, чтобы имъ болѣе изъ казны на содержаніе не выдавать, а доставить способъ къ возвращенію въ ихъ отчество.

Во время ихъ пребыванія въ Иркутскѣ, старался я свести знакомство съ бывшимъ начальникомъ Японскаго судна Коодаю, яко человѣкомъ изъ первѣйшихъ въ Японіи купцовъ, отъ коего можно получить довольноя свѣдѣнія о Японской торговлѣ и вообще о его отечествѣ, къ возвращенію въ которое почитаетъ онъ надежнѣйшимъ способомъ, чтобы при помощи Голландскихъ корабельщиковъ попасть въ Нангасаки, куда они ежегодноѣ ѻздятъ. Но какъ онъ, при отправлениі моемъ изъ Иркутска въ С.-Петербургъ, оказалъ желаніе узнать Россійское государство, то я его взялъ съ собою, дабы показать ему наши столицы и прочіе знатнѣйшіе города, и привезъ съ собою въ С.-Петербургъ.

Посему и осмѣливаюсь вашему сіятельству всепокорнѣйше представить, не можно ли настоящаго случая употребить въ пользу нашего отечества и завести съ Японцами знакомство съ выгодою нашей торговлѣ.

Первымъ и надежнейшимъ къ сему приступомъ почитаю я, если благоугодно будетъ, сихъ Японцевъ доставить въ ихъ отчество на нашемъ транспортномъ или купеческомъ суднѣ въ Матсмай, гдѣ ихъ земляки для мѣстнаго торга безпрерывно находятся.

Я ласкаю себя пріятною надеждою, что таковый первый опытъ къ заведенію съ Японцами дружбы и торговли будетъ не безуспѣшъ, а наипаче если Ея Императорскому Величеству, нашей всемилостивѣйшей Государынѣ, яко велико-душнѣйшей покровительницѣ несчастныхъ, благоугодно явится подкрѣпить сіе начинаніе высочайшимъ сообщеніемъ къ Японскому правительству и нѣкоторыми подарками, состоящими въ сукнахъ, камлотѣ, сафьянѣ и проч., каковые товары Голландцы, пріѣзжающіе въ Нангасаки, мѣняютъ на прутовое золото. Наши-же купцы могутъ ежегодно вымѣнивать Японскій чай, сарачинское пшено, шелковые и бумажные ткани, золото и проч. у южныхъ Куриловъ на сукна, кожи, на бобровья и рысьи шкуры и проч.

Наконецъ осмѣливаюсь представить на высочайшее благоразсмотрѣніе и тотъ донынѣ намъ неизвѣстный путь, безъ открытия коего Россійскія владѣнія на Тихомъ Морѣ не могутъ столько приносить пользы, сколько-бы оныя въ самомъ дѣлѣ приносить долженствовали. Я разумѣю неотмѣнно намъ нужную рѣку Амуръ, которую, кажется, познать и описать не неудобно, если благоугодно явится подъ благопристойнымъ и непримѣтнымъ видомъ на рѣкѣ Шилкѣ построить два мореходные судна и, снабдивъ ихъ всѣмъ нужнымъ, пустить внизъ по Амуру, до истока онаго въ море, а оттуда слѣдовать по оному до мѣстъ назначенныхъ.

Если угодно будетъ вашему сіятельству достаточнѣйшія получить о Японіи извѣстія отъ привезенного мною бывшаго начальника на Японскомъ суднѣ Коодая, то онаго вамъ по назначенію вашему представлю.

Въ лестномъ для меня упованіи, что ваше сіятельство о всенижайшихъ моихъ представленіяхъ Ея Императорскому Величеству нашей всемилостивѣйшей Государынѣ доность

благоволите, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ имъю счастіе быть, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Кирила Лаксманъ.

Февраля 26-го
1791 года.

2.

Выписка изъ объясненія учиненнаго г-мъ профессоромъ Лаксманомъ, насательно поданнаго предъ тѣмъ отъ него представленія о заведеніи съ Японію торга.

Въ Японское государство привозятся для продажи иностранные товары, а именно: 1) тонкія сукна, камлоты, стамеды и прочія тонкія шерстяныя истканья; 2) сафьянъ, бѣлыя и другія кожи выдѣланныя; 3) бобровыя и рыси кожи съ шерстью, также другія на лошадинная покрываала годныя вещи; 4) разныя Европейскія матеріи, какъ то вервереты, плисы и проч.; 5) всякие стеклянные товары, каковы суть бутыли, фляги, разные сосуды, зеркала, паникадила и проч., и наконецъ 6) разныя къ роскоши служащиа вещи.

Изъ Японіи же вывозятся слѣдующіе товары: 1) разныя бумажныя истканья и полотны; 2) разныя шелковыя матеріи, какъ то атласы, гродетуры, штофы, тафты и проч.; 3) чай, разные плоды, сахарныя трости и симъ подобныя; 4) фарфоровая посуда, вещи лакированныя, хлопчатая бумага, шелкъ и проч.; 5) сарачинское пшено, разные стручковые плоды, пряная зелія, и наконецъ 6) прутовое золото, продаваемое на вѣсъ.

Съ давнихъ лѣтъ Японцы не стали терпѣть у себя Европейскихъ народовъ, выключая Голландцевъ; однакожъ примѣчено, что оная нетерпимость въ нынѣшнемъ столѣтіи весьма умалилась отъ хорошаго тамъ поведенія Голландцевъ, почти чрезъ двѣсти лѣтъ продолжающагося. Тамошнее обращеніе теперь въ сравненіи со временами Кемфера (чemu 140 лѣтъ уже миновало) сдѣжалось, по сказкамъ претерпѣвшаго корабле-

крушение и нынѣ здѣсь въ Санктпетербургѣ находящагося Японскаго купца Коодая, гораздо свободнѣе; да и самая роскошь съ того времени нарочито возрасла, чрезъ что нужды Японцовъ увеличилися, и торговля ихъ стала важнѣе. А что Голландцы и Англичане (кои послѣдніе основали селеніе свое въ заливѣ Ноткѣ) распространили въ Европѣ весьма невыгодныя о поступкахъ Японцовъ извѣстія: то сіе, думать надобно, отъ того единственно произошло, дабы отвратить соревнованіе въ прочихъ торгующихъ Европейцахъ, и чтобы однимъ имъ пользоваться выгодами, проистекающими отъ торговли съ Японцами.

Къ знакомству и купечествованію съ Японіею никто столько неимѣеть удобностей какъ Россійскіе купцы, на Тихомъ Морѣ торгующіе; да и самое наше сосѣдство даетъ намъ ближайшее къ тому право. Никто не имѣеть легчайшаго сообщенія, никто не можетъ имѣть болѣе отъ того пользы какъ наши купцы, давно уже о таковомъ знакомствѣ помышляющіе, чего для весьма желать надобно, чтобъ они могли получить случай къ первому въ семъ дѣлѣ приступу чрезъ возвращеніе остальныхъ кораблекрушеніе претерпѣвшихъ Японцовъ, доселѣ въ Россіи находящихся.

Изъ 17-ти Японцовъ въ восемь лѣтъ умерло 12, что чрезвычайнымъ показаться можетъ. Однако сіе наипаче приписать должно необыкновеннымъ трудностямъ и заботамъ, суровому климату, также перемѣнной и худой пищѣ на островахъ Алеутскихъ и въ Камчаткѣ. Почему необходимо нужно объ отправленіи ихъ въ отчество помышлять неукоснительно, и предохранить ихъ отъ подобныхъ затрудненій. Но надлежить отмѣнное употребить о томъ попеченіе, чтобъ сихъ чужестранцевъ ввѣрить благоразумному, благодѣющему и сострадательному провожатому, дабы они великодушными и безкорыстными, колику можно, поступками приведены были въ состояніе забывать прежнія ихъ злосчастія и воспоминать наше оказанное имъ дружество. Если они какъ друзья въ отчество ихъ препровождены будутъ и станутъ хвалиться тамъ нашими благодѣяніями, то таковое доброе разглашеніе иныхъ

купцовъ, ъздящихъ для лѣснаго торга въ Эссо и на острова смежные съ нашими Курильскими островами, поощрять къ заведенію съ нами торговли и знакомства, естьли бы противу всякаго чаянія тамошнее правительство оставило сіе безъ всякаго уваженія. Сверхъ же того любопытный проводникъ возвратился бы съ полезными примѣчаніями и извѣстіями касающимися до тамошнихъ странъ, познанія весьма достойныхъ.

Судоходство по рѣкѣ Амуру есть великой важности. Наши владѣнія и торговля на Тихомъ Морѣ безъ сего сообщенія всегда пребудутъ маловажными, и токмо великая издержки и убытокъ, наипаче правительству, причинять не престанутъ. Оная же рѣка течеть чрезъ весьма плодородныя и къ заведенію наивеличайшихъ селеній удобныя земли, также имѣть всѣ выгоды къ судоходству; климатъ тамъ еще умѣреннѣе нежели въ Иркутской области, поелику тамъ мѣстѣ ниже, ближе къ морю и отъ сѣверныхъ вѣтровъ защищаются Становитымъ хребтомъ, да и по сказкамъ находятся удобныя пристани, какъ на устьѣ сей рѣки, такъ и на лежащемъ противъ опасного островѣ Сахалинѣ. И такъ чрезъ сіе гораздо ближайшее сообщеніе нежели какое мы имѣемъ нынѣ чрезъ Охотскъ, можно бы всѣ тяжелыя вещи для нашихъ владѣній, всѣ купеческие товары, наипаче стеклянные, съ Иркутскихъ и Нерчинскихъ фабрикъ доставлять гораздо дешевле и съ большою удобностю.

Для приобрѣтенія точныхъ извѣстій о сей великой рѣкѣ почитается лучшимъ и болѣе скрытымъ предлогомъ распустить въ началѣ слухъ, что положено намѣреніе возить свинецъ съ Нерчинскихъ заводовъ въ Чилинскъ, а оттуда провинтъ, соль, желѣзо, вино и прочее по Шилкѣ и Аргуну водянымъ путемъ; и сіе можетъ почтено быть за дѣло обыкновенное и нималѣйшаго не произведеть подозрѣнія. Подъ сімъ предлогомъ можно будетъ построить повыше Горбицы два судна, а именно обыкновенный дощеникъ и плоскодонное обыкновенное мореходное судно, изъ коихъ первое будетъ стбить до 300, а другое до 500 рублей. Когда же сіи суда надлежающимъ образомъ изготовлены будутъ къ морской

поездкъ и снабдены годовою провизіею, то могутъ непримѣтнымъ образомъ нутститься въ низъ по Амуру и при первой пограничной заставѣ объявить, что иѣкоторое число ссыпочныхъ, изъ коихъ одна часть экипажа состоять должна, на суднѣ убѣжали. Таковыя случаи, чтобъ ссыпочные бѣгаютъ за Китайскіе предѣлы, не рѣдки и никогда никакого подозрѣнія не возбуждали; поелику Китайцы почитаютъ ихъ легкомысленными бродягами, и какъ скоро таковыхъ поймаютъ, буде не обличатся въ воровствѣ, безъ дальнихъ околичностей выдаютъ первому на форпостѣ стоящему офицеру.

Сie предпріятіе должно съ возможною тайною произведено быть въ дѣйство, и знать объ ономъ долженъ одинъ токмо господинъ намѣстникъ Иркутской, а отиодь не иной кто, паче же изъ нижнихъ канцелярскихъ служителей; да и наши болтливые купцы не должны ни мало о семъ вѣдать. Намѣстника можетъ имъ объявить токмо, чтобъ къ извѣстному сроку было у нихъ одно изъ Охотскихъ мореходныхъ судовъ готово для отвезенія Японцовъ. Срокъ долженъ равнымъ образомъ быть извѣстенъ и на судахъ, въ тайную поѣздку назначаемыхъ, дабы они къ оному поспѣшили достигнуть Удекаго острова или Сахалинского канала, гдѣ бы оба мореходныя судна соединиться и купно мореплаваніе продолжать могли.

Предводительство сей экспедиціи должно быть препоручено человѣку чиновному, не только для сохраненія во всемъ порядка, для наблюденія, чтобъ всякъ рачительно исполнялъ свою должностъ, для чиненія и собранія нужныхъ примѣчаній, касающихся до наблюденій физическихъ, экономическихъ и политическихъ, но и для придания иѣкотораго рода важности, на что отмѣнно смотрѣть въ восточныхъ деспотическихъ земляхъ, тѣмъ напакче, что у нихъ всѣ безчиновные люди причисляются къ черни и ни малаго уваженія не удостоиваются. Приставъ сей долженъ быть снабденъ отъ Иркутского намѣстничества сообщеніемъ къ Японскому правительству написаннымъ, въ коемъ изъяснено бѣ было попеченіе наше о претерпѣвшихъ несчастіе вышеозначенныхъ Японцахъ и упомянуто ожиданіе таковагожъ похвального вспоможенія нашимъ,

буде они претерпять подобное несчастіе на водахъ имъ при-
надлежащихъ. Вообще долженствуетъ сдѣлано быть увѣре-
ніе, что вѣй наши начальствующіе каждому по торгамъ и
промышламъ прїѣзжающему и странствующему Японскаго
государства подданному стануть оказывать дружество, воз-
можное вспомоществованіе, покровительство и справедливость.
Наконецъ, можно упомянуть и объ нашихъ купцахъ и купе-
ческихъ произведеніяхъ. Таковое сообщеніе должно сопровож-
дено быть переводомъ на языкъ Японскомъ и Голландскомъ;
не излишно будетъ приложить и переводъ на Англинскомъ
языкѣ, поелику вышеупомянутый Японскій купецъ объявилъ,
что кромъ Голландцевъ еще другой Европейской народъ Япон-
скія посѣщаетъ гавани, а именно Англичане.

При первомъ приступѣ въ семъ дѣлѣ купцы наши должны
показывать себя равнодушными сопровождателями и наблю-
дателями могущихъ быть приключений, а торговлю почитать
за побочное дѣло.

Нужные чины для назначаемыхъ въ тайную экспедицію
судовъ должны быть снабдены на полтора года слѣдующимъ
жалованьемъ:

15 человѣкъ ссыочныхъ .	810	р.
10 Тунгузовъ, которыхъ изъ доброй воли на- нять должно.....	750	>
15 солдатовъ или козаковъ	1000	>
4 унтеръ-офицера .	300	>
2 штурмана	360	>
2 ученика	180	>
1 офицеръ .	450	
1 подлекарь	180	>
1 межевщикъ.	600	>
1 рисовальщикъ .	600	>
1 директоръ	1500	>
Итого .		6730 р.

Для чрезвычайныхъ издержекъ на инструменты и необходимо нужные вещи при наблюденияхъ и подобномъ симъ..	10000 р.
Для содержания Японцовъ въ пути.	1000
Всего....	17730 р.

О прочихъ же отъ сего предпріятія выгодахъ, какъ то о собраніи всякихъ натуральныхъ рѣдкостей, съмнѣй и прочаго любопытства стоящаго, умалчивается.

Въ семъ самомъ объясненіи г-нъ профессоръ Лаксманъ между прочимъ упомянуль: 1) что находящіеся въ Санкт-петербургѣ торговые Англичане весьма старались получить къ себѣ привезенного имъ сюда Японца для отправленія его отъ себя въ Японію, и хотѣли онаго г-на профессора щедро вознаградить за всѣ убытки понесенные имъ въ привозѣ въ здѣшнюю столицу того Японца; равныя памѣренія оказывались и со стороны Голландцевъ; 2) что несправедливъ разнесенный слухъ, будто устье Амура заросло тростникомъ и для судовъ непроходимо; 3) что на самомъ устьѣ Амура или на южныхъ нашихъ Курильскихъ островахъ, или еще на лежащихъ далѣ къ Югу пустыхъ островахъ надлежитъ избрать способныя мѣста, имѣющія спокойныя пристани для заведенія селенія, дабы ближайшее сообщеніе, облегча торговлю Японцовъ, поощрило ихъ посѣщать наши гавани, и чтобы не имѣть нужды дѣлать тоже при съверномъ концѣ сего государства, чтѣ принуждены чинить Голландцы въ Дезильѣ; 4) что о размноженіи народа и заведеніи пашни въ Нерчинской области и вдоль по Китайской границѣ надлежитъ помышлять со всякимъ раченіемъ, дабы посредствомъ хлѣбопашества довольноное количество хлѣба можно было имѣть въ запасѣ, къ чему можно поощрить Тунгузовъ и разныя поколѣнія Мунгаловъ. Равнымъ образомъ можно на оное обратить по всей съверной Сибири разсѣянныхъ козаковъ, кото-

рые по большой части вотще провождаютъ свое время, подъ присмотромъ знающаго начальника, чрезъ что можетъ со-ставиться и выгодное пограничное войско, и 5) что двое изъ вышепомянутыхъ остальныхъ Японцовъ приняли у насъ христіансскую вѣру, изъ коихъ одинъ лежитъ въ больницѣ безъ ноги. У сихъ молодые люди могутъ научиться Япон-скому языку, такъ какъ и во время самаго проектуемаго путешествія, которое болѣе года продолжаться можетъ.

3.

Письмо графа А. Р. Воронцова къ графу Безбородкѣ.

Милостивый государь мой графъ Александръ Андреевичъ! ^У
Въ слѣдствіе высочайшей Ея Величества воли ваше сі-
ятельство требовать изволили моего мнѣнія на поданное вамъ
отъ профессора Лаксмана подлинникомъ при семъ возвраща-
мое письмо, касательно заведенія съ Японіею торга по слу-
чаю полагаемаго отправленія изъ Россіи наки въ Японію
тѣхъ подданныхъ Японскихъ, кои на корабль свое мъ
руля и мачты семь мѣсяцовъ по морю страдали, пока при-
било ихъ къ одному Алеутскому острову, откуда по проше-
ствіи трехъ лѣтъ, а именно въ 1787 годѣ, Российскими тамъ
слушавшимися промышленниками привезены они числомъ де-
вять въ Нижекамчатскъ, гдѣ равно какъ и въ Иркутскѣ ос-
тавшиеся изъ нихъ напослѣдокъ въ живыхъ только шесть
содержимы были на казенномъ иждивеніи, котораго однако
съ 1790 года указомъ Правительствующаго Сената, данными
Иркутской Казеннай Палатѣ, вѣдно имъ болѣе не произво-
дить, а доставить способъ къ возвращенію въ ихъ отчество;
но при всемъ томъ они донышъ безъ вѣрнаго пропитанія
остаются неотправляемыми.

Къ приобрѣтенію вящаго объ ономъ обстоятельствѣ свѣ-
дѣнія отъ означеннаго профессора Лаксмана, который изъ
Иркутска на время сюда пріѣхалъ и привезъ съ собою на-

чальника тѣхъ Японцовъ, небеззнатнаго Японскаго купца именемъ Коада, не преминуль я пригласить того профессора къ себѣ и взять отъ него надлежащія по сей матеріи объясненія, изъ коихъ краткую выписку имѣю честь при семъ сообщить вашему сіятельству, равно и слѣдующее мое на то мнѣніе.

Никакому Европейскому народу нѣть столько удобностей имѣть торговыя съ Японію обращенія, какъ Россійскому, въ разсужденіи ближайшаго по морю разстоянія или, такъ сказать, сосѣдства. Но поелику съ давныхъ временъ терпятся тамъ изъ Европейскихъ народовъ одни только Голландцы, а частію, какъ слышно теперь, и Англичане; то потому конечно и были Россійскіе промышленники всегда отвлекаемы отъ покушеній своихъ приближаться къ Японіи. Однакожъ какъ нынѣ случай весьма удобной къ тому открывается по поводу тѣхъ въ Иркутскѣ находящихся Японцовъ, то и можно-бъ онимъ воспользоваться слѣдующимъ образомъ, дабы изъ того установить дальняя торговыя связи между нашими купцами и Японцами.

1) Поручить Иркутскому генералу губернатору, чтобы для путешествія къ Японіи было на казенной коштѣ нанято у Охотскаго порта одно надежное мореходное судно съ искусственнымъ кормщикомъ и потребнымъ числомъ работниковъ или служителей, довольно въ плававшіи испытавшихся. Но ежели къ тому времени случится, что морской капитанъ Бидингстъ съ эскадрою своею обратно туда прибудетъ, то вместо онаго найдя гораздо лучше употребить въ сю экспедицію одно изъ его судовъ исправное, со всѣмъ нужнымъ къ оному экипажемъ.

2) На ономъ суднѣ отправить на всемъ казенномъ содержаніи помянутыхъ Японцовъ, но только четырехъ; поелику два принявшия тамъ Грекороссійскую вѣру должны оставлены быть въ Россіи для надобности, о коей ниже сего означено будетъ.

3) Для препровожденія тѣхъ Японцовъ въ ихъ отчество можно употребить одного изъ сыновей профессора Лаксмана,

кои при должності въ Иркутскомъ намѣстничествѣ находятся; они оба были хорошо воспитаны, имѣютъ познанія астрономіи и навигації, слѣдовательно и замѣчаніи ихъ могутъ быть не бесполезны. При таковомъ отправлѣніи одного изъ сыновей профессора Лаксмана, при опредѣленіи ему пристойнаго содѣржанія, поручить должно смотрѣніе за тѣми Японцами и возвращеніе ихъ туда, а въ пути и въ бытность его въ Японскихъ мѣстахъ, чтобы онъ дѣлаль свои наблюденія на водахъ, островахъ и на твердой землѣ астрономическія, физическія и географическія примѣчанія, равно и о торговыхъ тамошнихъ обстоятельствахъ.

4) Для установленія порядка и управлениія сей экспедиціи правящій должностіи Иркутскаго генераль-губернатора могъ бы взять замѣчанія отъ упоминаемаго профессора Лаксмана, который обыкновенно живеть въ Иркутскѣ, будучи тамъ употребляемъ отъ Кабинета.

5) При семъ обратномъ отправлениі Японцовъ Иркутскій генераль-губернаторъ могъ бы отозваться къ Японскому правительству съ привѣтствіемъ и съ описаніемъ всего произшествія, какъ они въ Россійской области привезены были и какимъ призрѣніемъ они пользовались, и что здѣсь тѣмъ охотнѣе на оное поступили по сосѣдству обоихъ государствъ, что всегда желали здѣсь имѣть сношенія и торговыя связи съ Японскимъ государствомъ, увѣряя, что со стороны Россіи всѣмъ подданнымъ Японскимъ, приходящимъ къ портамъ и предѣламъ оной, всевозможныя пособія и ласки изъявляемы будутъ.

6) Для большаго еще обласканія Японскаго правительства можно-бъ Иркутскому генераль-губернатору употребить изъ казны до тысячи рублей на покупку разныхъ товаровъ, кои бы онъ отъ имени своего въ Японію въ подарокъ послать.

7) Иркутскій генераль-губернаторъ при сей самой экспедиціи могъ бы старанія свои употребить, дабы склонить кого либо изъ лучшыхъ нашихъ Иркутскихъ купцовъ отправиться для опыта на томъ же отъ Охотска суднѣ въ Японію или изъ ихъ прикащикovъ съ иѣкоторымъ количествомъ отборныхъ

товаровъ для жителей той страны потребныхъ, по продажѣ коихъ могъ бы онъ купить Японскихъ товаровъ, а сей опыт и даль бы нѣкоторой свѣтъ и для будущихъ нашихъ торговыхъ предпріятій въ Японію, ибо въ торговлѣ иногда и малыя начала приносятъ за собою большия слѣды.

8) Профессоромъ Лаксманомъ оказанное къ Японцамъ прizрѣніе, а паче что опѣ начальника ихъ Коодая на своеи иждивеніи привезъ въ С.-Петербургъ и стараніе его развѣдатъ отъ означенного Японца обо всемъ, чтó только служить можетъ къ заведенію съ ними торга, равно и представленія его чрезъ ваше сіятельство поднесенный Ея Величеству достойны конечно всякия похвалы, въ разсужденіи чего и неблагоугодно ли будетъ Ея Величеству повелѣть выдать ему изъ казны, сверхъ обыкновенныхъ прогонныхъ денегъ до Иркутска, на отправленіе его туда съ находящимся при немъ Японскимъ купцомъ Коодаемъ, пожаловать ему какое либо денежное награжденіе.

9) Что же касается до другаго предложенія г. Лаксмана о изысканіи новаго пути по рѣкѣ Амуру, то, по настоящимъ обстоятельствамъ нашимъ съ Китайцами, я нахожу оное крайне неудобнымъ; ибо всякое тому подобное съ нашей стороны движение можетъ возбудить большое съ ихъ стороны вниманіе и въ какія либо дальности завести.

10) А какъ изъ числа Японцевъ двое изъ нихъ приняли нашу вѣру, кои натурально въ ихъ землю уже и не возвращаются, можно бы ихъ употребить для обученія Японскаго языка, которой и нужнымъ будетъ, естьли установятся у настъ какія либо торговыя сношениія съ Японцами, для чего и не угодноль будетъ Иркутскому генераль-губернатору предписать, чтобы онъ при какомъ либо училищѣ въ Иркутскѣ ихъ приказали помѣстить, снабдя ихъ соразмѣрнымъ жалованьемъ, а на первой случай отдать имъ для обученія Японскаго языка пять или шесть мальчиковъ нарочно къ сему выбранныхъ изъ дѣтей солдатскихъ тамошняго гарнизона или лучше еще изъ тамошнихъ семинаристовъ, дабы они со временемъ могли слу-

жить переводчиками, когда произойдет у насъ желаемая связь съ Японскимъ государствомъ.

Изъяснивъ такимъ образомъ вашему сиятельству мѣнѣе мое на всѣ статьи учиненного профессоромъ Лаксманомъ представлениія, имѣю честь быть навсегда и пр.

Августа 23 дня 1791 года.

Въ С.-Петербургѣ.

4.

Рескриптъ И. А. Пилю.

Нашему генералу-поруччику, правящему должностъ Иркутскаго и Колыванскаго генерала-губернатора Пилю.

Вамъ извѣстно, какимъ образомъ Японскіе купцы по разбитіи мореходнаго ихъ судна спаслись на Алеутскій островъ и сначала тамошними промышленниками призерѣны, а потомъ доставлены въ Иркутскъ, гдѣ и содержаны были нѣкоторое время на казенному изживеніи. Случай возвращенія сихъ Японцевъ въ ихъ отчество открываетъ надежду завести съ онымъ торговыя связи, тѣмъ паче что никакому Европейскому народу нѣть столько къ тому удобностей, какъ Россійскому, въ разсужденіи ближайшаго по морю разстоянія и самого сосѣдства. Въ семъ видѣ указали мы у шадворнаго совѣтника и профессора Лаксмана, который привезъ сюда съ собою начальника тѣхъ Японцевъ именемъ Коодая, относительно заведенія съ Японіею торга, взять объясненіе, съ коего выписка здѣсь прилагается. Принявъ въ уваженіе представленія его и предусматривая могущую отъ того произойти пользу для государства нашего, возлагаемъ на попеченіе ваше планъ его произвести въ дѣйство, повелѣвалъ вамъ. *Первое*, для путешествія къ Японіи или нанять на казенный коштъ у Охотскаго порта одно надежное мореходное судно съ искусственнымъ кормщикомъ и потребнымъ числомъ работниковъ и служителей довольно въ плавашіи искушившихся, или же буде

къ тому времени флота капитанъ Билингсъ въ извѣстной вами экспедиціи находящїйся съ эскадрой своею обратно туда прибудетъ, вмѣсто вышесказаннаго найдма употребить одно изъ его судовъ исправное со всѣмъ нужнымъ экипажемъ, наблюдая только чтобъ начальникъ онаго былъ изъ природныхъ Россійскихъ, а по неимѣнію изъ таковыхъ способнаго, хотя и изъ иностранныхъ, но не изъ Агличанъ и Голландцовъ. *Второе*, на семъ суднѣ отправить на всемъ казенномъ содержаніи помянутыхъ Японцовъ, оставляя однакожъ двухъ изъ нихъ христіанскій законъ воспріявшихъ, объ употреблѣніи коихъ ниже сказано будетъ. *Третье*, для препровождѣнія тѣхъ Японцовъ въ ихъ отчество, употребить одного изъ сыновей означеннаго профессора Лаксмана, въ Иркутскомъ памѣстничествѣ при должностяхъ находящихся, имѣющихъ познанія астрономіи и навигаціи, поруча ему какъ въ пути, такъ и въ бытность въ Японскихъ областяхъ дѣлать на водахъ, островахъ и на твердой землѣ астрономическія, физическія и географическія наблюденія и замѣчанія, равно и о торговыхъ тамошнихъ обстоятельствахъ. *Четвертое*, для установленія порядка и управлениія сей экспедиціей, составить начальнику ея ясное и подробное наставленіе, заимствуя къ тому совѣты и нужные объясненія отъ упомянутаго профессора Лаксмана, который довольно о сей части познаніе имѣетъ. *Пятое*, при семъ обратномъ отправленіи Японцовъ вы должны отозваться открытымъ листомъ къ Японскому правительству съ привѣтствіемъ и съ описаніемъ всего происшествія, какъ они въ Россійскія области привезены были и какимъ пользовались здѣсь призрѣніемъ; что съ нашей стороны тѣмъ охотнѣе на оное поступлено, чѣмъ желательнѣе было всегда здѣсь имѣть сношенія и торговыя связи съ Японскимъ государствомъ,увѣряя, что у насъ всѣмъ подданнымъ Японскимъ, приходящимъ къ портамъ и предѣламъ нашимъ, всевозможныя пособія и ласки оказываемы будутъ. *Шестое*, для большаго еще обласканія Японскаго правительства употребить изъ казны до двухъ тысячъ рублей на покупку различныхъ приличныхъ товаровъ, кои вы отъ имени своего въ

Японію въ подарокъ послать можете. *Седьмое*, при сей самой экспедиції стараться склонить кого либо изъ лучшихъ нашихъ Иркутскихъ купцовъ отправиться самимъ или изъ ихъ прикащиковъ для опыта на томъ же отъ Охотска посылаемомъ суднѣ въ Японію съ некоторымъ количествомъ отборныхъ товаровъ для жителей той страны потребныхъ, по продажѣ коихъ могли бы они купить Японскихъ товаровъ, дабы изъ сего опыта удобно было получить просвѣщеніе ради будущихъ нашихъ торговыхъ предпріятій въ Японію. *Осмое*, что касается до упоминаемаго въ планѣ профессора Лаксмана предложения о изысканіи нового пути по рѣкѣ Амуру, оное по известнымъ нашимъ съ Китайцами обстоятельствамъ почитается на настоящее время неудобнымъ; а потому, дабы подобнымъ съ нашей стороны движеніемъ не возбудить большаго въ Китайскомъ правительствѣ вниманія и въ переговорахъ нашихъ объ открытии взаимнаго торгу не подать поводу къ новымъ затрудненіямъ, означенное предложеніе оставить безъ исполненія. *Девятое*, какъ изъ числа помянутыхъ Японцевъ двое приняли христіянскій нашъ законъ и слѣдовательно въ отечество свое уже возвратиться не могутъ, то употребить ихъ у нась для обученія Японскаго языка, который при установлениі торговыхъ съ Японіею сношеній весьма нуженъ будетъ, чего ради и возлагается на распоряженіе ваше, дабы они помѣщены были при народномъ училищѣ въ Иркутскѣ съ соразмѣрнымъ жалованьемъ, и на первой случай отдать имъ для обученія Японскаго языка пять или шесть мальчиковъ нарочно къ сему выбранныхъ изъ тамошнихъ семинаристовъ, дабы они со временемъ могли служить и переводчиками, когда произойдетъ у нась желаемая связь съ Японскимъ государствомъ, и распространить ученіе столь нужнаго къ тому языка Японскаго. *Десятое*, о потребной суммѣ на жалованье начальнику экспедиціи и прочимъ чинамъ и служителямъ, которое должноствуетъ назначено быть достаточное, на снаряженіе сей экспедиціи всѣмъ для нея пушнымъ, на чрезвычайные притомъ расходы и на содержаніе въ пути Японцевъ, учиня исчисленіе, представить намъ, дабы

мы могли объ отпускѣ тѣхъ денегъ кому слѣдуетъ дать по-
вѣльнія, а между тѣмъ на первоначальныя и благовременныя
пріуготовленія заимствовать нужное число изъ суммъ при-
надлежащихъ въ высылку остаточнымъ казначействамъ на-
шимъ. *Первое надесяти*, сверхъ назначаемаго Японцамъ
содержанія въ пути, производить оное и здѣсь по размотрѣ-
нію вашему изъ казны нашей до того времени покуда они
отправлены будуть; а при томъ отправленіи выдать еще имъ
подарокъ назначенный въ росписи при семъ прилагаемой,
въ которой написанные начальнику ихъ часто упоминаемому
Коодаю деньги и вещи получиль онъ уже здѣсь изъ Каби-
нета нашего. Мы надѣемся впрочемъ на усердіе и радѣніе
ваше, что все тутъ предписанное исполните вы съ наиболѣ-
шою точностію, пребывая вамъ императорскою нашою мило-
стію благосклонны.

Подлинный подпись собственою Ея Императорскаго Вели-
чества рукою тако:

Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ.

Сентября 13-го 1791 года.

5.

**Роспись награжденію назначенному Японцамъ при отправ-
леніи ихъ въ отчество.**

Начальнику ихъ Коодаю сто пятьдесят червонныхъ и золо-
тая медаль; и сверхъ того Ея Императорское Величество по-
жаловать изволила золотые часы.

Тремъ купцамъ, съ нимъ возвращающимся, каждому по
пятидесяти червонныхъ и по серебреной медали.

Двумъ Японцамъ, принявшимъ въру православнаго исповѣ-
данія и здѣсь остающимся, по двѣсти рублей.

Подлинная подписана тако:

Графъ А. Безбородко.

6.

Письмо графа Безбородки къ С. О. Стрекалову.

Милостивый государь мой Степанъ Федоровичъ.

Ея императорское величество высочайше указать соизволила надворному советнику и профессору Лаксману, привезшему сюда изъ Иркутска на своемъ содержаніи одного Японского купца и подавшему нужныя и полезныя свѣдѣнія, къ заведенію торговой съ Японіею связи относящіяся, выдать изъ Кабинета въ награжденіе тысячу рублей, на обратное до Иркутска съ тѣмъ же Японцомъ возвращеніе прогонныхъ деньги на десять лошадей, да и на покупку повозокъ триста рублей; а сверхъ тѣго доставить мнѣ для врученія здѣсь помянутому Японцу 150 червонныхъ, и для препровожденія тремъ его товарищамъ въ Иркутскъ оставшимся каждому по 50 червонныхъ Голландскихъ. О чёмъ вашему превосходительству сообщая, пребываю и пр.

Графъ А. Безбородко.

Въ С.-Петербургѣ.

Сентября -го 1791 года.

7.

Письмо графа Безбородки къ И. А. Пилю.

Милостивый государь мой Иванъ Алферьевичъ!

Съ отправляющимся отсюда въ Иркутскъ надворнымъ советникомъ и профессоромъ Лаксманомъ препровождаются для врученія вашему превосходительству два высочайшихъ рескрипта: одинъ въ разсужденіи отправленія извѣстныхъ Японцевъ въ ихъ отечество и о сдѣланіи при семъ случаѣ опыта къ заведенію торговли съ Японіею, а другой о бѣглцахъ нашихъ. Изъ первого рескрипта изволите усмотреть, что при отправленіи Японцевъ какимъ образомъ распорядить

сію экспедицію предоставлено вашему попеченію; но какъ г-нъ Лаксманъ, привезя сюда съ собою начальника Японцовъ Коодал, представилъ по волѣ Ея Величества весьма подробная свѣдѣнія до предмета сей экспедиціи касающіяся, какъ то и въ самомъ рескрипѣ упоминается, то и совѣтовалъ бы я вамъ употребить его при учрежденіи и распоряженіяхъ означенной экспедиції, основываясь на 4-й статьѣ высочайшаго рескрипта. Я рекомендую онаго г-на профессора въ особенную милость и благосклонность вашего превосходительства, надѣясь, что онъ совѣтами своими и нужными объясненіями можетъ много пособствовать въ семъ дѣлѣ, а особливо въ составленіи начальнику оной экспедиціи подробнаго наставленія, которое повелѣно четвертою статьею рескрипта сдѣлать. Въ третьей статьѣ рескрипта высочайше повелѣвается для препровожденія Японцовъ въ отчество ихъ употребить одного изъ сыновей г-на профессора Лаксмана: то и сына его, котораго вы къ тому назначить изволите, препоручаю я въ милость и благоволеніе ваше.

Въ слѣдствіе первой на десять статьи онаго высочайшаго рескрипта, назначаемыя по волѣ Ея Величества тремъ Японцамъ въ подарокъ полтораста червонныхъ и три серебрянныя медали отданы также г-ну Лаксману для доставленія оныхъ къ вамъ, чтобы вы вручили тѣмъ тремъ Японцамъ, кои, не принявъ нашей вѣры, имѣютъ возвратиться въ свое отчество каждому по пятидесяти червонныхъ и по одной медали; а что касается до начальника оныхъ Японцовъ именемъ Коодал, то по волѣ Государыни назначенные вещи ему вручены мною въ присутствіи г-на Лаксмана. Объ остальныхъ двухъ Японцахъ, кои нашу христіанскую вѣру приняли, которымъ также Ея Величество повелѣла денежное награжденіе сдѣлать, въ 9-й статьѣ рескрипта предписывается, чтобы оставить ихъ въ Иркутскѣ и употребить въ тамошнемъ народномъ училищѣ для обученія нѣсколькихъ учениковъ Японскому языку, дабы со временемъ тѣ обученные могли быть переводчиками, если торговья наши связи съ Японіею откроются. Но при случайѣ отправленія прочихъ Японцовъ, чтобы не послѣдовало ро-

поту, когда принявшихъ вѣру христіанскую будете оставлять въ Россіи, хотя впрочемъ и въ обычай уже введено не возвращать иновѣрцовъ въ ихъ землю, есъли они нашу вѣру примутъ; однакожъ оно много зависѣть можетъ отъ образа какимъ оставленіе ихъ у васъ будетъ сдѣлано, и для того въ семъ случаѣ надобно вашему превосходительству всемѣрное употребить для нихъ обласканіе, чтобы они сами пожелали въ Россіи остатъся, а въ томъ наиболѣе успѣть можно, сдѣлавъ имъ пристойное содержаніе при опредѣленіи ихъ къ народному училищу.

Наконецъ, по основанію седьмой статьи онаго указа о склоненіи Иркутскихъ купцовъ поѣхать съ товарами въ Японію, я надѣюсь, что вы изволите приложить свое стараніе уговорить нашихъ торгующихъ, чтобы они симъ случаемъ воспользовались и сдѣлали бы начало столь полезной торговли, употребивъ на то приличные наши товары.

С.-Петербургъ.

Сентября 21 дня 1791 года.

8.

Всеподданнѣйшій рапортъ И. А. Пиля.

Во исполненіе имянного Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа, въ 13 д. Сентября прошедшаго 1791 году, всемилостивѣйше мнѣ пожалованнаго, относительно до возвращенія Японцовъ въ ихъ отчество, какимъ образомъ приступилъ я на первой случай по сему дѣлу въ распоряженіе, объ ономъ поспѣшаю Вашему Величеству всеподданнѣйше донести.

1) Поелику для сего путешествія къ Японіи высочайше мнѣ повелѣно или нанять на казенной коштѣ у Охотскаго порта надежное мореходное судно, или употребить одно изъ судовъ морской секретной экспедиції; но, какъ Всемилостивѣйшая Государыня по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ мнѣ извѣстно, что въ Охотскѣ таковыхъ партикулярныхъ судовъ, изъ ко-

торыхъ бы можно было взять за наемъ для вояжированія ни одного не имѣется потому, что хотя и строятся тамъ суда морскими компанейщиками, но тѣ безъ остатку отправляются для промыслу звѣрей въ морской вояжъ, и не прежде возвращаются въ Охотскъ (ежели не послѣдуетъ съ ними никакого въ мореплаваніи несчастія) какъ безъ малого чрезъ десять лѣтъ, слѣдовательно бывъ столь долгое время въ вояжѣ, дѣлаются уже къ дальнѣйшимъ вояжированіямъ неспособны; такихъ же партикулярныхъ прочныхъ судовъ, кои бы оставались на иѣ-которое время въ Охотскѣ безъ употребленія, никогда не слу-чается: а посему и нужно бы для того употребить изъ су-довъ отъ экспедиціи флота капитана 1-го ранга Билингса. Но какъ и тутъ, Всемилостивѣйшая Государыня, совсѣмъ теп-перь миѣ неизвѣстно, въ какихъ мѣстахъ имѣть онъ съ по-рученіо ему эскадрою свое плаваніе, также и возвратится ли съ оного обратно къ тому времени, въ которое должно будетъ отправлять Японцовъ въ ихъ отчество неизвѣстно; ибо безпредѣльная отдаленность, трудность пути и самое мореплаваніе въ пространствѣ тамошнихъ водъ отнимаютъ всѣ способы истребовать о семъ свѣдѣніе, слѣдовательно во ожиданіи той экспедиціи и высочайшее вашего Величества повелѣніе должны оставаться на долго безъ исполненія. А при всемъ томъ, ежелибы и возвратилась сія экспедиція въ желаемое время къ берегамъ тамошнимъ, но и въ ней такового судна, коебы могло быть способнымъ для помянутаго отправленія, не имѣется, поколику выстроены они пе-малой конструкціи и усилены людьми соразмѣрно ихъ пре-порціи, слѣдовательно чрезъ взяТЬ онаго должна употребится на отправленіе Японцовъ изъ казны Вашего Величества из-лишня въ знатномъ количествѣ сумма, нежели я въ исчи-сленіи полагаю: ибо во первыхъ, должно опредѣлить на него для управлениЯ излишнее число людей, каковаго на способ-ніо судиѣ имѣть ненужно; во вторыхъ, должно приготовить для продовольствія ихъ въ вояжѣ лишніе припасы, которые становятся до Охотска дорогими цѣнами; да и само по себѣ таковое судно, въ разсужденіи излишнихъ и тяжелыхъ на немъ

снарядовъ и устроеній, будеть совершать путь свой не съ та-кою удобностю, съ какою можетъ вояжировать нарочито для сего приготовленное.

По симъ самымъ обстоятельствамъ, а особливо чтобы выполнить высокомонаршее Вашего Величества намѣреніе безъ потерянія времени, призналь я за удобиѣ склонить находящагося здѣсь Рыльскаго именитаго гражданина и морской Американской компаніи компанейщика Шелехова къ продажѣ вновь построенаго имъ въ Охотскѣ судна, именуемаго «Доброе предпріятіе святыя Александры», которое, въ разсужденіи прочаго дѣла и пропорціональной для того пути конструкціи, нашлось самое удобнѣйшее; для чего по сильнейшимъ моимъ убѣженіямъ и согласился онъ Шелеховъ уступить оное за пять тысячъ рублей. И какъ сie судно сторговано безъ всякой оснастки въ одномъ только корпусѣ, то и предписаль я нынѣ же правящему въ Охотскѣ должностъ коменданта коллежскому ассесору Коху, чтобы онъ по принятіи изъ завѣдыванія Шелехова объявленаго судна въ казенное вѣдомство, поправя на немъ для вояжа нужное, приказаль надлежащимъ порядкомъ оснастить его наилучшимъ образомъ и снабдить всѣмъ потребнымъ къ плаванію, такелажемъ и прочими материалами, употребя все къ нему принадлежащее изъ оставшихся безъ употребленія отъ морской секретной экспедиціи и изъ другихъ хранящихся въ Охотскѣ казенныхъ вещей; а чего доставать не будетъ, или за неспособностію нѣкоторыхъ въ казнѣ хранящихся, купить у партикулярныхъ людей заблаговременнѣе, съ крайнимъ наблюдениемъ казенної пользы. Для чего на первоначальныя издережки, во исполненіе высочайшаго Вашего Величества повелѣнія, истребовавъ изъ Иркутской Казенной Палаты сумму, отославъ я къ нему Коху три тысячи рублей, почему и осмѣливаюсь Ваше Величество увѣритъ, что сie судно къ выходу будущаго лѣта въ предположенное путешествіе непремѣнно уже будетъ во всякой готовности, которое, Всемилостивѣйшая Государыни, не принесетъ никакого дальнаго для казны вашей убытку; ибо, совершивъ въ Японію благополучное плаваніе,

Архивъ Князя Воронцова XVIII.

остаться можетъ навсегда въ казенномъ вѣдомствѣ въ числѣ транспортныхъ судовъ, кои также сооружаются изъ казны съ довольными по дороживизнѣ тамошней издержками.

2) Послѣдуя высочайшему Вашего Императорскаго Величества соизволенію, назначилъ я отправить сie судно въ Японію, подъ предводительствомъ пребывающаго по службѣ въ Охотскомъ портѣ, изъ природныхъ Россіянъ штурмана, праворщицья ранга Ловцовъ, человѣка, какъ извѣстно мнѣ, довольно въ мореплаваніи искуснаго и въ поведеніи своемъ порядочнаго, предположивъ ему въ помощь подъ начальство двухъ морскихъ служителей, унтеръ-офицерскихъ чиновъ съ прочими служителями, о количествѣ коихъ прозорливо усмотрѣть соизволите изъ подносимаго у сего исчисленія. Да для препровожденія Японцевъ и означенованныхъ въ высочайшемъ Вашего Величества указѣ наблюденій, назначилъ изъ сыновей профессора Лаксмана, находящагося по гражданской службѣ въ городѣ Гижигинскѣ, поручтика Адама Лаксмана, съ придачею ему для вспомоществованія въ возложеній комиссіи одного геодезіи сержанта, коимъ и жалованье назначилъ довольно достаточное. И какъ ему Лаксману, такъ и штурману Ловцову, нынѣже сдѣлалъ я мои предписанія, чтобы они къ сему вояжированію были во всякой готовности и ожидали бы дальнѣйшихъ для руководства своего наставлений въ Охотскѣ, которыя, равно и открытой отъ имени моего къ Японскому правительству листъ, по содержанію высочайшаго Вашего повелѣнія, уже мною изготовлены.

3) На ассигнованныя изъ казны Вашего Величества двѣ тысячи рублей, сколько ни старался я приличныхъ для подарковъ товаровъ здѣсь отыскать, однакожъ найти не могъ; то и рѣшился я нынѣже за покупкою ихъ, также астрономическихъ и математическихъ инструментовъ, для той экспедиціи нужныхъ, послать въ Москву нарочнаго, съ тѣмъ, чтобы по нынѣшнему же зимнему пути возвратился онъ съ ними въ Иркутскъ, которые въ настоящее время отправлены будуть въ Охотскъ.

4) Во исполненіе высочайшей воли Вашего Императорскаго Величества, по преподаннымъ отъ меня вищениямъ, охотно согласились, для опыта, на томъ суднѣ отправить въ Японію прикащиковыхъ съ потребными товарами иногородные купцы: вышеписанной именитой гражданинъ Шелеховъ, вообще съ нимъ Курской купецъ Голиковъ, и Тотемской Василій Рохлецовъ, кои также, по неизвѣнію въ Иркутскъ товары, за покупкою отправили нарочныхъ въ Москву, которые непремѣнно въ свое время въ Охотскъ доставлены будутъ.

5) Коликое число потребно на жалованье экспедиціи всѣмъ чинамъ, на снаряженіе оной для нея нужнымъ и на содержаніе въ пути Японцевъ, изъ казны Вашего Величества суммы, обѣ ономъ, на всевысочайшее благоусмотрѣніе монаршой особы Вашей, всеподданнѣйше подношу у сего изчислениѣ, о которомъ осмѣливалось удостовѣрить Ваше Величество, что сдѣлано оно мною, въ разсужденіи означенныхъ въ немъ приготовлений, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ и чего менѣе (по случаю во всѣхъ припасахъ въ тамошнемъ краѣ дороживизны) никакъ уже полагать было нельзѧ. Впрочемъ, Всемилостивѣйшая Государыня, ежелибы изъ расположенныхъ въ семъ исчислениѣ суммъ, по непредвидимымъ иногда обстоятельствамъ случилось и такъ, что у нѣкоторыхъ вещей должно будетъ при покупкѣ сдѣлать передачу противу положенной цѣны, то у другихъ иногда припасовъ можно будетъ изыскать для казны вашей пользу; но смѣю обезпечить Ваше Величество, что на всѣ для сей экспедиціи приготовленія отнюдь не превзойдетъ болѣе той суммы, какая назначена въ вышеписанномъ изчислениѣ; а можетъ быть и отъ оной случатся каковые либо остатки, поколику главное во всемъ, по предписанію моему, облежать будетъ заготовленіе для той экспедиціи нужнаго на правящемъ въ Охотскѣ должность коменданта Кохѣ, которой, по особенному къ службѣ Вашего Императорскаго Величества усердію и во всемъ исправной расторопности, исполнить повелѣнное съ самою точностю и будетъ всемърио пещись и стараться въ соблюденіи казенної пользы,

такъ какъ неутомимость его во всѣхъ поручаемыхъ дѣлахъ, съ самого моего въ Иркутскъ прибытия, довольно уже мнѣ известна.

При семъ осмѣливаюсь Вашему Величеству доложить. На выдачу начальнику судна, также Лаксману, Японцамъ и прочимъ, находящимся на немъ служителямъ, жалованья, равно и на не предвидимыя надобности, слѣдуетъ имѣть на томъ суднѣ сумму, по самой менышей мѣрѣ, до двѣнадцати тысячъ рублей. Но какъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ кои должно имѣть вояжированіе, государственная ассигнаціи не въ употребленіи, то на сей конецъ и нужно быть серебряной монетѣ; по взятымъ же мною изъ Иркутской Казенной Палаты свѣдѣніямъ, во всѣхъ ея казначействахъ нисколько серебряной монеты на лицо нынѣ не состоится. Въ такомъ случаѣ неудобноли, Всемилостивѣйшая Государыня, означенное количество суммы серебряною монетою повелѣть доставить сюда, отколь указать соизволите?

Долженствующимъ отправиться въ предполагаемое путешествіе людямъ жалованье, равно и содержаніе, назначилъ я только на одинъ годъ, которое полагаю производить всѣмъ съ 1-го числа Іюня мѣсяца сего 1792 года, поелику судно къ тому времени совсѣмъ будетъ въ готовности къ путешествію. Иежели оное судно, хотя въ Іюль мѣсяцѣ отправится въ назначенный путь, то конечно, въ разсужденіи не весьма дальнаго разстоянія отъ предѣловъ Россійскихъ до Японіи, естьли только не приключится никакихъ несчастныхъ съ нимъ случаевъ, возвратиться можетъ въ Охотскъ будущаго года въ Іюль-жъ мѣсяцѣ. Ежели же, Всемилостивѣйшая Государыня, вояжированія оно своего не совершилъ въ одинъ годъ, въ такомъ случаѣ на идущее за тѣмъ время могутъ находящіеся на немъ люди, для покупки нужныхъ къ содержанію своему припасовъ, употребить деньги изъ суммы, назначенной на экстренности.

Повергая все сие на благоизволеніе высокомонаршай особы Вашей, всеподданнѣйше испрашиваю, ежели оное удостоено

будеть высочайшей Вашего Императорского Величества аprobациі, объ ассигнованіи по оному суммы.

А за тѣмъ, Всемилостивѣйшая Государыня, и повелѣнное миѣ въ высочайшемъ указѣ помѣщеніе двухъ окрестившихся Японцовъ, для обученія Японскаго языка малчиковъ, при народномъ здѣсь училищѣ и въ содержаніи прочихъ Японцовъ, до времени отправленія въ ихъ отечество, по моему разсмотрѣнію, исполнено будеть съ самою точностію.

Но при семъ случаѣ, Всеавгустійшая Монархія, по сущей справедливости не могу умолчать предъ освященною особою Вашею и о томъ, что надворной совѣтникъ Лаксманъ, бывъ въ семъ порученіомъ дѣлѣ свѣдущій и прилежной помощникъ, трудился подъ руководствомъ моимъ въ сочиненіи какъ сметы, такъ и наставленій сыну своему и штурману Ловцову, равно и листа, отъ имени моего въ Японское правительство отправляемого; а потому, въ воздаяніе трудамъ его и прилежанію, осмѣливаюсь у Вашего Императорского Величества всеподданнѣйше просить пожалованія ему ордена святаго равноапостольнаго князя Владимира. Таковая изліянная отъ монаршей особы Вашей къ нему милость побудить его и на дальнѣйшее время къ ревностийшему исполненію возлагаемыхъ на него комиссій, которая онъ конечно исполнять будеть съ желаемымъ успѣхомъ и пользою для отечества.

Въ Иркутскѣ.

Генваря дня 1792 года.

Изъ письма Иркутского намѣстника И. А. Пиля къ графу
А. Р. Воронцову.

Иркутскъ, 18 Генваря 1792.

Александръ Николаевичъ *), выѣхавъ изъ Иркутска Декабря 19-го, прїѣхалъ въ опредѣленное ему мѣсто сего мѣсяца 3-го числа. Хотя разстояніемъ отъ Иркутска не весьма далеко, но по глубокимъ по дорогѣ спѣгамъ и проселочной дорогѣ скорѣе доѣхать не могъ; но пишетъ, что доѣхали здоровы и нашли тамъ приготовленный для нихъ домъ довольно спокойнымъ, а лѣтомъ и еще послѣдний сдѣлать можно будетъ. Полученные послѣ ихъ посылки я на сихъ дняхъ и письма къ нему отправляю съ колясочко на ресорахъ, случившееся у меня, въ чёмъ они и могутъ тамъ ѿздить. Опредѣленные вами сіятельствомъ ему на содержаніе на каждый годъ по 500 рублей, на нынѣшній годъ при отѣѣздѣ ихъ въ Илимскъ, какъ они весьма нужнымъ должны были здѣсь запастися, я отдалъ свои до присылки отъ вашего сіятельства. Впрочемъ смѣю увѣрить, что они тамъ, кромѣ скуки, никакой нужды не претерпятъ.

*) Радищевъ.

Письмо П. В. Лопухина къ графу А. Р. Воронцову *).

Сиятельныйй граffъ, милостивый государь!

Въ бытность вашего сиятельства въ Москвѣ, дозволили вы миъ въ надобностяхъ моихъ утруждать ваше сиятельство; теперь же, воспользуясь симъ милостивымъ дозволеніемъ, а паче зная ваше великодушіе и навсегда добрую волю и готовность помогать утѣшненнымъ и бывъ увѣренъ въ вашемъ къ себѣ доброжелательствѣ и благоволеніи, дерзаю прибѣгнуть съ моей просьбою и просить вашего сиятельства покровительства.

Въ началѣ понѣшняго мѣсяца, когда г. маюромъ Герардомъ, опредѣленнымъ къ строенію каменнаго моста, отѣлана была плотина чрезъ Москву-рѣку, и теченіе обращено въ нарочно для того сдѣланной каналь, и водою съ канала начало повреждать берега и угрожать раззореніемъ строеніямъ по берегу оного лежащимъ: то тогдажъ и донесено господину главнокомандующему, которой всѣ работы съ членами водяной комиссіи и осматривалъ. И въ самое жъ сіе время за-примѣчено, что вода изъ вновь сдѣланнаго канала зачала стремиться вѣво, въ ровъ почти засыпанной, въ которой древле, когда строенъ былъ каменной мостъ **), спущена была вода.

*) Печатается съ современного списка, на которомъ иѣть числовой по-мѣти. П. В. Лопухинъ, въ послѣдствіи свѣтлайшій князь и предсѣдатель Государственнаго Собрѣта, служилъ иѣкогда гражданскимъ губернаторомъ въ Москвѣ. Письмо это написано вѣроятно, когда графъ Воронцовъ былъ президентомъ Коммерц-коллегії. П. Б.

**) Т.-е. еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. П. Б.

А какъ почти въ самомъ томъ рву (коего большая часть была засыпана) построены по одну сторону лавки, а по другую дому, то тогда же г-ну главнокомандующему о семъ доносено съ объяснениемъ, что ежели вода усилится, то можетъ произвести строенію вредъ, почему г. главнокомандующий, сохраняя казенній интересъ (хотя бы, предупреждая всѣ бѣды и казенную плотину сдѣлать, тобъ въ тогдашнее время не болѣе 2000 рублей стала) созвалъ живущихъ тутъ обывателей и лавочныхъ владѣльцовъ и преклоняясь къ сдѣланію на устьѣ рва плотины; но какъ некоторые изъ нихъ упорствовали и ничего на издержки не давали, а другіе давали очень мало, то между симъ прошло немалое время, а наконецъ всѣ согласились плотину сдѣлать и начали опою 20 дня; но между тѣмъ сдѣлались сильные дожди, и вода, вдругъ возвысившись болѣе двухъ аршинъ, изъ канала съ превеликою быстриной устремилась въ вышепрописанной ровъ, и 23 дня вновь начатую плотину разрыла и въ иѣсколько минутъ три лавки подмыла, чemu г. главнокомандующій самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. А между тѣмъ вода, прибывая часъ отъ часу болѣе, зачала подмывать берега и обваливать строенія; то я, видя сюю опасность, представляя г. главнокомандующему, не угодно ли будетъ открыть плотину, сдѣланную чрезъ Москву-рѣку и тѣмъ самымъ обратить рѣку въ обыкновенное ея теченіе, а потомъ, укрѣпя берега, опять запрудить. Но господинъ главнокомандующій сего сдѣлать не согласился, предполагая, что плотина стоитъ болѣе 10,000 рублей; снятіемъ же части оной можно и всю повредить. Вода же, прибывая и возвышаясь часъ отъ часу болѣе, подмыла на Болотъ и Балчугъ большихъ и малыхъ лавокъ деревянныхъ 39, каменныхъ 3, домовъ 6, каменныхъ и деревянныхъ, колокольну одну и мостовъ 3, а сегодня часу въ 11, выше плотины оторвавъ берегу сажень на 6, опрокинула каменной домъ, въ коемъ была прежде Грунтовая фабрика и, прорвавъ часть плотины, вода пошла почти обыкновеннымъ теченіемъ, и надѣюсь, что симъ все окончится. Употребленная же всѣ средства къ отвращенію вреда, происходящаго отъ стремле-

нія воды, всѣ были недостаточны, и попеченія г-на главно-командующаго тщетны, чѣм и ввергло его въ совершенное замѣшательство. Я представлялъ г. главноокомандующему, чтобы онъ, собравъ всѣхъ претерпѣвшихъ, обнадежилъ монаршею милостю, дабы оныхъ извлечь изъ унынія и нѣкоторымъ образомъ отвратить всеобщее негодованіе на сию работу, коя столь много вреда надѣлала, а подъ видомъ предохраненія отъ воровства и для поданія скорой помощи претерпѣвающимъ отъ наводненія, просилъ, чтобы въ пристойныхъ мѣстахъ поставилъ пикеты, подтверди словесно коман-дирамъ, чтобы вездѣ наблюдался порядокъ и тишина, чѣм г. главноокомандующій исполнить и обѣщалъ.

А какъ о семъ несчастномъ приключеніи послано уже отъ г. главноокомандующаго къ Ея Величеству донесеніе, такъ все-покорнѣйше прошу ваше сіятельство въ чёмъ возможно сдѣлать мнѣ милость меня защитить, чтобы я неповинно не понесъ монаршаго гнѣва, потому что водяная комиссія и всѣ ея работы состоять единственно только подъ личнымъ начальствомъ главноокомандующаго.

Въ сихъ смутныхъ моихъ обстоятельствахъ возлагая всю мою надежду на ваше сіятельство, осмѣливаюсь прибѣгнуть подъ ваше покровительство и просить нетокмо защищенія, но и отеческаго совѣта, бывъ удостовѣренъ всесовершенно, чѣм, удостоился онаго, избавлюсь я отъ угрожающей мнѣ гибели. Имѣя же искреннее и нелестное высокопочитаніе къ особѣ вашего сіятельства, долгомъ себѣ поставляю открыть истинное мое положеніе, надѣясь, что оное останется къ единственному вашему свѣдѣнію.

Съ нѣкотораго времени служеніе мое сдѣлалось не токмо отяготительно, но признаюсь, что и совсѣмъ несносно, въ разсужденій безуспѣшности вѣдѣлахъ, и я опасаюсь, чѣмъ не быть нерѣшимости и неключимости другихъ неповинною жертвою, а чѣмъ всего удивительнѣе, то все пишемъ денно и ночи, но ничто съ мѣста не двигается. А воображать прибытие Ея Величества въ Москву я ужасаюсь, потому что къ сему ни малѣйшаго еще не сдѣлано начала. Николай Александровичъ

Львовъ, бывъ здѣсь, нѣкоторую часть видѣлъ нашихъ успѣховъ и по прїездѣ вамъ обстоятельно донесеть. Я ласкаю себя, что вашему сіятельству образъ мыслей моихъ отчасти извѣстенъ, и что конечно удостовѣрены, что я въ формальныя объясненія входить не въ состояніи; то и дерзаю наиубѣдительнѣйше просить вашего наставленія, какимъ образомъ мнѣ изъ сихъ бѣдственныхъ обстоятельствъ выпутаться; я же иного средства не предвижу къ избавленію, какъ оставить службу, хотя сіе совсѣмъ ни съ желаніемъ моимъ, ни съ состояніемъ несходственно; а сверхъ сего какъ безъ всякихъ заслугъ отъ Ея Величества въ короткое время награждентъ, то и постыдно. Впрочемъ, повергая мою просьбу о удостоеніи меня вашего покровительства, и ежели возможно чтобъ о семъ поговорить его сіятельству графу Александру Андреевичу Безбородкѣ, и предая себя въ ваше великодушіе, съ совершеннымъ высокопочитаніемъ навсегда пребыть честь имѣю, сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь, вашъ покорный слуга

Петръ Лопухинъ.

Два письма протоіерея Андрея Аѳанасьевича Самборскаго.

1.

Сіятельнѣйшій графъ Александръ Романовичъ, милостивѣйшій государь и благодѣтель.

Нѣтъ словъ соразмѣрныхъ изъявить вамъ мое сердечное чувство за то истинное участіе, которое вы пріемлете въ моей болѣзни. Я отъ оной, слава Богу, почти уже избавился, и надѣюсь буду имѣть счастіе скоро предстать предъ васъ. Основываясь на вашемъ прямо отеческомъ отзывѣ, что вы будете нынѣ писать къ его сіятельству графу Семену Романовичу, дабы мой сынъ съ его учителемъ Джуньковскимъ былъ присланъ сюда при курьерской окazіи, осмѣлился и я писать письмо къ его сіятельству о той же матеріи, изъясняя притомъ, что не слѣпая моя любовь къ сыну и къ его предо-

стойному учителю заставляетъ меня ихъ видѣть, но общее благо, къ которому я ихъ устрою. Я также осмѣлился со- слаться на ваше сіятельство, что вы меня знаете въ точности, и вся мои благія намѣренія. Я также не оставилъ поздравить его сіятельство первостепенною святаго Владимира наградою, хотя оная давно уже слѣдовала его сіятельству. Простите мнѣ, ваше сіятельство, что я смѣю просить васъ положить для вѣрности въ свой конвертъ приложенное здѣсь письмо.

Впрочемъ съ глубочайшимъ моимъ къ вамъ почтеніемъ и всесовершеннюю преданностью пребуду, пока жить буду, ва- шего сіятельства вѣрнопреданнѣйшій слуга и всеусерднѣйшій богомолецъ

Андрей Самборскій.

1791. Сентября 27.
Бѣлозерка.

2.

Сіятельнѣйшій графъ Семенъ Романовичъ, милостивый го- сударь и благодѣтель.

Имѣю счастіе поздравить васъ первостепенною святаго Владимира наградою. Правда, что оная давно уже принадле- жала вашимъ отличнымъ достоинствамъ и заслугамъ; но при таковомъ происшествіи, которое означаетъ весьма важную Россійскихъ дѣль эпоху и которое впишется въ книгу без-смертія, оная награда имѣеть несравненно болѣшую цѣну и всеобщее уваженіе. Всякій знаетъ, что вы здравою и чест-ною политикою отвратили престрашный ударъ, сильными пріуготовленныи державами на пораженіе Россіи. Вы пре-возмогли надъ всѣми и утвердили согласіе. О если бы всѣ министры государственные послѣдовали вашей человѣколю-бивой и благоразумной системѣ! Всѣ бы наши непріятели обезоружились, и болѣе уже не проливалась бы человѣческая кровь. Не льщу я вамъ, изображая такъ вашъ характеръ; ибо всякъ васъ таковыи разумѣетъ.

Принесши вамъ въ сихъ слабыхъ начертаніяхъ истинную жертву моего сердца, обращаюсь па другую матерію, кото-рою всенижайше прошу васъ не скучать. Вашъ любезнѣй-шій братъ, а мой великодушный благодѣтель, его сіятельство графъ Александръ Романовичъ, самъ безъ просьбы моей, обѣщалъ вторично просить ваше сіятельство, дабы сынъ мой, подъ руководствомъ г. Джуньковскаго, былъ присланъ сюда при оказіи курьерской. Я, не какъ отецъ ослѣпленный лю-бовію къ своему сыну и къ его наставнику Джуньковскому, по какъ истинный гражданинъ и патріотъ, прошу всеушижен-нѣйше, да соблаговолите, по вашему патріотическому духу, ваше сіятельство, сдѣлать мнѣ оную милость. А что я таковъ не па словахъ, а па дѣлѣ, въ томъ можетъ удостовѣрить вѣсть безпристрастный графъ Александръ Романовичъ Вороццовъ. Отъ его пропиції не скрыты суть мои памѣренія, мои уси-лія и мои подвиги, устремляющіеся къ общему благу. Я со-вершенствомъ моего счастія поставляю, что сердце мое сему благомыслящему мужу есть извѣстно во всей точности. На основаніи семъ дерзаю быть и предъ вашему особою толико многорѣчивъ и откровененъ. Г. Джуньковскій пріуготовляется къ заступленію моей должности; а сколь сія должность есть важна и полезна для отечества, предоставляю вашему суду. Онъ, по состоянію своему и по упражненіямъ, будучи отъ васъ удаленъ всегда, можетъ быть и кажется недостойнымъ той должности; но я вамъ не обинуясь скажу, что онъ ты-сячу разъ достойнѣе и ученѣе и ревностнѣе меня. И когда вы узнаете прямо его достоинства, то конечно счтете его достойнымъ вашего покровительства, которому я препоручивъ и себя, пребуду, пока жить буду, съ истиннымъ къ вамъ по-ченіемъ и благодарностью.

Вашего сіятельства всенижайшій слуга и всеусерднѣйшій
богомолецъ

Андрей Самборскій.

1791. Сентября 27.

Царское Село.

Письмо А. М. Бушуева къ графу С. Р. Воронцову.

(1786).

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь.

До сего времени надѣялся я принести вашему сіятельству персонально начувствителнѣйшую благодарность мою за милостивое письмо, которымъ угодно было вамъ меня удостоить. Но какъ, по причинѣ болѣзни Тимани, прожили мы въ Римѣ болѣе нежели намъ назначено, здѣсь также лишнее время пробыть принуждены: то, боясь прогнѣвать Ивана Ивановича *) медленностю, лишаюсь я удовольствія нескажанно пріятнаго душѣ моей, чтобы имѣть честь еще увидѣть ваше сіятельство на Брентѣ **). Мало бы времени надобно было на проѣздъ изъ Болоніи до мѣста пребыванія вашего; но могу ли я хотя на часъ отлучиться отъ спутниковъ моихъ? Болѣе еще я прискорбія чувствую, извѣстясь отъ графа Моченига, что ваше сіятельство надолго останется изволите въ Пизѣ, такъ что едвали можно намъ надѣяться имѣть счастіе встрѣтиться съ вами въ Англіи. Но сколь ни прискорбно мнѣ всего того лишиться, по крайней мѣрѣ желаю я столько же обрадованъ быть, если пребываніе ваше въ Пизѣ послужитъ къ умноженію здоровьяя милостивой государыни графини Екатерины Алексѣевны.

*) Бецкаго. П. Б.

**) Графъ Воронцовъ тогда уже назначенъ былъ посланикомъ въ Англію, но временно, по болѣзни супруги своей, жилъ въ Пизѣ. П. Б.

Я не могу довольно изъяснить вашему сиятельству благородныхъ моихъ чувствованій, съ которыми принялъувѣренія ваши о милостивомъ вашемъ ко мнѣ расположеніи: они тѣмъ болѣе силы надѣ душою мою имѣютъ, что никогда не признавалъ я себя быть того достойнымъ. Желаніе ваше освобожденія моего и вѣдьдать обстоятельства мои также весьма мнѣ чувствительно и не менѣе даетъ мнѣ знать цѣну счастія моего, которое нахожу въ васъ, какъ и цѣну добродѣтельныхъ свойствъ души вашей. Примите, милостивый государь, сіе малое изъясненіе знѣкомъ отмѣнаго признанія и искрѣннѣйшей преданности моей.

Чтѣ донести я могу вашему сиятельству кромѣ дурнаго о обстоятельствахъ нашихъ? Начальный изъ спутниковъ моихъ не только не лучше, но время отъ времени хуже становится. Переносиль бы я еще съ меньшимъ оскорблениемъ причиняемая имъ мнѣ беспокойства, если бы онъ только противу меня одного проступался и не нерадѣлъ всегда одинаково въ путешествіи видѣть и знать полезное; но какъ возможно перенестъ безъ крайняго прискорбія поведеніе его, а особливо склонность къ распутнымъ женщинамъ и самымъ еще послѣднимъ, игру билліардную въ кофейныхъ домахъ съ людьми неизвѣстными и ничего незначущими, такъ какъ въ Римѣ случилось въ игрѣ участвовать и лакею кардинала Берниса, и играя не доплачивать денегъ! Каково покажется вашему сиятельству и то, чтобы въ полночь взять съ почты верховую лошадь и въ курьерскомъ платьѣ и въ ботфортахъ поскакать изъ Пизы въ Ливурну для дѣвки, съ которой тамъ ознакомился? Сколько еще другихъ случаевъ, гдѣ показать онъ нравъ свой и поступки не только несвойственные человѣку его происхожденія, о которомъ къ крайнему сожалѣнію вездѣ знаютъ, характеру гвардіи офицера, но и человѣку послѣдняго состоянія. Я обстоятельно о многомъ уже донесъ Ивану Ивановичу; прибавилъ къ тому, что я, не будучи способенъ предводительствовать симъ молодымъ человѣкомъ, служу, можетъ быть, причиною его неисправлениія; и что я радоваться не пересталь бы, если подамъ ему способъ къ возвращенію

въ самого себя моимъ отъ него удаленіемъ. Отговаривался я также слабымъ здоровьемъ и частыми припадками; но отвѣтъ его нимало меня не успокаиваетъ, сколь въ разсужденіи меня ни отзыается онъ благосклонно.

Впрочемъ рекомендуется онъ мнѣ за лучшее средство оставить его сдѣлывать развращенной вольности своей, не показывать ни малаго вида беспокойства и вести себя такъ, какъ бы ни малаго примѣчанія не дѣлалъ я за его поведеніемъ. Подлинно, сie самое лучшее средство. Жаль только, что употребляли оное въ корпусѣ во время его молодости, а тѣмъ самымъ сдѣлали нравъ его необузданнѣй, прихотливѣй и умѣренности чуждымъ. Пишеть онъ и къ нему также письмо, которое всякаго на его мѣстѣ, сколько бы кто мало чувствительности ни имѣлъ, тронуть бы могло; но его однако оно не тронуло и сколько же ожесточило, какъ и то, которое получилъ онъ въ Венеції въ присутствіи вашемъ. Судите, милостивый государь, послѣ сего о моемъ положеніи! Что сдѣлаю я правомъ начальственнымъ, когда оскорблениія иувѣщанія лучшаго его благодѣтеля ему не страшны и нечувствительны? Что сдѣлаю я дружескимъ обращеніемъ съ нимъ, которое также до сего времени мнѣ не помогало? Стѣсненъ будучи сими обстоятельствами, жду я еще успокоенія со стороны свѣтлѣйшаго князя *); но Богъ знаетъ, когда оного дождуся. Могу ли я еще твердо и надѣяться на сильное его покровительство? Оказалъ ли я ему столько преданности и усердія, чтобы могъ онъ, можетъ быть, съ беспокойствомъ для себя, показать мнѣ въ семъ случаѣ благодѣяніе? Я сколько ожидаю свободы моей отъ него, столько и боюсь лишиться его милости, не сдѣлавъ себя достойнымъ его выбора. Когда же сего покровителя, не имѣя другаго никого, лишусь: то кажется только ожидать мнѣ и осталось, чтобы потерять все доброе имя, которое лишь только началь было пріобрѣтать, и въ бѣдности и жестокомъ уныніи окончить жизнь мою.

*) Орлова.

Простите мнѣ, что обезпокоилъ васъ пространствомъ письма моего; я осмѣлился на то, слѣдя соизволенію вашему. Далекъ я отъ того, какъ вы писать ко мнѣ изволите, чтобы опасаться могъ дурнаго изъ него съ стороны вашей употребленія: не имѣя счастія узнать еще васъ, зналъ я уже несравненные свойства души вашей; счастливый же случай бытности моей въ Венеціи подалъ мнѣ способъ совершенно въ нихъ удостовѣриться и сдѣлаться преданнымъ къ особѣ вашей всею душою. Я имѣю честь быть и пр.

Алексѣй Бушуевъ *).

Изъ Флоренціи.
26 Июля (6 Августа) 1784.

*) О полковникѣ Бушуевѣ см. Р. Архивъ 1876, кн. III-я.

П. Е.

Письма И. И. Голикова къ графу А. Р. Воронцову.

(1781 — 1791).

1.

Сіятельнѣйшій граffъ милостивый государь!

Отъ несноснѣйшаго страданія и горестной тоски доведенные до послѣдняго почти конца жизни, оставленные ото всѣхъ, осмѣливаются упасть къ стопамъ вашего сіятельства и со слезами молить объ оказаніи отеческой милости несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ. Ваше сіятельство могущимъ представительствомъ своимъ сильны даровать намъ жизнь, которую, яко полученную отъ благотворительной вашей руки, посвятимъ вашему сіятельству, а особливо тотъ, который издавна имѣлъ счастіе носить на себѣ ваши милости и который съ отличнымъ высокопочитаніемъ и пр.

Всенижайший слуга Иванъ Голиковъ.

Декабря 14-го 1781 году.

Курскій купецъ И. И. Голиковъ (1734—1801), впослѣдствіи известный составитель книги „Дѣянія Петра Великаго“, за долги находился въ заточеніи. Графъ А. Р. Воронцовъ, будучи президентомъ Коммерцъ-коллегіи, имѣлъ возможность помочь ему. Голиковъ былъ освобожденъ по милостивому манифесту 7 Августа 1782 года, изданному въ память открытия статуи Петра Великаго. Въ нижеслѣдующихъ письмахъ мы опускаемъ обычныя начала и окончанія. П. Б.

2.

Письмо вашего сиятельства получено мною въ странствіи моемъ недалеко отъ Крыма.

Повелѣнія вашего высокографскаго сиятельства, колику для меня священны, но къ крайнему прискорбію моему исполнить оныхъ такъ скоро, какъ бы я желалъ не могу, и всепокорнѣйше, милостивѣйшій государь, прошу велигодушно пожаловать мнѣ на исполненіе того время: ибо безъ меня въ Москвѣ никто бумагъ тѣхъ отыскать не можетъ.

Впрочемъ, сиятельныйшій графъ, позвольте мнѣ объ оныхъ предварительно объясниться. Они собраны мною изъ словъ почтеннѣйшихъ мужей, служившихъ при государѣ Петре Великомъ, а именно Ивана Ивановича Неплюева, Алексея Ивановича Нагаева, Семена Ивановича Мордвинова и нѣкоторыхъ современныхъ же его величеству стариковъ, которые и кажутся мнѣ заслуживающими вѣроятіе. Нѣкоторые жъ анекдоты записаны мною изъ преданій, носящихся въ народѣ и изъ манускриптовъ, кои я находилъ у любителей древности и на Московскихъ площадяхъ, и по сему какъ за вѣрность ихъ отвѣтчать, такъ и тисненію предать не осмѣлюсь. Уторопленный бѣдствіями духъ мои всего нынѣ страшится, и я предалъ было ихъ даже и забвенію, а потому и не переписаны они на бѣло, но оставлены черныя, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ я для прогнанія скучки моей въ заключеніи моемъ положилъ ихъ на бумагу. И для того желалъ бы я, милостивѣйшій государь, оныя прежде посылки переписать почище; ибо я боюсь, чтобъ ваше сиятельство, въ разбираниіи письма скучивъ, не прогнѣвались на меня.

Ноября 20-го 1784 году.

3.

Пріемлю смѣлость препроводить къ вашему высокографскому сіятельству первый томъ трудовъ моихъ или, лучше сказать, плодъ уединенной и отщетившейся отъ свѣта жизни моей.

21 Декабря 1787 году.

Сельцо Опашкино.

4.

Препровождая вторую часть трудовъ моихъ, священнымъ для меня долгомъ поставляю принести вашему высокографскому сіятельству всепскреннѣйшую благодарность за награжденіе меня милостивымъ вашимъ отъ 2-го числа сего Генваря письмомъ.

Великодушное ободреніе вашего сіятельства человѣку, осмѣливавшемуся издавать Дѣянія Петра Великаго, не имѣющему нужныхъ къ тому пособій ни отъ воспитанія, ни отъ обстоятельствъ, есть неопѣненно. Я забываю, милостивый государь, самыя даже болѣзни и слабости мои, неразлучныя со старостью, и при толикомъ ободреніи надѣюсь преодолѣть трудъ мой въ непродолжительномъ времени.

Января 24-го 1788 году.

5.

Ваше сіятельство, толико милостивымъ и ободряющимъ меня къ продолженію трудовъ моихъ начертаніемъ, даете мнѣ смѣлость изъяснить совокупно и прискорбіе мое. Книга моя по счастію толико полюбилась обществу, что ни одна еще такъ скоро не раскупалась, какъ моя и, сколько мнѣ известно, то весьма еще недостало оныя къ удовольствованію всѣхъ, чего ради и приступаю я, изъ благодарности моей къ публики, ко второму и полнѣйшему изданію оныя, и сіе тѣмъ паче

15*

почитало нужнымъ, что, по напечатаніи оныя, многія изъ почтеннѣйшихъ особъ сообщили мнѣ весьма важныя піесы, о коихъ я прежде не зналъ. Но, сіятельнѣйшій графъ, въ архивѣ Иностранный Коллегіи, здѣсь находящейся, хранится несравненно еще большее число матеріаловъ; но я не имѣю въ оную входу, да и имѣть не могу безъ особаго на то дозволенія.

Г. Туманскій таковое дозволеніе отъ его сіятельства графа Александра Андреевича *) имѣеть, а сего ради и осмѣливаюсь ваше графское сіятельство всеніжайше просить, невозможнѣ ли, милостивый государь, если я сего достоинъ, доставить и мнѣ подобное дозволеніе. Каковою милостью наградите съ избыткомъ труды мои и, смѣю сказать, доставите удовольствіе и всей публикѣ.

Ваше сіятельство соблаговолили упомянуть о моихъ анекдотахъ. Оные, надѣюсь, не замедлятся выходомъ въ свѣтъ, но и не прежде однакожъ какъ по напечатаніи писемъ государевыхъ и другихъ его же величества бумагъ, которыхъ у меня столько собрано, что не менѣе выдетъ 8 томовъ; вся же книга состоять имѣть не менѣе какъ въ 18 томахъ, ежели не больше, полагая въ томъ же числѣ и исторію знаменитыхъ ироя моего помощниковъ, и о которыхъ имѣю я довольно полныя: г. Лсфорта, Гордона, князя Меншикова и графа Шереметева; но другихъ особъ къ сожалѣнію моему имѣю только краткіе журналы, и хотя всѣ силы я прилагаю выполнить оные, но по сіе время однакоже не могу еще полнѣйшихъ отыскать.

Апрѣля 23-го 1789 году.

*) Безбородко.

6.

Недостаточны силы мои къ изъясненію чувствуемой въ сердцѣ моемъ къ вашему высокографскому сіятельству благодарности за всѣ ваши ко мнѣ милости, паче же за доставленіе мнѣ входу въ здѣшній Иностранной Коллегіи архивъ. Я обрадованъ былъ полученіемъ высокопочтенного вашего высокографского сіятельства о семъ письмѣ, будучи въ деревнѣ, толико, что, забывъ прилучившуюся мнѣ болѣзнь, пріѣхалъ сейчасъ въ Москву, и по написаніи сего спѣшу вручить господину Соколовскому отверзающій мнѣ запертыя прежде двери въ помянутый архивъ ключъ. Ваше высокографское сіятельство сею милостію даровали мнѣ новые силы къ продолженію начатаго мною труда; я употреблю всего себя на усовершенствованіе сего новаго изданія. Прошу только Бога, да подкрѣпить слабыя мои силы и учинитъ ихъ соразмѣрными усердію моему и любви къ отечеству и къ отцу отечества. Я представлю и нѣкія мои въ первомъ изданіи ошибки, которыя открыли мнѣ доставленныя послѣ онаго его сіятельствомъ княземъ Михайлою Михайловичемъ Щербатовымъ, и какія можетъ быть отыщу въ архивѣ достовѣрности, и если публика приняла съ удовольствіемъ первое мое изданіе, то тѣмъ съ болѣшимъ, надѣюсь, принять можетъ второе, яко полнѣйшее, чѣмъ она много обязана будетъ вашему сіятельству, чтѣ я въ предисловіи моемъ и изъяснить не оставлю.

Примѣчаніе вашего высокографского сіятельства, касающееся до литеръ и бумаги, весьма справедливо; я оное съ самаго начала видѣлъ, но пособить тому не могъ: ибо, милостивый государь, по нынѣшнему моему неимущему состоянію, не могши напечатать на свой счетъ, отдалъ опную г. Новикову, довольствуясь за весь трудъ мой и за издержки, употребляемые на доставленіе материаловъ, на переводъ нужныхъ книгъ, па бумагу и проч. тѣмъ однимъ, чтобы услужить онимъ соотличамъ моимъ, а напоминаніе мое о томъ ему г.

Новикову не имѣло дѣйствія, но при новомъ однако же изданіи буду о томъ пещись всевозможно.

Мая 24-го 1789 года.

7.

Осыпываюсь донести: 1) Мое прискорбіе, что послѣдніе два тома, такъ сказать, изуродованы типографскими ошибками; причиною сего съ одной стороны несмотрѣніе опредѣленного корректора, а съ другой отсутствіе мое изъ Москвы, по которому не могъ я за нимъ надсматривать. 2) Что я, по желанію публики, вмѣсто вторичнаго полнѣйшаго изданія книги моей, рѣшился издать дополненіе къ прежней, и сего дополненія не менѣе будетъ какъ томовъ пять или шесть, а вся книга составить 23 или 24 тома. Толикимъ-то множествомъ материаловъ вновь милость вашего сіятельства обогатила меня; почему я и почитаю за долгъ ожидаемую за сіе отъ публики благодарность обратить къ имени вашего сіятельства.

Сентября 20-го 1789 года.

Сельцо Онашкино.

8.

Вашему сіятельству извѣстно, что я теперь тружусь въ изданіи Петра Великаго писемъ и грамотъ, которыхъ уже собрано у меня болѣе 3.000 и которые составлять не менѣе 7-ми томовъ. Но въ числѣ сихъ писемъ не имѣю я самыхъ важнѣйшихъ, именно писанныхъ къ князю Мешникову. Извѣстно же мнѣ учинилось, что сіи монаршіе письма хранятся въ Императорской Академіи Наукъ. Я чрезъ нѣкоторыхъ пріятелей моихъ пытался достать списокъ съ оныхъ, не жалѣя на переписку ихъ ничего; но отвѣтствовано было мнѣ, что безъ соизволенія директора Академіи учинить того не можно. Не имѣя же счастіе быть знаемымъ ея сіятельствомъ, осыпываюсь всепокорнѣйше ваше высокографское сіятельство просять о сей милости.

Октября 22-го 1789 году.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ПИСЬМУ 8-му.

ПИСЬМО КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ КЪ ГРАФУ А. Р. ВОРОНЦОВУ.

Изволь, братецъ, господину Голикову въ отвѣтъ сказать, что княгиня Дацкава за долгъ и удовольствіе поставляетъ, когда можетъ способствовать просвѣщенію или полезнымъ свѣдѣніямъ своихъ согражданъ; слѣдственно все отъ нея зависящее для успѣшнія полезнаго и похвального предпринятія г. Голикова будетъ отъ нея приказано. Пусть онъ пришлетъ порядочнаго писца, который бы прямо ко мнѣ явился, то онъ и будетъ допущенъ списывать всѣ письма или другія какіе ему нужны въ Академіи имѣющіяся документы.

9.

Я собралъ уже, по милости вашей, толь много матеріаловъ, что не усумнился припечатать къ Московскому Вѣдомостямъ о пізданіи дополнительныхъ къ Дѣяніямъ десяти томовъ, хотя оныхъ и больше того выдетъ, изъ коихъ первый уже и печатается; но, сіятельнѣйшій графъ, среди сихъ неусыпныхъ трудовъ моихъ сыскался человѣкъ, который исторгнулъ, такъ сказать, перо изъ рукъ моихъ и замѣшалъ меня такъ, что привель не въ состояніе продолжать сихъ трудовъ моихъ и выполнить обѣщаніе мое предъ публикою. Позвольте великодушно, милостивый государь, кратко объяснить сіе случившееся на сихъ дняхъ несчастіе мое.

Въ началѣ 1781 году, когда уже началось слѣдствіе о Выборгской нашей водкѣ Французской, имѣли мы съ товарищами Михайловымъ, Ивановымъ и Кузнецовымъ сдѣлку, до оной водки касающуюся, и дали имъ (я, братъ мой и Позняковъ) каждый по векселю, суммою по 13.000 рублей. Послѣдовавшее за онымъ бѣдствіе равно касалось до всѣхъ моихъ товарищѣй; одно только великодушіе мое отъ онаго спасло изъ нихъ троихъ, а сіе и заставило Михайлова и Кузнецова обнадеживать меня награжденіемъ, а между прочимъ и выда-

чею помянутаго векселя безденежно. Но я, по окончанії слѣдствія, уѣхалъ въ Москву, а вексель сей остался у нихъ, и я, занявшиесь сочиненiemъ книги моей, забылъ объ оному тѣмъ больше, что 8 лѣтъ цѣлля совѣстились они беспокоить меня взысканіемъ по оному. Но нынѣ Михайловъ поручилъ онъ вексель Иванову, а онъ выдалъ его одному офицеру, который и объявилъ мнѣ на сихъ дняхъ, что ежели я не заплачу по оному денегъ, то онъ употребить со мною всю строгость, какая предписана за неплатежъ по векселямъ. Я бы, почитая спокойствие свое дороже всего, презрѣль неисполненіе ихъ своего обѣщанія и заплатилъ бы конечно деньги; но, сіятельнѣйшій графъ, помянутыя несчастія мои, а потомъ послѣдовавшая смерть брата моего, съ котораго оставалось мнѣ получить еще болѣе 25.000 рублей, но которые невозвратно пропали, довели меня до такого неимущества, что лишился бы я и самаго пропитанія, ежелибъ не имѣль я замужней дочери *), и слѣдовательно заплатить по тому векселю отнюдь не могу. Вотъ милостивый государь, тѣ бѣдствія обстоятельства, которая не только не дадутъ мнѣ времени окончить книги, но можетъ быть и самыя лишать жизни, поелику изнуренное мое здоровье, болѣзни и лѣта, перенести темничаго заключенія уже не могутъ.

Я повергаюсь къ стопамъ вашимъ и, съ пролитіемъ горестныхъ слезъ, молю, въ семъ крайнемъ бѣдствіи моемъ, подать могущую вашу руку помощи. Г. Ивановъ не можетъ вашему сіятельству, конечно, отказать, по крайней мѣрѣ въ томъ, чтобъ не беспокоить меня до окончанія книги моей. Къ тому жъ имѣются мои векселя въ С.-Петербургскомъ Губернскомъ Правленіи на большую сей сумму, которая я ему всѣ охотно уступлю. Достаточное состояніе, какъ его, такъ и всѣхъ помянутыхъ товарищей, ни малѣйшей разстановки не сдѣлаютъ ему: осмилѣтнее молчаніе ихъ сему между прочимъ служить доказательствомъ. Но, можетъ быть, онъ представить

*) Дочь Голикова была за Бланкенагелемъ, а внука отъ нея за известнымъ В. Н. Каразинымъ. П. Б.

вашему сіятельству, что дочь моя богата; но все богатство ея состоить въ деревнѣ въ 200 душахъ, отъ которыхъ получаетъ она доходу менѣе полуторы тысячи рублей и изъ оного еще платить она въ заемный банкъ по 500 рублей въ годъ. Вотъ ея состояніе. Чтожъ все доносимое мною справедливо, то могутъ всѣ знающіе насть засвидѣтельствовать. Впрочемъ, ежели г. Ивановъ будетъ такъ жестокосердъ, что не преклонится на милость, то онъ тѣмъ ничего больше не выиграетъ, какъ развѣ только безвременно уморить меня.

Января 16-го 1790 году.

10.

Первый томъ новыхъ трудовъ моихъ, содержащій въ себѣ изъ предшествующаго Петру Великому времени исторію царя Бориса Феодоровича, Должаго Димитрія и царя Василья Ивановича Шуйскаго, со всѣми подробностями и точностію, надѣюсь доставить къ вашему сіятельству чрезъ мѣсяцъ. Ободреніе вашего высокографскаго сіятельства мнѣ неизрѣченно лестно и нужно. Но, сіятельнѣйшій графъ, чувствительно мнѣ до крайности, что я, не имѣя никакого средства избавиться отъ гонящаго меня г. Иванова, причинилъ вамъ, милостивый государь, испрашиваніемъ помощи огорченіе, какъ то ваше сіятельство дали мнѣ оное почувствовать. А еще болѣзниенѣе, что лишаюсь я послѣдня надежды къ укрощенію сего гонителя моего. Между тѣмъ позвольте, великодушный помощникъ несчастныхъ, сказать, что не было никогда моихъ мыслей просить ваше сіятельство о посредствѣ между мною и Ивановымъ, а и того менѣе войти въ обстоятельства дѣла (ибо сіе было бы съ моей стороны дерзновеніе,ничѣмъ извиниться не могущее), но я ласкался только надеждою, что ваше сіятельство подадите мнѣ возможность къ продолженію трудовъ моихъ, и что сіе стоить только будеть одного вѣщего слова Иванову, дабы онъ дать мнѣ время совершилъ книгу мою и, не входя ни въ какія объясненія, дадите ему

выразумѣть, что онъ, лиша меня свободы, а публику удовольствія, ничего же не получить: поелику я ничего у себя не имѣю.

Февраля 7 дня, 1790 году.

11.

Я покусился было, въ изъясненіе моей благодарности, украсть достопочтенныи вашимъ именемъ предисловіе мое къ 1-му тому Дѣяній; но сумнѣніе мое, угодно ли то будетъ вашему сіятельству, было причиною, что оное оставилъ, какъ то, милостивый государь, изъ того предисловія моего сами соизволите усмотрѣть; поелику же то совершенная истинна, что безъ позволенія его сіятельства графа Александра Андреевича почерпать все нужное къ моему предмету изъ архива, доставленаго миѣ по милости вашего сіятельства, не могъ бы я ниже приступить къ издаемому мною дополненію: то почель бы я за счастіе украсить именами вашихъ сіятельствъ сіи новые труды мои, о чемъ и буду ожидать вашего на сіе соизволенія.

Ваше высокографское сіятельство изъ помянутаго предисловія моего соизволите усмотрѣть все содержаніе издаемыхъ мною книгъ, и я надѣюсь черезъ нѣсколько дней 1-й оныхъ томъ, отъ меня получить изволите; ибо оной уже напечатанъ, и теперь осталось только припечатать оглавлениe, которое также уже отослано. Между же тѣмъ, исполняя повелѣніе ваше, предварительно доношу: послѣ 3-хъ томовъ содержащихъ предшествующія времена Петру Великому, продолжаться будутъ Дѣянія сего монарха, за оными анекдоты и многія другія важныя піесы.

Мая 9, 1790 году.
Сельцо Онашкино.

12.

Принеся достодолжную благодарность за отеческое снисхождение ваше на нижайшую просьбу мою относительно до г. Соколовского, спѣшу донести: коль скоро узналъ я въ деревнѣ о прибытіи въ Москву сестрицы вашей ея сіятельства княгини Екатерины Романовны, прїѣхалъ для поднесенія книги моей и для засвидѣтельствованія благодариўшихъ чувствъ моихъ ея сіятельству, или паче въ лицѣ ея вашему сіятельству; но, не заставъ ся въ Москвѣ, того жъ дня поскакалъ я въ Троицкое село ея. Не могу я, сіятельниѣйшій графъ, изъяснить милостей ея, съ коими благоволила она принять и угостить менѧ: время, которое препроводилъ я у ея сіятельства, было самое пріятнѣйшее въ жизни моей. Я въ особѣ ея нашелъ другаго васъ, милостивый государь. Матернія ея разсужденія и наставленія, преподанныя мнѣ, восхитили благодарное сердце мое. Я благодарили Бога въ печаляхъ моихъ, толикое утѣшеніе миѣ ниспославшаго, и поелику и сіе приписываютъ я вашимъ же ко мнѣ милостямъ, какъ то изъ словъ ея сіятельства и заключить могъ, того ради и приношу вашему сіятельству за сіе благодарность.

Іюля 17-го 1790 году.

13.

Первыхъ 12 томовъ трудовъ моихъ, поелику я оные безъ всякаго за труды и издержки мои возмездія отдалъ г. Новикову, то и не имѣю ихъ у себя; а какъ на оныя наложились онъ цѣну, и вмѣсто 12 менѣе нынѣ не продаеть 18 рублей экземпляръ: то и писалъ я къ нему въ подмосковную деревню, гдѣ онъ пребываетъ, чтобы уступить мнѣ оные по прежней цѣнѣ, и хотя не получилъ еще отвѣта, но кажется, что онъ не откажетъ мнѣ въ просьбѣ сей. Съ другой стороны, за отлучкою изъ дома вашего сіятельства управителя, оставшіеся отослали къ нему нераспечатанное повелѣніе ваше и

не смѣютъ безъ новаго повелѣнія на ихъ донесеніе и книгъ отъ меня принять. Чѣмъ касается, милостивый государь, до IV тома дополненія, то онай, надѣюсь, на сихъ дняхъ отослать въ типографію; стоитъ только онай мнѣ прочесть и не-много поправить.

Октября 10-го 1790 году.

14.

IV томъ дополненія едва исправился я (и то при помощи займа) отдать въ типографію, которой уже и начать печататься. V-й почти совсѣмъ уже заготовленъ. Апекдоты же по плану моему слѣдовать будуть за дополненіемъ.

P. S. Въ канцеляріи садовъ и домовъ есть нѣсколько писемъ Петра Великаго; но, колику я ни старался чрезъ знакомыхъ моихъ достать оныя, однакожъ ничего успѣть не могъ. Ежели возможно, милостивый государь, и въ семъ случаѣ подать мнѣ великодушное вспомоществованіе, то всенижайше прошу.

Ноября 11-го 1790 году.

15.

Чувствительно мнѣ до крайности, что ваше сіятельство не получили еще IV тома дополненія, которой отосланъ мною къ управителю вашему, съ прошеніемъ скорѣйше доставить къ вашему сіятельству, еще 21 числа Февраля; по надѣюсь, что онай, между тѣмъ уже получить изволили. Какая причина была медленнаго выхода онаго, соизволили видѣть изъ предисловія къ оному. Человѣку, неимѣющему достатку и не подкѣплѣемому ни отъ кого ни какою помощью, весьма трудно исправиться напечатаніемъ десяти томовъ, которые не менѣе станутъ 6.000 рубл. Пренумерацио же по сie время не собрано ни полуторы тысячи. Но и кромѣ потребной къ папе-

чатанію суммы есть и другіе расходы. Ваше сіятельство, прочитывая томы мои, безъ сомнінія изволили замѣтить приводимыя мною мѣста изъ иностранныхъ писателей; слѣдовательно, не зная другихъ языковъ, долженъ я платить за переводы оныхъ, и по сіе время переплачено мною переводчикамъ болѣе 1,500 рублей. На приставниковъ архивныхъ я жаловаться не могу, но долженъ однажде на пріисканіе материаловъ удѣлять немало времени и тѣмъ паче, что никто въ томъ миѣ не помогаетъ, и за переписку пріискиваемаго миѣ платить немалыя деньги. При всѣхъ сихъ издержкахъ и трудахъ моихъ, несказанно еще тревожать духъ мой бывшіе мои товарищи, въ разсужденіи поданнаго ими въ судъ векселя моего. Все сіи причины, милостивый государь, могутъ останавливать выходами въ свое время и слѣдующіе томы; но я осмѣливаюсь далѣе распространиться. На два первыхъ тома Дѣяній вышло дополненія IV, V, VI и VII томы. Изъ сего, милостивый государь заключить изволите, что въ 10 томовъ, или паче въ 7 (ибо первые три не касаются до дѣлъ Петра Великаго) помѣстить всего собраннаго мною никакъ невозможно: ихъ по меньшей мѣрѣ выдетъ 15 томовъ, и истинно не знаю чтѣ дѣлать. Я чувствую, что если по счастію не сыщу какого пособія, то по малой пренумерациіи не могу всѣхъ оныхъ издать. Особливо же жаль миѣ анекдотовъ, которые не могутъ помѣститься въ сіи 10 томовъ. Чтожъ уже думать миѣ останется о дальнѣйшемъ предпріятіи моемъ, т.-е. чтобы по окончачіи дополненія составить одну книгу, которая бы по справедливости называться могла полнымъ собраніемъ дѣлъ безсмертнаго монарха.

Ваше высокографское сіятельство, отеческою ко миѣ милостію, открываете сердце мое, и потому осмѣливаюсь къ огорченіямъ моимъ присовокупить еще одно. Причина, побуждающая меня отречься, такъ сказать, отъ всякихъ утѣхи и посвятить всего себя къ изданию всѣхъ дѣлъ великаго государя, есть любовь къ отечеству; она единственно подкрѣпляетъ ослабѣвающія отъ лѣтъ и обстоятельствъ силы мои. Но когда воображаю я, что пѣсни Русскія и сказки многія напечатаны

на счетъ казны, въ пользу издателей; когда многіе стихо-
творцы, за одну оду изъ нѣсколькихъ строкъ состоящую, по-
лучили и получаютъ награды, и напротивъ того на мои тру-
ды и столькаго не обращено вниманія, чтобы соравнить ихъ
съ сказками: то признаюсь, милостивый государь, что при-
скорбіе сіе нерѣдко исторгаетъ перо изъ рукъ моихъ, и могу
сказать, что изъ знаменитыхъ соотчичей моихъ имѣю одного
только въ особѣ вашей покровителя. Вы одни, отеческою ми-
лостію ко мнѣ являемою, усلاждаете сіи горести мои; вамъ
приписываю я и то, что я еще на свободѣ: вы безъ сомнѣ-
нія удержали стремленіе гонителей моихъ, бывшихъ товари-
щѣй. Словомъ, вамъ, милостивый государь, единственно обя-
занъ я всѣмъ.

Марта 10-го 1791 году.

Письма А. В. Храповицкаго къ графу А. Р. Воронцову.

1.

Сиятельный графъ, милостивый государь!

По высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію честь имѣю препроводить къ вашему сиятельству полученнную при реляціи графа Броуна книгу о купеческой бухгалтерії, съ тѣмъ что ежели вы, милостивый государь, изволите ее признать полезною, то можно будетъ перевести на Россійскій языкъ.

Съ совершенныемъ почитаніемъ и пр.

Вѣрнопокорнѣйший слуга Александръ Храповицкій.

29 Генваря 1786.

Приложеніе къ 1-му письму.

Всеавгустейшая Монархия, Всемилостивѣйшая Государыня!

Представлена мнѣ книга подъ заглавіемъ: «Подробное наставление въ веденіи двойной или Итальянской бухгалтерії». И какъ я изъ опыта чрезъ многія лѣта, препровождаемыя въ имперіи Вашего Императорскаго Величества, усмотрѣль, что въ здѣшнемъ пространномъ и великомъ государствѣ обрѣтается много торговыхъ людей и мало купцовъ, то есть, которые бы ко благу государства и къ собственной пользѣ своей торговлю производили, по той причинѣ, что частію въ надлежащихъ познаніяхъ, и главнѣйше въ приложаніи и порядке, недостатокъ оказывается: то я принимаю смѣлость всеподданнѣйше препроводить вышепомянутую книгу къ Вашему Императорскому Величеству, въ упованіи, что по пере-

водѣ означенные книги Ваше Императорское Величество соизволите усмотрѣть пользу и выгоду, съ каковою спасительное твореніе сіе въ обширной имперіи вашей употреблено быть можетъ, и особенно въ уваженіи того наказанія, которому подвергается купецъ, изобличенный, что онъ по торговамъ своимъ велъ фальшивыя, неправильныя, двойныя книги, или (какъ нерѣдко случается) что вовсе никакихъ торговыхъ книгъ не держаль. Я предвижу напередъ, что хотя наилучшія и вождѣнійшия пособія почасту не соотвѣтствуютъ предполагаемому намѣренію, однако же способъ сей вести съ порядкомъ таковыя книги не только покажется школьнѣмъ и педантическимъ для тѣхъ, кои охотно совращаются на мрачныя и скользкія стези, но также представится очамъ ихъ ужаснѣйшимъ камнемъ преткновенія; напротивъ чего, честные и вѣрные подданные Вашего Императорскаго Величества въ обширной и отдаленной имперіи вашей имѣютъ вмѣнять себѣ величайшимъ благодѣяніемъ, когда ниспошлеется имъ таковой образецъ для заведенія торговыхъ книгъ своихъ.

Всеподданѣйшій рабъ графъ Броунъ.

Изъ Риги.

Генваря 24 дня 1786 года.

2.

Переводъ извѣстной вашему сіятельству книги подъ заглавиемъ «Подробное наставлѣніе въ двойной или Итальянской бухгалтерії» Ея Императорское Величество высочайше указать изволила препроводить для вашего просмотрѣнія и послѣ того напечатать; въ разсужденіи чего и прошу покорно ваше сіятельство возвратить мнѣ сей переводъ съ вашими поправками.

Апрѣля 24 дня
1786 года.

3.

Имъю честь приложить здѣсь для свѣдѣнія вашего сіятельства дневную записку *) путешестввія, донося, что все идетъ хорошо и всѣ здоровы кромѣ Александра Андреевича **), которої простудилъ горло, однако дни въ два пройдетъ, по отдохновеніи въ Смоленскѣ, гдѣ теперь остановились дни на четыре, чтобы дать покой придворнымъ и нашимъ служителямъ, не очень привычнымъ къ дорогѣ. До вчерашиаго дня не имѣли ни откуда писемъ, но вдругъ пріѣхалъ отъ вице-канцлера курьеръ, и пришла внутрення почта; сказываютъ, что вездѣ благополучно. Графъ Андрей Петровичъ съ Степаномъ Федоровичемъ ***) собираютъ по городамъ рапорты отъ мѣстъ присутственныхъ, и сами туда ходятъ. Левъ Александрovichъ ****) осматриваетъ мѣстоположенія городовъ и мѣста другаго рода, заводя знакомство съ Жидами обоего пола въ городахъ и мѣстечкахъ Бѣлорусскихъ. Сверхъ написанного въ журналахъ, жалованы вещами губернскіе предводители и другіе чиновники по одобреніямъ генераловъ-губернаторовъ. Вообще можно сказать, что всѣ веселы и спокойны, никто еще не скучаетъ, и дорога была хороша съ тою только разностію, что въ губерніи Псковской мало снѣгу, и во многихъ мѣстахъ видна земля, а напротивъ того въ Смоленскомъ намѣстничествѣ излишній снѣгъ сгребали на стороны. По приказанію вашего сіятельства посыпаю я сіе письмо къ г-ну Пестелю.

14 Генваря 1787.

Приписка графа Безбородки:

Увидѣвъ письмо Александра Васильевича, воспользовался я дозвolenіемъ его и мнѣ засвидѣтельствовать вашему сія-

*) Здѣсь лишь доведена до Смоленска. (Примѣчаніе Храповицкаго).

**) Безбородки.

***) Шуваловъ съ Стрекаловымъ.

****) Нарышкинъ.

тельству мою искреннюю преданность. Я памѣренъ изъ перваго ноchlега за Смоленскомъ дней на пять къ себѣ въ домъ отлучиться, а изъ Чернигова соберуся написать къ вамъ пространнѣе, хотя и нельзя надѣяться, чтобы что либо новое до того времени случилось.

4.

Хотя неизвѣстенъ я, доходятъ ли вѣрно письма мои къ вашему сіятельству, но, продолжая донесенія мои, имѣю честь увѣдомить, что 7-го Марта поутру, по вступлѣніи Ея Императорскаго Величества въ кавалерскую комнату, допущенъ быль на приватную аудіенцію племянникъ короля Польскаго князь Станиславъ Понятовскій, великий подскарбій Литовскій, а по выходѣ въ залу представлены и жалованы къ рукѣ князь де Бельмонте де Вентимиле, Сициліанецъ и гранъ д'Эспань, господинъ Витвортъ, министръ двора Аглинскаго, въ Варшавѣ обрѣтающійся и прочие иностранцы, недавно въ Кіевѣ приѣхавши. Ея Величество кушать изволила у князя Григорія Александровича, а въ вечеръ быль куртагъ во дворцѣ. 8-го числа, въ день тезоименитства императора Римскаго, всемилостивѣйшая Государыня въ вечеру изволила быть въ домѣ графа Кобенцеля; мѣсто хозяйки занимала графиня Александра Васильевна Браницкая, и быль ужинъ, во время коего Ея Величество, вставъ со стула, изволила начать здоровье имянинника, которое пили всѣ тутъ предстоящіе и, по окончаніи стола, хозяинъ приносилъ признательную благодарность.— Того же дня было рожденіе его сіятельства графа Александра Андреевича, и отъ Ея Величества пожалована ему табакерка съ вензелемъ и осыпою бриліантовою. По слуху приближенія короля Польскаго къ границамъ Россійскимъ, поѣхали вчера, для свиданія съ его величествомъ князь Григорій Александровичъ, принцъ де Нассо, графъ Стакельбергъ и графъ Браницкій. Завтра представлены будутъ Всемилостивѣйшей Государынѣ еще новопрѣзжіе: племянники Польскаго короля графъ Тишкевичъ, польный Литовскій гетманъ, и князь

Іосифъ Понятовскій, подполковникъ Австрійскій, графъ Моравскій, писарь войсковый, и Шевалье де ла Метъ, племянникъ фельдмаршала Брогліо.

10 Марта 1787.
(Киевъ).

5.

...Вѣздили еще въ Коневъ къ его величеству королю Польскому: Левъ Александровичъ Нарышкинъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, камергеры Валуевъ и Салтыковъ, камеръ-юнкеры графъ Головкинъ и Бибиковъ, и всѣ очень довольны ласковымъ пріемомъ королевскимъ, а Левъ Александровичъ получилъ табакерку съ портретомъ и бриліантами.

10-го Апрѣля поутру, вице-адмиралъ Пущинъ, вышедъ изъ Михайловскаго залива противъ Выдубецкаго монастыря со всѣми галерами и судами, для высочайшаго шествія назначенными, и проходя мимо крѣпости съ пушечною пальбою, остановился близъ Подола.

11-го представлены были Всемилостивѣйшей Государынѣ пріехавшиѣ изъ Польши князь Любомирскій кастелланъ Киевскій и князь Любомирскій староста Романовскій; послѣ обѣдни Ея Величества, прибывъ въ домъ Магистрата, изволила удостоить высочайшимъ своимъ присутствіемъ обѣденный столъ, отъ купечества и мѣщанства изготовленный.

12-го въ вечеру, при выходѣ Ея Величества въ большую залу, жалованы къ рукѣ жены и дочери купеческія и мѣщанска; потомъ городской голова съ прочими собратіями своими приносили всеподданнейшую благодарность за всемилостивѣйшее во вчерашній день посѣщеніе и были допущены къ рукѣ.

Сей часть обрадованъ я, получа почтеннѣйшее письмо вашаго сіятельства изъ Саратова отъ 22 Марта, въ которомъ изволите давать знать, что дошли письма мои подъ номерами 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ и вы, милостивый государь, благосклонно принимаете донесенія мои, истинною привязанностію къ особѣ

вашей сопровождаемыя. Душевно благодарю ваше сіятельство за покровительство и рекомендацио къ графу Александру Андреевичу и всеискренно желаю, дабы, наслаждаясь совершенными здравіемъ, кончили благополучно осмотръ отдаленныхъ губерній. По хлопотамъ Саратовскимъ вы, думало, изволили получить указъ, а на самомъ мѣстѣ должно ожидать много прососьбъ. Теперь имъю честь въ послѣдній разъ писать къ вашему сіятельству изъ Киева; ибо 22 Апрѣля поутру сядемъ на суда и отправимся въ путь.

18 Апрѣля 1787.

(Киевъ).

6.

Начавъ писать къ вашему сіятельству, получилъ я пріятнѣйшее письмо ваше отъ 29 Апрѣля, изъ Казани отправленное и, принеся благодарность въ полной мѣрѣ признательности моей къ одолженіямъ вашимъ, имъю честь донести, что до 30 числа Апрѣля продолжалось плаваніе по Днѣпру до города Кременчуга, куда въ тотъ день прибыли по утру. По улицамъ стояло въ парадѣ 8 полковъ конныхъ, баталіонъ Екатеринославской гранодерской и четыре баталіона Бугского Егерского корпуса. 1-го Мая представлены были генералитетъ воинскій, чиновники намѣстничества, губернскій предводитель съ дворянствомъ, полковники и штабъ-офицеры всѣхъ полковъ въ лагерь находящихся; и во время обѣда игралъ оркестръ составленный изъ 186 пѣвцовъ и разныхъ музыкантовъ. 2-го Мая въ соборной церкви, въ присутствіи Ея Величества, посвященъ Нѣжинскій архимандритъ Дороѳей во епископы Феодосійскіе и Маріупольскіе, а въ вечеру представлялись дамы и былъ балъ. Съ 3-го до 7-го Мая, ѿхали на галерахъ къ Кайдакамъ; но въ оный день по утру возвратился изъ Херсона графъ Михайла Петровичъ Румянцовъ съ извѣстіемъ, что графъ Фалькенштейнъ, по краткомъ отдохновеніи въ городѣ Херсонѣ, принялъ намѣреніе ѿхать на встречу къ Ея Величеству и 6-го Мая въ Новые Кайдаки

прибыль. Вследствие сего Всемилостивейшая Государыня изволила переъехать на берегъ и, въ экипажахъ съ малою свитою отправясь въ путь, въ трехъ верстахъ была встрѣчена графомъ Фалькенштейномъ и съ нимъ въ одной каретѣ благоволила пріѣхать въ Кайдаки. 8 числа Мая туда же пришли всѣ галеры съ оставшою свитою. 9-го Мая Ея Величество съ графомъ Фалькенштейномъ и некоторыми особами изъ свиты изволила быть въ осьми верстахъ отъ Кайдакъ на мѣстѣ назначенному для губернскаго города Екатеринослава; тутъ слушали литургію въ полковой церкви, и для основанія града заложена соборная церковь Спаса Преображенія. Потомъ продолжалось путешествіе, и 12-го Мая прибыли послѣ обѣда въ Херсонъ, где восемь пѣхотныхъ полковъ стояло въ парадѣ. 13-го числа допущенъ на приватную аудіенцію присланный отъ Неаполитанскаго короля маркизъ де-Галло для поздравленія съ благополучнымъ прибытіемъ къ полуденнымъ границамъ, и были представлены баронъ Губертъ, императорскій интерниуній при Портѣ Оттоманской, графъ Мошинскій секретарь великаго княжества Литовскаго и графъ Людольфъ, сынъ Неаполитанскаго министра въ Цареградѣ. 14-го Мая Всемилостивейшая Государыня и графъ Фалькенштейнъ изволили обѣдать въ 15 верстахъ отъ Херсона, въ слободѣ Бѣлозеркѣ, принадлежащей графу Александру Андреевичу. Мая 15-го спущены два военные корабля названные «Іосифъ Второй», «Владимиръ» и фрегатъ «Александръ». Во взаимство присылки въ Херсонъ маркиза де-Галло назначенъ въ Неаполь Василій Ивановичъ Левашовъ.

О извѣстной работѣ долженъ сказать вашему сіятельству, что она непрестанно просматривается и по прибытії въ Петербургъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ можетъ быть кончена.

16-го Мая 1787.
Изъ Херсона.

7.

Прилагаю здѣсь для свѣдѣнія вашего сіятельства записку о пожалованныхъ въ Херсонѣ, предувѣдомляя, что высочайшее путешествіе продолжается благополучно: 17-го Маія выѣхали изъ Херсона, и въ тотъ же день отпущенъ графъ Иванъ Григорьевичъ*) въ чужіе краи безсрочно съ полнымъ жалованьемъ; онъ ѿдетъ прямо въ Вѣну съ большою дочерью своею и, кромъ продолжающейся болѣзни огорченъ несказанно смертью меньшей дочери, которая была любимою. 19-го числа перѣхали чрезъ Перекопъ и 20-го ночевали въ Бакчи-Сараѣ: 22-е и 23-е пробыли въ Севастополѣ, гдѣ Ея Величество и графъ Фалькенштейнъ изволили осматривать флотъ и пространную гавань; 24-го были въ прекрасной долинѣ Байдарской и обѣдали въ уроцищѣ Скели, принадлежащей его свѣтлости князю Потемкину; ночевали и сегодняшній день препроводили въ Бакчи-Сараѣ, а завтра будетъ ночлегъ въ Карасу-Базарѣ.

Изъ Бакчи-Сараѧ.

25 Маія 1787.

8.

Ея Величество, совершивъ въ вождѣленномъ здравіи путешествіе по всей Тавридѣ, 1-го Іюня изволила проститься съ графомъ Фалькенштейномъ, въ свой путь отправившимся. Вчера прибыли въ Кременчугъ и завтра будетъ продолжать путь чрезъ Полтаву въ Москву по прежде сдѣланному и напечатанному расписанію станцій, надѣясь поспѣть въ Москву 23-го или 24-го Іюня. Тутъ не премину я самолично препоручить себя покровительству вашего сіятельства.

5-го Іюня 1787.

Кременчугъ.

*) Чернышовъ.

9.

Обрадований почтенийши мъ письмомъ вашего сіятельства изъ Саратова отъ 20 Маія и жаждуцій увидѣть скорѣе въ Москвѣ для обстоятельствъ ко мнѣ относящихся, имѣю честь донести, что 16 Іюня пріѣхали ночевать въ Орелъ, а 23 ночуемъ въ Москвѣ. Ихъ высочества великие князья уже тамъ.

Губернія Саратовская и разборъ разныхъ жалобъ препоручены Василю Алексѣевичу Черткову, а Харьковская вошла въ управлениe князя Григорія Александровича, и велѣно Сенату, дабы заготовилъ къ высочайшему подписанію грамоту съ изъясненіемъ его трудовъ въ пріобрѣтеніи Тавриды, разныхъ заведеній по губерніямъ ему ввѣреннымъ, устроеніи войскъ и флота черноморскаго, съ прибавленіемъ ему именованія *Таврическаго*. Архіепископу Екатеринославскому и Херсониса Таврическаго повелѣно носить крестъ на черномъ клубкѣ.

Всемилостивѣйше пожалованы: въ Преображенскій полкъ въ подполковники князь Юрій Владимировичъ Долгоруковъ, а въ преміеръ-маіоры Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ; кавалерами Св. Владимира второй степени генералы-поручики Чорба и Норовъ, Харьковскій губернаторъ.

Вотъ важнейшія происшествія, а о прочихъ осмѣливаюсь сослаться на журналъ въ газетахъ напечатанный, ибо скорое от правлениe курьера не дозволяетъ больше писать.

16 Іюля 1787.

Орелъ.

10.

Изъ Саратовскаго письма вашего сіятельства отъ 2 Іюня видя продолженіе покровительствующаго мнѣ благопріятства вашего, поспѣшаю принять наиизящнѣйшее изъявленіе благодарности мною чувствуемой, и надѣюсь, что по случаю препорученія Саратовской губерніи съ разборомъ тамош-

нихъ замѣшательствъ Василію Алексѣевичу Черткову, вы изволите скоро пріѣхать въ Москву, гдѣ дворъ пробудеть не далѣе 4 или 5 числа Іюля. О семъ самомъ думаю я, что пишеть къ вамъ сегодня его сіятельство графъ Александръ Андреевичъ.

Завтра выѣзжаемъ изъ Тулы, чтобы съ 23-го на 24-е Іюня ночевать въ Коломенскомъ; малое время проводили въ Курскѣ и въ Орлѣ и кромѣ тамошнихъ губернаторовъ, коимъ пожалованъ орденъ Святаго Князя Владимира второй степени, даны кресты нижнихъ степеней прочимъ рекомендованнымъ, и ихъ имена напечатаны уже въ Московскихъ газетахъ.

Изъ Тулы.
21 Іюля 1787.

11.

Пріѣхавъ 24 Іюня на вечеръ въ Коломенское, пробыли тутъ до 27 числа; съ того же дня по 1 Іюля жили въ Москвѣ въ бывшемъ домѣ графа Захара Григорьевича на Тверской и, переехавъ въ Петровское, завтра поутру отправимся въ путь. Во время извѣстныхъ праздниковъ Ея Императорское Величество благоволила издать манифестъ съ разными облегченіями и милостями къ подданнымъ. Произвожденія по статской службѣ не было, но пожалованъ въ митрополиты архіепископъ Платонъ, и сыну графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменского данъ чинъ гвардіи капитана съ повелѣніемъ счислять его въ Преображенскомъ полку сверхъ комплекта до совершиеннаго возраста.

12.

Ея Императорское Величество, разсмотрѣвъ обстоятельства, по коимъ взыскана въ Архангелогородской таможнѣ не та пошлина съ Гишпанскихъ винъ купца Баллестера, какую положено брать съ тѣхъ винъ привозимыхъ на корабляхъ Гишпанскихъ или Россійскихъ, всемилостивѣйше повелѣть из-

волила, чтобъ, согласно съ мнѣніемъ вашего сіятельства, уступочныя деньги, двѣ тысячи шестьсотъ семьдесятъ восемь рублей шестьдесятъ двѣ копѣйки съ половиною да ефимочнаго серебра три пуда тридцать три фунта шесть золотниковъ съ четвертью, не выдавая обратно изъ казны, зачестъ въ пошлину при Архангелогородской таможнѣ во время будущей навигаціи, когда отъ Баллестера вышлются вновь его товары или Россійскіе продукты тамъ куплены будутъ.

Марта 6 дня.
1792 года.

Письмо графа П. А. Зубова къ графу С. Р. Воронцову
(о С. И. Великомъ).

Милостивый государь мой графъ Семенъ Романовичъ!

По особливому Ея Императорскаго Величества соизволенію, отправляющійся вмѣстѣ съ прочими морскими офицерами, флота капитанъ-лейтенантъ Семенъ Великой вручить вамъ сіе письмо мое, коимъ, во исполненіе воли Всемилостивѣйшей Государыни, препоручить его честь имѣю въ особливоѣ ваше благопризрѣніе и попеченіе. Онъ отъ семи лѣтъ, бывъ сиротою и въ бѣдности, взять и воспитанъ былъ въ комнатѣ у Государыни, обучаясь сперва въ училищѣ Измайловскаго полку, потомъ и въ Кадетскомъ Морскомъ Корпусѣ, откуда и поступилъ во флотъ; всю Шведскую войну служилъ съ похвалою, быть рекомендованъ и повышенъ не въ очередь. Начальникъ и наставникъ его, покойникъ Тревененъ, любилъ его безмѣрно и считалъ, что изъ него сдѣлается отличнаго офицера. Онъ былъ при немъ всю войну; наконецъ имѣлъ несчастіе потерять его при отшествії Шведскаго флота изъ Выборгскаго залива, гдѣ на одномъ съ нимъ корабль Тревененъ убить былъ, а капитанъ Гейкинъ потерялъ ногу. Сей молодой человѣкъ, преисполненный ревности и наилучшай воли, спѣшилъ поспользоваться симъ случаемъ, дабы пріобрѣсти болѣе и опытности, и знанія и дабы тѣмъ содѣлаться еще полезнѣе для своего Отечества. Я надѣюсь, что вы будетъ къ нему благосклонны и постараитесь доставить ему скорый случай быть употреблену по желанію его и тѣмъ

еще болѣе заслужить и содѣлаться достойнымъ монаршихъ милостей.

Во все время его пребыванія въ Англіи, по примѣру и прочихъ, на содержаніе его Государыня всемилостивѣйше жалуетъ ему по сту восьмидесяти фунтовъ стерлинговъ, съ тѣмъ чтобы присыпались векселя на имя Степана Федоровича Стрекалова, кои немедленно и выплачивать будуть. Чинъ его, надѣюсь, не сдѣлаетъ никакого затрудненія, поелику намѣренія его суть служить наравнѣ съ лейтенантами и старшинствомъ никакъ не считаться *).

Съ почтеніемъ навсегда пребывать честь имѣю вашего сиятельства покорный слуга графъ Платонъ Зубовъ.

17-го Октября.
(безъ года)

*) О Семенѣ Ивановичѣ Велікомъ см. въ Запискахъ Грече въ Р. Архивѣ 1871 и 1873 гг.

Письмо П. И. Измайлова къ графу С. Р. Воронцову *).

(1797).

Милостивый государь мой графъ Семенъ Романовичъ!

Съ отмѣннымъ сочувствіемъ сердца моего я читалъ ваше письмо къ Федору Васильевичу Растворчину, въ которомъ изволите упомянуть обо мнѣ и прежнюю нашу службу при его величествѣ, родителѣ нынѣ царствующаго Государя. Я никогда, ваше сіятельство, не сомнѣвался въ вашемъ ко мнѣ дружескомъ расположениіи и до нынѣ столь въ ономъ увѣренъ, что оное, какъ съ вашей, такъ и съ моей стороны нарушено не будетъ. Вы уже меня считали въ мертвыхъ, по такому долгому нашему разлученію. Нѣть, мой истинный пріятель, я воскресъ, и хочу вамъ всѣ обстоятельства моей жизни описать, зная, что оное примете съ пріятностію.

По разлученіи нашемъ послѣдняго разу изъ Москвы, гдѣ вамъ было угодно, чтобы я въ лагерь видѣлъ вашъ грехадерскій полкъ, который вами былъ приведенъ въ Москву въ совершенномъ обрядѣ военного искуснаго полковника, потомъ я и проживалъ въ Москвѣ 35 лѣтъ спокойнѣ въ своемъ хозяйствѣ съ дѣтьми; но какъ нынѣ Богу угодно было вступить на прародительскій престолъ Его Величеству Императору Павлу Петровичу и, сверхъ чаянія моего неожиданнаго, я получилъ прошедшаго году Ноября отъ 19-го числа отъ Его Величества письмо со вложеніемъ ордена Святыя Анны, въ которомъ изволилъ упомянуть о моей прежней службѣ и

*) Шефъ Ивановичъ Измайлова, жепатый на сестрѣ известнаго С. В. Салтыкова, былъ капитаномъ Преображенскаго полка во время воцаренія Екатерины II-й.

П. Б.

привязанности къ его родителю: то я, нимало мѣшкавъ, отправился въ Петербургъ, куда благополучно въ старости лѣтъ моихъ и пріѣхалъ, и на другой день на вахтѣ-парадѣ былъ Его Величеству представленъ и столь милостиво былъ принять, что пѣть словъ вамъ оное описать. Изволилъ сказать мнѣ: «Здѣсь тебѣ, Петръ Ивановичъ, холодно; поди вверхъ и у меня всегда будь и кушай». Когда Государь пришелъ вверхъ, милостиво и много со мною изволилъ говорить, и послѣ обѣда, подошедъ ко мнѣ, изволилъ сказать: «Наклонись!» и надѣлъ на меня Александровскую ленту, сказавъ: «эта у тебя была дорожная, а эта городская». И послѣ изволилъ братъ меня къ себѣ одинъ на одинъ и о многомъ бывшемъ времени меня спрашивалъ, гдѣ я всеконечно, по дружбѣ вашей ко мнѣ, не упустилъ случая вамъ всю справедливость достойную Его Величеству дождѣть, въ чёмъ вы всеконечно усомнитесь не можете. И такъ я до днесъ ношу милость Его Величества.

Я въ началѣ доложилъ Его Величеству: «Государь, вы меня воскресили; но я уже не въ состояніи всѣ оныя милости вамъ заслужить!»

— Ты, Петръ Ивановичъ, тому заслужилъ, кто мнѣ всего дороже.»

И какъ коронація назначена 5-го Апрѣля, то я возвращусь въ Москву. Къ сожалѣнію моему сердечному, что уже старикъ 72 лѣтъ, службы никакой принять не могу и достойному Государю услугу мою доказать.

Таперечка достальное положеніе дому моего хочу вашему сіятельству сообщить. Я имѣю двухъ дочерей: одна за князьемъ Мещерскимъ, котораго надѣюсь вы въ Лондонѣ знали; другой графъ Головкинъ, которой былъ посломъ въ Неаполь*). У обѣихъ только одна дочь. Вотъ все вашему сіятельству сообщилъ, а въ прочемъ пребуду вамъ съ истиннымъ и дружественнымъ моимъ почтеніемъ, какъ и есмь, на всегда вашего сіятельства, милостиваго моего государя покорный слуга

Петръ Измайлова.

*.) Графъ Федоръ Гавриловичъ.

Письмо Андрея Васильевича Гудовича.

Moscou, le 8 Mai 1797.

La lettre dont vous m'avez honoré du 10-me de Février m'a causé tant de joie et de plaisir, que je ne trouve pas les paroles pour vous en exprimer ma reconnaissance et les remerciements. Vous ne saurez croire, mon cher et adorable ami, quelle impression a faite sur un coeur sensible comme le mien, votre souvenir de votre ancien ami, par la raison qu'il y a un siècle que je ne sais rien de votre état et de votre santé. J'ai eu bien la raison de douter de votre chère amitié pour moi. Je vous félicite, mon cher ami, de toutes les grâces et justices que Sa Majesté notre Empereur vous a rendues; j'étais présent quand on les a prononcées du trône. Vous pouvez vous imaginer ce que j'ai senti dans ce moment.

A la fin, il faut que je vous parle, mon cher ami, de mon sort, et je vous prie d'y ajouter foi. On m'a honoré d'une lettre qui fera à jamais honneur à ma postérité, et on m'a envoyé le cordon de St. Alexandre avec la charge de général en chef en m'ordonnant de venir à Pétersbourg recevoir les dettes de son auguste père, notre cher et adorable de glorieuse mémoire le feu empereur, notre père et bienfaiteur Pierre Trois. A mon arrivée à Pétersbourg on m'a reçu on ne peut pas mieux. Mais tout de suite on m'a battu le froid comme a un homme exécrable, et je le dois aux gens envieux, qu'ils ont trouvé les moyens de me noircir dans les pensées du Maître, et comme je suis tout-à-fait innocent, je pars à

présent chez moi avec parfaite tranquillité d'âme, d'autant plus que j'ai beaucoup souffert pour le père et à présent je souffre innocemment de son fils. Je n'attribue cela qu'à la fatalité, à laquelle je crois, comme les anciens philosophes stoïciens ont cru.

Je vous souhaite, mon cher ami, avec vos chers enfants toute la prospérité imaginable et je vous prie de les embrasser de ma part, et de croire que je suis et serai toute ma vie votre très-humble et dévoué ami A. Houdowicz.

Письма графа Θ. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову *).

1.

Du 27 Juillet (1793).

A mon retour de Sarsko-Sélo, ayant trouvé que le courrier de m-r Witworth n'était pas parti encore, je vous écris encore. Nos affaires en Pologne sont terminées aussitôt que m-r de Sievers a adopté la méthode de Saldern et du prince Repnine. Cette nouvelle est arrivée le 23, et l'après-dîner l'Impératrice a décoré le comte Zoubow du cordon bleu et de son portrait. M-r de Marcow a eu l'ordre de St. Alexandre, et Sievers celui de St. André. Vous pensez bien comme cela a mis la cour en mouvement. Cependant m-r de Zoubow s'est comporté avec la plus grande modestie, et a reçu les compliments en homme qui avait mérité la récompense. On dit et on assure que c'est la tête la mieux organisée pour les affaires. Cela me paraît d'autant plus surprenant que le jeune homme avant sa faveur passait sa vie à lire des ouvrages dramatiques, et à moins que Molière ou Marivaux ne l'ait formé pour le gouvernement, je n'y conçois rien. Le comte de Bezborodko est attendu pour le **) d'Août. Je viens d'apprendre une circonstance assez particulière, et qui est ignorée, c'est qu'avant son départ pour Moscou, il

*) Вновь найденные письма эти служат дополнениемъ къ VIII-й книгѣ Архива Князя Воронцова. П. Б.

**) Число въ подлиннике не выставлено.

П. Б.

s'est plaint à l'Impératrice du traitement qu'elle lui faisait éprouver et de son éloignement des affaires, en disant que lui et le vice-chancelier n'étaient instruits que par la gazette de ce qui se passait en Europe, et qu'il la priaît, si ses services ne lui étaient plus agréables et qu'elle pouvait en trouver un autre, de lui permettre de se retirer. Il y avait dans cette lettre des choses très-fortes et vraies. Elle s'enferma dans son cabinet et lui écrivit une réponse avec des reproches à sa manière: comment il pouvait croire qu'elle se passerait de lui, qu'elle le garderait tant qu'elle viverait, qu'il l'accusait à tort etc. etc. Zoubow n'a aucune connaissance de cette lettre jusqu'à présent. Il faudra voir au retour du comte Bezborodko, si elle fera un effet conforme à ses désirs; mais je crois que, sans lui nuire ouvertement, ses antagonistes l'éloigneront le plus qu'il sera possible. D'ailleurs, les affaires les plus importantes sont entre leurs mains: le partage de la Pologne, la guerre de France. Le comte Bezborodko n'avait en dernier lieu que l'expédition de l'ambassade de Constantinople.

La cour doit partir aujourd'hui pour Péterhof, où elle restera deux ou trois jours. Ce voyage se fait uniquement pour faire voir l'endroit à la grande-ducasse Elisabeth. Sa soeur la princesse Frédérique va partir incessamment, accompagnée de m-r Strékalow. Je suis même fâché qu'on l'ait gardée si longtemps; c'est un songe dont le souvenir pourra influer sur le reste de ses jours. La jeune grande - duchesse a une conduite étonnante pour une personne de son âge; elle annonce du caractère. Elle est cependant un peu timide avec l'Impératrice. Le jeune grand-duc en est amoureux fou et joue le rôle d'un amant craintif. Le père fait des choses extraordinaires: il se perd et invente des moyens pour se faire détester. Il a fait dire au prince Bariatinsky, maréchal de la cour, qu'il devait se rappeler ce qu'il était, et comment il osait parler mal de ses enfants; il fit dire la même chose aux femmes de chambre de l'Impératrice, il menaça de coups de bâton le jardinier Bouch de Sarsko-Sélo pour avoir envoyé

des fruits à la grande-duchesse. La comtesse Shouvalow, étant venue un peu tard aux bains-mains, il lui fit dire qu'elle pouvait bien se gêner pour lui, puisque elle faisait tout ce que le prince Potemkine voulait qu'elle fit. Il m'en veut absolument, m'accable de caresses, d'attentions, me dit que je puis être avec lui comme je veux, et cela me gêne infiniment: car il n'y a rien que je craigne autant dans le monde, après le déshonneur, que sa faveur. Malgré tout ce que je fais pour m'éloigner de lui, il m'a fait venir l'autre jour dans son petit jardin et là, après m'avoir parlé de l'opinion qu'il a de moi, et de l'envie de m'honorer de son intimité, il me demanda: comment je voulais qu'il me traitât? Je lui répondis que j'ai toujours ambitionné à donner par ma conduite une bonne idée de moi à son altesse impériale et puisque j'y étais parvenu, que je tâcherais de la conserver et que je n'avais plus rien à désirer.—Ce Narichkine est un homme comme il n'en trouvera jamais: outre les peines qu'il se donne, il fait tout cela pour complaire au grand-duc. Dernièrement il lui a arrangé une fête superbe pour la fête de la grande-duchesse. Cette femme mériterait des autels; c'est la vertu même.

Je n'ai aucune réponse au sujet de moi, mais depuis il m'est arrivé une chose surprenante et qui me fâche beaucoup; j'y trouve même quelque chose de très-humiliant. J'ai joué entre amis cet hiver des proverbes, et on dit que j'avais réussi. On a voulu un soir à Sarsko-Sélo improviser quelque chose pour amuser l'Impératrice. Cela n'allait pas; je me mis de côté, et je refusai de jouer à m-r de Zoubow, mais l'Impératrice m'ayant appelé, me pria avec bonté de lui faire voir quelques personnages. Il n'y avait plus moyen de se dédire; je jouai, cela lui plut, elle me pria de rejouer. Après je composai un proverbe, qui eut un grand succès. Elle parla beaucoup de moi, me parle toujours, et voilà une espèce de considération, à laquelle je suis parvenu par le métier de comédien. Je jette moi-même du blâme sur cela, et je crains que vous ne désapprouviez ce que je fais. Je vous

supplie de me dire ce que vous en pensez. Коchubей est encore à Vienne; il a encore sa goutte; il m'a écrit dernièrement. Adieu, monsieur le comte! Je crains que vous ne trouviez dans ma conduite quelque chose qui vous déplaît; je m'occupe continuellement à me rendre digne de votre confiance. Je vous dis tout, et vous êtes tout pour moi.

2.

Du 2 (13) Septembre (1793) St.-Pétersbourg.

J'arrive dans ce moment de la cour, et je n'ai que le tems de vous écrire ces mots, étant obligé de partir pour Pawlovsk où le grand-duc retourne. On a donné une branche d'olivier en diamants et des terres au comte Bezborodko. Samoilow a eu une épée et le grade de conseiller privé actuel; il sera aussi comte, de même que m-r Zavadovsky, très-affligé de la mort de son fils unique. Passek, le comte Osterman de Moscou, Izmaïlow, le grand-veneur Galitzine, Goudovitch—des cordons bleus; le prince Bariatinsky, Nesvitsky, Tschertkow, Oboukhov—des cordons de St.-Alexandre, de même que le comte Valérien Zoubow. L'aîné a eu 15.000 paysans; Marcow l'aîné 3.000, le cadet 1.200; le prince Repnine—un crochet en diamans et 60.000 roubles. Le maréchal Roumianzow une épée, Souvorow un remerciment de Sénat et une croix de St. George de la 3-me et une de Vladimir à sa disposition. En tout 111 croix de Vladimir des 4 classes, dont 37 de la seconde. Je devais avoir de la 3-me, mais quelques gueux ont empêché, et je m'en console, fâché seulement que le comte Bezborodko n'a pas été assez ménagé dans les récompenses données d'après ses recommandations. Les Saltikow, Дарья Петровна, et Наталия Владимировна — dames à portraits. La petite Branitska, la fille de la Pototska, et celle du prince George Dolgorouky—demoiselles d'honneur. Le père a eu le grand cordon de St.-Volodimir.

Voilà tout ce que j'ai le tems de vous dire, et de vous assurer que votre estime vaut mieux que tous les cordons.

3.

Du 13 (24) Octobre, St.-Pétersbourg (1793).

Je vous écris à la hâte avec Montmart dont j'apprends le départ dans le moment. Rien de nouveau, sinon que l'ambassadeur turc a eu son audience aujourd'hui. Les présents de la Porte sont mesquins. Veuillez Dieu que la paix dure. Au lieu des recrues on va prendre 400 r. par 500 âmes qui paient la capitulation, ce qui fera à 80 cop. par tête: c'est un impôt de 7.680.000 r. M-r Zinoview part la semaine prochaine pour l'Espagne; il a eu 2.000 écus d'augmentation et de l'argent pour le voyage. C'est un excellent homme, qui a conservé la vivacité de la jeunesse, et est particulièrement attaché à m-r votre frère. Prenez part à mon bonheur: m-lle Protassow consent à me donner sa nièce; j'ai le consentement de l'Impératrice. Cette personne mérite que vous lui accordez une partie des bontés que vous avez pour moi. Elle vous regarde comme bienfaiteur de l'homme qu'elle a tourmenté pendant 18 mois, sans lui faire voir qu'elle l'aimait. Adieu, m-r le comte; que tous vos jours soient aussi heureux que celui d'hier a été pour moi: c'est le voeu que je fais.

4.

Du 9 (20) Mars (1794). S.-Pétersbourg.

...Il me semble que la guerre est inévitable pour la Russie, puisque l'Impératrice la veut, malgré les réponses modérées et pacifiques de la Porte. Elle persiste dans l'intention de parvenir à son but et de remplir les gazettes du bombardement de Constantinople. Elle dit, à sa table, qu'elle perdra un jour patience et fera voir aux Turcs qu'il est aussi aisément d'aller à leur capitale que de faire le voyage de la Crimée. Elle accuse même quelquefois le prince Potemkine de n'avoir pas exécuté son projet et d'avoir manqué de bonne volonté,

car il ne fallait que cela. Voilà ses expressions. D'un autre côté, elle désire encore assurer la Valachie et la Moldavie au grand-duc Constantin et le faire régner là. Mais ce qui rend la guerre encore plus probable, c'est le désir qu'a le comte Zoubow de commander l'armée et d'avoir un prétexte de devenir maréchal, grand' homme de guerre, etc. Il compte probablement sur m-r Marcow pour oser entreprendre une tâche qui lui fera faire une absence, véritable casse-cou pour les gens en faveur... Il paraît qu'il a en vue de suivre la méthode du prince Potemkine.

Il n'y a plus de numéraire: le rouble en argent blanc vaut 150 cop. en papier. M-r de Samoïlow, soufflé je ne sais par qui, avait proposé de faire battre une nouvelle monnaie réduite à sa valeur d'à présent. Ce projet a été sur le point d'être adopté, par les avantages qu'on y trouvait en empêchant l'exportation hors du pays; mais ils ne faisaient pas attention que le papier ne diminuerait pas de prix, et qu'on ne le pourrait jamais faire aller de pair avec la nouvelle monnaie dont la prétendue valeur ne serait qu'une attrape.

On fait de grands rassemblemens du côté des frontières. Les généraux et les officiers ont reçu les ordres les plus sévères pour aller rejoindre leurs corps; malgré cela tout le monde reste: tant l'habitude de désobéir est devenue naturelle. La flotte de la Mer Noire est très-formidable. Elle est commandée par un brave et galant homme, m-r Mordvinow; la flottille par m-r Ribas, aussi gueux que l'autre est honnête. Ils sont tous les deux parfaitement bien avec m-r de Zoubow. Le c-te Solticow va remplacer en Pologne le p-ce George Dolgorouky, qui, après avoir eu le cordon de St. Volodimir, le chiffre pour sa fille, qui par ce moyen a été reconnue, et avoir vu qu'il n'y a plus moyen, pour quelqu'un qui aime l'ordre, de rester au service, se retire à Moscou pour cause de maladie.

D'après tout ce que j'ai entendu dire à des gens dignes de foi, la partie de la Pologne qui nous est échue en partage est devenue un repaire de voleurs. Les soldats, n'ayant pas

touché les appointemens depuis 8 mois et manquant de tout, n'obéissent à personne et volent sans craindre la punition.

Vous avez désiré de savoir qui sera à la place du c-te Scavronsky; je crois que vous êtes déjà instruit de la nomination des nouveaux ministres. Le c-te Panine, jeune homme d'un grand mérite et d'une conduite extraordinaire pour son âge (car il n'a que 24 ans) devait aller à Naples; l'oukase était déjà signé, mais Nesselrode ayant demandé son congé, on fit une nouvelle répartition. Kolytchew, de la Haye, est allé à Berlin; Panine a été nommé à sa place; le c-te Stackelberg a été nommé pour aller à Turin, et le pauvre Béloselsky perdit sa place sans s'en douter le moins et au moment où il voulait y retourner. Ce c-te Stackelberg est fait pour la carrière qu'il a choisie; il a beaucoup d'esprit, de pénétration, insinuant, poli avec tout le monde, un peu même jésuite; il paraît relever par sa conduite les ridicules de monsieur son père, qui se croit être un séducteur à 25 ans, aimable, assommant, ambitieux et rampant, justifiant ses démarches par le désir de contribuer et d'assurer le sort de ses enfans; amoureux de la cour, où il est à charge, surtout depuis un accès d'épilepsie qu'il a eue et qu'il qualifie de faiblesse. Golovkine va à Naples. On aurait pu être content de se débarrasser d'un gueux, s'il n'en restait des douzaines pour lui succéder. Cet homme a toutes les qualités nécessaires pour figurer à la cour et tromper le public. Je suis sûr qu'il aurait également brillé à la cour de Louis XV et parmi les jacobins. Je suis bien fâché de la mort de m-r de Zinoview. C'était un si bon vieillard! Son départ retardé et tout ce qu'il voyait ont précipité sa fin. On en avait fait une espèce de plastron pendant le séjour de Sarsko-Sélo; son enthousiasme pour l'Espagne et sa vivacité donnaient lieu à des plaisanteries, qui n'ont pas de bornes à la cour. On lui avait accordé une pension de 2000 r. en augmentation de ses appointemens, et il était très-content. Je ne sais pourquoi, mais il avait beaucoup d'amitié pour moi, et quand il me parlait de son départ, il ne manquait jamais d'ajouter que son coeur

saignait en songeant à tout ce qu'il avait vu ici. Sa place n'est encore donnée à personne; on croit que m-r Krudener l'aura et qu'il sera remplacé à Copenhague par m-r le baron Stackelberg, que l'on vient de faire gentilhomme de la chambre, qu'on dit avoir beaucoup de mérite, et qui a été long-tems employé dans les missions étrangères.

Le crédit de m-r Marcow va toujours en augmentant. Il est l'âme des affaires; c'est lui qui projette et fait tout. Le favori passe pour un grand travailleur dans le monde, car en refusant sa porte, on dit qu'il écrit et doit être ces jours prince du S-t Empire, et m-r Marcow—comte. Je trouve que ce dernier fait très-bien de rappeler de tems en tems qu'il lui faut encore quelque chose, et c'est toujours avec le c-te Zoubow qu'ils récompensent et qu'ils partagent les faveurs de la cour. Le c-te Bezborodko est allé encore à Moscou; la maison qu'il y fait bâtir est le prétexte de ses courses. Il n'a absolument rien à faire et en parle lui-même, les affaires étrangères étant entre les mains de m-r Marcow, et celles de l'intérieur entre les mains de m-r Троицкой, secrétaire de l'Impératrice et grand travailleur.

Il paraît que les affaires de France ont déjà ennuyé l'Impératrice; car on ne parle plus des événemens de ce pays et on ne s'en occupe que par bienséance. Il nous arrive cependant beaucoup de Français: hommes, femmes, enfans, tout passe à la douane. Je trouve que la révolution a fait un grand tort aux souverains et aux mille et une nuits, contes arabes: car c'est incroyable à quel point les esprits sont dépravés et montés partout. Les histoires des émigrés surpassent les contes de fées. M-r d'Esterhazy paraît être un peu hors de mode; Marcow le connaît trop bien pour ne pas faire revenir sur son compte m-r Zoubow. Il ne vous aime pas; il trouve que vous avez montré trop peu d'intérêt au sort malheureux des princes et nobles, errant en Juifs. Mais sa haine pour vous n'a donné lieu qu'à des exclamations de sa part; et, accoutumé de voir les choses justes, vous vous êtes trop accoutumé à dire la vérité pour la taire dans une circon-

stance où une fausse compassion et l'envie de faire violence aux opinions a entraîné généralement tout le monde, et a fait employer des moyens qui ont réuni toute une nation pour la défense commune. On croit que tout cela finira plus tôt qu'on ne le croit, et le roi de Prusse paraît être le premier à donner l'exemple pour ramener la paix. On est très-content du c-te Serge en Suède, et le régent a déjà écrit plusieurs fois pour remercier du choix que l'on avait fait. Cela me fait un grand plaisir, car je craignais qu'il ne recommençât ses farces de Berlin.

La cour n'ira que tard à Sarsko-Sélo : l'Impératrice se trouve si bien au nouveau palais de la Tauride qu'elle y restera tout le mois de Mai. Le principal agrément est d'être de plein-pied dans le jardin et de ne voir que peu de monde. Le grand-duc est à Гачина depuis une semaine. Dans ma première lettre je vous donnerai des détails sur sa cour et sur celle de ses enfans. Le grand-duc Alexandre est rempli d'admiration pour vous et me charge de vous remercier pour l'opinion que vous avez de lui.

Je suis heureux et trop amoureux de ma femme pour vous en parler. Elle est assez grande, bien faite, se tient assez bien; elle a de beaux yeux. Voilà ce que je peux vous dire; le reste paraîtrait venir d'un amant, et j'attendrai encore quelques mois pour vous en parler. Je vis avec quelques personnes que j'ai eu l'occasion de connaître avant, et comme ma femme pense comme moi et qu'elle a été trop longtems à la cour pour ne pas être dégoûtée de la grande société, nous n'y sommes qu'autant qu'il faut pour ne pas passer pour singuliers.

5.

Du 11 Février 1797. St.-Pétersbourg.

J'ai reçu trois lettres de vous; la dernière a été remise par Rogerson, qui m'a dit l'avoir eue par un négociant anglais. Je ne vous ai pas écrit jusqu'à présent, non pas faute de tems

(car je ne crois pas qu'il soit impossible d'en trouver pour remplir un devoir sacré), mais je vous ai dit et je vous répète encore que je n'aime pas à vous écrire par la poste. Voici une assez bonne occasion, et je vous recommande le porteur qui est frère d'une très-bonne personne. Elle m'a prié de le recommander à vos bontés; son âge, l'envie qu'il témoigne de s'instruire, et surtout sa bonne conduite vous intéresseront en sa faveur. Vous m'avez parlé d'échantillons de drap pour l'uniforme que vous devez porter; j'ai préféré de vous envoyer un vieux des miens, pour que vous n'ayez d'autre peine que celle de le faire voir au tailleur. La seule différence à observer, c'est que le collet doit être de drap rouge au lieu d'être de velours; c'est ce qui distingue l'uniforme général de l'armée d'avec celui des gardes Préobragensky que l'Empereur porte et que nous portons aussi: la veste et la culotte blanche avec des boutons dorés, comme ceux de l'uniforme; le chapeau de général avec le galon dont je vous envoie l'échantillon; une cocarde comme celle qui est jointe, et un plumet blanc; la boutonnière en or, la dragonnade est aussi dans le paquet.

Je vais répondre à présent à quelques questions de votre lettre. M-r Волковъ, dont le sort vous intéresse si fort, est mort depuis nombre d'années; m-r Izmaïlow est très-distingué par l'Empereur. Il m'a dit vous avoir écrit, et je lui ai fait voir votre lettre. M-r Goudovitch part pour être à la tête d'une députation ukraïnienne au couronnement. C'est un homme de tête, mais il ne va pas trop droit, et c'est un moyen que Sa Majesté l'Empereur a en horreur; d'après cela vous jugerez que sa conduite ne lui a guère plu. Le comte Nicolas Roumianzow est fait grand-maître de la cour; il est revenu de Kiow, où il a été assister à la cérémonie de l'enterrement de son père. L'Empereur, pour honorer la mémoire de ce grand homme, avait ordonné un deuil militaire de 3 jours. Le comte Souvorow a eu son congé, et on ne saurait assez admirer l'indulgence de l'Empereur pour toutes les

sottises, bravades et indignités que cet homme a faites après l'avénement au trône.

Vous entendrez parler de quelques troubles dans l'intérieur. Voici ce que c'est. On a fait prêter serment à nos paysans, ce qui ne s'est pas fait auparavant, et cette bêtise de quelques gouverneurs a donné lieu à des conclusions qui ont porté les paysans dans plusieurs endroits à croire qu'ils allaient devenir des paysans de la couronne. Ils ont envoyé des députés d'entre eux, des lettres à l'Empereur, et se sont refusés dans quelques endroits de l'empire à obéir à leurs seigneurs. On a envoyé quelques troupes et un manifeste, par lequel Sa Majesté Impériale déclare qu'il veut que chacun reste dans les devoirs de son état, et que ceux qui en sortiront, seront punis comme perturbateurs. Dieu veuille que l'Empereur soit toujours content et tranquille. Cinq années de paix mettront un frein à toutes les puissances de nous faire la guerre, et l'empire de Russie, gouverné par Paul, donnerait, du sein de l'abondance, la loi à tout l'univers.

Le prince Zoubow a eu la permission d'aller pour deux ans dans les pays étrangers, et son frère Valérien a demandé de revenir de la Perse, vu le mauvais état de sa santé, ce que Sa Majesté Impériale a accordé tout de suite. Il s'est marié avec une certaine c-tesse Protopotoska, femme vraiment polonaise, et qui l'a suivi partout. Korsakow revient ici par l'ordre de l'Empereur, pour servir dans les gardes. On part d'ici le 1 de Mars. On restera jusqu'au 10 et on ira à Moscou. L'Empereur attendra à un palais nommé Pétrovskoy que toute la famille soit réunie, et il fera à la tête des gardes son entrée le 25 de Mars. Il logera dans la maison du comte Bezborodko. Le couronnement sera le jour de Pâques, et le 2 de Mai Sa Majesté Impériale partira avec les deux grands-ducs à Cazan, puis par Morsha, Résan, Toula, Kalouga et Smolensk. Il compte être de retour ici vers le 15 de Juin. L'Empereur a eu la bonté de me nommer de tous les voyages. Je ne fais plus le service d'aide-de-camp général, mais je suis chargé de toute la partie militaire. J'expédie les ordres

de l'Empereur, ses lettres et je reçois tous les rapports. J'ai beaucoup à faire, mais je prie Dieu qu'il me donne seulement de la santé, pour remplir ma place au contentement de mon Maître. Je me couche à 10 heures et me lève à 6; la journée est prise; je dîne avec ma femme et je recommence l'après-dîner mon travail. Ma femme reste ici pour beaucoup de raisons: elle aurait fait le voyage pour aller et pour revenir seule; à Moscou je l'aurais vue encore moins qu'ici, et au bout d'un mois j'en serais parti. Elle inoculera le petit au printemps et s'occupera à arranger la maison. Je suis fou de ma femme, je ne sais quel sentiment m'attache davantage à elle, du respect ou de l'amour. Mon petit a 2 ans et 3 mois; il est grand, fort et fort drôle. Il bavarde un peu du russe et de l'anglais. Je finis, car on vient me dire que l'Empereur revient. Adieu, permettez que je me persuade encore plus qu'auparavant que je vous dois tout, et qu'après le bonheur d'être marié avec ma femme, le plus grand est celui de vous avoir pour mon bienfaiteur.

6.

Du 20 Mai, Moscou (1797).

J'ai reçu votre lettre par le courrier de Witworth; plusieurs fois depuis j'ai eu la plume en main pour vous écrire, mais je n'ai pu rien dire. Je suis accablé de chagrin. Je pars demain, je m'éloigne encore plus de ma femme et de mon fils, à qui on a inoculé la petite vérole. J'ai été malade quatre fois ici dans le court espace de tems que l'on y est resté, et puis je souffre tant à voir des horreurs, à ne voir que des gueux qui s'apprêtent à piller, des associations, des conventions, enfin, hommes, femmes, tout est guidé par l'intérêt, et nous sommes deux dans le monde qui servons l'Empereur uniquement dans l'intention de lui prouver notre reconnaissance. Vous pouvez juger comment nous sommes vus, et je ne conçois pas d'où vient que l'on ne nous chasse pas

jusqu'à présent. Ils peuvent indisposer l'Empereur contre moi, mais jamais je ne serai méprisable à ses yeux, et la campagne est peut-être le bonheur qui m'y attend, et que l'on trouve si difficilement sans qu'il soit empoisonné. On part demain. On va à Smolensk, à Minsk, à Wilno, Grodno, et on revient par Riga à Pétersbourg, où on sera le 29 de ce mois. Les deux grands-ducx, le prince Bezborodko et quelques autres personnes, dont je suis du nombre, seront du voyage. Adieu, monsieur. J'espère que vous êtes persuadé de ces deux vérités, que les souverains sont bien malheureux, et le peu d'honnêtes gens qui les servent trouvent leur tombeau à la cour, s'ils sont obligés d'y rester.

7.

Du 2 Mai, St.-Pétersbourg (1798).

Rogerson vous dira peut-être plus qu'il ne faudra. J'ai reçu votre lettre. Vous me prescrivez un devoir qui m'honore, et qui m'est sacré. Puissé-je avoir le bonheur de vivre et de m'acquitter envers votre fils de tout ce que je vous dois; mais je vous conjure, par l'honneur et par votre fils même, retirez-le du militaire. Vous le garderiez auprès de vous. Je pars vers la mi-Juin; je ne peux faire aucun projet pour l'avenir: tout est si incertain. Je voudrais aller vous voir, mais dans ce moment on me refuserait. Je dois être heureux; pénétré de la justice divine, je ne peux m'attendre à aucune punition; mon bonheur est chez moi et dans votre estime. Les hommes me jugeront comme ils voudront. Adieu, adieu. Dites-moi une ou deux fois par an que vous et vos enfants vous portez bien. Envoyez vos lettres à Кочубей. Je lui remettrai la vôtre.

8.

Du 28 Juin 1798, St.-Pétersbourg.

Demain je pars pour ma terre, qui m'a vu croître, la quitter pour chercher des aventures, et qui me verra retour-

ner dans son sein. J'éprouve déjà d'avance un sentiment délicieux d'y être, et de dire dans quelques années aux vieux chênes:

Beaux arbres qui m'avez vu naître,
Bientôt vous me verrez mourir.

Je serais déjà parti depuis un mois, mais la santé de ma femme et la dentition de la petite m'ont obligé de rester jusqu'à présent. Je suis muni de tout ce qui peut faire oublier l'existence de l'ennui. Je vous prierai la grâce, une couple de fois par an, de me dire s'il ne vous est rien arrivé de désagréable, et comment va votre santé et celle de vos enfants. Kotchoubey me fera parvenir vos lettres. Adieu!

9.

Du 20 Septembre 1798 (St.-Pétersbourg).

Vous serez bien surpris de me savoir ici. A peine arrivé à mes terres, le 4-me jour j'ai reçu une lettre de l'Empereur par laquelle il me témoignait le désir de m'avoir auprès de lui. Je revins seul; ma femme est venue me joindre avec les enfants, et heureusement en bonne santé. Je suis fait lieutenant-général et chef du département militaire, ou plutôt ministre militaire de l'Empereur. J'ai adopté l'ancien régime de vie; je ne me porte cependant aucunement bien, je prends les choses moins à coeur, partie parce qu'il n'y a pas de remède, et en partie pour ne pas crever de chagrin.

Je suis presque sûr que vous n'accepterez pas ce que l'on vous offre. Le prince Bezborodko est très-décidé à quitter; il commencera par demander la permission d'aller aux eaux. Vous savez si quelqu'un est en état de le remplacer. Comme j'ai été heureux de l'avancement de monsieur votre fils! Je lui envoie la clef de chambellan. On va rentrer bientôt à Pétersbourg: le tems est horrible, il pleut depuis un mois. Le prince Kourakine, l'ex-procureur-général, a eu aujourd'hui son congé. La fameuse banque proposée par Wout, soutenue

par Kourakine et protégée par l'Impératrice, a subi une grande réforme, très-utile. Par la première occasion je vous détaillerai plus au long ce qui se passe. Le comte Serge Roumianzow a été avancé et mis hors du Collège des affaires étrangères, ce qui lui fait de la peine, mais le prince Bezborodko l'a voulu. Il protège extrêmement les Kourakine, dont l'un est une bête à manger du foin, et l'autre un gueux à pendre. Adieu, monsieur le comte, je n'ose pas me flatter de vous voir bientôt ici. Il faudrait vous résoudre à beaucoup de sacrifices, et vous savez apprécier le bonheur.

10.

Du 26 Octobre 1798. S.-Pétersbourg.

Je n'ai jamais pu jusqu'à présent vous le dire comme j'aurais voulu vous parler tous les jours à coeur ouvert. On m'a pris au dépourvu avec une estaffette expédiée de Gatchina, et je n'ai eu que le tems de vous faire part de ma joie causée par l'avancement de monsieur votre fils. J'ai reçu depuis deux de vos lettres: l'une adressée à l'habitant paisible des champs, l'autre au citadin-courtisan. C'est monsieur Nazarewsky qui m'a remis cette dernière. Il m'a paru être mieux, et je prendrai sur moi d'arranger tout ce qui le regarde personnellement. Ne vous inquiétez pas de lui. Il ne manquera de rien, car il vous appartient. Il m'est arrivé une chose qui, une semaine auparavant, ne serait jamais entrée dans ma tête: l'Empereur, ayant trouvé que le Peter Obreskow était un gueux, comme tant d'autres, l'a éloigné de sa personne avec une bonté sans exemple; car on l'a fait sénateur avec 20.000 roubles de gratification. Je fus chargé du porte-feuille des affaires étrangères. Votre lettre arriva, prouve à l'Empereur que votre retour ici n'aurait pas lieu, et m'ôta l'espoir de vous revoir plus tôt que je ne le pourrai. Deux jours après (cela fut avant-hier) m-r Kotchoubey a été fait vice-chancelier et moi troisième ministre, président au Collège

des affaires étrangères, comme était Bakounine et après Mar-kow, tous les deux avec le grade de conseillers privés actuels. Je reste auprès de Sa Majesté l'Empereur à remplir les mêmes fonctions. Voici des grâces dont je ne puis me sentir d'être digne. Mais ce qui me flatte le plus, c'est que je ne les dois qu'à l'intérêt que ma conduite a inspiré à notre Maître, conduite fondée sur la droiture et l'aversion pour la basseesse et l'intrigue, que je crains et déteste dans ce monde plus que les méchants craignent l'enfer dans l'autre. J'espère que les ministres seront dans quelques tems contents de ces nominations, car l'ordre et la diligence présideront avec nous. Je n'ai pas besoin de vous dire combien le prince Bezborodko est enchanté de cette distinction accordée à son neveu. Je vais me tenir plus que jamais à la manière de vivre que je suis obligé d'adopter par mes occupations, c'est de se coucher à 9 heures, de se lever à 5. Ma place auprès de l'Empereur me mettra dans le cas de ne voir personne des étrangers, de quoi je suis charmé. Moins de paroles, moins de sottises, et puis faut-il encore que je reste avec ma femme et mes petits, et que je puisse sentir du moins quelques heures dans la journée que je suis l'homme le plus heureux du monde. Ma femme depuis 15 jours jouit de la meilleure santé du monde, et mes enfants aussi. Les 2.400 verstes qu'il ont faites n'ont rien dérangé de leur santé. Vous rirez quand vous saurez que ma petite Natacha, qui n'a pas un an, sourit toutes les fois à votre portrait, ce qu'elle ne fait pas ni au mien, ni à celui de sa mère. Elle est son portrait; Dieu veuille qu'elle ait aussi sa tête et son coeur. J'ai pensé faire une grande maladie; heureusement une diarrhée survenue avec le refroidissement l'a coupé dans sa racine. Mais je fus au lit dix jours. Voici une incluse de la part de m-r Kouchclew, qui vient de me l'envoyer. Ce brave homme vient d'être fait vice-président du Collège de l'amirauté, et Koutouzow en fonction de président. Dites bien des choses au respectable Rogerson, renvoyez les lui au défaut de Rhül. J'aime à voir des étrangers gard'honneur. Il se pavane de ses victoires

navales, et nous nous réjouissons avec Golovine de le savoir absent pour le tems de l'arrivée de ces nouvelles ici: cela nous aurait valu quelques coups de poing, et les victoires du lord du Nil se seraient fait sentir à nos côtes. Vous savez que la comtesse Scavronsky fait la folie d'épouser le bailli comte de Litta. Elle est amoureuse de lui, et se croit très-heureuse de devenir sa femme. Adieu! Félicitez-moi, conseillez-moi, grondez-moi, faites-moi battre par commission,— mais aimez votre dévoué pour la vie Rostoptchine.

J'embrasse m-r Smirnow, et si l'on pouvait vous charger de féliciter m-r Lizakéwitsh sur le service qu'il vous a rendu et dont vous parlez dans votre lettre, je vous en aurais prié.

11.

Du 2 Novembre 1798. St.-Pétersbourg.

Il y a une semaine que je vous ai annoncé par la poste un changement arrivé dans ma situation. Je suis fait conseiller privé actuel, troisième ministre au département des affaires étrangères, et chargé du portefeuille diplomatique auprès de l'Empereur. Kotchoubey a été fait aussi conseiller privé actuel et vice-chancelier. Il n'y a qu'une semaine que tout ceci est arrivé, et j'aurais donné bien cher pour que cela n'eût pas lieu. Malheur, et mille fois malheur, à l'homme d'honneur qui se trouve en possession de la confiance et de la faveur de son Maître: outre la masse des envieux, il se trouve méconnu par les gens les plus intimes, et responsable de toutes les actions du Souverain. Je vous dis ceci, car j'ai déjà trouvé que ni le prince Bezborodko, ni Kotchoubey, ne me connaissent pas. L'Empereur a renvoyé ce gueux d'Obreskow, l'ennemi juré de Kotchoubey, parce qu'il voyait en lui un rival pour la place, à laquelle l'autre n'avait jamais pensé. Il a fait des chicanes, des avanies même, au prince Bezborodko, qui, ayant pour principe de ménager tout ce qui jouit de la faveur de la cour, finit par devenir son secrétaire. L'Empe-

reur, après avoir éloigné Obreskow, à la sollicitation du prince Bezborodko le fit sénateur, et lui donna 20.000 roubles de gratification. Je succédaï à sa place et fus avancé une semaine après. La première chose que je changeai (toujours du consentement du prince Bezborodko, et conformément à sa propre intention), fut le maître de poste d'ici, un certain Hann, vieux imbécille, dont le fils, créature d'Obreskow, était à ses ordres. L'Empereur voulut absolument avoir ici m-r Pestel, directeur de la poste à Moscou, et à sa place le prince proposa m-r Bekléchow, commandant de Cronstadt, ce qui fut accordé tout de suite. Le prince garda l'oukaze pour sa nomination pendant quatre jours. Pestel arriva ici et demanda d'avoir pour successeur à Moscou son frère cadet, à quoi l'Empercur consentit, ordonnant que m-r Bekléchow fût placé ici dans la direction des postes, et il m'ordonna de lui apporter l'oukaze. Voilà donc mon tort. Il consiste dans l'obéissance. Le prince se fâcha, et dans les discours de Kotchoubey je démêlai facilement que je suis regardé comme un homme qui veut s'emparer des affaires. Le prince a dit même que du tems d'Obreskow jamais une pareille chose ne lui serait arrivée. Me voilà donc bien avancé pour avoir travaillé pendant deux ans, avant l'avénement au trône, de l'Empereur, de le rapprocher de lui. Je saisis depuis tous les moments où on pouvait lui procurer quelque agrément, et en dernier lieu je refusai la place de vice-chancelier, pour ne pas lui faire de la peine et prier pour Kotchoubey. Je le dis à vous, car son ingratitudo m'a arraché des larmes, et il est juste que vous le sachiez. Dieu m'est témoin, et je vous le dis à vous, que je n'attache aucun prix à toutes ces distinctions: car tout ce que j'ai c'est par la faveur de mon Maître, et j'aurais désiré pouvoir dire hautement par quoi j'ai mérité chacune des grâces que l'on m'a accordées. L'Empereur n'aime pas trop Kotchoubey. Il lui trouve une roideur dans sa manière de penser et une morgue. Il faut du tems pour qu'il revienne. Il faut tâcher de le faire revenir. Kotchoubey ne fait rien de cela. Que puis-je faire dant tout ceci? Mais

pour quoi mettre des façons, des lieux communs, où il ne faut que de la sincérité et de la loyauté? Enfin, monsieur le comte, depuis bien longtems je n'ai été affligé comme cela, ni traité plus cruellement. Je n'ai rien dit au prince. J'ai parlé à Kotchoubey, et j'ai cru avoir trouvé de la fierté à la place de sentiment. Mais je souffrirai, car je crois être encore en reste vis-à-vis de l'oncle, et le neveu vous appartient. Vous savez toute ma conduite. Je déteste l'intrigue. Mon caractère et ma physionomie sont des obstacles insurmontables en cas même que j'eusse envie de m'y employer. Je n'ai rien demandé à personne, et je ne demanderai jamais rien. Je me suis attaché à l'Empereur, quand il était grand-duc, parce que tout le monde le fuyait et que sa faveur était une tache, tandis que le mépris qu'il témoignait à quelques personnes, leur servait de recommandation. Monté sur le trône, il me combla de bienfaits. Voilà le grand lien; je lui suis fidèle, parce que j'ai juré de l'être. J'ai été droit, j'ai été honnête. Cela m'a valu des persécutions; j'ai pensé haut, on me fit chasser. Me voilà revenu, je n'ai apporté ni nourri dans moi un sentiment de vengeance; mais je ne puis qu'être indigné de voir qu'après avoir répandu des millions de bienfaits l'Empereur n'a pas de serviteurs fidèles. On le déteste, jusqu'à ses propres enfants; car le grand-duc Alexandre déteste son père, le grand-duc Constantin le craint. Les filles, conduites comme le reste par la mère, voient le père avec répugnance, et tout cela lui sourit, et voudrait le voir réduit en poussière. Quel caractère atroce que celui de.... Son idole passée, c'est l'opinion du public; son idole présente, c'est le despotisme et la fureur de régner. Elle ne dédaigna pas s'accocier une vile coquine, son ennemie jurée, pour gouverner son mari, et lasser enfin, au bout de 18 mois, une résignation exemplaire à ses volontés *).

*.) Сличи выше, на стр. 258, въ 1-мъ письмѣ, противоположный отзывъ графа Растворчина, о значеніи показаній котораго говорено въ предисловіи къ VIII-й книгѣ настоящаго издания.

П. Б.

Vous serez très-surpris, quand je vous dirai que le nouveau procureur-général est l'homme du monde le plus modeste, et le plus adroit dans les affaires. Dieu veuille qu'il continue. Sa femme est une femme galante de mauvais ton, mais sans aucune influence sur lui. La fille dont l'Empereur est amoureux, est d'un caractère le plus doux du monde. C'est une passion du temps de la chevalerie, et jamais l'Empereur ne l'a voit autrement qu'en public ou en présence de son père et de sa belle-mère.

Après vous avoir beaucoup parlé de l'intérieur de la cour et de mon chagrin, je vous dirai que ma femme se porte parfaitement bien et que mon fils devient un joli garçon. Il n'est pas bien avancé pour son âge, mais je n'aime pas les enfants précoces. Ma fille a mal à la joue à cause des dents qu'elle fait; je vous ai donné quelques détails sur elle dans ma précédente.—Il s'est fait des changements à la cour par le congé du comte Strogonow, qui l'avait demandé. Il a été remplacé par le comte Shéremetew. Votre beau-frère, monsieur de Narichkine, a été fait à sa place grand-maréchal de la cour. Le chambellan Dournow—maréchal. Après notre promotion avec Kotchoubey, le procureur-général présenta quelques anciens conseillers privés, qui furent promus au grade de conseillers privés actuels, parmi lesquels se trouve votre cousin, le comte Woronzow. La banque monstrueuse et usuraine qui a pensé faire mourir de chagrin Rogerson, vient, après un mûr examen, d'être améliorée. La somme d'emprunt est fixée à 50.000.000 de roubles, les obligations seront changées par le moyen de l'argent qui rentre à la banque de vingt ans, et dont on suspendra pour un an l'anéantissement. On destine quelques millions également pour faire face au commencement. On diminue les intérêts, et la peine contre ceux qui manqueront le paiement, se borne à une tutelle jusqu'à la liquidation de la dette. La comtesse Scavronsky vient de se marier avec le bailli comte de Litta: une sottise de plus dans sa vie. L'inspection de Lithuanie vient d'être donnée au général de Lascy, et malgré cela le prince Repnine ne quit-

tera pas le service. Adieu, monsieur le comte! Soyez bien heureux d'être en Angleterre. Vous êtes loin de votre patrie, il est vrai, mais aussi comme vous êtes loin des infamies, des bassesses et des abominations qui s'y font. Plaignez-moi de voir tout cela, et encore plus de ne trouver aucun remède à y apporter. Mille choses à Rogerson. Adieu, adieu.

12.

Du 3 Décembre (1798).

Je vous écris cette lettre par le courrier que l'on vous expédie. J'ai reçu la vôtre, et je vous ferai observer encore que malgré mes occupations actuelles et celles que l'on pourrait me donner, je trouverai toujours un moment pour vous écrire, et vous dire ce que je fais et ce que je pense. Je commencerai par vous notifier que votre refus à venir ici n'a étonné personne, car on savait d'avance que vous n'accepteriez ^{pas} l'offre que l'on vous faisait. Une mauvaise santé, une charge la plus difficile à remplir, et une cour orageuse, voilà au lieu d'une raison trois bien valables, pour ne pas changer un bien réel contre un mieux incertain. Croyez-moi, mon respectable bienfaiteur, que quelques semaines de séjour ici, peut-être même quelques jours, vous auraient fait des ennemis, des désagréments, des repentirs et tout ce qui s'en suit. Oh, comme je regrette cette campagne que je convoite sans pouvoir y aller vivre, et jouir d'un bonheur non interrompu, loin d'ici, où il est continuellement troublé.

On ne sait plus, je vous assure, quelle conduite tenir dans ce monde. On se persuade facilement qu'en professant un attachement illimité à son souverain, le servant fidèlement et loyalement, parlant et pensant haut, honorant la vertu, méprisant le vice, et se mêlant peu de percer dans l'avenir, on parvient plus facilement encore à se rendre un être intéressant,—pas le moins du monde. La canaille vous déchire, les grands vous envient et vous mordent, et le reste vous veut

du mal sans savoir pourquoi. Quoique bien en apparence, mais je vois que le prince Bezborodko ne goûte pas beaucoup ma manière impartiale et mon éloignement pour tout ce qui est intrigue et association. D'ailleurs, je ne présente pas le côté le plus faible des humains, celui de l'intérêt; je n'ai rien demandé pour moi, ni ne demanderai rien, on le sait et cela ne plaît pas. Kotchoubey est très en mesure. Il continue de fréquenter le grand-duc Alexandre, qui a de grands torts vis-à-vis de son père. Je lui ai dit ce que je pensais à ce sujet. Je risquai même des confidences et très-mal à propos; car cela n'a rien changé à l'état des choses. Le prince Bezborodko m'a parlé d'un voyage de 6 semaines qu'il veut faire à Moscou. Je ne sais s'il n'est pas même question d'envoyer de là une lettre pour demander son congé; au reste c'est une conjecture à moi, fondée sur les plaintes qu'il fait très-souvent du désagrément du service actuel. Je ne sais si vous parviendrez à rapprocher les deux cours de Vienne et de Londres. Il me paraît que sans la guerre elles se brouilleront encore davantage; car l'une a trop de mauvaise foie, et l'autre trop de griefs contre elle. Si les Français font l'invasion du royaume de Naples, il faudra bien que les Autrichiens commencent leur campagne; mais s'ils s'y refusent, l'Empereur leur ôtera le secours qu'il leur a donné, et on pourrait l'employer avec succès contre les Français en Hollande, en agissant de concert avec les Prussiens. Il faut pour cela quelques semaines, et vous verrez que le danger et la nécessité obtiendront plus que les plus forts arguments. Comme je déteste la politique! Elle est bien une science digne des hommes, fondée sur la mauvaise foi, et accordant le privilége de se faire un mérite aux dépens de l'honneur et de la probité. Vous saurez déjà que Buonaparte, après avoir été totalement défait par les beys du pays, a été d'abord fait prisonnier lui-même, ensuite massacré. Cette nouvelle a été apportée à Constantinople par 7 courriers que les principaux beys y ont dépêchés, et de là elle a été apportée par un Tartare au hospodar de Moldavie, qui en donna connaissance au comte

Goudovitch résident à Kameniez-Podolsk, qui envoya ici un exprès. Cela ne changera en rien le système du directoire, et il aurait donné je crois bien cher pour s'assurer une paix un peu avantageuse. Leurs folies donnent beau jeu à leurs ennemis, malheureusement ils ne sont pas amis entre eux. La tête du roi à Mitau et de ses grands se transporte déjà à Versailles, et quelques-uns espèrent de se soustraire à l'hiver de cette année. Quelle nation! Les scélérats et les imbéciles sont restés dans leur patrie et les fous l'ont quittée, pour grossir le nombre des charlatans de ce monde. Je vous dirai que m. Lopoukhine se conduit parfaitement bien jusqu'à présent, et quoiqu'il ait pour amis deux hommes capables de tout, mais il paraît qu'ils influent peu dans le maniement des affaires, c'est le prince Gagarine Gabriel et Karadykine; demandez à Rogerson, il vous dira ce que c'est. Je jouis d'une assez mauvaise santé, et pour la soigner un peu j'ai renoncé à tous les plaisirs de ce monde. Je me couche à 9 heures, étant obligé de me lever à 5 et demie, pour être à 6 et demie au palais. Je dine chez moi et le matin je tâche de prendre pendant une heure de l'exercice à pied ou à cheval. Adieu, portez-vous bien, je le désire pour vos enfants et pour vous et pour moi. Peut-être je viendrai un jour passer quelques mois dans votre terre, et je vous dis d'avance que je suis un très-bon agriculteur. Ma femme vous dit mille choses. Mon fils demande où vous êtes, et veut savoir ce que c'est que Londres. Ma fille est petite, mais gentille. Il sonne dix heures. J'ai veillé une heure de plus, — c'est autant de pris sur la durée de ma vie. Adieu. Bonne nuit.

J'embrasse Rogerson, qui doit bien retourner au plus vite ici. La grande-ducasse Elisabeth doit accoucher vers la fin de mai. Je sais combien elle l'aime, et nous gagnerions tous à ce retour.

13.

Du 6 Octobre, Gatshino (1799).

Le porteur est un m-r de Novossiltzow, qui fut lieutenant-colonel au service et qui en est exclu pour avoir demandé une permission de se traiter. J'ai servi avec lui et je vous réponds de ses sentiments. Il est plein d'honneur, et dans plus d'une occasion sa conduite a été celle d'un homme droit, attaché à ses devoirs et à son pays. Il est plein de délicatesse, et les égards d'un homme comme vous lui mettront du baume dans l'âme, qui a eu de fortes secousses. Adieu, monsieur le comte. J'aurais bien voulu l'accompagner, et j'espère dans quelque temps la chose possible.

14 *).

26 Juin 1800.

En chiffre.

Revenu de Pétersbourg hier, j'ai appris que l'on avait ordonné au comte de Pahlen de demander à Witworth quand il part avec sa mission, et on m'a ordonné de lui faire donner une note pour dire que Hailes ayant quitté Stockholm sans prendre congé de personne, avait manqué par là à l'Empereur, et que Sa Majesté Impériale ne voulait pas avoir de chargé d'affaires d'Angleterre à sa cour. En parlant avec mylord Grenville, au nom de Dieu, si vous pouvez, faites que l'on ne renvoie pas Lizakéwitch. Dieu sait où cela mènera; on ne peut ni rien prévoir, ni rien dire; encore moins faire changer de résolution.

Vivez tranquille là où vous êtes, et si vous pleurez, soyez persuadé que vous n'êtes pas le seul. Déchirez cette lettre.

*) Это письмо сохранилось не въ подлиннике, а въ современномъ спискѣ.
П. Б.

15.

Du 24 Juin 1819. Paris.

J'ai su avec bien du plaisir votre réunion avec toute votre famille. Puissiez-vous à plusieurs reprises avoir le déplaisir de vous séparer pour goûter le bonheur de vous réunir. Les succès de la comtesse Michel *) ne m'étonnent nullement: elle plaira partout, à tous ceux qui ont le sentiment du vrai. Il est difficile de voir une personne meilleure et plus naturelle, avec cela un esprit juste, un caractère égal et la bonne humeur qui provient du bonheur. Remerciez Dieu, mon respectable, d'abord de vous avoir fait comme vous êtes, après de vous avoir donné un fils comme le vôtre, et enfin de lui avoir donné une compagne digne de lui. Voici des actions de grâce pour le présent, le passé et l'avenir.

J'attends avec impatience cette permission de Pétersbourg pour le mariage de Sophie **), et une semaine après la noce, je me dirigerai sur Calais. Il me tarde bien de me retrouver avec vous et avec les vôtres. Je suis heureux au milieu de ceux qui le sont. Quant à moi, avec une mauvaise santé, de mauvais souvenirs et un mauvais avenir,—il n'y a pas de quoi se donner une once de félicité. Les miens se portent bien, excepté le comte Serge.

A l'endroit où je finissais la page, m-r Narychkine est venu m'apporter votre lettre, et j'y réponds. Votre recommandation ne fait que confirmer davantage l'opinion que je m'étais faite de ce jeune homme. J'ai été frappé de la solidité de son jugement, de sa conduite et surtout de son attachement pour le comte Michel. Depuis que j'existe en homme, je mettais toujours au nombre des premières belles qualités humaines

*) Графъ Михаилъ Семеновичъ женился въ Парижѣ 1819 года, на Елизаветѣ Ксаверьевнѣ, урожденной графинѣ Браницкой (род. въ Петербургѣ, 8 Сентября 1792 года, скончалась въ Одессѣ, 15 Апрѣля 1880).

**) Дочь графа Ростопчина, вышедшая замужъ за графа Сегюра.

nes la reconnaissance; malheureusement ce sentiment, dans ce siècle d'égocisme, est devenu d'un devoir une vertu. J'avais bien remarqué que m-r Narychkine ne voyait pas Natalie d'un oeil indifférent, mais je supposais que ce goût céderait au tems et au mouvement d'une chaise de poste, lorsqu'il entreprit son voyage d'Italie. Il a toujours été en mesure, je me suis tenu sur la réserve avec lui, tenant plus à l'honneur de ma fille qu'au mien propre. Natalie, pure comme une enfant, n'a rien remarqué; et je vous avoue que, lorsque m-r Narychkine me communiqua ses intentions, j'ai été presque surpris. Je lui répondis, après l'avoir remercié et de la manière dont il s'était conduit, et de celle qu'il avait choisie de me parler lui-même, que ma fille était libre, que moi et ma femme, bien loin d'avoir quelques objections à faire, que nous étions presque sûrs qu'il possédait tout ce qui peut rendre une femme heureuse, et que ce mariage dépendait uniquement du consentement de ma fille, qui a été instruite après de sa demande par sa mère, et que, laissant le libre choix à mes enfants, un ouï de sa bouche fixera sa propre destinée. M-r Narychkine vient dîner et passer la soirée chez nous. Mais je vous dirai que dans la conversation que j'ai eue avec ma fille ce matin, j'ai bien vu que m-r Narychkine l'a frappée par sa manière de se conduire, et alors je lui ai donné à lire votre lettre, qui est la véritable patente et le diplôme honorable pour le jeune homme. Vous voyez, mon respectable, où nous en sommes; peut-être dans une semaine pourrai-je vous recommander ma fille comme votre nièce, persuadé que l'enfant de celui qui vous est dévoué depuis 32 ans, vous inspirera l'intérêt de l'amitié et de la parenté *). Me voici à présent sur le point de voir ma famille diminuer de trois. Les deux filles mariées, et Serge, du train dont il va, ne pourra pas traîner longtemps. Il lui est survenu une toux presque continue qui, jointe à l'asthme, le fatigue beaucoup. Il re-

*) Бракъ этотъ состоялся; графиня Наталья Федоровна вышла замужъ за Дмитрия Васильевича Нарышкина.

garde son état avec indifférence et vit du jour au lendemain, faisant des sottises. La jeunesse d'à présent ne ressemble à rien, et lorsqu'un jeune homme s'est bien montré dans une affaire, il croit avoir tout fait et rempli toutes les obligations vis-à-vis son pays, son souverain et ses parents.

Voici ce que j'ai de bon, de mauvais et de vrai à vous dire. Dans ce pays on ne change point. Les opinions sont comme des costumes qui distinguent les classes. Le désir de chacun est d'être plus qu'on ne l'est, et comme dans ce siècle des sales quinquets on n'est pas difficile sur les moyens, alors tout tombe dans la confusion et un mouvement perpétuel. Le roi seul est impassible, heureux de voir Decaze, de savoir que son enfant tette bien, et que les Français sont heureux par la charte, sortie de sa tête comme Minerve de celle de Jupiter. Ma femme se rappelle à votre souvenir. André prétend que j'ai tort d'acheter tant de livres; parce qu'il me faudra beaucoup de maîtres de langues pour apprendre à lire.—Adieu, mon respectable, d'ici à quelques jours je vous écrirai pour vous envoyer le bulletin de ma famille. Adieu. Portez-vous bien, pour passer des jours de bonheur, qui vous est assuré en plein.

Письма великаго Суворова къ князю Потемкину. *)

1.

17-го Мая 1773 году. Негошти.

Милостивый государь Григорій Александровичъ!

Нѣкоторые изъ вышедшихъ Туртукаискихъ жителей, перевившіеся на сю сторону Болгары, будучи спрашиваны о положеніи и количествѣ войскъ непріятельскихъ объявили: въ мѣстечкѣ Плевнѣ, назадъ тому мѣсяца три, было жительствующихъ тамо войскъ 1000, въ Свистовѣ при сераскпрѣ-
пашѣ Ахметѣ войскъ изъ жителей и пришедшіхъ до 8000,
въ Черноводахъ войскъ не состоить; визиръ, съ коимъ войска отъ 30-ти до 40 тысячъ, стоитъ въ мѣстечкѣ Шуминѣ,
съ нимъ артилеріи до 30-ти орудіевъ; Аби-паша находился
въ сторонѣ Бабады въ мѣстечкѣ Базарчукѣ, при немъ войска до 2000 конныхъ, пушекъ до 10-ти, да отдѣленной кор-
пусъ при пашѣ трехъ-бунчужномъ въ Варнѣ, состоящей въ
400 конныхъ и пѣшихъ съ жителями; въ Рущукѣ изъ жите-
телей же войскъ до 12000, въ шанцахъ пушекъ 40; Татар-
ской ханѣ съ тысячью Татарами (при пятнадцати орудіяхъ)
стоить вблизи Свистова, гдѣ пушекъ до пяти; въ Никополь Арнаутъ-паша три тысячи войска, при немъ прихожаго 2000,
да и жителей тамошихъ 4000, пушекъ 24; въ Видинѣ жи-
телей 15000, пушекъ 65; въ Акравѣ одинъ паша и при немъ
войска прихожаго 1000, да и жителей 2000, пушекъ 8-мъ.

*) Съ подлинниковъ.

Сверхъ того ожидають-де еще прибытія Арнаутовъ и Башняковъ изъ Моравы. Я вашему превосходительству къ свѣдѣнію о семъ донося, съ моимъ почтеніемъ пребуду вашего превосходительства, милостиваго государя моего, покорнѣйший слуга.

Александръ Суворовъ.

2 *).

19-го Мая 1773 года. Негоешти.

Сегодня я получилъ чрезъ присланнаго ко мнѣ отъ господина полковника Журжевскаго коменданта Бекельмана, словесное извѣстіе, что изъ Рущука и изъ лагеря, которой ниже Рущука, спустилось въ низъ по Дунаю судень очень много, а числомъ, сколько именно, не означивается. Я въ семь случаѣ за необходимое нахожу вашему превосходительству напомнить вторично о посты Обилешскомъ (для Бокуреста), которой при такихъ обстоятельствахъ долженъ быть предварительно охраненъ пристойною частю войска. На сie ожидая увѣдомленія, съ почтеніемъ остаюсь и пр.

3.

19-го Мая 1773 года. Негоешти.

Вчерашияго числа съ форпостовъ получиль я рапорты, что прибыли къ урочищу Туртукаскому четыре большія судна и двѣ лодки, изъ коихъ вчерашній же день спустились въ низъ Дуная три судна; одно большое да двѣ малыя лодки. Оныя, спустясь отъ Туртука въ низъ верстъ десять и остановились противу дистанціи здѣшней лѣвой стороны казацкаго форпосту, гдѣ примѣчено онымъ, что непріятель по видимому дѣлалъ примѣчанія на нашъ берегъ. Да снизу Дуная

*) Въ дальнѣйшихъ письмахъ обычныя начала и окончанія опускаются, кромѣ исключительныхъ случаевъ

П. Б.

прибыло къ Туртугайскому урочищу большихъ два судна, которыхъ остановились выше онаго, противу нижняго ихъ лагеря, и изъ сего въ вечеру выстрѣлено изъ пушки три раза.

4.

Отъ 20-го Мая 1773 г. изъ Негоешти.

О Репнинѣ, чтò я слышалъ, такъ только то, что онъ взяты въ полонъ и съ нимъ три маюра: Полторацкой и два Дивовыхъ; изъ послѣднихъ одинъ убитъ. Семужъ жертвовалъ и подполковникъ Дурковъ; да убито и безъизвѣстно пропало двѣстіи тридцать шесть человѣкъ всѣхъ чиновъ, два судна и двѣ пушки отбиты, чтò дѣйствительно и вѣрно я слышалъ. А здѣсь слуховъ много носится и такихъ, которымъ я не вѣрю, и они несправедливы. Принадлежащія до вашего пре-восходительства извѣстія я стараюсь, какъ скоро чтò отъ форпостовъ получу, то почти того-жъ часу къ вамъ посылаю и впредь нужнаго къ доставленію вашимъ свѣдѣніямъ ничего не упущу.

5.

Негоешти, 4-го Іюня 1773 года.

Севодни получилъ я ордеръ отъ его сіятельства господина генералъ-аншефа и разныхъ орденовъ кавалера графа Ивана Петровича Салтыкова, въ которомъ предписывается, что въ случаѣ каковаго либо непріятельскаго покушенія, ежели не могу въ скорости быть подкрѣпленъ отданіемъ войскъ отъ его сіятельства, то ожидать помощи, давъ знать, отъ вашего превосходительства; равно и вчерашнимъ ордеромъ даль знать, что по нѣкоторымъ самонужнѣйшимъ обстоятельствамъ его сіятельство заблагоразсудилъ потянуться въ верхнюю часть Дуная, куда вчерашняго числа съ прежняго своего лагеря съ дивизіею и выступилъ. Вчерашнее вашего прево-

сходительства увѣдомленіе о забраніи изъ Ченанешть и Оби-
лешть состоящихъ тамо войскъ я также получилъ.

6.

Москва, Октября 13-го дня 1774 г. *)

Въ пріездъ мой въ Москву на кратчайшее время, удосто-
енъ былъ получить письмо Ея Императорскаго Величества,
отъ 3-го Сентября писанное, коимъ угодно было меня по-
чтить къ найчувствительнѣйшему моему удовольствію. Пріем-
ля сіе съ особымъ благоговѣніемъ, ощутилъ и отъ вашего
высокопревосходительства почтительной меня адресъ. Посѣ-
щеніе сколь благопріятно, столь велико, что не собираю силы
на доказательство истинной моей благодарности. Однимъ наи-
вящимъ обсылаюсь только признаніемъ, какъ представителю,
подкрѣпляющему военные дѣла и моему благотворителю толь
превосходныхъ милостей, коихъ цѣна обитать въ благодар-
нѣйшемъ сердцѣ никогда непрестанеть. Удостоивайте, мило-
стивый государь, способиемъ вашимъ могущественнаго хода-
тайства такого человѣка, котораго надежда вѣвѣряетъ въ до-
стохвальныя ваши добродѣтели. Великость оныхъ озnamенится
тѣмъ болѣ и обяжетъ меня къ прославленію имени вашего,
что я на всегда съ должнымъ высокопочитаніемъ и нeliце-
мѣрною преданостію буду.

7.

Симбирскъ, 18-го Августа 1775 г.

Вашего сіятельства нижайше прошу объ увольненіи меня
въ Москву, по причинѣ кончины моего родителя.... **) Предъ
симъ я томъ просилъ по командѣ графа Петра Ивановича
Панина. Уповаю на вашу милость. Препоручаю себя въ по-
кровительство вашего сіятельства.

*) Передъ отправленіемъ на поимку Пугачова.

П. Б.

**) Точки въ подлиннике.

8.

Москва, 24-го Июня 1776 г.

Я, воспользовавшись высочайшею милостию Ея Величества всемилостивейшей Государыни, полученiemъ нынѣшией день брилліантами украшенной шпаги, имѣвъ руководствомъ сего монаршаго ко мнѣ благоволенія вашу свѣтлость, какъ моего истиннаго благодѣтеля, осмѣливаюсь испросить принесть мнѣ наичувствительную вашему сіятельству благодарность и препоручить себя въ ту самую милость, которой пользуюсь.—Пребываю до конца дней моихъ и пр.

9.

Москва, 26-го Ноября 1776 года.

Бывши при части вѣдѣнія моего полковъ въ Коломнѣ, получа повелѣніе, того жъ часу я отправился и слѣдую почетою въ опредѣленное мнѣ мѣсто. Препоручаю себя въ высокое покровительство вашей свѣтлости.

10.

д. Тузла въ Крыму, 19-го Декабря 1776 году.

Съ наступающимъ новымъ годомъ принимаю смѣлость вашу свѣтлость нижайше поздравить. Пребуду съ глубочайшимъ почтенiemъ и пр.

11.

д. Тузла, въ Крыму, близъ форпостовъ, 21-го Декабря 1776 году.

Вашу свѣтлость за удостоеніе меня милостивымъ письмомъ вашимъ отъ 28-го Ноября, нижайше благодарю. Оно въ службѣ Ея Императорскаго Величества тѣмъ болѣ менѣ ободряетъ, что по вашей, милостивой государь, отечественности

и добродѣтели всеподданническага моя къ ней ревность паче впредь случаи найдеть себя оказать поданіемъ къ тому способовъ и довѣренностей отъ вашей свѣтлости. На всегда подвергаю себя вашему высокому покровительству.

12.

1-го Іюля 1777 году, подъ Акмечетью.

Нынѣ, по окончаніи здѣшней экспедиціи, исключая неожидаемой Стамбульской высадки, вашей свѣтлости всевозможная милость, сколь бы велика ко мнѣ была, еслибъ меня удостойить соизволили препорученія какого корпуса, каковыми до сего я начальствовалъ безъ порицанія. Единственно къ высокой особѣ вашей прибѣжище пріемлю!

Покровительствуйте, милостивый государь, того, которой съ непреоборимою преданностю и глубочайшимъ почитаніемъ до конца жизни вашей свѣтлости всенижайшій слуга.

13.

19-го Іюля 1777 году. Полтава.

Слава великихъ дѣлъ вашей свѣтлости въ умноженіи благодѣяній ищущимъ милости и покровительства, коихъ опять есть довольнымъ доказательствомъ, ободряетъ и меня, чтобъ сего подателя, племянника моего, поручить въ милость вашу и всепокорнѣйше просить ему благоволенія, сколько во удовольство его просьбы, такъ и ради того, что я пользуюсь случаемъ изъявить мое упованіе и принести удостовѣреніе о истинной преданности и высокопочитаніи моемъ, съ коими на всегда я имѣю честь пребыть.

14.

Полтава, 24-го Августа 1777 году.

Увѣдомясь отъ возвратившагося изъ С.-Петербурга безпомощнаго моего племянника, с. маюра *) Суворова, о оказаніи ему высокихъ милостей вашей свѣтлости, сколько о полномъ покровительствѣ моего состоянія, томящееся мое безъ исправленія должности въ исходящей лихорадкѣ усердіе получаетъ новыя силы, но и возрастаетъ къ высокой особѣ вашей свѣтлости неотмѣнную преданность изъявлять существомъ самаго дѣла, да поможетъ мнѣ Всемогущій Богъ. До конца моей жизни пребуду и пр.

15.

Опошна, близъ Полтавы, 20-го Ноября 1777 году.

По теченію службы благополучіе мое зависитъ отъ одной власти высокой особы вашей свѣтлости. Г. Петръ Александровичъ посылаетъ меня въ Крымъ...**) Не оставьте покровительствовать того, которой съ благодарнѣйшимъ сердцемъ, полною преданностію и глубочайшимъ почитаніемъ и пр.

16.

Опошна, близъ Полтавы, 2-го Декабря 1777 году.

Полная точность въ исполненіи повелѣніевъ вашей свѣтлости, невозвратная преданность къ высокой особѣ и правость души моей по безпредѣльной ревности къ службѣ Великой Императрицы, будутъ твердыми правилами моихъ дѣлъ, поступокъ и жизни. Всемогущій Богъ да поможетъ мнѣ, милостивый государь, за покровительство ваше воздать вяще того!

*) Секундъ-майора.

**) Такъ въ подлиннике.

Архивъ Князя Воронцова XVIII.

17.

Л. *) при Ковыльскомъ ретрапшаментѣ, 18-го Генваря 1778 году.

Поелику слабость здоровья моего мнѣ дозволяла, я недавно на Кубань прибылъ. Подкрайпляетъ оное высокое покровительство вашей свѣтлости, въ которое себя искренийше препоручая, остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ.

18.

18-го Іюля 1778 году.

Вашей свѣтлости вновь оказанная милость обязываетъ къ чувствительнѣйшей благодарности истинно вамъ преданнѣйшаго и съ глубочайшимъ почтеніемъ пребывающаго.

19.

29-го Іюля 1779 году.

Его свѣтлости высокопревосходительному господину генералъ-аншефу, государственной Военной Коллегіи вице-президенту, Новороссийскому, Азовскому и Астраханскому государеву намѣстнику, войскъ тамо поселенныхъ и Днѣпровской линіи главному командиру, командующему легкою конницею, Донскимъ полкомъ, всѣми нерегулярными войсками и Санктъ-Петербургскою дивизіею, сенатору, Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютанту, дѣйствительному камеръ-геру, кавалергардскаго корпуса порутчику, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку подполковнику, Новотроицкаго кирасирскаго полку шефу, и орденовъ Россійскихъ святыхъ: апостола Андрея, Александра Невскаго, великомученика и побѣдоносца Георгія второго класса, Пруссаго Чернаго Орла, Датскаго

*) Т.-е. лагерь.

П. Б.

Слона, Шведскаго Серафимовъ, обоихъ Польскихъ и Голстинскаго Святыя Аины кавалеру, князю Григорію Александровичу Потемкину.

Рапортъ.

По израженію господина резидента, упоенные Татарскимъ квасомъ, изъ разныхъ мѣсть Армянскіе депутаты отъ него были у меня. По сугубомъ истолкованіи данныхъ отъ преосвященнаго митрополита Игнатія о выводѣ христіанъ пунктовъ, съ которыми Армянской архимандритъ Петръ Маргось и католицкой Армянской патерь Якобъ согласны, какъ отъ анаеемы вышерѣченного усерднаго и твердаго архимандрита, съ видимымъ удовольствиемъ разъѣхались. Высшее желаніе всѣхъ христіанъ, чтобы поселяемы были вмѣстѣ и на выгодныхъ мѣстахъ; плодъ сего усмотрѣнія будетъ въ потомствѣ. Печально имъ оставленіе ихъ недвижимаго родового. За все то обѣщано имъ всюду на мѣстѣ здѣсь удовлетвореніе пѣзъ казны; иначе невозможно. Почтеныхъ сихъ духовныхъ отцовъ время уже вашей свѣтлости воздать по достоянію блистательными нужными украшеніями. Здѣсь ихъ манифестъ *).

Рѣченной интриги неудачею, купно и начавшемся дѣйствительнымъ выводомъ, раздраженный ханъ перемѣнилъ его лагерь отъ Бахчисарая двадцать верстъ въ низъ по Алмѣ. Паки господинъ резидентъ много разъ пытался къ достижению свиданія съ его свѣтлостю безъ успѣху, но съ грубыми отказами; особливо, какъ, при выѣздѣ его въ новой лагерь, прибыть къ нему для всевозможнѣйшихъ еще увѣщаніевъ, сѣль онъ на конь и, не взирая на господина резидента, не дождался его нимало. Сей поступокъ, оскорбляющій его характеръ, понуждаетъ его къ нетребованію болѣе свиданіевъ до лучшего часу. Временно потребенъ быть господинъ резидентъ въ Бахчисараѣ для утвержденія согласіевъ христіанъ и благоспѣществованія вывода ихъ, яко главная особа въ

*) Его не имѣется при подлинномъ рапорѣ, который, какъ и пижеслѣдующіе, только подписанъ Суворовымъ.

П. Б.

19*

знаніи языка и правовъ сел земли. Слухъ всюду разсъянъ о точномъ выѣздѣ свѣтлѣйшаго хана даже до Санктъ-Петербургъ; курьеръ его съ письмами къ высокоповелительному фельдмаршалу отправленъ, не безъ неудовольствіевъ на обоихъ (меня и господина резидента). Быть такъ! Дѣло начато; надлежитъ совершить, какъ вѣрнымъ рабамъ Ея Императорскаго Величества, не уважая препятствія, хотябы соединено и отъ всѣхъ Отоманцовъ.

Можно тутъ проникнуть и въ земскія неспокойства. Биннелей стрѣлять въ Грека; Греки съ нимъ и его товарищами дралися. Другой окровавленной Татариномъ христіанинъ прибѣгнулъ къ господину резиденту; сей отнесся къ каймакаму, которой грозилъ сложить съ себя чины. Господинъ резидентъ къ везирю, объявилъ ему паки о полномъ высочайшемъ покровительствѣ всѣхъ христіанъ. Видя оныхъ отправляемыхъ, отзываются Татара, что они теряютъ душу изъ тѣла. Съ Божіею помощію отъ Российской стороны на всякой случай по человѣческимъ возможностямъ все готово.

Господинъ Азовской губернаторъ вступилъ уже въ благопоспѣшныя мѣры къ выводу христіанъ въ ввѣренную ему губернію. Какъ успѣхъ въ томъ очевиденъ, то паки его пре-восходительство я просилъ о наипоспѣшнѣйшемъ отправлениіи всѣхъ губернскихъ (въ числѣ шести тысячномъ) подводъ партіями одни за другими, такъ чтобы ни одного дня не было безъ таковыхъ въ Крымъ прибывающихъ. Видѣ того полезнь; отлагательствы опасны въ охлажденіяхъ духовъ и препинаніяхъ по внутреннимъ и наружнымъ беспокойствамъ. Число же христіанъ является нынѣ превосходнѣе, особливо въ купцахъ Армянахъ.

Къ Александровской крѣпости чрезъ Перекопъ отправлено въ началѣ обоего пола Грузинъ девять душъ. Сего жъ теченія 28-го числа купцовъ и ремесленныхъ Грековъ мужеска полу тридцать три, женска тридцать семь душъ съ приличнымъ эскортомъ на подводахъ всякаго рода. Транспортецъ другой дни черезъ три поспѣть; но какъ отъ стороны Перекопа запаснаго магазейна фуры разномѣстно прибудутъ,

то недѣли черезъ полторы можетъ ихъ выѣхать на первой разъ и около тысячи; потомъ будуть прибывать, ежели благоволить Богъ, насынья провіантскія фуры. А чтобы было безъ опаснаго интервалу, поспѣшили бы губернскія повозки. Утверждаюсь надеждою на природное благотворство высокой особы вашей свѣтлости!

«Генералъ-поручикъ Александръ Суворовъ».

20.

Подъ Бакчисараемъ, 23-го Августа 1778 году.

*Рапортъ *).*

Неудовольствіе на меня графа Петра Александровича **) о духовныхъ здѣшнихъ манифестахъ, подкрѣпившихъ выходъ здѣшнихъ христіанъ въ Россію, (что) обнародованы были безъ присутствія въ ихъ церквяхъ магометанъ.

20-го числа сего мѣсяца былъ тревожный день. Преосвященный митрополит Игнатій и преподобный архимандритъ Петръ Маргось въ слезахъ съ отказу выходу всѣхъ христіанъ чрезъ ихъ депутатовъ, по притчинѣ здѣшнихъ таможенныхъ откупщиковъ и перещупываній даже до иконъ для взятія пошлины. Дѣло усмиreno, кромѣ протчаго, подарніемъ откупщиковъ пятью тысячами рублями, съ тѣмъ чтобъ они болѣе въ баштахъ Перекопской и Арабатской христіанамъ повозки не щупали.

Двадцать тысячъ рублей однихъ явно понынѣ долговыхъ свѣтлѣйшій ханъ съ Татарами христіанамъ не платить по интригѣ ихъ тѣмъ здѣсь задержанія. Удовлетворить христіанъ въ томъ здѣсь надлежитъ. Нижайше о томъ вашей свѣтлости доноси, по надлежащему такожъ и высокоповелительному фельдмаршалу представлено сего Августа отъ 21-го числа.

*) Начало рапорта то же, что и въ предыдущемъ.

П. Б.

**) Фельдмаршала Румянцева. Суворову и другимъ тогдашимъ военнымъ дѣятелямъ приходилось ублажать обоихъ полководцевъ.

П. Б.

Ясыри, мучимые иныи отъ ихъ прежнихъ владыкъ несказанио, прибывающа паче подъ покровъ высочайшаго скіптра, чѣмъ вяще предосудительно оныхъ оставлять въ варварской неволѣ, которые освобождение ихъ называютъ Россійскимъ разбойничествомъ и толь дерзко, что многіе за нихъ и деньги братъ не хотятъ по наказу свѣтлѣйшаго хана. Иныя суть непрестанныя господину резиденту и миѳ приносимыя явно Татарскія угрозы на подобіе лая пса, иной силы не имѣющаго, или противъ тихости поступокъ, исходящихъ видѣть надменности отъ истока малодушія.

Счастіемъ вашей свѣтлости по сіе число отсюда отправилось въ Россію христіанъ обоего пола съ прежними 10.239 душъ.

«Генералъ-порутчикъ Александръ Суворовъ».

21.

Получено Сентября 30-го числа 1778 г.
25-го Сентября 1778 году.

Пріемлю смылость Армянской націи отставныхъ компанейскихъ сотниковъ Апанія и Андреаса, яко отлично трудившихся въ выводѣ христіанъ въ Россію, высокому вашей свѣтлости покровительству поручить, и за услугу сію нижайше прошу вашей свѣтлости сравнять ихъ честю съ армейскими капитанами въ отставку.

22.

Бахчисарай, 10-го Октября 1778 году.

Подноситель сего Македонскаго гусарскаго полку подпорутчикъ Петръ Ивановъ, находясь при корпусѣ, употребляемъ быль къ разнымъ, по знанію его Турецкаго языка, нужнымъ препорученіямъ, кои исправлялъ съ особливою ревностію и усердіемъ, и иныи по бывшему выводу Крымскихъ христіанъ въ Россію, разныя на него возлагаемыя должностіи

исполнялъ съ отмѣнною прилежностію и тщаніемъ, спосѣщствуя вѣсма въ соглашеніи упомянутыхъ христіанъ къ преселенію въ Россію. Въ упованіе оказанного имъ при семъ случаѣ трудолюбія и претерпѣнаго отъ Татаръ въ прошломъ годуувѣчья, не позволяющаго ему продолжать далѣе службу Ея Императорскаго Величества, а равно и по недостаточному въ пропитаніи себя состоянію, нижайше вашей свѣтлости прошу усчастливить его вашимъ щедролюбивымъ призрѣніемъ.

23.

Благополучный Бахчисарай, 30-го Октября 1778 году.

*Raportъ *).*

Вашей свѣтлости за долгъ почитаю представить, что господинъ секундъ-маіоръ Синельниковъ, при похвальномъ исправленіи своей должности, въ продолженіи бывшаго вывода Крымскихъ христіанъ въ Россію, къ приписанію подъ свозъ онъхъ подводъ, тоже къ продовольствію ихъ въ пути, а равно и по всемъ прочимъ ему отъ меня нужнымъ препорученіямъ, прилагалъ отличные труды и попеченіе; а тѣмъ самымъ вѣсма спосѣщевалъ къ скорому и безостановочному упомянутыхъ христіанъ отсюда выправожденію, въ чемъ я ему по справедливости свидѣтельствуя, вашей свѣтлости нижайше прошу его высокой протекціи вашей удостоить.

24.

Л. Бахчисарай, 20-го Октября 1778.

Племянникъ мой секундъ-маіоръ Суворовъ, коего я имѣль честь еще прежде сего въ покровительство вашей свѣтлости предать, есть вручитель сего, быль приставомъ при его свѣтлости ханѣ и употребленъ отъ меня къ важнѣйшимъ ему по-

* Съ обычнымъ впереди прописаніемъ титуловъ.

рученіямъ въ выводѣ христіанъ. Сие говоритъ объ немъ не родственникъ его, но говорящій истину его начальникъ. Воззрите, свѣтлѣйшій князь, на него, какъ на несчастнаго по службѣ, но усерднаго къ оной, и природнымъ вашимъ велико-душіемъ удовлетворите его службу и нижайшую просьбу пре-бывающаго съ истиннымъ высокопочитаніемъ.

25.

30-го Ноября 1778 году.

Свѣтлѣйшій ханъ присланнымъ ко мнѣ письмомъ, представляя о понесенныхъ откупщикомъ здѣшняго полуострова Калужскимъ купцомъ Хохловымъ и товарищемъ его Павлини-скимъ жителемъ Петромъ Автомаловымъ разнообразныхъ убыткахъ, относящихся до собственныхъ доходовъ его свѣтлости, просить о удовлетвореніи оныхъ. Я, о справедливости сего будучи извѣстенъ, осмѣливаюсь поручить ихъ милости-вому вашей свѣтлости призрѣнію.

26.

Г. Козловъ, 1-го Марта 1779 году.

Вашей свѣтлости вновь являемыя мнѣ милости превосходять всячески мои силы и чувствованія достодолжной благодарности. Позвольте, свѣтлѣйшій князь, посвятить остатки моей жизни къ прославленію толь безпредѣльныхъ благодѣяній вашихъ и пребыть съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

27.

Г. Козловъ, 3-го Марта 1779 году.

Подносителя сего, Таганрогскаго драгунскаго полку капи-тана Сахновскаго, находящагося у исправленія дѣлъ при се-кретной здѣшняго корпуса экспедиціи, въ разсужденіи отмѣн-наго его въ томъ раченія и прилежности, въуваженіе добро-

порядочнаго его поведенія и девятилѣтняго въ семъ чинѣ пребыванія, тожъ трудовъ понесенныхъ по разнымъ возлагаемымъ на него должностямъ, какъ и по бывшему выводу христіанъ Крымскихъ па поселеніе въ Россію, осмѣливаюсь поручить въ высокое вашей свѣтлости покровительство.

28.

Г. Козловъ, 16-го Апрѣля 1779 году.

Безпредѣльно распространяемая Ея Императорскаго Величества ко мнѣ всеподданнѣйшему ея рабу милости превосходить всякую возможность и рвениія моего къ должностному себя оныхъ удостоенію и изъявленія преисполненныхъ въ душѣ моей того ощущительностей. Позвольте, свѣтлѣйшій князь, поднести вашей свѣтлости, яко единому сего моего благополучія руководителю, упокоренную мою благодарность и пребыть съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

29.

Г. Козловъ, 19-го Апрѣля 1779 году.

Выполняя повелѣніе вашей свѣтлости, сего году Февраля отъ 20-го числа, относительно пріисканія трехъ Татарокъ, надлежащія мѣры предприняты, и оныя, по утвержденію господина-резидента Константинова, чрезъ недѣлю отсюда отправлены будуть.

30.

Г. Козловъ, 29-го Апрѣля 1779 году.

Изъ подносимаго приложенія ваша свѣтлость соизволите усмотрѣть недостатки претерпѣваемая преселенцами Крымскими въ нынѣшнемъ ихъ положеніи. Воззрите, свѣтлѣйшій князь, милосердымъ окомъ на сихъ бѣдныхъ иностранцовъ, жертвовавшихъ всѣми временнаго ихъ благоденствія выгода-

ми усердію къ престолу Всероссійскому и христіанскому единовѣрію! Усладите ихъ горькое воспоминаніе прежняго ихъ, хотя подъ игомъ варварскимъ, но не менѣе споснаго состоянія, и въ случаѣ какой либо въ семъ ихъ донесеніи излишественности, даруйте имъ великодушное прощеніе. Въ слѣдствіе чего, повергая ихъ подъ высокое вашей свѣтлости покровительство, пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

31.

Г. Козловъ, 7-го Мая 1779 году.

И при настоящихъ мирныхъ обстоятельствахъ за наилучшій удѣль поставляю себѣ состоять подъ точными вашей свѣтлости высокими повелѣніями. Удостойте, свѣтлѣйшій князь, пользоваться симъ преимуществомъ того, которой за особливую вмѣнность себѣ честь съ глубочайшимъ почтеніемъ именоваться и пр.

32.

14-го Мая 1779 году.

По повелѣнію вашей свѣтлости Татарскихъ дѣвочекъ три, изъ коихъ одна съ братомъ, мальчикомъ равнаго возраста, Сузdalского пѣхотнаго полку съ поручикомъ Корицкимъ отправилъ. Особливо счастливымъ поставляю для себя случай, чрезъ которой могъ выполнить волю вашей свѣтлости.

33.

Полтава, 25-го Іюля 1779 году.

Вашей свѣтлости почтеннѣйшее отъ 7-го сего Іюля письмо я удостоился получить и видя изъ онаго ко мнѣ оказанную высокую милость, что соизволите удостоивать быть въ вѣренной вашей свѣтлости дивизіи, чѣмъ будучи довольно счастливымъ себя почитаю, осмѣливалось принести мою наичув-

ствительнѣйшую благодарность, всеніжайше прошу и впредь содержать въ вашемъ покровительствѣ того, которой съ совершеніемъ высокопочитаемъ и истинною преданностю на всегда пребудеть.

34.

Полтава, 27-го Августа 1779 г.

Подносителя сего Сумскаго гусарскаго полку подполковника Лизакевича, находившагося при мнѣ во время командования моего въ Крыму и на Кубани войсками въ управлении секретною экспедиціею, и какъ по опой, такъ и по другимъ должностямъ, а особливо по бывшему выводу Крымскихъ христіанъ на поселеніе въ Россію, отличные труды понесшаго, осмѣливаюсь поручить въ высокое вашей свѣтлости покровительство.

35.

Полтава, 25-го Октября 1779 г.

Утверждающая десница вашей свѣтлости, величие дѣлъ до-стопамятныхъ открываетъ Божіе предопредѣленіе, устроившее особу вашу на благотвореніе человѣчеству. Вашей свѣтлости дѣло сооружать людямъ благодѣйствіе, возводить и восставлять нища и убога, и содѣловать благополучіе ищущему вашей милости, въ чемъ опыты великихъ щедротъ, сіяющихъ повсемѣстно къ неувядаемой славѣ, истину сію доказываютъ. Я взысканъ и облагодѣтельствованъ вами, свѣтлѣйшій князь; осмѣливаюсь представить господина маіора Максимовича, заслуживающаго вашей свѣтлости благовolenіе по похвальному его поведенію, ревностной службѣ и достойнымъ качествамъ, но неимущаго протекціи и погребшаго себя въ уединеніи. И ежели не оскудѣваетъ милость ваша ко мнѣ, то всеніжайше прошу показать ему высокое благодѣяніе, осчастливить его достойнымъ мѣстомъ по премудрому изобрѣтенію. Воззрите, милостивый князь, милосердымъ окомъ на ходатайство мое и

не оставьте омилостивить сего благодарнаго человѣка. Симъ увеличите одолженіе тому, которой возвергъ упованіе, яко на единаго своего патрона до послѣднихъ дней, съ непоколебимою преданостію и высокопочитаніемъ имѣть честь называться и пр.

36.

Полтава, Ноабра

1779 году *).

По благополучномъ окончаніи военныхъ дѣйствій, когда всѣ въ томъ подвиги воспріявшіе наслаждаются покоемъ, надѣлся и я вкусить отъ плодовъ онаго; но среди того постигли меня толь горестныя обстоятельства, коихъ воспоминование желалъ-бы я скрыть на всегда отъ свѣта, если-бъ честь и достояніе званія моего не исторгали отъ меня поминутно ихъ признанія. Обезчестенъ будучи беззаконнымъ и попосннымъ поведеніемъ второй половины, молчаніе было-бы знакомъ моего въ томъ со участія. Нѣть тутъ, свѣтлѣйшій князь, недоказательнаго; иначе совѣсть моя, никогда не поврежденная, была-бы мнѣ въ несправедливости изобличителемъ. Пользуясь же всегда высокимъ вашей свѣтлости покровительствомъ, приемлю смиреніе къ оному прибѣгнуть и всенижайше просить: удостойте, свѣтлѣйшій князь, высокаго вниманія вашаго, будьте предстателемъ у высочайшаго престола къ изъявленію моей невинности, въ справедливое же возмездіе виновницъ и къ освобожденію меня въ вѣчность отъ узъ бывшаго съ нею союза, коего и память имѣть уже быть во мнѣ истреблена. Не нахожу иного способа къ моему успокоенію, и нѣть посредства къ прежнему присоединенію, ибо сему преимущественно смерть, яко единый конецъ моего злоключенія, предпочесть я долженствую. Жребій мой въ благоизволеніе вашей свѣтлости поручая, прибѣгаю съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

*.) Числа не поставлено.

П. В.

37.

Москва, 21 Генваря 1780 году.

Къ повелѣнному вашею свѣтлостью мнѣ предмету спѣша не въ возвращеніе, но въ продолженіе сихъ извѣстныхъ вамъ ко мнѣ вашихъ высокихъ милостей и покровительства, на остающее теченіе службы и жизни моей себя поручаю съ глубочайшимъ почитаніемъ.

38.

Астрахань, 27-го Февраля 1780 году.

Астраханской портовой таможни правящій предъ симъ цолнерскую должностъ, дпректоръ Богданъ Хастатовъ по-желалъ быть съ перепменованіемъ по табелѣ о дпректорахъ, съ награжденіемъ чина, въ военной службѣ, о чмъ по командѣ на разсмотрѣніе вашей свѣтлости представлено. А какъ онъ Азіатскія обстоятельства и ихъ нравы, языки свѣдущъ, какового мнѣ нынѣ имѣть въ командѣ нужно, по требованію жъ моему нынѣ отъ него для свѣдѣнія на сей разъ нужности усмотрѣнъ мною онъ довольно надеженъ: всепокорно прошу вашу свѣтлость съ награжденіемъ чина приказать явиться ему въ мою команду. Симъ обяжете чувствительнѣйшею благодарностю того, которой съ особливымъ поченіемъ и истинною преданностю честь имѣеть быть всегда и пр.

39.

Астрахань, 24-го Іюня 1781 году.

По нынѣшнимъ обстоятельствамъ, сжали мнѣ сіе лѣто вы-
сочайшая императорская служба не предлежить, не повелите ли, ваша свѣтлость, дать мнѣ позволеніе прїѣхать на крат-
кое время въ С.-Петербургъ для объясненія съ вашею свѣт-
лостю? Буду всегда съ глубочайшимъ почитаніемъ и пр.

40.

Астрахань, 3-го Августа 1781 году.

Высокое повелѣніе вашей свѣтлости о пріѣздѣ моемъ въ Санктъ-Петербургъ я имѣлъ счастіе получить. Большая часть моихъ объясненіевъ состояла въ томъ, что я здѣсь другой уже годъ безъ всяаго дѣла, а особливо при случаѣ отпра-щенія г. Войновича въ море, я не только не участвовалъ въ распоряженіяхъ, касающихся до сей экспедиціи, ниже свѣдѣнія о немъ самомъ какого имѣль. Почитаю, не гнѣвъ ли ка-кой вашей свѣтлости ко мнѣ есть, или нѣть-ли съ моей сто-роны какого неизвѣстнаго мнѣ преступленія. Нынѣ-же изъ полученнаго вашей свѣтлости повелѣнія вижу, что мое здѣсь пребываніе еще нужно; то, дабы чѣмъ скорѣе, тѣмъ для меня лестнѣе исполнить ваши дальняя повелѣнія, я поѣзду остав-ляю, а ожідаю здѣсь на мѣстѣ возложенія дѣлъ мнѣ отъ вашей свѣтлости ввѣряемыхъ.

41.

Астрахань, 15-го Декабря 1781 году.

Вашу свѣтлость обыкновеннымъ моимъ чистосердечiemъ утружаю; ибо, сколько ни старался докладывать васъ чрезъ другихъ, тѣ мнѣ отвѣтствовали молчаніемъ или двоесловіемъ.

Послѣ проѣхавшаго отъ Войновича Грека Варвація слухъ здѣсь разнесся, что я болѣе въ здѣшней сторонѣ быть не потребенъ. Свѣтль работаетъ слушаю!

Ежели такъ, и обороть мой долженъ быть къ Казанской дивизіи: свѣтлѣйшій князь,—въ ней два полка.... *) то не по-велите-ли, чтобъ по послѣднему росписанію Государственной Военной Коллегіи я командовалъ и Оренбургскимъ корпу-сомъ? Я буду жить въ Симбирскѣ, подручно обѣимъ мѣстамъ.

*) Такъ въ подлиннике.

П. Б.

Коли сего не можно, прикажите, ваша свѣтлость, мнѣ возвратиться въ Полтаву къ прежней моей командѣ, отъ которой 2 года назадъ былъ я отозванъ въ С.-Петербургъ и избавьте меня паки сей ъзды.

Сверстники мои входять въ правленіе г. губернаторскихъ должностей; велика-бъ была милость вашей свѣтлости, если-бъ и мнѣ таковую поручить изволили, и если она меня отъ государевой военной службы не отвлечетъ. Сей послѣдней я себя посвята, буду тѣмъ ревностнѣе ободреннымъ къ ежечасному употребленію въ оной, поелику мое состояніе будетъ противъ прочихъ безобидно.

42.

Астрахань, Декабря дnia 1781 году.

Позвольте, свѣтлѣйшій князь, принесть вашей свѣтлости усерднѣйшее мое съ новымъ годомъ поздравленіе. Всевышній да продлить вѣкъ вашъ при ненарушимомъ здравіи въ множайшія лѣта. Сего искреннѣйше желаетъ всегда пребывающій съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію.

43.

Кр. Св. Дмитрія Ростовскаго, 10-го Декабря 1782 г.

Позвольте мнѣ принесть всенижайшее поздравленіе съ новымъ годомъ. Благодать Всевышняго да пребудетъ надъ вашею свѣтлостю несчетныя лѣта! Поручаю себя въ высокую милость вашей свѣтлости и буду по мой гробъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

44.

На Дону, Устьаксайской станъ, 15 Декабря 1783 г.

Удостойте, свѣтлѣйшій князь, благопринять приношеніе сіе усерднѣйшаго моего съ наступающимъ новымъ годомъ поздравленія. Всевышній да даруетъ вашей свѣтлости, какъ оной, такъ и множайшіе другіе въ вождѣнномъ здравіи и

благоденствіи препроводить. Сего душевно желаетъ пребывающій вѣчно съ глубочайшимъ почтеніемъ и всесовершенною преданностію и пр.

45.

Кр. Св. Дмитрія Рост., 14-го Февраля 1784 г.

Великой Императрицеюувѣнчаніе высокихъ талантовъ вашей свѣтлости новою степенью меня, вамъ наипреданнѣйшаго, въ восторгѣ моемъ ободряеть паки принесть вашей свѣтлости мое всенижайшее поздравленіе. Благоволи, Боже, чтобъ многолѣтіе вашей славы процвѣтало во вселенной! Я же усердіемъ малыхъ моихъ трудовъ, стремясь быть угоднымъ вашей свѣтлости, препоручаю себя въ высокое ваше покровительство и пребуду съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

46.

10-го Апрѣля 1784 году.

Вашей свѣтлости нижайше благодарю за всѣ ваши мнѣ оказанныя высокія милости. Простите мнѣ, свѣтлѣйшій князь, что я самолично сего не учинилъ; безъ того увѣрены ваша свѣтлость о моей къ вамъ преданности. Но спѣшу я въ Москву къ моей новой командѣ. Поручаю себя въ высокое покровительство вашей свѣтлости и буду вѣчно съ глубочайшимъ почитаніемъ и пр.

47.

Москва, 6-го Іюля 1784 года.

Я былъ въ Санктъ-Петербургѣ—пастъ къ высочайшимъ стопамъ и былъ принятъ милосердо. Нынѣ бду въ мои деревни, прикосновенія расположенню шестой дивизіи. Пріятность сей праздности недолго меня уѣхитъ можетъ: высокая

милость вашей свѣтлости исторгнетъ меня изъ оной поданіемъ случая по высочайшей службѣ, гдѣ я могу окончить съ честью мой животъ.

48.

Село Упдолъ, подъ Володимеромъ, 22-го Ноября 1784 году.

При высокомъ повелѣніи вашей свѣтлости отъ 5-го Ноября мѣсяца всемилостивѣйше пожалованную мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества, изъ числа сдѣланныхъ на присоединеніе къ Российской Имперіи полуострова Крымскаго, золотую медаль я сего жъ теченія 22-го числа имѣль честь съ наичувствительнѣйшимъ удовольствіемъ получить. За сію являемую мнѣ милость поставляю долгомъ вашей свѣтлости принести мою всенижайшую благодарность.

49.

С. Упдолъ, 10-го Декабря 1784 году *).

Съ наступающимъ новымъ годомъ вашу свѣтлость всенижайше поздравляю. Истекающій годъ я прожилъ въ деревнѣ при иныхкоторыхъ войскахъ, въ ожиданіи отъ вашей свѣтлости особой мнѣ команды, какъ я обыкновенно командовалъ дивизіею или корпусомъ; особенно, милостивый государь, ваканція мнѣ по дивизіямъ Брюсовой и Репнина. Въ сторонѣ первой я имѣю деревни; но все равно, свѣтлѣйшій князь, гдѣ бы я отъ высокой милости вашей свѣтлости особую команду ни получиль, хотя въ Камчаткѣ.

Въ праздности купилъ я 92 души подъ вексель, которой въ два года выплачу. Оставилъ на Кубанѣ экономіи больше

*) Это письмо было папечатано въ Р. Архивѣ 1879 (III, 0403), съ подлинника хранящагося у г-на Лясковскаго. Въ Архивѣ Князя Воронцова оно тоже имѣть все признаки подлинника; но который настоящій подлинникъ, намъ неизвѣстно. Есть однако основаніе думать, что оба экземпляра суть литографические снимки.

П. Б.

100.000 и по краткому времени на 4-ре мѣсяца мѣсячныхъ. Вотъ мое корыстолюбіе.

Подъ Копыломъ командовалъ не Эклисовъ, а Ник. Рахмановъ, которой въ поле съ полкомъ, съ поля съ баталіономъ; противъ его одного года, я во всю мою службу столько людей не потратилъ, и сочинялъ на меня пасквилии.

Служу я, милостивый государь, больше 40 лѣтъ, и почти 60-ти лѣтній. Одно мое желаніе, чтобы кончить высочайшую службу съ оружіемъ въ рукахъ. Долговременное мое бытіе въ нижнихъ чинахъ пріобрѣло мнѣ грубость въ поступкахъ при чистѣйшемъ сердцѣ и удалило отъ познанія свѣтскихъ наружностей. Препроводя мою жизнь въ полѣ, поздно мнѣ къ нимъ привыкать. Наука просвѣтила меня въ добродѣтели; я лгу, какъ Эпаминондъ, бѣгаю какъ Цесарь, постоянненъ какъ Тюренъ и праводушенъ какъ Аристидъ. Не разумѣя изгibовъ лести и ласкателствъ къ моимъ сверстникамъ, часто неугоденъ. Не измѣнилъ я моего слова ни одному изъ непріятелей, былъ счастливъ, потому, что я повелѣвалъ счастиемъ.

Успокойте духъ невиннаго предъ вами, въ чемъ я на страшномъ Божіемъ судѣ отвѣчаю и пожалуйте мнѣ особую команду... Исторгните меня изъ праздности, но не мните при томъ, чтобы я чѣмъ хотя малымъ гр. Иваномъ Петрови-чемъ *) недоволенъ былъ; токмо что въ роскоши жить не могу. Въ чужіе краи... **) тоже праздность. Уповаю на высокую милость вашей свѣтлости и буду по гробъ мой и пр.

50.

9-го Марта 1788 г.

Батюшка князь Григорій Александровичъ! Боюсь прогнѣвить вашу свѣтлость въ видѣ неблагодарнаго... Казюки на меня наступили, и моя совѣсть. Кутейниковъ по службѣ и

*) Салтыковымъ.

П. Б.

**) Въ обоихъ мѣстахъ точки, какъ и ниже въ письмѣ 50-мъ, находятся въ подлиннике.

П. Б.

качествами достоинъ, и ежели есть заслуга къ собственности имъющеї влияніе въ успѣхи, то я истекаль, начинаясь обморохъ, лекаря нѣтъ, самъ собою онъ рѣшился перевязать....

Вашей свѣтлости, милостиваго государя, нижайшій слуга
Александръ Суворовъ.

51.

Фокшаны, 21-го Июля 1789 году.

Мы здѣсь одержали побѣду! Легко ранены бригадиры: Левашевъ, Вестфаленъ, подполковникъ артилеріи Воейковъ, Хастатовъ, и протчій уронъ малъ. Отъ Австрійцовъ убить полковникъ графъ Ауэрсбергъ. Взяли нѣсколько пушекъ и знаменъ, о чёмъ впредь подробнѣе объясню.

Г. Александръ Суворовъ.

52.

Берладъ, 18-го Февраля 1790 году.

Великій гетманъ! Господь Богъ, великая Императрица, да увѣличають и далѣе великую душу, высокіе таланты вашей свѣтлости. Нижайше благодарю за милостивое письмо ваше сего отъ 16-го числа и пребуду и пр.

Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.

53.

Берладъ, 23-го Февраля 1790 году.

Проливаю слезы, паче о незаплатимомъ союзникѣ! Леопольдъ былъ скупой гражданинъ по прежнему престолу; нынѣ Бѣлградъ съ протчимъ его задержать долженъ: Шлезія тажъ для Австрійскаго дома. Нижайше благодарю за списокъ и письмо вашей свѣтлости сего отъ 21-го числа. Поручаю себя въ вашу милость.

20*

54.

Берладъ, 14-го Марта 1790 г.

Вашу свѣтлость нижайше благодарю за милостивое письмо ваше сего отъ 9-го ч. Боже даруй вашей свѣтлости крѣпкое здоровье для одолѣнія тяжелыхъ дѣлъ; тоже у меня грудь чистится къ веснѣ близъ мѣсяца. Господина Мустафу-эфендія я угостилъ. Въ высокославной Пруской арміи быстрая Польская конница умкнетъ, у себя оставитъ Прусскую пѣхоту на жертву, ежели ея по обстоятельствамъ протекціи прежде не отберутъ; у насъ же иныи легкія войски не тѣ, чтобъ были при Петрѣ Великомъ. Помоча Селимова далека; жаль, что послѣ Данцига въ угодность неудобно промѣнять Каменеца на молошной рожокъ.

55.

Гирлешти, 30-го Іюля 1790 году.

Боже вамъ даруй здравіе, какъ и да увѣнчаетъ Россію побѣдою на Сѣверѣ....*) и въ свое время надъ Прускими королемъ. Милостивое письмо вашей свѣтлости сего отъ 27-го ч. съ нижайшею моей благодарностію получилъ и пребуду съ глубочайшимъ почтеніемъ.

56.

Д. Молдавенія на Яломицѣ, 23-го Іюля 1790 году.

Боже благослови на Бендеръ путь вашей свѣтлости и кампанію. Нижайше поздравляю васъ, милостиваго государя, съ побѣдою г-на Ушакова. Удостоенъ письмомъ вашей свѣтлости, поручаю себя въ ваши повелѣнія и пребуду съ глубочайшимъ почтеніемъ.

*) Такъ въ подлиннике, равно и ниже въ письмахъ 58—60.

П. Б.

57.

Д. Молдавени на Яломицѣ, 27-го Июля 1790 году.

Нижайше благодарю вашу свѣтлость за милостивое письмо сего отъ 23-го ч. Здѣсь мы сыты, здоровы, и всего у насъ довольно. Диванъ присласть 300 скотинъ; пр. Кобургъ 200 ведръ горячаго вина. Лѣнивая Турецкая переправа за бурыми на Дунай и небольшой охотой визиря. Милостивый государь! Боже, благослови предпріятія ваши!

58.

Київіані, 3-го Сентября 1790 году.

Ахъ, батюшка князь Григорій Александровичъ, оживляете меня! Боже вамъ даруй, чтобъ сонъ бирбрауеровъ (у Вас. Степ.) сбылся, и право есть надежда. Поляки двояки и перемѣнчивы, Герцбергъ суперфинъ и рвется, Густавъ нашъ.... Коли угодно Геркулесовой дубинѣ, и центръ не далекъ. Вивать, Ушаковъ! Нижайше благодарю за увѣдомленіе вашей свѣтлости. Я готовъ, милостивый государь, къ повелѣніямъ вашимъ. Борюсь сильно съ горячкою и по гробъ мой съ глубочайшимъ почтеніемъ.

59.

Д. Київіані, 29-го Сентября 1790 году.

Вашей свѣтлости милостивое письмо сего отъ 25-го числа получилъ. О Рост. и Новог. прежде донесено. Въ присутствіи или помощи сухопутныхъ войскъ гребной флотъ возьметъ Килию, Измаиль и Браиловъ... Для услугъ сего послѣдняго подвезти можетъ нѣчто осадныхъ артилерій и припасовъ, или эти доставить благовременно резервной корпусъ водою, отъ стороны Никорештского лѣсу, готовыя кромѣ фашинь, конъ тоже исправить въ здѣшнихъ мѣстахъ. Раи, милостивый го-

сударь, оговорены отъ нейтралитета; въ свое время сухопутное войско перейдетъ здѣсь при Сербанешти, спустить мостъ за устье Бузео и въ Браиловскомъ раю. Какъ декреть на Булгарію не публикованъ, мечтается въ перспективѣ, что по времени ваша Силистрія и ближе къ трибуни префекта... ежели черта пера не предварить остріе меча. Вашей свѣтлости новый годъ! Новые мнѣ милости. Я выстрѣлю ваше здравіе.

60.

5 Октября 1790 году.

За милостивое письмо вашей свѣтлости сего отъ 1-го числа нижайше благодарю.

Десница Господня да сотворить силу и вознесетъ подвиги ваши!

61.

Максименп, 22-го Октября 1790 году.

Слава Вышнему! Поздравляю съ Кипрею: ключъ къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ вашей свѣтлости. За милостивое письмо сего отъ 19-го числа нижайше благодарю. Всемогущій Богъ умножи вамъ во всѣхъ странахъ побѣды! Браиловцы благовидны.

62.

Галацъ, 24-го Ноября 1790 году.

Вашей свѣтлости милостивое письмо съ Лошаковымъ получиль, повелѣнія исполняю и съ Рибасомъ пока издали знаюсь. О Боже, дай вамъ погоду и Браиловъ!

63.

Галацъ, 30-го Ноября 1790 году.

Получа повелѣнія вашей свѣтлости, отправился я къ стоянѣ Измаила. Боже, даруй вамъ Свою помошь!

64.

Измаиль, 18-го Декабря 1790 г.

Вивать, князь Григорій Александровичъ, на 7000 лѣтъ! За письмо вашей свѣтлости всѣ здѣшнія храбрыя войски вамъ нижайше руки цалуютъ. Подъ самымъ Мачиномъ не было, подъ Браиловыемъ было 8-мъ судовъ да 5-ть пушекъ и 6 судовъ, отъ 2-хъ до 3-хъ пушекъ при нѣсколькихъ десяткахъ купецкихъ. Нынѣ показываютъ 4 первыхъ и иныхъ 2, 3-хъ пушечныхъ до 30-ти. Гарнizonъ и 8 и 12000, но съ нижнимъ вооруженіемъ можно больше счислять. Противъ моего пароля дѣлали наши тамъ чутъ малые заѣзы, и нехорошо. Я запретилъ, т. е. пора мнѣ домой.

65.

Измаиль, 20-го Декабря 1790 года.

Сколько бы я желалъ коснуться здѣсь вашей мышцы, но ваша свѣтлость вѣрить можетъ, что я въ душѣ моей обнимаю колѣни ваши. Здѣсь я кончилъ, подозрѣніе мое на Новосеретскую политику принуждаетъ меня туда спѣшить.

Письма безъ означенія годовъ.

66.

Воззрите милосердо, свѣтлѣйшій князь, на мое двулѣтнєе состояніе безъ малѣйшей здѣсь команды: безгласенъ, отъ всѣхъ презрѣнъ. Въ Казанской дивизіи два полка.

Настояще угнетаемъ возрастающею гордостію; писаль, чтобы доложить вашей свѣтлости о позволеніи мнѣ временно отлучиться въ Пензенскія мои деревни, кои ближними отсюда и всюду подручными.

Ежели ваша свѣтлость меня предопредѣлять изволитъ къ дѣйствію будущею вееною, то до оной близко; буде же про-

длиться можетъ до осени, то, милостивый государь, повелите мнѣ выѣхать въ мои деревни, или лучше перемѣститься въ Кизляръ, откуда по надобности государева дѣла я могу обращаться въ Астрахань.

67 *).

Тотъ я Г. чтò идетъ завоевать П.... Я только хвастаю, что близко 40 лѣтъ служу непорочно. Я повѣщаю Хм. о контрибуціяхъ, просилъ у вашей свѣтлости денегъ, счелся съ моими доходами; нынѣ они мнѣ ненадобны, ни дѣятъ моимъ. Я требовалъ у Х., стыдно сказать, красавицъ; кромѣ брачнаго я не разумѣю, чего ради по сему столько много вступаюсь за мою честь. Пер..аргамаковъ. Я ъзжу на подъемныхъ лучшихъ уборовъ. Ящика для нихъ нѣть, драгоцѣнностей у меня множество, брильянтовъ изъ высочайшихъ въ свѣтѣ ручекъ и Индѣйскихъ парчей. Я право не знаю, есть ли тамъ они? и проч. Сложники скрежетали. Х. пасквили здѣшней тріумвиратъ: Сибирякъ, якобы Армянинъ Минай Степановъ и Татаринъ Имангуловъ. Съ презрѣніемъ взираю на толь глупая подлости, по преданности къ вашей свѣтлости непоколебимой моей души вѣрю, что и вы, свѣтлѣйшій князь, съ неменьшимъ омерзеніемъ гнусность сю принять изволили и ради моего удовольствія въ высокой власти вашей свѣтлости нынѣ и впредь тому подобныхъ достойныхъ наказанія происшествіяхъ ободряете добродѣтель, покровительствуете сихъ испытанныхъ рабовъ великія Императрицы, и меня приближающагося смертной старости утѣшаете толико прославляемымъ правосудіемъ вашимъ, дабы я и въ преображеніи моемъ съ сего свѣта могъ достойную жертву за васъ приносить Всемогущему Богу.

Сему письму близъ 1⁴/₂ мѣсяца.

•

*) Письмо это относится доссорь Суворова съ его супругою. П. В.

68.

Вашею свѣтлостію омилостивленной мой племянникъ маіоръ Ник. Сер. Суворовъ явился у меня при окончаніи сего. Узналь я отъ него о высочайшихъ ко мнѣ щедротахъ. Позвольте только теперь мнѣ молить Бога о здравіи вашей свѣтлости; ибо письмы празднують еще въ Полтавѣ по химерному меня туда ожиданію назадъ. Разсудилось мнѣ поспѣшить нижайшимъ по службѣ донесеніемъ.

Письма къ В. С. Попову.

69.

Кипбурнъ, 13 Апрѣля 1788 году.

Вашему высокородію при семъ послѣдній инструментъ на хамут.... Кончите милость.

А. С.

70.

Доложите его свѣтлости. Планъ на коеъ батареямеъ, еще побольше маштаба поспѣть къ завтрему.

71.

14-го Июня 1788 году.

Милостивый государь мой Василий Степановичъ!

Вашего высокородія почтенное письмо отъ 12-го числа сего мѣсяца имѣль честь получить. О Турецкомъ суднѣ, что взорвало, я доносиль. Севастопольской флотъ спѣшивъ, недѣлю сряду былъ ему наиспособнѣйшій вѣтеръ безъ перемѣны. Судите, коли бъ Богъ далъ! Послѣ... здѣшнимъ почти хуже Чесмы. Кромѣ нась, Воиновичъ ихъ не выпустить. Пожалуйте жгите тотчасъ эти письмы: у васъ всегда караводъ трутней.

72.

Петровъ день.

Ваше высокородіе съ праздниками поздравляю. За поздравленіе съ славными побѣдами жучекъ надъ слонами и участіе Блокфорта благодарю, но паче благодарю Бога за счастье свѣтлѣйшаго князя. Отъ чего жь? Правило двуличіевъ по велѣніяхъ начальника есть крайное невѣжество... Теперь не беспокою, буду благодарить его свѣтлость за моего мальчишку. Протектуйте протчихъ. Обнимая васъ, буду всегда съ истиннымъ почтеніемъ.

73.

18-го Іюля 1788 года.

Вашего высокородія дружеское письмо отъ 11-го получилъ чрезъ племянника и за обѣихъ покорнѣйше благодарю. Теперь опять у меня новое комплектованье, новые ваши благотворствы.

74.

27 Іюля 1788 года.

Къ вашему высокородію посылаю при семъ моего мальчика. Сдѣлайте милость, представьте его свѣтлѣйшему князю; повелите ему, чтобъ онъ его свѣтлости поклонился пониже, и ежели можетъ быть удостоенъ поцаловать бы его руку. Доколѣ Жакъ Жакомъ мы опрокинуты не были, цаловали мы у стариковъ только полу... Прикажите моему мальчику исполнить какъ приличиѣ.

75.

18-го Августа 1788 года Кинбурн.

Прежнее мое не стоило отвѣта вашего высокородія отъ 16-го числа, какъ и это еще меныше; въ ономъ ни посредства, ниже о имени.. упомянуто не было. Воображенія наши подвержены ежевременной перемѣнѣ вида, почему за пролетающія наши мысли мы и сами себѣ не отвѣчаемъ; иногда мы ихъ описываемъ пріятелю безъ обоюднаго уваженія. Такъ я переписывался съ вами, такъ часто съ моимъ другомъ Осипомъ Михайловичемъ *): басни и дѣло. Вы имѣете ваши департаменты, безъ обремененія выше.. Благополучно текло; кратко, вы сами знаете, подозрѣнія быть не могли; природа не одарила меня безчестностью, перемѣниться мнѣ поздно: буду всегда тотъ же. Въ прежнемъ два героя, подъ протекціею Академіи, хвалились, что они будутъ. Не предосудительно-ли то мнѣ? Честь моя мнѣ всего дороже, покровитель ей Богъ. Развѣ послѣ... я не спичка. Такъ и имѣль я долгъ вамъ дружески напомянуть, напомянуть. Рана, милостивый государь мой, это шутка; 2 докт. медиц. и 3-й кричали вмѣстѣ, безъ толку брызнули они отъ меня, какъ съ ристанья; но она была смертельна и нынѣ еще съ остаткомъ того, будто до будущей недѣли; знаете, что лѣкарі лѣстять. Помните, сколько моя прежняя продолжалась.... Чувствую нынѣ и прежня моя раны; но доколѣ живъ служить, хотя иногда и отдыхать: такъ долгъ христіанина. Чистой разсудокъ безъ узловъ. Мой стиль не фигуральной, но натуральной притвердости моего духа! Ежели кап. п. живъ и хотя буйно, но по лучшей ловкости быть здѣсь дракѣ: то желаль-бы, чтобъ басурмане дали мнѣ покой по малой мѣрѣ на недѣлю. Обнимая васъ какъ другъ, остаюсь и пр.

*) Рибасомъ. Письма Суворова къ Рибасу см. въ Р. Архивѣ 1866.

76 *).

Кицбурнъ, 22-го Августа 1788 году.

За писаніе вашего высокородія оть 21-го мною сего числа чрезъ архитектора полученное, приношу мою покорнѣйшую благодарность, равно и за участіе пріемлемое въ случаѣ несчастнаго здѣсь трясенія, отъ коего я благодарю Всевышняго большаго вреда, кромѣ что нѣсколькихъ малыхъ на лицѣ знаковъ и удара въ грудь, не получилъ.

«Охъ, братецъ! А колѣно, а локоть! Простите, самъ не пишу, хворъ».

Дѣвѣ записки Суворова о своей службѣ **).

1.

Графъ Алек. Сувор. Рымн. 2. 3. году. Что было бы въ степени г-на Потемк-а ***). Оть меня больше пользы! Послѣ не было-бы странности при Варнѣ, Шумлѣ. 7 бат. 3. 4.000 конн. были при Козлуджи. Прч. вспячены Каменскимъ 18 верстъ. Отвѣсь списочнаго старшинства. Каменскій помѣшалъ гр. Алек. Сувор. Рымн-у, перенестъ театръ чрезъ Шумлу за Балканы.

Въ частности графъ Сув. Рымн. удрученъ милосердіями. Земля корпораль! Въ общественности на томъ же рубежѣ. Принцъ Кобургъ овластченъ къ плодоносіямъ. Такъ Евгеній, Даудонъ прч. Они обошли графа Суворова Рым-а. Во всей арміи никого.

Эднigъ изъ чужестранныхъ въ капитаны, графъ Сув. Рымн-кій сержантъ гвардіи. Князь Юрій Долгорукій съ нимъ

*) Собственноручна въ этомъ письмѣ только прпписка, означеннайа здѣсь вносиими знаками.

**) Обѣ записи сохранились въ современныхъ спискахъ. Въ первой многое нельзя понять. П. Б.

***) Т.е. Павла Сергеевича Потемкина, а не князя.

П. Б.

одного года въ службѣ по списку въ колыбели. Надъ прочими графъ Сув. Рымн-кій старѣе лѣтами и службою, кромѣ Петра Дмитріевича Еропкина, чтò особо изъ увольненныхъ. Графъ Брюсъ по адъютанству въ гвардіи; графъ Иванъ Салтыковъ по камеръ-юнкерству и Франкфортскому извѣстію. Николай Салтыковъ по оберъ-квартирмейстерству и Франкфортскимъ знаменамъ. Князь Репнинъ по адъютанству въ гвардіи; графъ Валентинъ Платоновичъ Пушкинъ.. Каменскій по артиллеріи и квартирмейстерству; князь Юрій Долгорукій, полковникъ Бросетъ, коихъ не было. Всѣ они были оберъ-офицерами, графъ Сув. Рым. преміеръ-маіоръ.

Si je serais J. César, je me pourrais le premier capitaine du monde. Настоять на это было бы подобно тому Московскому архимандриту, чтò себя пожаловать въ преосвященнаго Платона.... физикально и морально. Время кратко; сближается конецъ, изранентъ, 60 лѣтъ, и сокъ весь высохнетъ въ лимонъ.

2.

Здѣсь поутру мнѣ тошно, въ вечеру голова болить! Переизмѣна климата и жизни. Здѣсь языкъ и обращенія мнѣ незнакомы. Могу въ нихъ ошибаться. Потому расположеніе мое неоднапаково: скуча или удовольствіе. По кратковременности мнѣ неколи, поздно, охоты нѣтъ учиться, чemu до сего не научился. Это все къ поступкамъ, не къ службѣ! Глупость или ядъ не хочетъ то различать. Подозрѣнія на меня быть не можетъ: я честный человѣкъ, Богъ за меня платитъ. Безчестность клохчетъ, и о частомъ утоленіи моей жажды извѣстно, что сія умѣреніе какъ у прочихъ. Зависть по службѣ! Заплатить Богъ. Выѣзды мои кратки. Естьли противны, и тѣхъ не будетъ.

Сіе написано въ С. Петербургѣ, послѣ взятія Измаила штурмомъ, когда императрица Екатерина хотѣла за сей необыкновенный штурмъ возвесть Суворова въ фельдмаршалы, по противной партію сіе разстроено, и сдѣланы ему другія пожалованія, какъ то: похвальная грамота на память будущихъ временъ, производство въ подполковника гвардіи въ Преображенскій полкъ и еще что-то.

ПИСЬМА СУВОРОВА ИЗЪ ИТАЛЬЯНСКАГО ПОХОДА КЪ
РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ *).

1.

Къ графу С. Р. Воронцову.

Со особливою благодарностію получилъ я писаніе вашего сіятельства отъ $\frac{8}{19}$ Марта, преисполненное искренними выраженіями, изъясняющими патріотическое ваше участіе въ учиненной мнѣ Его Императорскимъ Величествомъ всемилостивѣйшимъ нашимъ Государемъ новой довѣренности командованіемъ здѣсь соединеною арміею противу неистовыхъ и буйныхъ Французовъ съ ихъ послѣдователями. Не могу я описать ощущительную признательность къ оказываемому благоволенію его Великобританскаго величества въ избраніи моемъ на принадлежащій мнѣ трудный подвигъ, которой обращаеть на себя вниманіе цѣлаго свѣта; однакожъ съ призываю всегда всемогущаго Бога въ помощь, уповаю, что храбрые Россіяне укротятъ проклятую кичливость Французскую, и пріобрѣтутъ чрезъ сіе новую славу. Я надѣюсь, что ваше сіятельство скоро получите о семъ свѣдѣніе, а между тѣмъ пребуду

*) Печатаются съ современныхъ списковъ.

П. Б.

2.

Къ нему же.

Письмо отъ $\frac{8}{14}$, Марта имѣль честь получить. Дни два назадъ прибылъ я къ Австрійскимъ войскамъ и нашелъ ихъ въ полныхъ успѣхахъ. Россійскіе прежде шли тихо, но по-томъ сдѣлали маршъ въ 88 миль въ 19-ть сутокъ, въ непогоду, въ горахъ, по послѣднему зимнему пути и разлитю рѣкъ и, обождавши соединенія части съ ихъ первыми, выступаемъ мы сего числа за Адышъ. За памятованіе меня въ толикой отдаленности другъ отъ друга приношу вашему сіятельству мою чистосердечную благодарность и съ совершеннымъ по-чтеніемъ пребуду по конецъ дней моихъ.

3.

Къ графу А. К. Разумовскому.

Милостивый государь мой графъ Андрей Кириловичъ!
По почтеннѣйшему вашему письму $\frac{10}{21}$ Апрѣля о графѣ Бергетѣ исполнено будетъ, и Краю я внушилъ. Ваше сіятельство чистосердечнѣйше поздравляю съ здѣшними отъ Бога намъ дарованными неожидаемыми успѣхами. Быстрота столь велика, что заднія Россійскія войска еще къ намъ не поспѣли; но еще и тутъ мѣшаеть провіантъ по томнымъ прежнимъ обычаямъ. Меласъ дѣйствуетъ похвально; баталія при Вапріо; малочисленные Цесарцы бились хватско холоднымъ ружьемъ, но начально тожъ въ иныхъ мѣстахъ. Вѣрьте, почтеннѣйший другъ, что я усталъ, собираю силы. Да благословить Господь Богъ! Его превосходительству Степану Алексѣевичу *) усердное мое поченіе. Ахъ я забылъ графиню: поздравьте съ Миланомъ. Съ совершеннаю преданностю пре-буду вѣкъ мой.

*) Комычеву.

4.

Къ неизвѣстному лицу.

Ваше превосходительство Яковъ Ивановичъ. Приложенное хотя въ главныхъ правилахъ я уничтожаю, но не въ подробностяхъ, то есть по завладѣніи Александріи оставьте тамо для гарнизона прибывшиe къ вамъ три батальона съ половиною изъ Валенсіи. Возвратите ихъ туда назадъ, развѣ оставите изъ нихъ въ Александріи одинъ въ прибавокъ по усмотрѣнію вашему, а казакъ останется какъ есть для учрежденія разныхъ порядковъ. Генераль Сентъ-Андре можетъ также у васъ пробыть сколько надобно и возвратится въ главную квартиру. Прибавьте генералу Милорадовичу потребныхъ казаковъ. Но уже вашею стороною никакимъ войскамъ къ Турину не пдти, а только полуторъ сотни лучшихъ казаковъ съ ихъ начальникомъ для западей противъ 15 числа. Притчины сему... что непріятель, отступившій отъ Александріи, хотя немногочисленный, не удалился еще вѣрно изъ Астіи, хотя на него подозрѣній нѣть. Не взирая на то, приведите крѣпость тотчасъ въ оборонительное состояніе.

5.

Къ графу П. А. Толстому.

Милостивый государь мой графъ Петръ Александровичъ.

На первое ваше письмо $\frac{16}{27}$ числа (другихъ я не получалъ) отвѣчалъ я кратко чрезъ Вѣну 29 Апрѣля. На послѣднее отъ 2 Маia отвѣчалъ приложеніемъ. Предразсудкамъ кабинета безъ отвѣта Богу послѣдовать не должно. Онь въ четырехъ углахъ. Эрцъ-герцогъ Карлъ въ четырехъ частяхъ круга солнечнаго. Французы въ офензивѣ проворнѣе многихъ народовъ. Чрезъ дефензиву эрцъ-герцога Карла они центрально *) чуть было мою печенку не проглотили. Нынѣ лучше.

*) Четыре слова не разобрано.

П. Б.

Дефензивъ терялъ Италію до преддверіевъ Вѣны; оfenзивомъ эрцъ-герцогъ выгналъ изъ Германіи двѣ арміи Жордана и Моро. Эрцъ-герцогъ Карлъ сообразно здѣшнимъ дѣйствіямъ не только долженъ былъ занимать вниманіемъ Французовъ, но надлежало ему давно завоевать Швейцарію и съ помощью тамошнихъ храбрыхъ народовъ даровать имъ вольность, учинить себя господиномъ Рейна; тако сею вѣрнѣйшею иныхъ чертою оградить Цесарскія владѣнія, и тамъ, для цѣли ежели изволить глядѣть въ трубу, до вратъ Парижа.

6.

Къ А. Г. Розенбергу.

Іюня 2-го (1799) Александрія.

Ваше высокопревосходительство Андрей Григорьевич!

Новѣйшія извѣстія: Французы какъ пчелы, и почти изъ всѣхъ мѣсть роятся къ Мантуѣ... Намъ надлежить на нихъ напасть. Гдѣ это васъ застанетъ? Отдохнувши сколько надлежить, поспѣшайте къ намъ въ соединеніе. Мы скоро подымемся. Они сильны. Съ нами Богъ. Простите мнѣ, что вы были затруднены по обстоятельствамъ.

При семъ для свѣдѣнія вашего превосходительства препровождаю переписку мою съ эрцъ-герцогомъ. Неудовольствіе его, что я не соглашаюсь на его требованія, обнаруживается довольно изъ сихъ бумагъ. Но слава и честь высочайше ввѣренного мнѣ войска для меня священнѣе, и всѣ замыслы Тугута не вовлекутъ меня въ разставленныя имъ сѣти. Я твердое принялъ намѣреніе дать войскамъ нашимъ нужный отдыхъ и снабдить ихъ всѣми потребностями и потому уже расположить свои дѣйствія.

Управить Берлинъ Вѣною, Берлиномъ Вѣна, поелику дозволять. Обои перевѣсны на Днѣпръ и Двину.

Еще въ Италии оть безбожныхъ неопасно; ихъ не оста-

валось 20000 солдатъ; прочие крестьяне, кои къ веснѣ будуть солдаты.

Я внушилъ послу. Онъ жертвовалъ Тугуту. Контръ-революція чрезъ Дофине... Прибылыхъ 100000 Русскихъ, хоть 3000 пушекъ осадныхъ и иныхъ. Въ Туринѣ военной аммуниції на нѣсколько кампаніевъ. Баронъ ихъ къ себѣ увезъ на Франш-контѣ. Тѣхъ способовъ... теперь лишилъ насъ патроновъ; но сего до освобожденія Швейцаріи и мыслить не можно. Эрцъ-герцогъ всѣми силами начнетъ; мы будемъ готовы къ первой зимѣ, и дѣла на мѣсяцъ. Безъ того, по силѣ нашей, мы одни ни шагу. Сего даже не пригрезится....

Но что за громъ! Сказывали въ Гларисѣ, что изъ Парижа перевезено въ Вѣну 11 миллионовъ ливровъ для изгнанія Россіянъ за Альпы. Не жаль будетъ. Тожъ въ Константинополь 2-хъ, 3-хъ миллионовъ. Кромѣ крѣпостей дефензифъ въ полѣ жретъ вдвое. Вилларъ не вездѣ. Кончимъ сю скучную мечту Господь силь съ нами!

Принцъ Кобургъ. Гофъ-кригсратъ имъ не властноваля. Туттуть не народился. Онъ старѣе меня, былъ у меня въполномъ послушаніи, отъ того Фокшаны, Рымникъ, завоеваніе Валахіи... Кольми паче нынѣ я призванъ командовать арміями Австрійскими, такъ мнѣ тотчасъ принадлежитъ эрцъ-герцогъ Карль. Отнюдь не изъ амбиціи, которой я 70 лѣтъ чуждъ, но по поводу общаго блага и моей зрѣлой практики; иначе, по силѣ моей, долго или навсегда я мертвой капиталъ, до исхода изъ Египта.

7.

Къ графу А. К. Разумовскому.

Милостивый государь мой графъ Андрей Кирилович!

Вашего сіятельства почтеннѣйшія письма отъ $\frac{7}{18}$, $\frac{8}{19}$ и $\frac{10}{21}$ Маія имѣль честь получить и покорнѣйше благодарю за рѣшеніе о Шембекѣ... Это была пропозиція безъ рефлекції;unter-
кунфтъ уже не здѣсь, но въ Вѣнѣ отношеніями мнѣ вредень; сокращаю ласковостію, мнѣ наизлѣйшій непріятель. Очень скученъ дипломатической штиль обманчивою двуличностью. Спать недосугъ... Русскіе не таковы: генералы ихъ больше рекрутъ. Боже посоди кончить кампанію. Всеросійскій Императоръ повелѣваетъ мнѣ относиться къ королю Обѣихъ Сицилій; мнѣ тамъ еще темно. Г-на Толстова вы усмотрѣли. Моя система иначе: или 30-ти лѣтнія война или Кампоформіо, хуже ея съ юнымъ Бонапартіемъ. Могъ бы намъ открыться въ будущую кампанію Парижъ. Адда—Рубиконъ. Мы ее перешли на грудяхъ непріятеля; при Кассано, какъ здѣсь называютъ, слабѣйшою колонною разбили его армію что отворило намъ путь въ Миланъ. Выучить мнѣ своихъ неколи было. Препоны что я выше описаль. Почти бы никто изъ нихъ не спасся. Лишь я здѣсь свѣдалъ, что они сюда какъ овцы бѣжали, и генералы впереди. Тако и другія въ свѣтѣ рѣки всѣ переходимы. Дефензивъ. Оfenзивъ. По йерому славенъ Лассіевъ кордонъ отъ Триеста до Хотина. Сей прорывали варвары по ихъ волѣ. Въ немъ много хранительныхъ пунктовъ. Слабѣйшій больше къ пользѣ непріятелей, чего ради меньшія его силы, ударяя въ одинъ, препобѣждаютъ. Такъ дѣлали здѣсь Бонапарте; такъ погибли Болье, Альвинци, Ворумзеръ. Мнѣ повороту нѣть, или также погибнуть.

На шеѣ моей Тортонской и Александрийской замки; въ первомъ больше провіанта. Мантую сначала главная моя цѣль, но драгоценность ея не стоила потеряня лучшаго времени кампаніи. Субsistенція ея уменьшилась теперь отъ

нордовой черты. Приступимъ тверже къ ней, наполнивъ героями край. Пора помышлять о зюйдовой чертѣ: недорубленный лѣсъ опять выростаетъ. Выгрузившійся при Сестіи непріятель пошелъ на воздухъ; вмѣсто того тамъ нагружалъ багажи для спѣравленія въ Геную. Худы, видно, Макдоналльдъ и Монтремаръ; испуганные издали Отто и Клейнъ намѣрены прогуляться. Откроеть время. Спѣшимъ мы здѣсь къ осадѣ Турина скаго замка. Сооружаемъ на то здѣшнія пушки... О Боже, колику бы намъ Піемонтская армія полезною была; ее послѣ можно было распустить, ежели ненужна. Въ моихъ трудахъ утѣшаютъ меня всемилостивѣйшия рескрипты Римско-императоро-королевскаго величества. Спасителя ради, не мѣшайте мнѣ!

8.

Къ нему же.

Милостивый государь мой графъ Андрей Кириловичъ!
Вашего сіятельства пріятнѣйшее письмо отъ 28 Маія (8 Іюня).

Сентъ-Андре намѣренъ формировать сверхъ сего по примѣру прежнему провинціальные полки. Я на то согласенъ. За 6-ть баталіоновъ Піемонтской арміи благодаренъ я много вашему сіятельству.

Правда, что боязливость неотдѣлма отъ патурального кабинета. Нынѣ я получилъ рескрипты. Онъ весь сооруженъ изъ страховъ отъ Макдоналльда, котораго войскъ у меня плѣнныхъ 12268 человѣкъ при 4-хъ генералахъ и 8 полковникахъ, какъ увидите изъ приложеннаго.

Здѣсь взято 6 знаменъ одними Русскими. Я желалъ бы ихъ отослать къ Россійскому Императору, только прошу чрезъ Тугута спросить на то императорскаго соизволенія. Касательно же Басиньянскаго дѣла, то оно послѣ поправилось, и я нынѣ доволенъ, какъ ни въ чемъ мнѣ не мѣшаютъ. Ея сіятельству графинѣ Елисаветѣ Осиповнѣ за доставленный подарокъ моя низайшая благодарность и поздравляю съ Тури-

номъ. Ея сіятельству графинѣ Елісаветѣ Кириловнѣ *) здѣсь мой отвѣтъ. Я приму сына ея въ обѣятія и зависящую отъ меня помошь оказать не премину. Вѣрно, почтеннѣйший мой другъ: я часто безъ гласу, языка и памяти. Извольте внять изъ цыдулы Дмитрію Иван. Хвостову. Предуготовьте мнѣ разбремененіе съ мірскими суетами и спокойствіе моимъ мало численнымъ днямъ.

9.

Къ нему же.

Александрия, 20 Іюля.

Милостивый государь мой графъ Андрей Кириловичъ!
Высочайшій **), вашего сіятельства при письмѣ отъ 4 Іюня,
мною полученъ исправно. Здѣсь включаю по оному всепод-
даннѣйшее донесеніе.

Ежели Дирихштейнъ и терпимъ, правя Тугутомъ, то пра-
вить и нами. Министру пути не будетъ... Проек-
торы, элоквенты, пустобаи, пытаются гофкригсрать. Сей, не
касаясь до меня, повелѣваетъ частно, мнѣ недовѣдомо, ге-
нераль-квартермейстеру, отъ которого я слѣдственно завишу
Послѣ сдачи Туринской цитадели, получилъ генераль-ква-
термейстеръ отъ гофкригсрата, сколько я вѣдаю, что имъ
овладѣть не можно прежде завладѣнія Генуи и Куніо (чего
глупѣ!); что мы на голову побиты будемъ и погибнемъ на
мерзкомъ ихъ бѣгу, при защищенніи каждой изъ множества
рѣкъ. Таковыя подлыя невѣрства, сопряженныя съ многомѣст-
ными скрибентскими интригами противъ моего чужестранства,
принуждаютъ меня не терпѣть ни часу и сложить съ себя
мою должностъ, естьли вдругъ возмочь. Вы одни дайте мнѣ
къ тому способъ. Я доволенъ буду препроводить остатокъ
моихъ малыхъ дней, хотя съ малымъ пропитаніемъ, какъ сель-

*) Апраксиной, сестрѣ графа Разумовскаго. П. Б.

**) Т. е. рескрипти. П. Б.

ской дворянинъ. Я опредѣлилъ Розенберга командовать корпусомъ Ребиндера, а вмѣсто его здѣшнимъ Дерфельдена. Отто малосильнѣе при Пармѣ.... Я остаюсь при прежнемъ распоряженіи. Я едва и сіе начертаніе осилить могъ: столько и вѣрно слабъ. Александрийскій замокъ первой степени стоитъ много труда. Чуть осадная артиллерія изъ Турина прибудетъ и попрежде недѣли, такъ ужъ будетъ скоро.

У Цесарцовъ артилеристовъ недостаточно. Эрцъ-герцогу даны лишніе. Край также жалуется недостаткомъ его ими. Отъ Ребиндера довольно я подкѣпилъ; дополни Піемонтцами. Меласъ считаетъ. Я то паки подтвердилъ: полно писать. Бога ради выводите вы меня изъ пургаторіи: ничто немило. Армія Піемонтская значить только 6 баталіоновъ. С. Андре хотѣлъ формировать ландмилицию въ прежнемъ числѣ. Андерсонъ изъ Вѣны къ Меласу: ему все дѣйствіе запрещено. Ко мнѣ ничего. Такъ я и входить не хочу или не могу. Вотъ благодарность Тугута.

Стыдно мнѣ бы было, чтобы остатки Италіи въ сію кампанію не опорожнить отъ Французовъ. Потомъ и театръ во Франціи не былъ бы тяжелъ; мы бы тамъ нашли великую часть къ намъ благосклонныхъ.

1) Опорожнить Италію отъ Французовъ, дать мнѣ полную волю; 2) чтобы мнѣ отнюдь не мѣшали гофъ-кригсрать и гадкие проекторы; 3) готовъ я изъ Швейцаріи ли къ Германіи, или къ Франціи ли; иначе мнѣ здѣсь дѣла нѣтъ. Домой, домой, домой: вотъ для Вѣны весь мой планъ.

10.

Къ А. Г. Розенбергу.

24 Июля.

Ваше высокопревосходительство, Андрей Григорьевич!

Отъ обвѣщательного посту и патрулевъ, какъ скоро увѣдомлены вы будете, что непріятель сближается къ Бобіо, то извольте съ содѣйствующимъ вамъ генераломъ-фельдмаршаломъ-лейтенантомъ Оттомъ, поелику онъ потребенъ будеть, принимать мѣры къ низверженію непріятеля. 1) Когда Бобіо зайдетъ какимъ своимъ отрядомъ, то его схватите и поразите нечаяннымъ нападеніемъ, особенно ночью; 2) ежели Макдональдъ очутился бы тутъ съ остатками его арміи, вы столько сильнѣе, чтобъ до корня разбить; 3) естьли бъ случилось, что и Моро съ нимъ соединится, то хотя вы совокупно и одни достаточны ихъ низложить, но для крѣпчайшаго удара мы отсюда готовы къ вашимъ услугамъ.

11.

Къ неизвѣстному лицу.

Іюл 25 дня 1799. Александрия. № 7.

Вейсмана не стало, я изъ Польши: одинъ бью всѣхъ вездѣ. Быть подъ Гирсовымъ, я побилъ. Сказаъ: послѣдній мнѣ ударъ. То сбылось; я погибъ. Счастье, говорить Римской императоръ. Ослина въ арміи голова говорила мнѣ: слѣпое счастіе. Вы требуйте войскъ. Чтѣ бъ вы сдѣлали, естьли бъ побиты были. Глупой министръ не зналъ, что для пользы отъ побѣды надобно больше войска. У меня невиннаго отнимаютъ послѣдняго агнца Ребиндера. Эрцъ-герцогъ Карлъ, высшая особа, не даетъ мнѣ и повелѣннаго. Кабинетъ желаетъ утвердить потеряніе Ломбардіи и мечтаніе меня сбыть яко бременнаго ему чужестранца, паче чтобъ сумасходныхъ своихъ

правиль не опорочить предъ Европою и доказать, что я только долженъ быть стражемъ предъ Вѣнскими вратами. Я буду Цинциннатъ, но до того вашъ пространный разсудокъ да побѣдить тлетворныя препоны. Завоюйте горныя части Италіи къ зюйду, острастите симъ Французовъ, а не штурмомъ однаго Туринскаго замка.

Послѣднія мои побѣды исторгли у меня изъ рукъ до 5000. Бештимть-загеры сгубили у меня изъ оружія больше 10000. Общее благо совѣстить васъ ихъ наполненіемъ, не только чтобы у меня неблагоразумно отторгать Ребиндера. Онъ подъ Розенбергомъ будетъ послѣ завтра при Піаченцѣ для закрытія къ Моденѣ осады Мантуи и всѣхъ завоеванныхъ неоцѣненныхъ странъ въ Ломбардіи. Какъ скоро онъ отъ меня прочь, и я отовсюду прочь, по крайней слабости духа и тѣла. Гдѣнибудь до всевысочайшаго увольненія. Спѣшу къ сохѣ. Знаеть ли глупой, робкій кабинетъ, что осада безъ прикрытия обсервационныхъ корпусовъ не производится, развѣ по привычкѣ битымъ быть, какъ Лафейллядъ? Таковъ теперь Ребиндеръ. Я его и послѣ никуда отпустить не могу; а требую повелѣній мнѣ войскъ отъ эрцѣ-герцога Карла, на смѣну моего Гадека въ Граубинденѣ. Крою эрцѣ-герцогову кровлю, мою раскрывать не надлежитъ или предаться по прежнему непріятельскимъ законамъ. Честнѣе и прибыльнѣе воевать противъ Французовъ, нежели противъ меня и общаго блага.

Совѣтую вамъ, почтенный другъ, ежели случится вашему сіятельству въ чемъ ни есть къ войскамъ отнестись, чтобы мнѣ о томъ для соображенія какъ къ ихъ начальнику сообщить изволили; Вѣна въ воинскихъ операцияхъ не можетъ никогда какъ я свѣдуща быть. Не заводите другой гофъ-кригерать. И одинъ всю мою голову, вѣру и вѣрность крушить. Простите мое чистосердечіе.

12.

Графу П. А. Толстому.

Отъ 27 Июня. Александрія.

Эрцъ-герцогъ Карлъ на 3-хъ, 4-хъ генеральныхъ баталіяхъ и побѣдахъ нанесъ непріятелю урону тысячу пять и шесть. Можно бы удвоить, утроить, и штыками здѣсь при мнѣ Нѣмцы хорошо колютъ. Индѣ и во всемъ глупо я цѣлю, чтобъ съ ними растаться. Бездѣйствственный гофъ-кригсрать, робкой кабинетъ, неискореняемая привычка битымъ быть,unterъ-кунфть, бештимтъ-загеры. Послѣдніе убавили у меня изъ подъ ружья въ три раза въ отрядахъ почти больше, нежели мнѣ на трехъ баталіяхъ стоили Тидонъ, Требія и Нура, а всего 10000. Отъ эрцъ-герцога повелѣнная смѣна моего Гадека до нынѣ безъ исполненія. На бештимтъ-загенъ здѣсь пронесся слухъ, якобы одна колонна Корсакова сюда будетъ; напротивъ того, Нѣмцы отваливаютъ отъ меня и горсть Ребиндера. И вѣдомо, здѣшнія завоеванія не по ихъ правиламъ, какъ они обыкли все терять до Вѣнскихъ вратъ, которые перенесены быть могутъ въ Пресбургъ. Для чего эрцъ-герцогъ Карлъ послѣ побѣды нашедъ Массену больше не атаковалъ?

Онъ боится и Цурихъ потерять и въ тишинѣ обороны наследственныхъ земель пользуетсяunterъ-кунфтомъ. Французы реквизицируютъ, собираютъ новую армію въ название ванжансъ; на 29 Июня отворятся траншеи подъ цитаделью Александріи, почитаемою первого ордена, и Мантуею осаду послѣдней закрываетъ Розенбергъ съ Ребиндеровыми корпусами. Господь Богъ съ вами.

13.

Къ неизвѣстному лицу.

1-го Іюля 1799-го года. Александрія.

Французы брешутъ, что миѣ здѣсь не быть. Они подку-
пать въ Вѣнѣ; правда, даже и у меня много Якобинцовъ въ
бештимть-загерахъ.

Доклады я въ Миланѣ изъ Вѣны получаю; отвѣтъ о прїѣздѣ
моемъ въ Верону. Я только что въ Туринѣ перешелъ. Пишу тъ
мнѣ о Миланѣ; но всего лучше Туринѣ опорожнить послѣ
какъ цитадель взята будетъ. Нынѣ до взятъя Мантуйи на до-
сугѣ то можно зрѣть изъ проекта на злодовы горныя части.

Я имѣю истинной припадокъ горячки, хотя на ногахъ.
Благодарю Степана Алексѣевича *) за его твердые для него
отзывы. Не часто пишу, и что жъ я могъ послѣдній разъ
писать? Я бью, Белегарда бьють; не доконча почти желае-
маго, тороплюсь назадъ, полагая, что по ихъ бештимть-за-
герству Белегардъ уже заперся въ Валенціи, а до конца пи-
сать было невѣрно. Суточные труды, сцептическая огромная
переписка съ бештимть-загерами, непрестанные отъ интригъ
неудовольствія по гофъ-кригсрату, наконецъ, ваше письмо
изъ Валенціи. Какъ Вурмзеръ въ Мантуй, спѣшной оборотъ
туда. Моро прогнать въ горы. Поздравляю съ Александрій-
скимъ зѣмкомъ первого ордена и вѣкъ мой съ совершен-
нымъ почтеніемъ.

*) Колычова.

П. Е.

14.

Къ графу С. Р. Воронцову.

Милостивый государь мой графъ Семенъ Романовичъ!

Лорды, дѣти патріотизомъ славящагося дюка Портланда и господа Клинтонъ и Свінбургъ вручили мнѣ письмо вашего сіятельства. Я весьма порадованъ пріобрѣтенiemъ сихъ толико знаменитаго рода и похвальнымъ рвенiemъ къ воинскимъ подвигамъ отличающихся Великобританцевъ. Препорученіе вашего сіятельства пріемлю я въ истинной его цѣнѣ и потщусь доставить имъ случай къ удовлетворенію ихъ желаній. Они уже были на полѣ сраженія у рѣки Требіи, гдѣ непріятельская армія подъ Макдональдомъ въ 28.000, бatalіями чрезъ три дня продолжавшимися, низложена, оставя на мѣстѣ убитыми болѣе 6000, и въ плѣнъ намъ доставшихся 4-хъ генераловъ, Руске и Оливье, дивизіонные Сальмъ и Камбре; полковниковъ 8, штабъ и оберъ-офицеровъ 502,unterъ-офицеровъ и рядовыхъ 11766; пушекъ 6, знаменъ 7, и часть обозу съ провизіями и снарядами. Съ остальными спасся стремглазъ въ Генуэзскія горы. Въ Туринѣ по отвореніи траншеи 31 Мая и открытіи батареи 7-го Іюня, началось сильное бомбардированіе на цитадель. Сie принудило гарнизонъ поспѣшить къ сдачѣ на капитулацио; на разсвѣтѣ, 9-го Іюня, генералы Фіорелли и Лаландъ вышли съ плѣнными на размѣнъ 2790 человѣками. Тамъ найдено мѣдныхъ мортиръ 148, пушки 384, гаубицъ 30, ружей 40000, пороха 50000 пудъ, снарядовъ неисчисленное множество.

15.

Къ графу Θ. В. Ростопчину.

Милостивый государь мой графъ Θедоръ Васильевичъ!

Вашего сиятельства почтеннѣйшее письмо отъ 7 Июня имѣлъ честь получить и за оное покорнѣйше благодарю. Не человѣческія силы, но Божіе Провидѣніе вѣнчаетъ мужественныя войска нашего Великаго Государя Императора. Успѣхи и побѣды имъ принадлежать, въ чемъ Цесарцы и признаются. Послѣ Тионы и Требіи Макдональдъ съ компаніею на пятой день побоищъ, увы! былъ бы съ остаткомъ въ нашихъ рукахъ. Уже мы въ погонѣ, какъ извѣщаются, что Лаконтъ съ 3000 легіономъ сзади близъ нашихъ обозовъ. Мнятъ, Моро склоняется за нимъ. Вдругъ колонны остановились. Я въ здравьѣ слабъ и безгласенъ. Скоро на то подтвержденіе: Моро опрокинулъ Бельгарда подъ Александріею. Онъ понѣмецки заперся... Ежели операциями повелѣвается гофъ-кригсрать, то во мнѣ здѣсь нужды нѣть, и я нынѣ желаю домой. Сей кабинетный декреть разрушилъ порядокъ всѣхъ моихъ операциевъ; мнѣ должно было для исправленія довольно здѣсь пріостановиться. Макдональдъ не побить; онъ соединится съ Моро, мнѣ надлежало Бельгарда поспѣшать къ себѣ, Гадекъ задремалъ; но наитомнѣйший эрцъ-герцогъ Карль тотъ ударъ ему нанесъ и на насъ всѣхъ опасную бурю наклоняется. Бельгардъ на походѣ долженъ быть подкрайнить Гадека почти половиною своихъ силъ; къ намъ придется слабъ, тако и мы будемъ слабы.

Всякой частной генераль не по однимъ внутренностямъ, но во всемъ относится въ гофъ-кригсрать; тако имѣеть право и интриговать по его пристрастіямъ и предразсудкамъ.... По симъ гофъ-кригсрать изъ четырехъ угловъ имѣеть право имъ повелѣвать и меня вязать.... Томность его кабинета налагаетъ томность эрцъ-герцогу Карлу. Сей принцъ, хотя бы и усерденъ былъ для общаго блага, такожъ связанъ, какъ я для

кооперації съ нами, какъ неуповательно, что онъ самъ вредную медленность любить. Иначе надѣяться можно было въ сю кампанію отвѣтать мнѣ за Италию, ему за Германію и за Швейцарію. Его высокопревосходительство Тугутъ да вникнетъ въ сіи правила; его мудрость да преодолѣть единожды гибельныя онимъ препоны, и твердость его духа да удалить безконечности для спасенія Европы.

Много бы у меня здѣсь набралось добровольныхъ Піемонтскихъ войскъ и было бы чѣмъ ихъ вооружить какъ и содержать безъ малѣйшаго Римскому императору убытка; нынѣ же они мнѣ паче по многимъ причинамъ нужны. Лучшіе люди для гарнизоновъ съ нашими, ради ихъ замѣны, могутъ дѣйствовать иногда и въ полѣ при нашихъ, иногда для внутренней службы. Не первое ли это правило было у Французовъ въ быстрыхъ ихъ завоеваніяхъ? Важныя *liberté, égalité* не могли долго стоять противъ важныхъ *religion, souveraineté*. Еще что, графъ Андрей Кириловичъ? Которые съ вѣрою и вѣрностію приступили для насть къ службѣ, какъ въ нихъ много праздныхъ людей, вспомогаемы черепашьимъ шагомъ гоффъ-кригсрата, направятъ паки ихъ фланги къ Французамъ. Многіе кадеты и офицеры, по недостатку довольноаго пропитанія, пойдутъ его у нихъ искать, а артели свои легко сберутъ. По всѣмъ симъ уваженіямъ я здѣсь; иначе я бы лучше изъ Вѣны ѿхалъ домой между Алекто и Терсита, какъ гоффъ-кригсрать мнѣ не мѣшаль; его одна и двѣ кампаніи мнѣ стоили мѣсяца; какъ его владычество загенералисимствовало, можетъ мнѣ стать одинъ мѣсяцъ его кампаніи на цѣлую кампанію.

16.

Къ неизвѣстному лицу.

Іюля 4 дня 1799. Александрія.

Я боленъ на ногахъ. Какъ у готдема сплинъ, такъ у меня отзывъ домой, ежели не перемѣнится. За почтенное письмо вашего сіятельства отъ числа Іюня покорнѣйше благодарю. Оно принесло бы мнѣ полную утѣху, естьлибы я тѣмъ зараженъ не былъ. Клянусь вамъ Астрою, боговъ посредницею. Между нами пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ.

17.

Къ графу А. Н. Разумовскому.

Ваше сіятельство всепокорнѣйшее и всенижайше благодарю за любезное дружеское ваше письмо отъ Іюня. Матушка графиня! Высѣки графа: онъ предъ этимъ немногого дурилъ. Вивать Александрійской замокъ первого ордена! Обнимаю васъ почтеннѣйшаго друга и по гробъ мой пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ.

18.

Къ графу С. Р. Воронцову.

24 Іюля 1799.

Ваше сіятельство, графъ Семенъ Романовичъ!

Его Сардинское величество пожаловалъ мнѣ дипломъ своего грандь-маршала князя и кузена. Слѣдующая ваша тактика достойна быть хранима въ кабинетахъ мудрыхъ государей для ихъ генераловъ арміи, жертвующихъ собою пользу отечества и общему благу.

19.

Къ графу А. Н. Разумовскому.

Іюля 27-го дня 1799.

Скорыми маршами армія изнурена: непріятель нападаетъ, всю побьеть и плѣнить. Такъ направляль Торель, адъютантъ Меласовъ Телена изъ Тюрина; но самъ честной доброй ста-рикъ тѣмъ же отзывался. Я это только что свѣдалъ, и отъ того разстройка въ Вѣнѣ.

Подъяческой стиЛЬ, которымъ безъ моего вѣдома пишутъ въ гофъ-кригсратѣ, я, сколько ни взыскиваю, доселѣ выве-сти не могу. Тѣмъ я никогда бештимтъ-загерской потери не знаю, а паче примѣрное исчислениe непріятеля, и въ описа-ніяхъ теменъ. Лучшій Вукасовичъ; только что отклоняясь какъ не разумѣть. О политическомъ по связи съ операцио-ннымъ должно ему сообщаться со мною, какъ хозяиномъ об-стоятельствъ. Вотъ я, бродя отъ экватора, къ полюсу добираюсь. Стыдно вамъ будетъ, ежели вы не обрящете вашимъ духомъ лучшія правила вещественнѣе моихъ для всаженія на престоль порядка у мудраго Тугута, естественно честнаго па-триота, но отводимаго проекторами для военныхъ дѣлъ по недо-статку истинныхъ вождей, на однихъ мерсенеровъ или хлѣбо-ѣдовъ. Служба ихъ въ титлѣ амбиції, то есть эгоизма вред-наго обществу! Я скажу: они храбры, я ихъ испыталъ, и оставилъ армію. Простите, ежели случится побѣдительнѣе Евгенія, но безъ меня. Тѣхъ же бывать унтеръ-кунфѣ и беш-тимтъ-загенъ; для короны размѣнъ есть; для нихъ не ихъ люди. Чегожъ жалѣть! Я воленъ, служу, когда хочу изъ ам-биції. Вы скажете: такъ Германія была, такъ и будетъ; но не было до сего страшныхъ ей безбожниковъ. Впрочемъ до нравовъ, ни до почестей дѣла нѣть, и ежели демократичества не сломить, то оно все потопить, а конца онаго по междо-усобіямъ долго ждать и безчеловѣчно. Парижъ съ Туриномъ различнаго званія.

20.

Къ А. М. Римскому-Корсакову.

Отъ 18 Августа 1799. Асти.

Милостивый государь мой Александръ Михайловичъ!

Теченіе обстоятельствъ непрестанно перемѣняется. Я хотѣлъ отъ васъ сюда 10000; вмѣсто того самъ къ вамъ иду и развѣ нечто прежде двухъ мѣсяцевъ. Мы были на Адѣ 20000, на Тидонѣ и Требіи 30000, при Нови 40000, а нынѣ въ горахъ или изъ горъ имѣемъ противъ себя 50000. Падшія главы гидры сугубо возраждаются. К. Алексій Г. *) хорошо сказалъ, а оберъ-лейтенантъ лучше. Бештимтъ-загерь разумѣеть, что нельзя перейти Аара въ мокрыхъ шинеляхъ и чрезъ 3 мѣсяца расторопнѣйшему начальнику. Да же унтеръ-кунфѣтъ потребенъ. Вы хорошо дѣлаете, что при очищениіи прочихъ малыхъ кантоновъ будете имѣть Люцернъ какъ нужной пунктъ для связи съ здѣшними и моего впредь похода, но отнюдь по какому неистовому и неуповатальному желанію, Гадека не смѣя и тѣ завися отъ меня. Лучше начните Берномъ, разбудите унтеръ-кунфѣтчиковъ и кончите Швейцаріею. Проложить путь къ слѣдующимъ отъ того важнѣйшимъ операциямъ. Я обнимаю васъ и моихъ любезныхъ земляковъ. Внѣдрите въ нихъ холодное ружье, чѣмъ мы здѣсь однимъ побѣды одержали. Вліяйте то и союзнымъ. Господь Богъ да благословить васъ въ богоугодное согласіе, котораго здѣсь прѣтущее состояніе толико безбожныхъ поразило.

*) Горчаковъ. П. Б.

21.

Къ графу П. А. Толстому.

Отъ 20 Августа 1799. Асти.

Милостивый государь мой графъ Петръ Александровичъ!

Мудрый Вѣнскій кабинетъ подариль Нидерланды, какъ подариль ему Бонапартъ чужую Венецію за Ломбардію; но колику превосходно его великодушіе! Туринъ на Калабрію, Неаполь на Палерму. Славище того будеть Вѣна на Пресбургъ.

Съ Бентламомъ будьте откровеннымъ другомъ. Я съ недѣлю въ горячкѣ, хотя еще и на ногахъ. Давно всеподданнѣйше прошу о отзывѣ. Развалинъ храма Темиры зрѣть не могу. Предпособите. Сообщайтесь съ Александромъ Михайловичемъ и кн. Алекс. Горчаковымъ, когда онъ дѣйствующій. Господь Богъ вамъ пособи. Я всегда съ истиннымъ почтеніемъ о весьма пріятныхъ для меня отзывахъ Англійской толико знаменитой націи извѣщенъ уже былъ отъ его сія—ва графа Семена Романовича Воронцова, котораго просилъ я письмомъ моимъ о изъявленіи ей чувствительнейшей моей признательности и объ особенному моемъ къ ней уваженіи. Не менѣе сего пріятно для меня участіе, которое ваше сія—во изволите принимать во всемъ что до меня касается.

Въ продолженіи нынѣшней кампаніи никогда не цвѣло лучшаго согласія, какъ посреди нашихъ и союзныхъ войскъ. Sie не въ порядкѣ вешчай и правиль; но я какъ сіи, такъ и многія другія сдѣлали фальшивыми. Соревнованіе подало взаимно рука руки помошь и пополняло недостающее. Нѣмцы въ здѣшнихъ мѣстахъ навыкли. Они знаютъ мѣстоположеніе, марши, продовольствіе. Пріятель нашъ Разумовскій въ сужденіяхъ своихъ ошибается или имѣть свои виды. По настоящей близости съ Франціею надлежить намъ усилить, колику возможно, войски для достижения мѣръ къ успѣхамъ, какъ въ Италії, что не такъ легко, какъ бы казалось. По

сими причинамъ необходимо мое здѣсь руководство и начальство надъ арміею эрцѣ-герцога Карла, также какъ до сей черты было надъ арміею эрцѣ-герцога палатина. До особы не касается, онъ тутъ или нѣть; но Тугутъ бы не деспотствовалъ. Отъ него я ничего не хочу. Оплеушинъ не пренебрегаю. Вотъ мои мысли въ разсужденіи мундира.

Намѣреніе мое было, взимая къ себѣ отъ Корсакова 10000 по окончаніи, утвердить границу и изготовить вступленіе всѣми силами во Францію чрезъ Дофине, гдѣ вѣрно до Лиона намъ уже яко преданы были; а нынѣ нѣчто остыли поступками Вѣнскаго кабинета съ королемъ Сардинскимъ....

Императоръ Римскій безъ разсчета миѣ пишеть смѣнить Гадека. Сюда на что? Почти не достанетъ всего Дерфельдена, а мнѣ одному съ свитою прибыть къ Корсакову на моемъ буцефалѣ; но между тѣмъ предъ всѣмъ свѣтомъ торжественно скажу, что никогда въ соединенной арміи между союзными такого согласія не цвѣло, отъ чего общая эмулация продолжалась. Я уже съ недѣлю въ горячкѣ больше отъ яду Вѣнской политики. На ногахъ и служу.

Эрцѣ-герцогъ прибыль въ Александрію, гдѣ уповательно по превратнымъ обстоятельствамъ останется до милости о немъ великаго Всероссійскаго великодушнаго Монарха, какъ и самъ его величество король Сардинскій можетъ быть уже изъ Кальверы исправился.

Боже! Колико бдительно ежемгновенно должно быть осторожнымъ.... Какъ всеподданнаго моего донесенія великому Государю здѣсь нѣть, то приличнѣе съ симъ въ С. Петербургъ вашъ курьеръ; а разъ его бы не случилось, то и мой тотъ же. Но отъ васъ его наипоспѣшнѣе изволите отправить, чтобы не упредилъ Вѣнскими отъ графа А—я Ки—ча хоть на сутки. Поручаю вамъ себя къ совѣстному содѣйствію общаго блага и буду съ совершеннымъ почтеніемъ.

22.

Къ графу С. Р. Воронцову.

Августа 20 (1799). Астп.

Зрите адъ, надъ которымъ царствуетъ Момусь и сильнѣе въ исходѣ вѣка распространя челости свои до Алльповъ, воз-двизаетъ Новый Римъ, основанія котораго были близъ бездны. Омладѣвшій Плутонъ покоренъ правнуку Асторота, отрекша-гося дѣлать мостъ чрезъ Стиксъ и летить сушить плащъ въ унтеръ-кунфѣ подъ кровлею. Всеподданійшѣ давно я ото-звался о отзывѣ... Нынѣ недѣлю въ горячкѣ, хотя еще на но-гахъ. Сей адъ гидру сюда изблевалъ. Касано 20000, Тидонъ, Требія 30000, Нови 40000; на сихъ дняхъ будетъ 50000, хотя пѣнныхъ однихъ при мнѣ 6000.

Обнимаю васъ, почтеннаго моего друга, и по гробъ мой съ совершеннымъ почтеніемъ.

23.

Къ С. А. Колычову.

Августа 20 (1799). Асти.

Милостивый государь мой Степанъ Алексѣевичъ! Сie только для васъ единаго: во всей Вѣнѣ испытую вашу доблѣсть. Къ пользѣ общаго блага исправьте его колебленность наипо-спѣшишѣе, исторгните его изъ опасности; великий нашъ Монархъ къ вамъ милостивъ. Но при томъ достойный графъ Семенъ Романовичъ васъ мнѣ называетъ своимъ большимъ другомъ. Лучше дѣло трактовать постороннимъ образомъ, нежели отъ моего имени, терзаемаго и въ горячкѣ отъ сателитовъ Тугута. Опоясанная мечемъ Скандерберга сія сова не съ ума ли сошла, или того никогда не имѣла? Приложенія храните въ тайности.

22*

24.

Къ графу Θ. В. Ростопчину.

21-го Августа.

Францію во Франціи исправить: такъ высочайшее намѣреніе.

Судьбою я еще не въ гробѣ, ни дома, и пока такъ, я долженъ служить равно Россіи и союзнику ея Австрійскому дому. Но когда опоясанный Скандерберговыемъ мечемъ сова-Тугутъ править *), то въ немоющи моей сказать долженъ: 1-е, докончить съ Италіею на чисто, закрыть ея границу диверсіею, но и цѣлою операциею на Ліонъ, куда духи приготовленные были испорчены поступкою съ королемъ Сардинскимъ; иначе здѣшняѧ Австрійская армія съ бештимтъ-загеномъ пойдетъ подъ унтеръ-кунфѣтъ, откуда будуть ее гнать до Кампоформіо, да и найдеть ли кто ихъ генераловъ, чтобы не быть мерсенеръ и бродфрессеръ? Всякой зависитъ отъ сателлитовъ гофкригсрата и держится одинъ противъ другаго ихъ кабалами. Они безвластны; Край лучше.

Филипсбургъ, Мангеймъ, Майнцъ, ими овладѣть прежде должно. О, ежели бъ король Пруссій въ то вступился... Эрцъ-герцогъ Карлъ хотя по его здоровью въ портшезѣ, но главной командиръ. Но по рангу недвижимъ. Уже тысячи девъ предтечъ Массеновыхъ показались чрезъ Сузу къ Турину; въ числѣ всѣхъ сихъ странствующихъ отъ Брабансона, Гренобля и Савои почти къ 15000 сверхъ 54000 Жордановой арміи съ реквизиціонерами. Мы отсюда заняты важностию Тортоны, кою они хотятъ освободить. Это по 31 Августа. Ушелъ бы әрцъ-герцогъ изъ Швейцаріи, Корсаковъ остается съ 33000, и хотя въ свѣтѣ ничего не боюсь, скажу: въ опасности отъ перевѣса Массены мало пособятъ мои 12000 отсюда, и поздно. Конде не силенъ; Англинские Швейцарцы

*) Четыре слова не разобранны.

П. Б.

новы и чужестранны. Хорошо бы имѣть Россійскихъ отъ 60 до 70000 вѣрныхъ героевъ и всего хоть съ Баварцами до 100,000 для толь мудрой и Европѣ полезной экспедиціи на Франшконте; равно *) полагается на контрѣ-революцію. О снабженіи Россійскихъ военными потребностями я къ Римскому императору писалъ. Все это прежде ранней весны исправно поспѣть не можетъ.

Операциѣ въ Голандіи и къ Нидерландамъ предуготовить памъ розы и лилеи, какъ Франція изнуряется. Да и Прovidѣніе намъ благопоспѣшило должно быть. Тамо менѣе препоинъ.

25

Къ графу А. К. Разумовскому.

23 Августа. Асти.

Я радъ, что генераль-квартермайстеръ маркизъ Шатлеръ обращенъ въ Вѣну. Онъ же немало здѣсь служилъ, но не менѣе былъ шпионъ Дидрихштейна. Цагъ его честнѣе, мнѣ необходимъ; послѣ въ Швейцарію, а Шатлеръ противъ того времени можетъ сюда повернуться.

Когда вы конферируите по неистовствамъ съ начала, не падлежало вамъ моего имени употреблять, а посторонне. Оно было орудіемъ къ гоненію меня сателлитами Тугута. Сей подьячій-сова изъ своего темнаго гнѣзда, хотя опоясанъ мечомъ Скандерберга, можетъ ли водить армію, править въ полѣ мгновенно перемѣняющимися обстоятельствами? Завоеватель не можетъ быть и командующимъ безъ своихъ политическихъ правилъ, а Тугуту принадлежитъ послѣ деталь; гиганту Тугуту, своею оборонительностью потерявшему Нидерланды, Швейцарію съ крѣпостями на Рейнѣ и Италію. Остался отрадою одинъ Кампоформіо, гдѣ уклонилъ колѣно юному Бо-

*) Два слова не разобраны.

П. Б.

напартъ. Одною помощію Божією, чутъ я начаљ дѣла исправлять, какъ онъ своею глупою военною системою давить меня Франціею чрезъ каналъ әрцъ-герцога Карла. Дальнее теперь описание горесть моя сокращаетъ.

26.

Къ графу Ө. В. Ростопчину.

Изъ Сести, 27 Августа 1799 года.

Съ высочайшимъ Его Императорскаго величества отъ 4 Августа рескриптомъ, которой я имѣлъ счастіе получить, доставлено мнѣ письмо посла графа Разумовскаго. Признаюсь, что содержаніе онаго меня весьма удивило. Г. посолъ почель за нужное не представлять прошенія моего объ увольненіи отъ службы императору Римскому, предусматривая отъ того непріятныя послѣдствія. Не входя въ изслѣдованіе причинъ его къ тому побудившихъ, скажу токмо здѣсь вашему сіятельству въ откровенности, что деликатность его не очень кстати, и что усильнѣйшія его настоянія и большая твердость въ Вѣнѣ были бы для дѣлъ службы въ теченіи пынѣшней кампаніи гораздо полезнѣе. Я за нужное почитаю на будущее время относиться во всемъ къ г. тайному совѣтнику Колычову. Пребываю и пр.

27.

Къ графу А. К. Разумовскому.

27 Августа (1799). Асти.

Въ отвѣтъ на послѣднее письмо вашего сіятельства не могу я скрыть моего удивленія, что вы высочайшее Его Императорскаго Величества къ вамъ послѣдовавшее повелѣніе о представлениі моихъ основательныхъ на многія мнѣ чинимыя ухищренія жалобъ по просьбѣ моей объ увѣдомленіи оставили безъ всякаго исполненія. Я долженъ здѣсь вашему сіятельству примѣтить, что въ высочайшемъ Его Величества ко мнѣ рескриптѣ именно сказано, что вамъ сильнейшимъ образомъ предписано исполнить сю монаршую волю. Таковоеже подобное порученіе сдѣлано и пребывающему въ Петербургѣ Римско-императорскому послу графу Кобенцлю; слѣдственно соблюденная сія вами къ Австрійскому министерству деликатность должна неминуема дойти до высочайшаго нашего все-милостивѣйшаго Государя свѣдѣнія. Вообще гдѣ нѣкоторымъ образомъ оскорбляется слава орудія Его Величества, тамъ потребны твердость духа и большая настоятельность. Пребываю впротчемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностю.

28.

Къ С. А. Колычову.

31 Августа 1799. Изъ Ривальты.

Планъ Тугутовыхъ операциевъ, примѣтьте, отвѣтъ на эрцъ-герцога, его невольника. Подкрѣпленіе мое для наследственныхъ земель, какъ будто земель только и есть. Уже и тутъ оборонительное, а великій Государь повелѣваетъ наступательное внутрь. Эрцъ-герцогъ Карлъ мнѣ безъ стыда относился, что ему только вѣльно пещися о закрытіи наследственныхъ земель. Два раза, хоть слегка, побить; уже все отъ него бѣжитъ;

стоитъ слишкомъ три мѣсяца праздно, уходить мѣсто того чтобы свободить Швейцарію и коснуться Мангейма, Филипсбурга и Маіанса, чтобы не было за спиною крѣпостей. Все мое вліяніе чрезъ Толстова не пособляетъ. Гнѣздо совѣподъячemu равно въ Вѣнѣ и въ Пресбургѣ. Мгновенно перемѣняющіяся обстоятельства правятъ дѣлами, а сіи правила начальникамъ. Я буду въ центрѣ. Отъ сего естественно зависятъ интермедіеры и крылья, а сателлиты Тугутовы, съ гофф-кригсгѣ-ратомъ чрезъ его шпіоновъ, въ коихъ командающіе генералы вяще отвѣсь власти имѣть будутъ. Я останусь одинокъ. Тугутъ гонить, эрцъ-герцогъ бѣжитъ, не бѣть Массену, будучи съ Россійскими чуть не вполтора сильнѣе его. Новый перунъ зрит!.. Се уже миѣ препона кромѣ могущихъ быть между тѣмъ чрезъ С. Готардъ сиѣговъ къ соединенію съ Корсаковымъ. Какъ бы ни случилось, уповаю на Бога, на предположеніе для блага Европы мудраго Государя. 31-го Августа выступаю отъ Тортоны къ Швейцаріи.

Къ графу С. Р. Воронцову.

12 Септября (1799), изъ селенія Фанта.

Письмо вашего сиятельства, въ которомъ вы извѣщаете меня о благорасположеніяхъ его Велико-британскаго величества и всего Английскаго народа ко мнѣ, я имѣлъ честь получить. Весьма пріятно для меня истинное изліяніе чувствъ столь знаменитой націи, которая великолѣпію духа всегда во вселенной отличалась и любить щѣнить достоинства. Я васъ, милостивый государь мой, покорнѣйше прошу принести мою глубочайшую благодарность его величеству за милостивѣйшее его обо мнѣ воспоминаніе и засвидѣтельствовать искреннѣйшія мои желанія о благополучномъ и вождѣленномъ царствованіи сего государя. Съ величайшимъ удовольствіемъ удовлетворю я желанію вашего сиятельства доставленіемъ къ вамъ портрета моего въ профиль, назначаемымъ вами путемъ, какъ я отыщу живописца. Примите, милостивый государь мой, при семъ слушай и мою чувствительнѣйшую признательность за ваши дружескія выраженія, изъявляющія участіе, которое вы пріемлете во всѣхъ благопріятствахъ до меня касающихся и вѣрьте совершенному почтенію и преданности, съ коими я всегда честь имѣю быть и пр.

30.

Къ графу Θ. В. Ростопчину.

2 Октября (1799). Фельдкирхенъ.

Дружескія вашего сіятельства ко мнѣ расположенія, изъясненная въ письмѣ вашемъ обязываютъ меня принести вамъ чувствительнѣйшую, искреннѣйшую признательность. Не взирая на всѣ почти непреодолимые трудности и опасности, пошелъ я съ храбрымъ нашимъ войскомъ изъ Италіи въ Швейцарію. Все положеніе наше обнаруживаю я всемилостивѣйшему нашему Государю, ободряемъ и оживотворяемъ будучи монаршими неисчисляемыми благотвореніями, которыхъ содѣлаться достойнымъ я никогда не буду въ состояніи. Возлагаю я въ дальнѣйшихъ моихъ военныхъ дѣйствіяхъ все мое упованіе на милость Божію. Вы не можете мнѣ, милостивый государь мой, оказать большей дружбы, большаго благодѣянія, какъ увѣрять всегда Его Императорское Величество, что всякое мое пожертвованіе и жертва самой жизни моей есть слабая дань за благотворенія, которыхъ когда либо подданный удостоился. Главная теперь цѣль при всѣхъ тѣсныхъ нашихъ обстоятельствахъ есть та, чтобы соединиться съ Корсаковымъ и поправить испорченное.

Сколько обстоятельства ни дозволяли бы, но уже дѣйствовать надежды нѣть: побѣдительная армія низошла на 10000, пѣхота боса, нага, дневный провіантъ, въ которомъ терпѣла недостатокъ какъ и въ патронахъ, чего послѣдняго ради иаконецъ избѣгалъ отъ сраженія. Корсаковъ безъ палатокъ, плащей, артельныхъ и прочихъ денегъ, въ одной рубашкѣ и съ нужнымъ провіантомъ; едва у него 10000 пѣхоты. Здѣшніе цесарцы до 18000 для гарнизоновъ. Какъ я выгнанъ былъ изъ Италіи, такъ эрцъ-герцогъ Карлъ изъ Швейцаріи въ угодность Французовъ для выгоднаго мира, и теперь слышу, что ихъ два тайныхъ комиссара въ Вѣнѣ. Бога ради Тугутова сателита Дидрихштейна стерегитесь. Не

имъю на цесарцевъ надежды къ соединенію съ Корсаковымъ: оть 40 до 60000 Массеновыхъ препоною. Что жъ послѣ и гдѣ спокойныя квартиры въ зиму? Не на Дунай ли? *) Тамъ мы укомплектуемся, снабдимся, оживимъ, на будущую кампанию будемъ новые герои для прославленія великаго Монарха. Злые замыслы барона Тугута, поелику они противны общему благу, меня оскорбляютъ, но я ихъ презираю; священная же воля моего великаго Государя есть для меня законъ. Послѣднее правда и святость. Но презрѣніе это было бы презрѣніемъ общаго блага. Прощайте милостивый государь мой; я прошу васъ вѣрить, что на вѣки преданность пребудетъ къ вамъ такъ и почтеніе мое душевно.

31.

Къ С. А. Колычову.

Октября 3 дня 1799 года. Фельдкирхенъ.

Милостивый государь мой Степанъ Алексѣевичъ!

Письмо ваше получилъ я чрезъ полковника Кушникова и приопошу вамъ за доставленіе мнѣ обѣ интригахъ Вѣнскаго гофкригерата свѣдѣнія истинную мою признательность. Ко-варные замыслы барона Тугута вездѣ болѣе и болѣе обнаруживаются, какъ и стремленіе его къ новымъ завоеваніямъ, ко вреду общей пользы видны въ Піемонтѣ.

Приложенные здѣсь бумаги, которыя я спѣшу доставить къ вашему превосходительству, доказываютъ то достаточно. Содержаніе письма вашего почитая слишкомъ важнымъ, чтобы не извѣстить обѣ ономъ графа Ф. В. Растопчина и о двухъ комиссарахъ Французскихъ въ Вѣнѣ, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ.

*) Нѣсколько словъ не разобрано

П. Б.

32.

Къ графу П. А. Толстому.

Октября 9-го 1799 года. Липдау.

Юный генералъ эрцъ-герцогъ Карлъ хочетъ меня оволовшебить его демостенствомъ; вы съ нимъ на три шага. Рѣшице съ нимъ, меня развязите иувѣдомьте: у меня жъ на его бештимть-загенъ отвѣтъ готовъ.... Герой въ оборонительномъ, сю кампанію далъ онъ себѣ изстари знать защищеніемъ наследныхъ земель.... Я жъ лѣтъ близъ 50-ти въ этомъ ни малаго раза испытанія не имѣль. Какъ завоевателю, не стыдится онъ ми сие предлагать возблестать свою помраченную славу. Съ его сильною арміею да войдетъ онъ тотъ часть въ Швейцарію и долженъ ее чрезъ мѣсяцъ свободить. Коли не такъ, я, исправясь въ квартирахъ, и ежели будетъ вѣренъ, къ содѣйствію ему готовъ буду хоть на зимнюю кампанію.

33.

Къ графу А. К. Разумовскому.

Октября 9-го (1799). Липдау.

Будьте послушны мудрости вашего Монарха: онъ хочетъ возвратить каждому свое. Чего благочестивѣе, справедливѣе и тверже! Изгибами вашими Тугуту вы ввергаете и себя въ опасность. Положимъ, Потсдамъ съ иными кабинетами стерпять его похищеніе чужаго, но надолго ли? Чрезъ краткое лѣточисліе поглотить то съ нимъ и Вѣною Новый Римъ.

Изъ его меланхолического гнѣзда выгнали онъ меня изъ Италіи, гдѣ сердца мои были до Лиона и къ Парижу. Онъ ихъ остыдили хищничествомъ Піемонта, гдѣ у меня была бы хранительная армія въ спинѣ для моихъ спокойныхъ винтеръ-квартиръ, ежели не лучше во Франціи... Но уже здѣсь явив-

шимся злодѣямъ, әрцѣ-герцогъ изъ Швейцаріи жертва Корса. ковыムъ; въ угодность злодѣямъ жертва мною и великодушнымъ великимъ союзникомъ, жертва частыми общаго блага... различiemъ вѣры, правовъ и обычаевъ союзныхъ армій. Правило со многими я сдѣлалъ ложнымъ, доказавши и то всею кампаніею. Всѣ начальники, мерсенеры и для хлѣба Тугутовы шпіоны, были долгомъ службы и дружбою мнѣ толь непримѣрно привержены, что отъ того родились сіи и мнѣ невѣроятныя побѣды и завоеванія.

Непрестовсты сіи легко поправить можно, спросясь съ Богомъ и совѣстю. На вышесказанномъ основаніи вѣрио будетъ войти во Францію чрезъ Дофине. Эрцѣ-герцогъ Карль съ Швейцарцами, освободя Швейцарію отъ ига безбожныхъ сумасбродовъ, войдетъ во Францію чрезъ Франшконте. Можно одпою кампанію отвѣтать... иначе мнѣ быть здѣсь главнымъ командиромъ обоихъ императорскихъ союзныхъ войскъ, какъ быль въ Италии. Но Итальянская настоящая армія, по мѣрѣ тлетворныхъ Тугутовыхъ замысловъ, останется мертвымъ капиталомъ, какъ я самъ здѣсь нынѣ и цѣлой эрцѣ-герцогъ Карль... для новыхъ Кампоформіо или Рейхенбаховъ. Вспомните вашу присягу великому вашему Монарху.

34.

Къ графу С. Р. Воронцову.

Линдау, Октября 28-го 1799 г.

Милостивый государь мой графъ Семенъ Романовичъ!

По перепискѣ быль я уже знакомъ съ г. Викгамомъ и долженъ достоинствамъ его отдать должную справедливость; а теперь имѣю я случай свести съ нимъ личное знакомство, и весьма пріятно мнѣ изъ отзывовъ письма вашего сіятельства видѣть доброе и отличное ваше къ нему расположение. Откровенность и увѣренность моя къ нему будутъ всегда соответственны добруму согласію и честнымъ поступкамъ Лондонского кабинета.

Чтò принадлежить до поведенія Вйнскаго кабинета, или лучше сказать Тугутова, то я усматриваю, что вы, милостивый государь мой, имъете объ ономъ полныя свѣдѣнія. Мнѣ остается однако же открыться вамъ здѣсь съ дружескою откровенностию, что на Австрійскія войска не имъю я причины жаловаться; потому что, бывъ побуждаемы соревнованіемъ, способствовали они многимъ успѣхамъ и, не взирая на по- рабощеніе всѣхъ и каждого генерала къ начальствующему ими министру, съ должнымъ согласіемъ исполнялъ каждый свою обязанность, и все они имѣли ко мнѣ привязанность. Буде же эрцъ-герцогъ Карлъ, по малочисленности нашего корпуса, дастъ мнѣ достаточное пособіе, то и здѣсь, съ помощію Божіею, надѣюсь я поправить всѣ послѣдовавшія нынѣ при Цюрихѣ несчастія *).

*) Только это письмо своеручно, остальные же вышеизложенные письма изъ Итальянскаго похода сохранились въ плохихъ спискахъ. П. Б.

БУМАГИ ПАССЕКА.

Этими бумагами значительно пополняются и разъясняются Записки Пассека, помещенные въ Русскомъ Архивѣ 1863 года. В. В. Пассекъ—отецъ извѣстнаго Кавказскаго героя и племянникъ одного изъ первыхъ пособниковъ Екатерины, впослѣдствіи Бѣлорусскаго намѣстника, П. Б. Пассека. Преслѣдуемый дядею онъ обратился въ бѣдѣ своей къ канцлеру графу А. Р. Воронцову, но получилъ удовлетвореніе уже только въ слѣдующее царствованіе.

П. Б.

1.

Письмо В. В. Пассека къ графу А. Р. Воронцову.

Сіятельнѣйшій графъ!

Приверженностю своею къ отечеству и бдѣніемъ о его благѣ вы всегда себя отличали и пользуетесь нынѣ довѣренностью доброго Александра. Угнетенный смѣло можетъ къ вашему сіятельству относиться. Я прошу васъ даровать мнѣ 2 или 3 часа; а что я ненедостоенъ и вашего покровительства п вашей защиты, откроете вы, сіятельнѣйшій графъ, изъ копіи съ десяти актовъ, мною представляемыхъ на ваше разсмотрѣніе, по списку на оборотѣ за мою подпись находящемуся.

Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностю есмъ
Вашего сіятельства покорный слуга

Василій Пассекъ.

Октября 1802 года,
изъ городовой С-тъ Петербургской тюрьмы.

Его сіятельству г-ну министру иностранныхъ дѣлъ, графу Александру Романовичу Воронцову.

P. S.

Списокъ принадлежащихъ къ сему бумагѣ:

- 1) Моя просьба 20 Сентября сего года Правительствующаго Сената четвертому департаменту.
- 2) Свидѣтельство Ригскаго купца Гримма о дурномъ поведеніи Софии Бурмайстеръ.
- 3) Планъ бывшей моей квартиры въ домѣ ректемейстера Какурина.

- 4) Мое письмо 29 Маія сего года бывшему генералъ-прокурору.
- 5) Объясненіе мое 30 Маія сего года Уголовной Палатѣ.
- 6) Свидѣтельство о предлагаемомъ мнѣ въ городовой тюрьмѣ Софьею Бурмейстеръ чрезъ повѣренаго ея капитана Блюма.
- 7) Экстрактъ моей тяжбы съ дядею моимъ по наслѣдству
- 8) Моего отца завѣщаніе.
- 9) Два свидѣтельства, данныхя мнѣ коллежскимъ совѣтникомъ Морошевичемъ и иностранцемъ Іосифомъ Веберомъ о предложеніяхъ, дѣланныхъ мнѣ въ 1793 году дядею моимъ по наслѣдству моего отца.
- 10) Сдѣлка дядею моимъ подписанная и мнѣ предлагаемая*).

Василій Пассекъ.

2.

Экстрактъ.

По дѣлу надворнаго совѣтника Василья Пассека съ дядею его генераломъ и кавалеромъ Петромъ Богдановичемъ Пассекомъ, по наслѣдству покойнаго подполковника Василья Богдановича Пассека, съ 1799-го года, сыну его упомянутому надворному совѣтнику Пассеку утвержденному высочайшимъ повелѣніемъ.

Изъ объясненія генерала Петра Богдановича Пассека отъ Марта 1799-го года, поданного въ Смоленское Губернское Правленіе.

Прошу покорно сообщить его превосходительству Лифляндскому гражданскому губернатору, чтобы воспретить бывшему маюру Паскову называться фамилиею ему непринадлежащею; ибо онъ Пасковъ, а не Пассекъ, что видѣть можно изъ печатныхъ списковъ, какъ по гвардіи, такъ и по арміи; да онъ и подъ симъ именемъ и въ службу записанъ и происходилъ

*) Эти приложениа сохранились не все и печатаются важнейшиа. П. Б.

чинами, то и почитаю, что въ прозваниі его Паскова сдѣла-
на письменная ошибка. Даже и сіе наименование далъ покой-
ный братъ мой съ согласія моего и дозволенія, на что я пись-
менное доказательство руки брата моего имѣю.

Оправороженія и доказательства на сіе надвэрнаго совѣтника Пассека.

Родился я въ Слободской Украинской губерніи, въ слободѣ Спасской, отъ отставнаго подполковника Василья Богдановича Пассека. Не распространяясь о точности сего и о великомъ числѣ особъ, вѣроятіе по законамъ заслуживающихъ, которыемъ сіе извѣстно, скажу теперь то, что я не смѣль сказать, когда мой дядя, былъ генераль-адъютантомъ, хотя имѣлъ и всѣ права на моей сторонѣ. Нельзя уже ему отпереться, что самъ онъ призналъ меня сыномъ роднаго своего брата и объявилъ себя готовымъ исполнить волю моего отца предъ судомъ и верховною властію. Какъ Пассеку мнѣ пожалована и утверждена Императрицею въ 1793-мъ году земля въ Ново-россійской губерніи; Пассекомъ и племянникомъ въ 1792-мъ году, когда я съ нимъ объяснился объ этомъ недоумѣніи, признавалъ онъ меня собственною своею рукою; а въ объясненіи своемъ проситъ, чтобы воспретить мнѣ называться Пассекомъ, ссылаясь, что въ спискахъ послужныхъ состою я подъ симъ именемъ. Но къмъ же какъ не имъ помѣщенъ я въ оные подъ симъ именемъ? Онъ самъ признается въ объясненіи записавшимъ меня подъ названіемъ Слободской Украинской губерніи дворянина Паскова въ службу; ему можно было и подъ инымъ еще именемъ меня записать: тогда я былъ 6-ти или 7-ми лѣтъ. Имя Паскова далъ онъ мнѣ, дабы завладѣть или по крайней мѣрѣ удержать мое именіе на иѣсколько лѣтъ для доходовъ въ своихъ рукахъ и имѣя вѣрное упованіе, что я послѣ иѣсколькихъ лѣтъ тер-пѣнія, дабы избѣгнуть тяжбы и будучи доведенъ до невозможности, за недостаткомъ по дѣламъ ходатайствовать (кои такъ продолжительны бываютъ и сопряжены съ большими издержками), съ нимъ принужденъ буду мириться. И при мировой

23*

сдѣлкѣ надѣялся онъ, что уступлю ему, какъ обыкновенно къ несчастію въ сихъ случаѣахъ водится, всѣ доходы, полагая себя благополучнымъ, что получаю отнятое имѣніе обратно. Онъ также сочинилъ отъ имени моего отца письмо, въ которомъ будто бы просилъ тотъ его о позволеніи дать мнѣ фамилію Паскова: таковою просьбою помрачилъ бы отецъ мой права мои на наслѣдство свое. Не во власти ли моего отца было дать мнѣ имя Паскова, обѣимъ имъ посторонняго, безъ согласія его? А естьли бы и просилъ мой родитель, то о фамиліи Пассека, а не Паскова; да и не у него одного, а у всѣхъ членовъ сей фамиліи. Слѣдовательно сіе его письменное доказательство есть подложное, да и потому еще, что не было бы дядѣ моему нужды болѣе 20-ти лѣтъ утаевать завѣщаніе моего отца, которое онъ въ прошедшее царствованіе, наконецъ, обнаружилъ по требованію Смоленскаго Губернскаго Правленія, опасаясь, что я могу его въ томъ уличить. Когда бы подлинно имѣлъ онъ такое письмо, то вѣрно послѣ моего отца кончины, судя по теперешнимъ его затрудненіямъ, не упустилъ бы случая тотъ часъ опровергать онимъ мое рожденіе и сіе завѣщаніе.

Изъ того же объясненія генерала Пассека.

Я получилъ отъ покойнаго генерала аншефа графа Ивана Симоновича Генрикова писанное къ нему моимъ покойнымъ братомъ письмо, которое за духовную бывшій маіоръ Пасковъ (думаю я) почитается; да и покойной братъ мой, зная всевысочайшія узаконенія, не могъ распоряжать недвижимаго своего имѣнія, развѣ бы продажею или закладомъ онаго, оконча дни свои 18-го Марта 1778-го года, слѣдовательно до всемилостивѣйшаго изданія грамоты о дворянствѣ: а по сему хотя бы вмѣсто сего письма и настоящая была духовная, то и она бы не имѣла никакой силы. Такъ ясно изъ сего усмотрѣть изволить Губернское Правленіе, что сіе письмо не есть духовная, а относится только къ распоряженію нѣкоторой движимости и домашняго распорядка, а ни мало не

касается до украйпленія кому либо недвижимаго имѣнія. По поводу чего прошу покорно Смоленское Губернское Правление, чрезъ кого надлежитъ, истребовать учиненное имъ Пасковымъ завѣщаніе въ 1796-мъ году; ибо должно думать, по сдѣланіемъ отъ него Паскова притязаніямъ, что оное относится на мое имѣніе лежащес въ Харьковской губерніи, которое мнѣ съ прочимъ послѣ смерти брата моего Василья Богдановича, частію по наслѣдству, а частію же по купчей отъ покойнаго брата Федора Богдановича Пассека, досталось (ибо изъ того имѣнія доставшуюся половинную часть брату Федору Богдановичу купилъ я у него въ 1778-мъ году 14-го Мая). А какъ онъ Пасковъ по вышеозначеннымъ причинамъ никакого на вышепомянутое сдѣланіе имъ завѣщаніе относится на то имѣніе: то прошу оное чрезъ кого надлежитъ уничтожить, яко сдѣланіе въ противность законовъ на имѣніе ему непринадлежащее.

Оправдженія и доказательства надворного советника Пассека.

Въ завѣщаніи родитель мой поручилъ меня въ опеку графу Ивану Симоновичу Генрикову и родному своему брату генералу Петру Богдановичу Пассеку. Первый изъ нихъ нѣсколько недѣль послѣ отца моего, къ несчастію моему, умеръ; а послѣдній толь часть сдѣлалъ планъ завладѣть моимъ наслѣдствомъ. Какую же онъ хочетъ форму завѣщанія? И словесное изъявленіе послѣдней воли при имовѣрныхъ свидѣтеляхъ законы признаютъ за завѣщаніе, да и можетъ ли сіе быть иначе? Иной завѣщатель писать не умѣеть, а иногда остается не болѣе времени и силъ сказать, или написать: «это тому, а сіе той я отдаю.» Въ письмѣ къ графу Генрикову, духовникомъ засвидѣтельствованномъ, мой отецъ подробнѣ описалъ, какому быть у него гробу и какъ его похоронить, чтѣ кому изъ движимости оставляеть, и старается о сохраненіи моей матери и мнѣ собственности. Да и дядя мой въ объясненіи своемъ Смоленскому Губернскому Правленію

призналь, что въ немъ послѣдняя воля родителя моего изображенна. На 8-мъ пунктовъ раздѣлено моего отца завѣщаніе, а не письмо. Въ 3 пунктѣ назначена родная его сестра княгиня Кантемирова, жившая въ 40 верстахъ отъ мѣста, где онъ скончался, свидѣтельницѣ послѣдней его воли; въ 7-мъ пунктѣ поручилъ онъ графу Генрикову послать повѣренаго по тяжбамъ, до имѣнія касательнымъ, къ родной своей сестрѣ Марѣ Богдановнѣ Полтевой въ Москву. Въ 8-мъ пунктѣ, о дворецкомъ отпущенномъ на волю, просившемъ остаться при мнѣ сказано: «Дать ему въ домѣ моемъ до возраста моего сына». И въ 7-мъ же пунктѣ изображено: «Григорью стряпичему до тѣхъ поръ не отдавать отпускной, пока онъ гнусное пьянѣе свое состояніе не исправитъ; и доколѣ не окончитъ Хотомлянскаго уѣзда дачамъ формальнаго межеванія, чтобы онъ при межеваніи не упустилъ нигдѣ соблюсти въ пользу моего наследника».

А для того, что подробностями приличище отяготить связаннаго кровю, дружбою и благодарностию, нежели обремѣненаго лѣтами графа Генрикова, въ завѣщаніи своемъ, родитель мой дядѣ и опекуну моему поручилъ мое воспитаніе, ходатайствованіе по тяжбамъ до наслѣдства моего касательнымъ, домашнія устройства и прочее, а графа Генрикова назначилъ онъ въ 1-мъ пунктѣ и въ заключеніи своего завѣщанія блюстителемъ покоя и собственности моихъ матери и моей. Въ объясненіи своемъ, какъ ниже означается, дядя и опекунъ мой вездѣ себѣ противорѣчить, сказавъ: «Я полагаю выполнить желанія брата, дать ему въ Украинѣ (въ Харьковской или Слободской губерніи) недвижимое имѣніе, Слободу и Крѣпостную, означенные въ письмѣ братией къ графу Генрикову» (въ 1-мъ пунктѣ завѣщанія).

Но тамъ же просить о уничтоженіи моего завѣщанія, когда я завѣщаю Украинское имѣніе сіе. Само по себѣ уничтожилося бы оно, буде мною завѣтствованное мнѣ не принадлежало бы; а не доказать сіе предъ судомъ, никакая власть изъ падающихъ за правосудіемъ не уполномочена закономъ уничтожать то, чтѣ каждый право имѣть дѣлать. Сіе

имѣніе объявила оиъ себя частію купившимъ отъ моего дяди Федора Пассека. Когда полную власть (какъ опекунъ силится доказать иъ своемъ объясненіи) далъ мой отецъ ему распоряжать своимъ имѣніемъ, такъ какую же надобность имѣль онъ покупать половину сего наслѣдства отъ дяди моего Федора Богдановича, которой и платы за ону не получалъ и не требовалъ? Не уличаетъ ли же сіе моего соперника, что отца моего наслѣдство все миѣ принадлежитъ? Сія купчая, какъ я узналъ недавно, была сдѣлана во время сумасшествія, или полуумія моего роднаго дяди Федора Богдановича Пассека, котораго онъ увѣрилъ, что далъ ему сію продажу подписать отъ боязни, дабы въ случаѣ его смерти, дочь его Александра, чтѣ нынѣ генералъ-майорша Рахманова, находящаяся также теперь въ сумашествіи, не могла опровергать моихъ правъ на наслѣдство родствомъ моихъ родителей; а для того и отецъ мой сдѣлалъ завѣщаніе, чтобы родные братья и сестры его не могли также дѣлать миѣ какихъ либо беспокойствъ, тѣмъ же самымъ. Никто изъ нихъ, семь лѣтъ при жизни и болѣе двадцати лѣтъ послѣ кончины моего отца, не опровергалъ на наслѣдство моихъ правъ по рожденію и завѣщанію, сдѣланному согласно съ 250-ю статью X-й главы Уложенія и съ указомъ отъ 4-го Маія 1746-го года; слѣдовательно и не могли оспоривать, да пропустили почти три срока десятилѣтней давности, въ личныхъ дворянъ преимуществахъ изображеній 14-ю статью, утвержденію и распространеннюю потомъ указомъ 1787-го года 28-го Іюня. И такъ начатыя въ 1798-мъ году дядею и опекуномъ моимъ опроверженія моихъ правъ на упомянутое наслѣдство хотя бы и были справедливы, но пропущеніемъ срока суть недѣльныя и не могутъ потому быть въ судѣ приняты. Не опровергавъ же предъ судомъ моихъ правъ на наслѣдство, нельзя моимъ роднымъ было наслѣдствомъ моимъ распоряжать, какъ гласятъ законы; яже не пропустилъ срока ко отысканію сего наслѣдства, отъ дня моего въ Дишампинскую крѣпость заключенія, ни отъ награжденія меня офицерскимъ чиномъ, ни отъ вступленія въ узаконенный возрастъ. А подъ законъ о спротахъ,

въ 1797-мъ году изданной, для того я не подхожу, что ми^ь запрещено было мои права судебнымъ порядкомъ доказывать во все время моего заключенія, то есть съ Декабря 25-го 1796-го года по 25-е Марта 1801-го года, выключая 3-го 4-го и 5-го числа Іюля 1799-го года, что можно видѣть въ имянномъ повелѣніи, находящемся въ архивѣ бывшей Тайной Экспедиціи подъ № 405-мъ. Изъ Динаминской крѣпости я и подалъ 5-го Іюля 1799-го года, въ съдѣствіе онаго, мое объясненіе по наслѣдству, въ коемъ объявилъ, что дополненіе по оному сдѣлаю, когда буду освобожденъ, а тепѣрь сіе исполняю.

Естьли бъ я не имѣлъ и права законнаго требовать отъ моего дяди и опекуна оставшагося послѣ отца моего наслѣдства, то отъ совѣсти его могъ я ожидать, что онъ ми^ь возвратить, не полагая его забывшимъ благодѣяній моего родителя и хотяющимъ притеснить оставленныхъ его покровительству и призвѣнию. Совѣстной возвращаетъ и той особѣ залогъ, о коемъ она и не знала, что онъ ей упроченъ. Неужели онъ скажетъ, что родитель мой обманулъ въ его честности?

Изъ того же объясненія генерала Пассека.

Во 2-мъ пунктѣ сего письма просить братъ мой послать ко ми^ь нарочнаго съ письмомъ, которое онъ заготовилъ передъ смертію и отъ меня-то ожидать полнаго распоряженія и неоставленія, какъ его Паскова, такъ и Надежды Петровны, и далъ полную власть ми^ь распоряжать и наградить его питомца Паскова и что я сдѣлаю симъ несчастнымъ сверхъ его положенія. Какое же было тогда его положеніе, ми^ь неизвѣстно; думать однакоже должно, что оно изображено было въ письмѣ, которое онъ ко ми^ь передъ смертію заготовилъ, но я его не получалъ, по причинѣ, что всѣ бумаги оставлены были графу Ивану Симоновичу Генрикову, котораго я по прїѣздѣ въ деревню въ живыхъ уже не засталъ, а получилъ только одно сіе покойнаго брата письмо, писанное къ вышесказанному графу, также и письмо писанное ко ми^ь

отъ его сіятельства, и при ономъ записку отъ имени покойнаго брата (но безъ подписи его), въ коей сказано, что якобы письмо за слабостію покойнаго брата ко мнѣ не подписано, о коемъ однакоже какъ графъ Иванъ Симоновичъ ко мнѣ, такъ и покойной братъ къ графу въ своихъ письмахъ, подписанныхъ ихъ руками, упоминаютъ. По причинѣ же кончины графской, не могъ уже я изыскать настоящей причины, для чего, вмѣсто братияго ко мнѣ письма, вложена была одна записка, писанная рукою того самаго писца, которой писалъ ко мнѣ вышеписанное письмо отъ покойнаго графа: то и не сомнѣваюсь я, что братнее письмо какъ нибудь похищено, а вмѣсто онаго вложена уже записка, графскою рукою неподписанная.

Оправорженія и доказательства надворнаго совѣтника Пассена.

Отецъ мой, за многія лѣта до своей кончины, большую часть своихъ доходовъ удѣлялъ своему брату Петру Богдановичу и, снисшедъ на его просьбу, укрѣпилъ купчею (не получа и не желая за сіе платы) другу его тогда (чтѣ нынѣ его жена Марья Сергеевна) изрядную часть своего имѣнія въ Слободской губернії, а потому и могъ, относясь къ дядѣ и опекуну моему Петру Богдановичу, во 2-мъ пункѣ своего завѣщанія, сказать: «И отъ него-то ожидать полнаго неоставленія и распоряженія, какъ для Надежды Петровны, такъ и для моего сына; ибо столь я увѣренъ о любви ко мнѣ сего дражайшаго и любезнѣйшаго брата и о великости его души, что онъ еще сверхъ моего положенія наградить сихъ безсчастныхъ»

На сіе изъявленіе моего отца ссылается мой дядя и опекунъ, утверждая, что въ немъ изображены его права на мое наследство. Можетъ, выводить онъ ихъ изъ сихъ словъ: «наградить сихъ безсчастныхъ.» Насъ видѣлъ несчастными мой отецъ, будучи убѣжденымъ, что никто не замѣнить у насъ родительское его попеченіе. Моему отцу, дѣлавшему много добра дядѣ моему Петру Богдановичу, можно было надѣяться,

что мать моя и я, сверхъ слѣдующаго памъ, будемъ имъ награждены, когда пріобрѣтеть онъ себѣ имѣніе или получить ожиданное отъ покойной Императрицы награжденіе, которое въ 1796-мъ году онъ и получить; но я и своего отъ него не получаю. Моимъ отцомъ не сказано: «Я отдаю Украинское имѣніе сыну, а Смоленское роднымъ моимъ братьямъ и сестрамъ.» Когда бы отецъ мой наследство свое не считалъ мнѣ принадлежащимъ и сомнѣвался бы, что я его сынъ: онъ бы, какъ любимца своего, поручилъ меня всѣмъ своимъ роднымъ братьямъ и сестрамъ, племянницамъ и племянникамъ, будучи съ ними столько же, какъ и съ дядею моимъ Петромъ Богдановичемъ въ согласіи; и не упоминаль бы о посыпкѣ въ Москву повѣренного и о стряпчемъ Григоріи, зная, что братья его родные выбрали бы шаго, а не сего пьяницу, которой ради получения своей отпускной могъ только оставить на время свою страсть къ вину; ибо отпускную не прежде въ завѣщаніи ему опредѣлено отдать, пока онъ въ пользу мою не окончилъ межеванія. Есть ли отецъ мой не быть увѣренъ о святости моихъ правъ на его наследство, то, укрѣпивъ купчую другу моего дяди Марѣи Сергѣевны Салтыковой, чтѣ 1796-го года сдѣлалась его женою, несомнѣмо укрѣпилъ бы мнѣ купчею или закладио все свое имѣніе. *Послѣдняя воля моего родителя изобразила меня со единственнымъ наследникомъ.* Слово *наследникъ* опровергаетъ дяди моего всѣ доказательства, какія они ни суть. Я ссылаюсь на статью въ манифестѣ 1725-го года Маія 28-го дня, сдѣланную на первой докладѣ по 3-му пункту 1714-го года 23-го Марта указа. Какое же другое можетъ быть распоряженіе въ письмѣ моего отца къ нему, когда родитель мой о немъ, яко о заготовленномъ, говорить въ завѣщаніи, которое оглашаетъ дядя мой похищеннымъ, дабы сдѣлать завязку? Кому же похитить оное? Оно вручено моимъ отцомъ (какъ дядя мой говорить) съ другими бумагами графу Генрикову; дѣти графа были пріятели моего отца; слѣдовательно, послѣ кончины ихъ родителя, или бы всѣ бумаги моего отца пропали, или не могла ци одна пропасть изъ нихъ, а кольми

паче сіє письмо, гдѣ наичувствителійшимъ образомъ мой родитель поручаетъ своихъ дядѣ и опекуну моему; невозможно, чтобы отецъ мой, до самой кончины своей, послѣдовавшей на тридцатомъ днѣ отъ дня совершения его завѣщанія, будучи въ полномъ умѣ и имѣ мысли всѣ свои устремленными къ исполненію долга родительскаго, написавъ и подпи-савъ 16-го Февраля 1778-го г. своею рукою свое завѣщаніе, могъ позабыть подписать то письмо, которое прежде завѣщанія еще онъ заготовилъ. Но естьлибъ и не подписать, то всетаки оно писано его рукою, судя по завѣщанію писанно-му и подписаниому имъ.

Завѣщаніе отца моего доказуетъ, что родитель мой не быть суетрепъ и ожидалъ смерти съ равнодушіемъ; неужели же мать моя, опекунъ мой графъ Генриковъ и его пріятели, знающіе его коротко, знающіе и его бумаги, непрестанно его окружая, не напоминали бъ ему подписать сіє письмо, естьлибъ было справедливо моимъ дядею представляемос, что оно осталось неподписанымъ? А когда бы было оно потеряно, то графъ Генриковъ, будучи другомъ моего отца и моимъ опекуномъ и въ полномъ умѣ, отъ 30-ти до 40 дней послѣ кончины моего родителя до своей смерти живущі, или бы послѣ кончины его дѣти, конечно бы дядю моего о содержаніи онаго увѣдомили, чтò не сдѣлано и не могло сдѣлаться: поелику письмо объявленное похищеніемъ дядѣ и опекуну моему вру-чено посланнымъ нарочно по почтѣ бывшимъ служителемъ моего отца, чтò я и доказать могу.

Изъ того же объясненія генерала Пассека.

Видно, что бывшій маіоръ Пасковъ, первый пунктъ сего письма обращая несправедливымъ толкованіемъ, думаетъ вы-вестъ изъ онаго права себѣ на имѣніе. Въ немъ относитель-но до дворовыхъ людей сказано: «быть имъ въ томъ же по-слушаніи у любезной моей Надежды Петровны и у моего сына, какъ точно въ моемъ.» А что симъ называлъ его братъ мой наименованіемъ, то сіе произошло отъ чувствъ, которыя

онъ къ нему въ его младости питалъ. Я полагаю выполнить желаніе братнее, дать ему въ Украинѣ имѣніе Слободу и Крѣпостную, означенные въ письмѣ братнемъ (въ первомъ пункте завѣщанія).

Оправорженія и доказательства надворного советника Пассека.

Любить можно чужое дитя какъ свое; но робенка, могущаго остротою и ласками ея спискивать. Можетъ ли же младенецъ при рожденіи имѣть сіи качества? Я при крещеніи моемъ изображенъ сыномъ моего отца, самимъ родителемъ моимъ, письменно. Дядя мой, говоря, что несправедливымъ толкованіемъ вывожу я права себѣ изъ первого пункта завѣщанія, въ томъ же объясненіи признаетъ сей пунктъ упрочившимъ мнѣ имѣніе въ Украинѣ; послѣ опять говорить, что онъ полагаю мнѣ оное дать; слѣдовательно дать какъ свое! Упоминовеніе объ одномъ Украинскомъ имѣніи въ завѣщаніи есть ничто иное, какъ распоряженіе мимоходомъ сказанное, потому что мнѣ опредѣлено 6-мъ пунктомъ того завѣщанія во ономъ жить до помѣщенія меня графинею Анною Родіоновною Чернышевою, или дядею моимъ Петромъ Богдановичемъ, къ наукѣ, въ Санктпетербургѣ; а для того, что родитель мой и на мгновеніе не хотѣлъ меня и мать мою безъ призрѣнія оставить, и что дядя и опекунъ мой, занять будучи государственою должностію и управлениемъ моего въ Смоленской губерніи наслѣдства, не могъ бы исполненія сдѣлать по первому пункту его завѣщанія, просить во ономъ графа Генрикова моего опекуна, жительствовавшаго въ 4-хъ верстахъ отъ Украинскаго имѣнія, гдѣ опредѣлено мнѣ жить до помѣщенія меня къ наукѣ, дабы взять сіе Украинское имѣніе въ свое покровительство и приказать онаго людямъ быть послушными намъ, точно какъ ему были. И такъ, когда мой отецъ объ Украинскомъ имѣніи относился, какъ къ ближайшему сосѣду, къ графу Генрикову, то безъ сомнѣнія относился онъ и о Смоленскомъ имѣніи въ письмѣ своемъ къ брату своему Петру Богдановичу, отъ котораго онъ отрицается.

Изъ того же объясненія генерала Пассека.

Я съ моей стороны къ покойному брату по любви взялъ сего малолѣтняго Паскова послѣ братней смерти, воспиталъ его, училъ, записавъ въ службу, довелъ до штабъ-офицерскаго чина и доставлялъ ему пристойное содержаніе. Братъ мой, надѣясь на дружбу мою къ нему, отдалъ его на мою волю и распоряженіе. Я, и нынѣ еще сохраняя нѣжнѣйшія чувства къ покойному брату, не откажусь сдѣлать для бывшаго маюра Паскова то, что прежде было намѣренъ, но съ тѣмъ однакоже буде онъ исправить свое поведеніе, загладить свои проступки, заслужить обратно потерянный имъ чинъ и тѣмъ приобрѣтеть право пользоваться недвижимымъ имѣніемъ. Не желая вище отяготить судьбу часто упоминаемаго бывшаго маюра Паскова, изъ единственной любви и дружбы къ покойному моему брату, прилагаю у сего тысячу рублей на заплату его долга и прошу оное правленіе вышесказанныя деньги принять для доставленія съ прочими бумагами къ его преосходительству Лифляндскому гражданскому губернатору, также списавъ копію съ приложеннаго при семъ подлиннаго письма покойнаго брата моего къ графу Ивану Симоновичу Генрикову, возвратить мнѣ. По отдаленности времени не могъ я упомянуть, гдѣ его отыскать.

Оправорженія и доказательства надворнаго совѣтника Пассека.

Доходы съ наслѣдства, которое дядя мой прежде оспориваль, могли бы доставить мнѣ лучшее воспитаніе и содержаніе. Будучи съ половины 1781-го года по 1785-й у господина Масона, что нынѣ надворный совѣтникъ, въ училищѣ Санкт-петербургскомъ *), въ коемъ за нѣсколько мѣсяцовъ предъ взятіемъ изъ оного начали учить (и то по просьбѣ моей у дяди

*) Это известный своимъ Запискамъ Масонъ, которой давалъ уроки и молодымъ великимъ князьямъ.
П. Б.

и опекуна) ариометрикъ, хотя бы и могъ я почерпнуть познанія, но не былъ въ состояніи, въ такъ короткое время, успѣть. Да когда бы и успѣль, такъ не имѣль бы возможности или заниматься, будучи дядею моимъ отдать на службу по 13-му году въ полкъ, гдѣ находился я безъ книгъ и денегъ, въ кругу занимающихся одною тактикою. И такъ онъ хотѣль, для удобнѣйшаго завладѣнія моего имѣнія, сдѣлать изъ меня отвратительного нѣвѣжду. Для того только былъ я письмъ записанъ въ службу и отданъ въ училище, дабы родные мои и приверженныя къ моему отцу не проиниціали его замысловъ, почему и записалъ меня подъ чужимъ именемъ въ службу и старался отдалить меня отъ могущихъ представить истинну Императрицѣ, или поставить меня на дорогу къ достижению похищаемой у меня собственности. Я былъ взятъ въ дежурство князя Потемкина Таврическаго безъ его представительства, а другіе по просьбѣ его въ тоже время находились въ должностяхъ при этомъ военному начальнику. За бытность мою при осадѣ и на приступѣ Измаила охотникомъ, а не по представительству моего дяди, награжденъ я Императрицею одобрительнымъ листомъ, знакомъ отличія и маіорскимъ чиномъ. Любостяженіе имѣ управляеть, а оно ничего святаго не имѣть. Почему и притворялся я непрѣвшимъ свѣдѣній о принадлежности мнѣ оставшагося послѣ отца моего наслѣдства. Мое напоминовеніе объ ономъ разбудило моего дядю и опекуна, и онъ опредѣлилъ тоже мгновеніе мою гибель. Въ Маѣ 1793-го года началъ я возвращеніи мнѣ отца моего наслѣдства у него въ Дубосарахъ снискивать; послѣ чего дѣлалъ онъ мнѣ преувеличительныя и предосудительныя для меня предложения, которыя изображены въ свидѣтельствахъ данныхъ мнѣ коллежскимъ совѣтникомъ Морошевичемъ и Баварскимъ уроженцемъ Іосифомъ Веберомъ. Сихъ свидѣтельствъ копію у сего прилагаю. Дядя мой, страшась, дабы я не обнаружилъ его предъ престоломъ мудрой Екатерины, ухищреніями скопилъ надъ мою головою тучу, которая производить вихрь, и здоровыя деревья стъ корнемъ вырывавшій. Чистота моей совѣсти не отвращаетъ его отъ меня; третій разъ я въ тюрь-

мъ, и у третьяго монарха успѣль онъ мою честь помрачить. Екатеринославской губерніи, чтѣ нынѣ Новороссійская правитель покойной Каховской, доставившій мнѣ 1793-го года, какъ Пасеку, на Очаковской степи земли и утвержденіе оныхъ, незапишо перемѣниль обо мнѣ свое мнѣніе, называя меня неблагодарнымъ моему дядѣ и, не винимая моей просьбы изслѣдоватъ, чѣмъ обнаружится моя невинность, изобразилъ въ началѣ 1794-го года меня и другихъ въ донесеніи своемъ Государынѣ опасными отечеству людьми. Знаю могущество моего дяди и видя безопасность свою въ болѣшой опасности, послѣ того какъ нѣкоторые изъ мнимыхъ опасными были задержаны, рѣшился я, для отгласки насильствія, Ѳхать за предѣлы Россіи и спаскать у генераль-консула Северина законной защиты, чтобы побудить тѣмъ меня судить и посредствомъ того избавиться отъ заключенія или ссылки, безъ судейскаго приговора и вѣдѣнія Императрицы иногда дѣлаемыхъ, какъ я слышалъ. 42 часа былъ я въ дорогѣ изъ Ясъ закованъ; меня возвратили, и графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ своимъ отеческимъ пріемомъ и обѣщаніемъ извлекъ изъ меня болѣе нежели я могъ сказать. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ далъ мнѣ въ 1794-мъ году прочесть своего сочиненія порицающіе Императрицу акrostихи. Зная сей мудрой Императрицы въ Кіевѣ изданный манифестъ 1787-го года 21-го Марта и 480-ю, 481-ю, 482-ю, 483-ю, 484-ю и 517-й статьи Наказа, я ни во что не вмѣнялъ сіи акrostихи, всыпчивостію его произведенные и забылъ ему ихъ возвратить; а при задержаніи моемъ въ Яссахъ они у меня найдены. Дабы во зло не употребить имѣвшаго ко мнѣ довѣренность, сіе порицаніе написавшаго безъ умысла на безопасность Государыни (ибо онъ хотѣлъ ихъ скечь), объявилъ я себя ихъ сочинившимъ. Потойной Симоновичъ пхъ сочинилъ, и изъ его отвѣтовъ и моего письма къ нему, находящихся въ архивѣ бывшей Тайной Экспедиціи, можно проникнуть, что не я, а Симоновичъ ихъ сочинилъ. Великая Екатерина (которую дядя мой просилъ обо мнѣ, когда увидѣль, что я буду освобожденъ) вотъ какъ сіе дѣло рѣшила: «Я предоставлю

времени уничтожить сіи стихи; отъ него зависитъ остатся въ военій службѣ, или перейти въ иную».

Однакоже, по представлению моего дяди, что я шалунъ и прочее, и меня нужно ускромить, Императрица, коей за могуществомъ моего дяди и о правахъ моихъ на наслѣдство я не смѣль открыто чрезъ третьяго писать, не дозволила мнѣ безъ согласія генераль-прокурора вѣзжать въ обѣ столицы. Въ удаленіи меня отъ оныхъ дядя мой находилъ утвержденіе моего наслѣдства за собою. Графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ не только меня спасъ, но и ссудилъ деньгами на дорогу въ армію. Онъ знаетъ, сколько Государыня потомъ участвовала во мнѣ: по ея повелѣнію графъ совѣтовалъ моему дядѣ быть со мною снисходительнымъ и снабдить меня нужнымъ, и получилъ въ отвѣтъ, что отдастъ мнѣ недвижимое имѣніе. А дабы не имѣть надобности сдержать свое слово (и мнѣ также данное) возвратить наслѣдство, съ Ноября 1794-го года, началъ онъ посредствомъ какой-то изъ своихъ тварей или обманутой наружностю особы, опять чернить меня у начальствующаго армію князя Николая Васильевича Репнина, который къ счастію моему отнесся къ одному изъ моихъ давнихъ пріятелей, сдѣлавшемуся моимъ благодѣтелемъ по-томъ снятіемъ маски съ моего дяди и возвращеніемъ мнѣ князя Репнина благорасположенія. Нѣсколько мѣсяцовъ послѣ князь Сергій Федоровичъ Голицынъ, у коего былъ я дежурнымъ, изливавшій на меня свои ласки, возвратившись въ корпусъ, гдѣ я оставался, изъ Санктпераурга, сдѣлался ко мнѣ чрезвычайно холоденъ. Я изъяснился; а онъ, прочевъ съ дядею моимъ мою переписку, объщалъ все то сдѣлать, чтѣ можетъ облегчить мою судьбу. На мѣстѣ князя остался въ корпусѣ начальствующимъ генераль-маиръ, чтѣ нынѣ генералъ отъ кавалеріи, Александръ Васильевичъ Обрѣсковъ, моего дяди своякъ. Опасаясь быть имъ преслѣдуемъ, выпросилъ я у него дозвolenіе сѣзжити въ полкъ, куда послалъ онъ два повелѣнія, чтобы я къ нему прїѣхалъ; на первое отозвался я болѣзнію, а на второе расположениемъ служить во фронтѣ. Полку сказано въ походѣ; мы прибыли въ Вильну, гдѣ опять

встрѣтила меня дяди моего интрига: сидя всегда за кулисами и дѣйствуя противу меня пружинами Махіавеля изъ за оныхъ, пронесъ онъ слухи, будто я якобинецъ, дѣлавшій фальшивыя ассигнаціи и чеканившій рубли, прощенный якобы по его просьбѣ Государынею. Въ Вильнѣ такъ хорошо устроилъ онъ свои дѣла, что одинъ изъ чиновниковъ, сынъ почитаемаго всѣми Россіянами полководца, донесъ блаженной памяти Государю, что я раздаю читать офицерамъ якобы запрещенныя книги, и меня безъ исльданія и судейскаго приговора по высочайшему повелѣнію въ Декабрѣ 1796-го года ввергнули въ одну изъ Дюнаміндскихъ тюремъ, гдѣ, не будучи по высочайшему приказу выключенъ и отставленъ, четыре года и три мѣсяца боролся я съ неизвѣстностію о моей, а потомъ и сына моего участіи. Тамъ часто не имѣлъ я первыхъ человѣку надобностей, потерялъ почти мое зрѣніе, все почти зубы, и въ 25-ть лѣтъ сдѣлался дряхлъ и бѣль какъ лунь; тамъ получилъ я дяди моего Смоленскому Губернскому Правленію въ 1798-мъ году отзывъ, въ которомъ говорить онъ обо мнѣ, какъ о пріемышѣ, не участвующемъ ни въ фамиліи, ни въ имѣніи Пассековъ. Сей отзывъ усугубилъ мое бѣдствіе. Къ заключеннымъ мало кто имѣеть довѣренность: все сочли, что я говорилъ для того о притязаніяхъ моихъ на наслѣдство отцовское, дабы склонить на свою сторону умы для снисканія займа; но 1799-го года получилъ я дяди моего тому же Губернскому Правленію объясненіе, въ коемъ, называя меня неблагодарнымъ и дурнаго поведенія, признаетъ послѣднюю волю моего родителя, изображенную *въ представленномъ имъ при объясненіи засьщеніи, ідѣя сыномъ и единственнымъ наследникомъ изображеніемъ*, и которое, какъ я уже сказалъ, болѣе двадцати лѣтъ онъ утаивалъ. Первый отзывъ, когда Правленіе Смоленское потребовало отъ него моего отца завѣщаніе, онъ долженъ былъ поддержать; а главный предметъ его объясненія былъ помрачить меня во мнѣніи моей благодѣтельницы графини Анны Родионовны Чернышевой, дабы отвратить взоръ ея отъ виновнаго по наружности и ввергнутаго въ наихесточайшее заключеніе, котораго человѣчеству

долго перенести невозможно. Бывшему 15-ть лѣтъ заключеннымъ, князю Кантемиру, также родному своему племяннику, могъ бы онъ, въ бытность свою генераломъ-адъютантомъ, испросить у Императрицы по крайней мѣрѣ облегченіе въ его заключеніи, если не освобожденіе, дарованное ему милосердіемъ Александромъ; но въ смерти нашей видѣть онъ утвержденіе за собою нашихъ имѣній. Мое заточеніе убило меня утѣшавшаго во ономъ тайно жену, съ которой прижилъ я въ немъ двухъ сыновей, изъ коихъ младшій безвременно родился и умеръ отъ испугу и недостатка въ лѣкарствахъ, а старшій въ городовой тюрьмѣ иногда меня забавляетъ, и если бы не извлекла меня животворящая десница Александра изъ челюсти права сильнаго, то и сей сынъ мой лишенъ бы быть своего отца! Сердце мое запекается кровью при вспоминовеніи сей ужасной картины. Когда бы были въ дядѣ и опекунѣ моемъ чувства имѣ изъявляемыя, онъ бы не только гдѣ положено имѣ завѣщаніе (какъ онъ самъ говорить, его друга, а моего отца), но и о содержаніи его помнилъ. Губернаторомъ Тредьяковскимъ было ему сообщено о должныхъ мною тысячу ста пятидесяти пяти рубляхъ, вслѣдствіе чего онъ и внесъ тысячу рублей. Для чего же не отдать и остальныхъ ста пятидесяти пяти рублей, зная мою невозможность ихъ заплатить, и что столько же они тягостны для меня, какъ и миллионъ долга? Не доказуетъ ли сіе его скряжество или желанія отяготить мое даже и въ заключеніи бремя? Хотя бы и действительно заслужилъ я его ненависть, чувства доброго сердца приглашаютъ помогать страждущему! Въ теченіи моего заключенія въ Дюнаминдѣ, имѣя все наслѣдство мое въ своихъ рукахъ, ни копейки онъ мнѣ не прислаялъ; нельзя ему представить невозможности. Я могу доказать, что пріятели мои и за нѣсколько сотъ верстъ меня навѣщали и доставляли мнѣ помощь въ тюрьму. И Украинское мое имѣніе, часть наследства моего отца, говорить онъ въ своемъ объясненіи, не прежде возвратить мнѣ, пока я не исправлюсь и не заслужу того чина, коего никогда не лишили меня; а ежели бы и дворянства меня лишили, какое съ симъ

имъеть сношеніе моя несеквестрованная и неконфискованная собственность? Развѣ нельзя движимости и въ этомъ случаѣ возвратить? Что же касается до моего поведенія, то только наружность была противу меня, и то не для дяди, а для незнающихъ меня. Е бы потребовалъ онъ отъ меня отчету и вмѣсто возвращенія безъ прочтенія моихъ писемъ, безпристрастно искомое мною изслѣдоваль, то не имѣль бы предлога мое имѣніе удерживать. Но я былъ заточенъ и не въ силахъ остановить его злаго стремленія. Вороты Петрополя мнѣ открыла свобода; я не нашелъ уже Тайной Экспедиціи, гдѣ по произволу судей или Государя могли и законы молчать!

Но къ несчастію моихъ согражданъ, даже и въ судахъ столицы доброго Александра, попираются законы. Въ сего-дняшней просьбѣ моей Правительствующаго Сената четвертому департаменту сіе я доказалъ. Дядя мой встрѣтилъ меня обѣщаніемъ возвратить мнѣ мое имѣніе и совѣтовалъ вѣхать въ деревню для возстановленія моего здравія. Вмѣсто слѣдуемаго мнѣ содержанія по его положенію отъ него, съ Генваря 1796-го по Маій мѣсяцъ прошлаго года, то есть вмѣсто шести тысячи четырехъ сотъ рублей, заплатилъ онъ за меня тысячу, да послѣ сто пятьдесятъ пять рублей долга по высочайшему повелѣнію, и даль миѣ тысячу шесть сотъ пятдесятъ рублей, когда я, возвратившись изъ заключенія, полумертвой и ободранной, въ серемягѣ къ нему предсталъ; и письменно обѣщанные имъ доходы съ моего имѣнія за годъ мнѣ не возвращасть. Сестры мои родныя еще хуже моего воспитаны и содержаны имъ; они сами научились грамотѣ и никакого не имѣютъ состоянія. Старшей изъ нихъ, съ тѣхъ поръ какъ вышла она за мужъ, даетъ онъ по девяносту рублей въ годъ, а меньшей ничего; и сіе содержаніе за три года слишкомъ моя сестра прошлаго только лѣта получила, и то потому, что я благостію Александра Перваго освобожденъ. Его Императорское Величество обнародовалъ мною невинно претерпѣнныя несчастія имяннымъ отъ 7-го Маія прошлаго 1801-го года указомъ и дозволилъ мнѣ чрезъ Михайлу Ни-

китича Муравьева избрать себѣ службу, сообразную съ ра-
строеннымъ моимъ здравіемъ. Я предпочтеть Иностранныю
Коллегію. Дядя мой, дабы удалить меня отсель, просилъ и
сыскать согласіе графа Маркова взять меня совѣтникомъ по-
сольства въ Парижъ; но прежде нежели принять сіе мѣсто,
хотѣлъ я окончить по наслѣдству съ моимъ дядею, для пре-
свѣченія его намѣреній, и еще далѣе, нежели меня отсель уда-
лить простиравшихся. Чтобы затмить мои права на наслѣд-
ство, выдать себя Государю за великодушнаго и показаніемъ
мнѣ своего могущества установить мое ходатайствованіе по
имѣнію, сискать онъ прошлаго года у Его Императорскаго
Величества утвержденіе своей просьбы, въ которой назвалъ
меня онъ снова Пасковымъ, представилъ прощеннымъ и ос-
вобожденнымъ изъ Дюнаминской крѣпости и, повергая меня
къ престолу Монарха, просить о повелѣніи именовать мнѣ
Пассекомъ и принять мнѣ во владѣніе яко бы принадлежа-
щее ему Слободское Украинское имѣніе съ шестнадцатью
тысячами рубл. имъ сдѣланнаго долга, и дабы выведенные
изъ онаго люди за нимъ и его наслѣдниками остались и про-
чее. А сіе имѣніе есть частица моего наслѣдства, и ее я
получилъ совсѣмъ раззореною. Надѣ нимъ не имѣли вліянія
мои представленія, что въ Дубосарахъ 1793-го года отдавалъ
онъ мнѣ сію частицу несравненно въ лучшемъ положеніи, но
съ двадцатью шестью тысячами рублей имъ сдѣланнаго долга,
кою я не принялъ; а естьли бы и принялъ, то выплатилъ
бы давно оной и не имѣль своихъ долговъ, которые сдѣлалъ
за неполученіемъ отъ него порядочнаго содержанія, и что я
тогда былъ молодъ, безъ дѣтей, а теперь изнеможеной и
имѣю сына и прочее. Въ этомъ имѣніи нашелъ я домъ на-
канунѣ отъ ветхости развалиться; въ немъ исчезли: библіо-
тека, серебряные сервисы, мебели, посуда, экипажи, словомъ
остались пустыя стѣны; винокурню и принадлежность къ оной
долженъ я вновь сдѣлать; большую часть скота и конскаго
завода угнать онъ въ свои помѣстья, а мнѣ оставилъ бракъ
и, не взирая, что въ актѣ своемъ Государю сказалъ, что мнѣ
самому очищать по тяжбамъ имѣніе, и по утвержденію онаго

акта, не хотѣль отдать незаложенные земли и лѣса къ Украинскому имѣнію принадлежащіе; и когда уже было Украинское имѣніе въ моемъ владѣніи, то безъ моего вѣдѣнія, по повелѣнію моего дяди отправлены изъ него харчи къ нему, болѣе нежели за тысячу верстъ, часть которыхъ для того только возвращена, что я не хотѣль подписать имъ подписаний у меня хранящейся домовой сдѣлки, въ коей обязываетъ онъ меняничѣмъ не беспокоить и ничего не требовать, какъ отъ его самаго, такъ и отъ его наследниковъ. Не явно ли же его стараніе сдѣлать со мною сию сдѣлку доказуєть, что онъ мою собственность владѣеть? Проницательный увидитъ изъ тяжбы моей съ Софьею Бурмейстеръ, что она подкуплена для оклеветанія растѣлителемъ ся дочери, а что Управа Благочинія съ военнымъ губернаторомъ Кутузовымъ, и потомъ Санктъ-Петербургской губернскай прокуроръ Харламовъ, Уголовная Палата, Надворнаго суда 1-й департаментъ и прочие силились мою невинность попрать, утверждаютъ мои восемь объясненій, двадцать семь отвѣтовъ, мое письмо къ князю Кантемиру, письма мои о ономъ къ князю Петру Михайловичу Волконскому и бывшему генераль-прокурору, моихъ свидѣтелей шесть объясненій и до пятнадцати сказокъ суду, равномѣрно и нѣсколько десятковъ узаконеній, меня по обѣимъ пынѣ существующимъ тяжбамъ запинцающія. Послѣдняя вчинена миѣ по письму моему къ князю Кантемиру для устроенія его семейства, и о письмѣ этомъ доисть (какъ слухи носятся) генералъ отъ кавалеріи Обрѣсковъ, яко о содержащемъ таинства въ себѣ, подвергающіяся подъ оба важнѣйшия пункты. Не надо того забыть, что Обрѣсковъ женатъ на родной сестрѣ жены моего дяди и опекуна. И за таковыс поступки его со мною онъ требуетъ отъ меня благодарности! Порицанія, вѣльможею произнесенные, имѣютъ перевѣсь надъ мою истину: я въ третій разъ въ тюрьмѣ, слѣдовательно наружность противу меня, а публика, на пей основываясь, дѣлаетъ свои заключенія. Мало кто хочетъ взять трудъ винкнуть во внутренность. Но правда наконецъ будетъ имѣть верхъ; но, можетъ, меня тогда не будетъ, и дядя мой такъ

устроитъ дѣла, что моимъ наследникамъ, вмѣсто имѣнія, останется сія единственно бумага: моего отца завѣщаніе въ то время, когда я былъ заключенъ въ Динамитской крѣпости, утвержденное высочайшимъ покойнаго государя императора Павла Петровича отъ 1го Августа 1799 года повелѣніемъ, подъ № 439 въ архивѣ бывшей Тайной Экспедиціи состоящимъ. Вотъ какъ господинъ бывшій генералъ-прокуроръ Беклемешовъ въ письмѣ къ моему дядѣ изобразилъ его: «Должностю себѣ поставляю я по высочайшему повелѣнію увѣдомить ваше пре-восходительство, чтобы вы, милостивый государь мой, будучи въ обязанности по завѣщанію покойнаго брата вашего поступить съ сыномъ его маіоромъ Пасковымъ и матерью, какъ долгъ совѣсти велитъ, взнесли за него въ казну принадлежащіе сто пятдесятъ пять рублей».

О моей матери, по родству съ моимъ отцомъ помѣщенной въ завѣщаніи подъ непринадлежащимъ ей именемъ Надежды Петровны, подъ коимъ она до смерти его существовала съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее увезъ, говоря мой дядя въ упомянутомъ своемъ объясненіи, какъ о несуществующей на свѣтѣ женщинѣ, подъ именемъ Надежды Петровны, на изображенное выше высочайшее повелѣніе отъ 1-го Августа 1799-го года, яко одинъ оставшійся изъ ближайшихъ родственниковъ мужескаго пола моего отца, отъ 16 Августа того жъ 1799-го года въ письмѣ (находящемся въ той же архивѣ бывшей Тайной Экспедиціи подъ № 2010-мъ) по требованію бывшаго генералъ-прокурора Беклемешова, отвѣчалъ: «Дешыги на сей же почтѣ отправилъ. Страсть корыстолюбія, во всю жизнь мою не помрачала во мнѣ чувствъ къ должности, обязанности, дружбѣ. Почитая покойнаго брата дружбу и довѣренность, да и по обязанности моей совѣсти, никогда не имѣть я памѣренія поступать вопреки желаній покойнаго брата моего; что же касается до матери маіора Паскова, которая нынѣ подъ именемъ Елизаветы Ильиниши за мужемъ за коллежскимъ совѣтникомъ Перковымъ, то хотя говоритъ братъ о ней въ письмѣ къ графу Генрикову, какъ о Надеждѣ Петровнѣ, но я, прописка въ прямой смыслѣ сего изреченія, по обстоятель-

ствамъ покойнаго брата, опредѣлилъ ей ежегодно по пяти соть рублей изъ сего имѣнія содержаніе. Желаніе брата моего по возможности выполнить не отрекусь, лишь бы бывшій маіоръ Пасковъ могъ усчастливится имѣть право получить отъ меня на свое имя утвержденіе по владѣнію недвижимаго имѣнія. Что же отлагалъ выполненіе сего, то сіе происходило не отъ нехотѣнія, а единственно отъ того, что я его видѣлъ расточительна, небережлива и неблагодарна; то и ожидалъ времени, доколѣ онъ исправится. Вотъ истинное мое расположеніе касательно маіора Паскова».

Второе къ генераль-прокурору письмо моего дяди иopeкуна отъ 18-го Октября 1799-го года (въ той же архивѣ подъ № 2210-мъ существующее) содержало слѣдующее:

«Я имѣль честь къ вашему высокопревосходительству писать отъ 16-го Августа сего года; осмѣливаюсь и нынѣ повторить, что никакая корысть не имѣла и не имѣеть мѣста въ душѣ и сердцѣ моемъ. Не поскучайте, милостивый государь, меня несчастнагоувѣдомить и наставить по дѣлу бывшаго маіора Василья Паскова, дабы я не могъ невиннымъ образомъ проступиться. Я недоумѣваю, какія и долженъ принять мѣры. Моя забота и беспокойство состоять по симъ обстоятельствамъ въ томъ, чтобы имѣть апробацію вашего высокопревосходительства о моемъ расположеніи, изъясненному въ вышеупомянутомъ письмѣ моемъ къ вамъ, милостивому государю.»

Въ письмѣ отъ 16-го Августа дядя мой говорилъ о готовности, по возможности, выполнить послѣднюю волю моего отца, изображенную въ завѣщаніи, гдѣ признаетъ меня отецъ мой единственнымъ своимъ наследникомъ; слѣдовательно дядя во второмъ письмѣ просить о апробаціи по возможности возвратить мнѣ имѣніе; но бывшій генераль-прокуроръ Беклемешовъ, въ письмѣ отъ 7-го Ноября 1799-го года, подъ № 541-мъ въ той же архивѣ хранящемся, моему дядѣ такъ отвѣчалъ:

«Не могу я по сей матеріи никакого сдѣлать вамъ тутъ совѣта, и ничего иного объявить, какъ сослаться на высо-

чайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, о коемъ увѣдомилъ ваше высокопревосходительство въ отношеніи отъ отъ 1-го Августа сего года».

И такъ вторично утверждено и собственнымъ моего дяди признаніемъ и высочайшеею волею моего отца завѣщаніе. Но сіе высочайшее повелѣніе, изображенное въ отношеніи генераль-прокурора къ моему дядѣ, подъ № 439-мъ состоящее, изъ бывшей Тайной Экспедиціи не было сообщено Правительствующему Сенату, и потому не повелѣно мнѣ и поднесъ вступить въ права и во владѣніе всего наслѣдства моего отца, подполковника Василья Богдановича Пассека. Воинскаго процесса 2-й части 2-й главы 1-мъ пунктомъ и указомъ 28-го Августа 1797-го года опредѣлено: принимать безъ дальнаго доказу собственное признаніе, какъ лучшее свидѣтельство всего свѣта, а словесныя Его Императорскаго величества повелѣнія считать имѣвшими повелѣніями. Блаженной памяти Императрица Екатерина Алексѣевна утвердила завѣщаніе Александра Александровича Нарышкина, покойный Государь Императоръ Павель Петровичъ сіе уничтожилъ завѣщаніе, а царствующей нынѣ Государь Императоръ по просьбѣ искательницы не приступилъ къ разсмотрѣнію о семъ распоряженіи прошедшихъ царствованій; по дѣламъ до имѣнія касательнымъ многие получили таковые же отъ Его Императорскаго Величества отвѣты посредствомъ вѣдомостей.

Вѣрно. Надворный совѣтникъ Василий Васильевичъ сынъ

Пассекъ.

3.

Завѣщательное письмо Василія Богдановича Пассека къ графу Гендрикову.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь,
Иванъ Симоновичъ!

Зная вашего сіятельства чистѣйшую совѣсть и человѣко-любіе и довольно будучи доказанъ многими вашими въ жизнью мою милостями, ласкаю себя несумнѣнно, что вы, милостивый государь, по толикой моей болѣзни, въ случаѣ смертнаго часу, воспріимете имя душеприкаща, къ чему я ваше сіятельство избирая, покорнѣйше прошу, по кончинѣ моей, взять домъ мой, всѣхъ людей моихъ дворовыхъ, Слободу и Крѣпостную въ ваше покровительство и приказать:

1) Быть имъ въ такомъ же послушаніи у любезной моей Надежды Петровны и у любезнаго сына моего, какъ точно въ моемъ.

2) Между тѣмъ отправить нарочнаго на почтовыхъ къ любезному брату моему Петру Богдановичу съ извѣстіемъ о моей кончинѣ и съ онимъ заготовленное передъ смертію отослать письмо и отъ него-то ожидать полнаго наставленія и распределенія, какъ для Надежды Петровны, такъ и для любезнаго сына моего; ибо я столь увѣренъ о любви ко мнѣ сего дражайшаго и любезнѣйшаго брата по великости его души, что онъ еще сверхъ моего положенія наградить сихъ безсчастныхъ.

3) Любезной сестрѣ моей княгинѣ Софѣ Богдановиѣ *) тоже дать знать тотчасъ въ самую кончину мою.

4) Погрести меня прошу безъ всякой пышности; для того гробъ ничѣмъ другимъ не обивать, какъ простою фланелью, черною, узенькою, полушелковою тесемкою и крестъ на немъ изъ той же полушелковой бѣлой тесемки, а не серебряный.

*) Капитмиръ.

П. В.

Тѣло больше бы не стояло, какъ троє сутокъ; къ погребенію онаго прошу пригласить моего благодѣтеля, отца Ioanna, протопопа Хотомлянскаго, да священниковъ шесть, а больше сего числа чтобъ не было. И похоронить меня (не въ церкви, а подлѣ церкви) благодѣтелю моему и всегда почтеннѣйшему мужу отцу протопопу Ioannу.

5) Вашему сіятельству въ знакъ памяти обо мнѣ служу всею мою псовою охотою, исключая только Вихры, Нахала и Тавуса, которыхъ въ память остаются любезному моему сыну, и исключая изъ того дворецкаго моего и псаря Корнишки своръ, какихъ собакъ они себѣ въ оныя выберутъ, безъ остатку вамъ, милостивому государю моему; да сверхъ того вашему сіятельству обѣ мои верховыя лошади, сѣрую Турецкую и молодую бурную отъ Аглинской породы.

6) Да прошу на память раздать моимъ пріятелямъ: во первыхъ, графу Сергию Ивановичу отъ меньшаго жеребца чистаго и во всѣхъ статьяхъ гибдаго мерена, который долженъ весьма быть способенъ подъ верхъ; а другую бѣлоножку Ивану Герасимовичу Картавому; Петру Захарьевицу двойку карыхъ: одну ту, что я къ ней нынче подобралъ въ пару; Алексию Ивановичу пару молодыхъ свѣтло-гибдыхъ; Рязанову Ивану и Михайлѣ по одной изъ молодыхъ лошадей; Григорию Алексѣевичу Свѣчникову на память, чтобы прилежно сына моего училь, вся моя красная пара съ серебрянымъ галуномъ и новая бекеша лисья шпинталетовая съ золотыми завязками. И ежели племянница моя графиня Anna Родіоновна *) или братъ мой Петръ Богдановичъ потребуютъ сына моего въ Санктъ-Петербургъ для опредѣленія его къ наукѣ, то прошу при ономъ отправить и Григория Алексѣевича и написать отъ себя къ графинѣ письмо, что я обѣщаю ему доставить записаться въ сухопутный госпиталь; но какъ не имѣть времени и случая, то при кончинѣ своей то мое обѣщаніе исполнить за первый долгъ почель просить вѣшаго сіятельства

*) Чернышева.

П. В.

объясниться съ графинею Анною Родионовною и просить ее о доставлении ему того места.

7) Оставил я три подписанныхъ мною людямъ моимъ отпускаия, а именно: дворецкому моему Михайлъ Захарову съ мачихою, двумя братьями и тремя сестрами; другую—брату его Григорью; третью—камердинеру моему Трофиму Мухину, изъ коихъ Михайлъ и Трофиму прошу покорно по прошествии шести недѣль, отдать, а третью—Григорию-стялпчemu до тѣхъ поръ не отдавать, пока онъ гнусное свое пьяное состояніе не исправить, и доколѣ не окончится Хотомлянскаго уѣзду дачамъ формальное межеваніе, чтобы онъ при межеваніи каждой моей покупной дачи не упустилъ нигдѣ субности въ пользу *наследника моего*.

А какъ и нынѣ, по членобитию г-на генераль-поручика Ивана Самойловича Хорвата, потребенъ посланъ быть повѣренной въ Юстицъ-Коллегію: то опаго, буде я самъ до кончины моей не успѣю отправить, пожаловать ваше сіятельство послать въ Москву къ сестрѣ моей Марьѣ Богдановиѣ *), а къ брату Петру Богдановичу писать, чтобы ему вѣрющее письмо какъ наискорѣе прислали. И по всѣхъ сихъ порученіяхъ, егда онъ исполнитъ все съ радыніемъ и точностю и ничего не упустить, тогда прошу и отпускную ему отдать.

8) Какъ Михайла Захаровъ съ признаніемъ за сдѣланіе свободными сверхъ его братьевъ и трехъ сестеръ, также мачиху его, обѣщался передо мною жить въ домѣ моемъ *до возрас-та сына моего* и смотрѣть какъ за винокуреннымъ заводомъ, такъ быть дворецкимъ въ домѣ и гдѣ возможно не пропустить интересу: то прошу вашего сіятельства опредѣлить его дворецкимъ, да и съ тѣмъ, чтобы прикащики мой состоять подъ точною его командою; а *наследникъ мой* долженъ ему давать въ годъ за труды его по пятидесяти рублевъ. Особливая пара лошадей опредѣлена ему была бы для поѣздокъ во время смотрѣнія за сѣнокосомъ и прочими хозяйственными надобностями.

*) Полтвой.

П. В.

Въ заключеніе обращаю еще разъ послѣдній мой христіанской долгъ на остающагося послѣ меня сына моего и на его несчастную мать и съ прошеніемъ вашего сіятельства быть симъ бѣднымъ сиротамъ вторымъ отцомъ, и принять ихъ въ ваше покровительство и защищту, и не допустить ли до малѣйшихъ обидъ; а обо мнѣ умирающемъ прошу бытьувѣреннымъ, что никто столько искреннею преданностю и совершеннымъ къ вамъ высокопочтаниемъ не былъ наполненъ какъ вашего сіятельства, милостиваго государя, пажайшій и всеобязанный слуга.

(Подлинное подпись) Василій Пассекъ.

16-го Февраля 1778-го года. Въ Спасскомъ.

Что все вышеписанное отъ имени господина подполковника Василія Богдановича Пассека къ его сіятельству графу Ивану Симоновичу Генрикову писано и подписано собственною его господина подполковника рукою, въ томъ во свидѣтельство подписался (у подлинного тако): Салтовской протопопъ Іоаннъ Иванецкій. На подлинной копіи Смоленскаго Намѣстническаго Правленія подписаль: секретарь Козма Паломской. Сія копія по приказанію его высокопревосходительства господина генераль-прокурора Александра Андреевича Беклемешова дана изъ его канцеляріи господину надворному совѣтнику Пассеку Декабря 20-го дня 1801-го года. Подлинную копію подписаль коллежскій совѣтникъ Петръ Молчановъ.—Надворный совѣтникъ Василій Пассекъ.

4.

Жалоба В. В. Пассека генераль-прокурору Беклемешову.

Милостивый государь!

Я просилъ губернского прокурора и писалъ къ военному губернатору о жалкому положеніи городовой тюрьмы, которую послѣдній ни разу во все время свое тѣперешней должности не навѣстилъ; но вотице, мы еще не облегчены. Всѣ вообще заключенные свой гласъ соединяютъ съ моимъ: мы

прибѣгаемъ къ законамъ, а тутъ поступаютъ противу ихъ по даннымъ инструкціямъ военныхъ прежнихъ губернаторовъ и настоящаго. Здѣсь нѣть различія между должниками осужденными, временнымъ заключеніемъ наказанными, обвиняемыми и уличенными: со всѣми единая и та строгость, которая употребляется по законамъ съ обвиняемыми въ великихъ преступленіяхъ. Въ три часа по полудни входъ въ тюрьму уже возвращенъ, а большая часть изъ навѣщающихъ нась по человѣколюбию и дружбѣ занята цѣлое утро по своимъ дѣламъ; письма наши подлежатъ цензурѣ караульного офицера, дежуръ-маіора, надзирателя, помощника надзирателя, коменданта и военного губернатора. Гдѣ же отыскивать и какъ на нихъ право, когда кто изъ нихъ настѣ угнететь и захочетъ утаить жалобы? Чѣмъ болѣе сношенія имѣть должникъ въ тюрьмы, тѣмъ болѣе обрѣтаетъ онъ средства къ удовлетворенію своихъ заимодавцевъ. Какъ ихъ и приговоренныхъ, просто наказанныхъ заключеніемъ и уличенныхъ вольное письменное и личное сношеніе не только не опасно, но полезно; съ обвиняемымъ же не можетъ другая никакая по законамъ быть строгость, какъ пресѣкающая ему побѣгъ и наблюдающая, дабы онъ посредствомъ переписки и личного сношенія пронырствами не затмилъ свое преступленіе или не запуталъ дѣло для выигрыша времени въ надеждѣ дождаться милостиваго манифеста. Домашнія дѣла, счеты и тяжебныя бумаги не всегда могутъ быть обнаруживаемы и требуютъ личнаго и письменнаго, вольнаго и дѣятельнаго сношенія, безъ коего чувствительная особа, не могущая по какимъ либо обстоятельствамъ имѣть свиданія съ другою особою и не получая нужныхъ для себя извѣщеній, можетъ неизвѣстностю быть умерщвленною. Цензура для обвиняемыхъ должна быть введена иная въ тюрьмы. Одинъ присяжный цензоръ на сie станетъ. Ему надо быть ученому, проницательному, приверженному къ правительству, человѣколюбиву и скромну. Онъ будетъ руководствоваться особенно должностующимъ быть на сie изданнымъ наставлениемъ. Есть комнаты, въ коихъ считаются слишкомъ 50 задержанныхъ, а иногда и до 80-ти

бываетъ въ одной. Въ стѣсненномъ воздухѣ, парами, исходящими нерѣдко изъ людей, находящихся въ заразительныхъ болѣзняхъ (которыя многіе скрываютъ, избѣгая больницъ), нужно употребленіе умѣренное горячихъ напитковъ; а здѣсь совсѣмъ они возбранены. Всѣ живутъ тутъ своимъ иждивеніемъ, и большая часть такъ бѣдна, что еслибы сотоварищи имущіе не доставляли бѣ первыя для человѣка надобности, принуждены бы были питаться воздухомъ: ибо и за конвоемъ милостины просить настѣ отсюда не выпускаютъ. Я пишу сіе между солдатскою и офицерскою караульнями. Съ одной стороны шумъ стражей, а съ другой—просящихся о дозволеніи павѣстить какого изъ членовъ тюрьмы или приказать выпустить, вящше сжимаютъ сердце и мысль тюремщика и симъ однимъ лишаютъ его средствъ сдѣлать порядочное защищеніе по суду. Таковое заключеніе есть вѣрное средство терпящихъ чрезъ несчастный какой случай до конца раззорить и разстроить безшоворотно здравіе. Я предпочитаю крѣпостное заточеніе: тамъ по крайней мѣрѣ имѣть можно въ четырехъ стѣнахъ покой. Когда всѣ заключенные тутъ, какъ я, говорятъ откровенно и увѣрены въ своей правотѣ, то немалое число есть недолженствовавшихъ быть здѣсь и задержанными.

Съ глубокопочитаніемъ есмь, милостивый государь, вашъ покорный слуга. Подлинное подпись Василій Пассекъ. Истина сего была засвидѣтельствована многими подписавшимися заключенными.

Его высокопревосходительству господину генераль-прокурору Александръ Андреевичу Беклемешову. Надворный совѣтникъ Василій Пассекъ.

19-го Мая 1802-го года. Изъ градской тюрьмы.

5.

По дѣлу съ Софьею Бурмейстеръ.

Я нижеподписавшійся свидѣтельствую, что въ Августѣ и Сентябрѣ 1799-го года не болѣе полутора мѣсяца служила у меня ключницею Бурмейстерша и потому болѣе не могла оставаться, что чрезвычайно сварлива и беспорядочна: всѣхъ находящихся въ моемъ домѣ людей неосновательно обвиняла, много оклеветывала, отъ чего и я не былъ пощаженъ ею, почему принужденъ былъ я въ судѣ сего Магистрата подать на нее просьбу и, по сдѣланному изслѣдованію, была наказана восьмидневнымъ заключеніемъ и хлѣбомъ и водою. Истину сего утверждаю своееручною подписью и печатью.—Рига, Іюня 21-го дня 1802-го года. Подлинное подписаніе Готтгардъ Абрагамъ Гrimъ Ригской купецъ г-нъ Готтгардъ Абрагамъ Гrimъ миѣ объявилъ, что сіе свидѣтельство имъ писано и съ приложеніемъ его печати, я сіе свидѣтельствую симъ. Рига 21-го Іюня 1802-го года. Подлинное подписаніе: Карль Вильгельмъ Стоффрегенъ, публичный юридический потаріусъ правленія.

*

Санктпетербургъ, 18-го Августа 1802 года. За Софью и Анну Бурмейстеръ, просившихъ на надворного совѣтника Василья Васильевича Пассека, будто растлилъ онъ тридцать первого Генваря сего года Анну Бурмейстеръ, ходатайствующій въ судѣ г-нъ капитанъ Блюмъ, пришедъ въ Санктпетербургкую городовую тюрьму, предлагалъ помянутому г-ну Пассеку съ просительницами на него такимъ образомъ примириться, дабы обоюдно другъ на друга искъ оставить и тѣмъ пресечь судебное теченіе дѣла, что мы нижеподписавшіеся утверждаемъ. На подлинномъ подпишли: отставной маіоръ Александръ Бемъ, отставной штабсъ-капитанъ Григорій Мариновскій, отставной титулярный юнкеръ Николай Ал-

ксандровъ сынъ Крюковъ, отставной мичманъ Алексѣй Петровъ сынъ Бемъ, Павловскаго гренадерскаго полку подпоручикъ князь Мадатовъ, стоявшій тогда въ караулѣ. — Вѣрно: надворный совѣтникъ Василій Пассекъ.

*

Въ Санктпетербургскую Уголовную Палату
Отъ надворнаго совѣтника Василія Васильева Пассека.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

Хотя объясненіе нѣкоторыхъ изъ особъ, па коихъ я сослался и утвердилихъ предъ судомъ мою невинность, и довольно изобличаютъ клевету и сумозбродаства Софы и Анны Бурмейстеръ; но въ доказательство истины представляю я при семъ свидѣтельство Ригскаго купца Готтгарда Абрагама Грима, засвидѣтельствованное Ригскимъ юридическимъ публичнымъ нотаріусомъ Карломъ Вильгельмомъ Стоффрегеномъ и объявляю, что Ригскій магистратъ или ратгаусъ, осудившій Софью нѣсколько разъ за клеветы и прочее, можетъ на сдѣланній ему спроить сообщить мною представляемое утвержденіе. Я снискивалъ въ моихъ объясненіяхъ о сдѣланіи сей справки и другихъ З-й адмиралтейской части городовой судъ и 1-й департаментъ надворнаго суда. Я имѣю дополнительныя доказательства по сей тяжбѣ; но мнѣ нужна законная помощь. 28-го текущаго мѣсяца отняли у меня ширмы, охранявшія мое разслабленное здоровье и доставлявшія кроху покоя; запретили снова писать въ нумерѣ, гдѣ я содержусь и предали мои писанія цензорѣ шести особъ въ то время, когда обнаружена моя вина или невинность, слѣдовательно лишили меня возможности порядочно защищаться по суду. Все устроено здѣсь такъ, чтобы изъ невиннаго, нетвердаго духу и слабаго разумомъ сдѣлать виновнымъ: ибо только въ конторѣ позволяетъ писать, а контора здѣсь состоить изъ двухъ перегородокъ изъ тонкихъ досокъ; съ одной ея стороны шумъ въ караульни солдатской, а съ другой — непрестанный звукъ просьбъ у караульнаго офицера о дозволеніи навѣстить или сдѣлать по-

даяніе заключеннымъ, или выпустить изъ тюрьмы, или жалобы. Уже заключеніемъ сжатое сердце и стѣсненная мысль и еще болѣе удручаюмы скорбю не имѣть даже средствъ и писать оправданіе. Ощущая всю силу сего бремени, я не единожды протестовалъ противу столь суроваго съ нами обращенія; а меня за это называютъ беспокойнымъ! Развѣ законы запростили кричать тому, котораго терзаютъ? Каждый съ чувствами и съ здравымъ разсудкомъ обязанъ беспокоиться, видя долженствующихъ облегчать судьбу страждущихъ и подавать руку помощи ищущему законной защиты невнемлющими Его Императорскаго Величества (къ г-ну военному губернатору Голенищеву-Кутузову отъ 8-го Августа 1801-го года) рескрипту, въ коемъ изображено: «Повелѣвъ Гдовскаго уѣзда помѣщицу Славищеву за злоупотребленіе ея власти надъ крестьянами предать суду, не минѣ лишить ее средствъ, какія всякому обвиняемому закономъ къ оправданію его предоставлены. Нынѣ же до свѣдѣнія моего дошло, что, понимая указъ сей въ видѣ рѣшительного въ преступленіяхъ ея обвиненія, а потому не приемля уже отъ нея никакихъ оправданій и не производя по онымъ слѣдствій, приступлено прямо къ рѣшительному надъ нею приговору. Подсудимый неотъемлемое имѣть право представить свои доказательства, а присутственное мѣсто не можетъ никогда отказываться отъ ихъ разсмотрѣнія и всѣхъ изслѣдований, какія по обстоятельствамъ нужны найдутся. И что, предавая обвиняемаго дѣйствію закона, если я хочу, чтобы преступленіе было обнаружено и получило должное возмездіе, то еще болѣе желаю, чтобы невинность находила въ томъ же самомъ законѣ и судѣ всѣ средства къ своему оправданію.»

Закону нѣтъ, какъ поступать съ находящимися подъ стражею обвиняемыми, принадлежащими къ гражданскому чиноправленію. Да и въ случаихъ, на которые не издано узаконеній, повелѣно сообразоваться съ Наказомъ Великія Екатерины. Я всеподданѣйше прошу, дабы указали ввести въ здѣшнюю городовую тюрьму исполненіе по 168-й статьѣ Наказа, гдѣ сказано: «Взять человѣка подъ стражу ничто иное

есть, какъ хранить опасно особу гражданина обвиняемаго, доколѣ учинится извѣстно, виноватъ онъ или невиненъ. Строгость содержанія подъ стражею не можетъ быть иная никакая, какъ та, которая нужна для пресвѣченія обвиняемому побѣга, или для открытия доказательствъ въ преступленіи». А съ нами обращаются по произвольнымъ инструкціямъ и приказаніямъ частнаго начальства, слѣдовательно вопреки инструкціи императорской! Наказа же въ въ 34-й статьѣ сказано: «Равенство всѣхъ гражданъ состоять въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ». Въ 38-й и 39-й статьяхъ изображено: «Ежели бы гдѣ какой гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже больше вольности не было; ибо и другое имѣли бы равнымъ образомъ сию власть. Чтобы люди имѣли сию вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а боялся бы всѣ однихъ законовъ». А въ 147-й и 166-й статьяхъ сказано: «Жалость и человѣколюбіе внидутъ въ самыя темницы; всякое наказаніе несправедливо, какъ скоро оно ненадобное для сохраненія въ цѣлости сего залога».

Подлинное подпись надворный совѣтникъ Василій Васильевъ сынъ Пассекъ. 30-го Іюня 1802-го года.

6.

Всеподданнѣйшая просьба В. В. Пассека.

Всемилостивѣйшій Государь!

И предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ я также обнесенъ, какъ былъ предъ мудрою Вашею Бабкою и Вашимъ Родителемъ. Безъ суда былъ я четыре года и девять мѣсяцій въ заточеніи и болѣе двухъ лѣтъ и даже противъ непріятеля въ войскѣ подъ присмотромъ! Мои невинныя страданія обнародованы высочайшимъ указомъ 7-го Маія прошлаго года; подъ щитомъ симъ и своего поведенія считалъ я себя обеспеченнымъ, но ошибся. Я возобновилъ отысканіе моей

собственности; а дядя и бывшій опекунъ мой, генералъ Петръ Богдановичъ Пассекъ возобновилъ свои пронырства, и я опять седьмой мѣсяцъ заключенъ и стражду отъ клеветы и за устроеніе (иждивеніемъ моего кошелъка) семейства полоумнаго двоюроднаго моего брата, князя Кантемира. Сіе ясно доказываю я въ представляемой у сего копіи съ просьбы моей 20 Сентября сего года Правительствующаго Сената въ четвертый департаментъ и съ принадлежащихъ къ оной документовъ. Наружность опять противу меня; но на меня преслѣдованіями положенный завѣсь, затмѣвающій истину, сорванъ будетъ Монархомъ, вникающимъ во внутренность и о безопасности каждого, какъ и о общемъ спокойствіи, бдящимъ. Извлеченіе тысячей невинныхъ и пострадавшихъ свыше содѣяннаго преступленія изъ пустынь Сибири, достодолжное возмездіе за злоупотребленіе исполнительной власти въ Казанской, Вятской и Калужской губерніяхъ, также и введеніе новаго государственного управления, обѣщаютъ Россіянамъ времена Нуширвана, а безгласнымъ моимъ—двумъ сыновьямъ и требующимъ отъ меня хлѣба двумъ сестрамъ и ихъ семерымъ дѣтямъ возвращеніе отца, брата и дяди; мнѣ же возстановленіе моего покоя и собственности, которая всѣхъ моихъ бѣствій есть виною.

Ваше Императорское Величество утвердили послѣ отца и дяди оставшееся наслѣдство малолѣтной Александрѣ Надаржинской, ибо крещеніе и рожденіе ея не были тайными и никѣмъ въ то время опровергаемы, ни даже отцомъ и матерью ея отрицаются и что письмами своими то доказывали, и не только при жизни отца, но и по смерти его никто изъ родственниковъ болѣе десяти лѣтъ никакого нигдѣ спора не предъявляли и даже не подавали о томъ явокъ; да и дядя родной Александры, въ письмахъ своихъ самъ называлъ ее образомъ и кровью своего брата. И споръ первоначальный открылся вопреки манифеста 1787 года Іюня 28 дня, коимъ узаконено: всѣ писки чрезъ десять лѣтъ не учинившіеся гласными уничтожать и предавать вѣчному забвенію, и потому еще что заготовленное вчернѣ Алексѣемъ Надаржинскимъ ра-

споряженіе было несообразно законамъ, поелику подъ видомъ испрашиванія правъ малолѣтней назначилъ половину родового имѣнія женѣ своей. Мой родитель, покойный подполковникъ Василий Пассекъ, при рождениі и крещеніи моемъ, письменно изобразилъ меня своимъ сыномъ, а въ завѣщаніи своемъ, духовникомъ его засвидѣтельствованномъ, утверждая сie, объявилъ меня единственнымъ своимъ наслѣдникомъ. Слово *наследникъ* означаетъ неопровергимо мои права на все наслѣдство моего отца: я ссылаюсь на статью въ манифестѣ 1725 года 28 Маia, сдѣланную на первый докладъ по третьему пункту 1714 года 23 марта указа, гдѣ изображено:

«быть наслѣдникомъ тому, котораго кто учинить по челобитью своему, или по духовной во всемъ недвижимомъ одному».

Ни родные братья и сестры моего отца, ни даже кто либо изъ родственниковъ его, ни при жизни, ни по смерти моего родителя, болѣе двадцати лѣтъ утаеваемаго ими завѣщанія не опровергали и близъ тридцати лѣтъ на мое рожденіе и крещеніе не предъявляли спора и не подавали о этомъ явокъ. Я же не пропустилъ десятилѣтняго срока отъ вступленія моего въ совершенный возрастъ къ отысканію моей собственности; а подъ срокъ для сиротъ въ 1797 году узаконенный не подхожу: ибо съ 25 Декабря 1796 года по Іюль 1799 года, а съ 5 Іюля 1799 года по 25 марта 1801 года мнѣ возбранено было въ моемъ заключеніи по суду ходатайствовать, что видно въ высочайшемъ повелѣніи обо мнѣ къ Дюнаминдскому коменданту, подъ 405 нумеромъ въ архивѣ бывшей Тайной Экспедиціи находящемся, съ коего копію у сего прилагаю. Признавая меня, дядя мой въ 1792 году письменно своимъ племянникомъ и Пассекомъ, назвалъ въ 1798 году приемышомъ и утверждалъ въ 1799 году, что мнѣ только одно Украинское имѣніе завѣщано и что отецъ мой, оконча дни свои въ началѣ 1778 года, до изданія грамоты о дворянствѣ, не могъ завѣщать; но сие опровергается 250 статьею десятой главы Уложенія и указомъ 4 Маia 1746 года, коими узаконено вотчинныя и дворовые купчія и закладныя и данныя и

иная крѣпости писать въ городахъ, не отъемля права и въ селахъ, деревняхъ и подворьяхъ писать говорныя записи, духовныя и заемныя памяти и дабы произведены были въ дѣйство духовныя и не у крѣпостныхъ дѣлъ писанныя. Надо взглянуть на старшую и рожденную отъ другой матери мою родную сестру и на меня, дабы увѣриться, что я сынъ моего отца, а не приемышъ, какъ дядѣ моему угодно было меня назвать въ то время, когда темница наихѣсточайшая мои уста и доказательства поглощала. Возраженія мои на объясненіе моего дяди, по высочайшему повелѣнію, были Дюнаминскимъ комендантомъ 9-го Іюля 1799 года къ бывшему господину генераль-прокурору князю Лопухину отправлены при находящемся въ упомянутой архивѣ подъ № 1713 рапортѣ, съ коего прилагаю у сего копію, также и съ экстракта тяжбы моей съ сказаннымъ моимъ дядею по наследству, оставшемуся послѣ моего отца, съ сдѣлки Іюля прошлаго года, дядею моимъ подписанной и предлагаемой мнѣ, съ свидѣтельства, даннаго мнѣ коллежскимъ совѣтникомъ Морашевичемъ и иностранцомъ Іосифомъ Веберомъ, о дѣланныхъ дядею моимъ въ 1793 году мнѣ преупичительныхъ и предосудительныхъ предложеніяхъ и съ завѣщанія моего родителя, которое утверждено 1-го Августа и 7-го Ноября 1799 года высочайшимъ повелѣніемъ, а 16-го Августа и 18-го Октября того же года обѣявленіемъ моего дяди, что онъ готовъ послѣднюю волю моего родителя выполнить; а дядя мой теперь одинъ остался изъ ближайшихъ родственниковъ мужескаго пола моего отца. По высочайшему повелѣнію потому не было исполнено, что оно изъ сказанной архивы не было сообщено Правительствующему Сенату; но господинъ юстицъ-министръ сдѣлалъ уже касательно до сего для меня удовлетворительные распоряженія. Сіи послѣднія бумаги находятся въ упомянутой архивѣ подъ 439, 2010, 2210 и 541 шумерами, и съ нихъ копіи у сего представляю. Заточеніе лишило меня здравій, почти всѣхъ зубъ и зѣнія, похитило у меня жену и сына, бросило мракъ на мою честь и невинность и сдѣлало изъ тридцати-лѣтняго шестидесяти-лѣтнимъ. Но сіе безпо-

воротно, и мое окровавленное сердце напоминовеніемъ о прошедшихъ и силою настоящихъ преслѣдованій и угнетеній питаетъ мой духъ надеждою, что Ваше Императорское Величество не только отторгните отъ моихъ дѣтей Вильгельма и Валеріана чашу, изъ коей меня пой, укрощаютъ дни ихъ отца, но и утвердите сихъ безгласныхъ законнорожденными. Мои страданія уполномочиваютъ меня ожидать сего и конца моихъ бѣдствій отъ добродѣтельного Государа.

Всемилостивѣйшій Государь и пр.

Вашего Императорского Величества.

Рукою В. В. Пассека:

«Будетъ на этихъ дняхъ отправлено».

7.

Записка о надворномъ совѣтникѣ Пассекѣ.

Отставной надворный совѣтникъ Василій Пассенъ сужденъ въ Санктпетербургской губерніи, *во первыхъ* за написаніе имъ отъ имени генералъ-адъютанта князя Волконскаго фальшиваго письма къ жительствующему въ Ревелѣ полковнику князю Кантемиру, съ обнадеживаніемъ, что Государь Императоръ соизволять возвратить ему князю Кантемиру предковъ его владѣнія, Молдавію, Валахію и другія земли и провозгласить Европейскимъ государемъ, съ титуломъ князя Романійскаго; *а во вторыхъ* за растяяніе малолѣтной дѣвицы Анны Бурмайстеръ, въ каковыхъ преступленіяхъ по суду призналъ виновнымъ, и дѣла обѣ немъ, отъ бывшаго военного губернатора генерала отъ инфантеріи Голенищева-Кутузова представленныя въ Правительствующій Сенатъ 19-го Іюля сего 1802 года по генеральному уголовнымъ дѣламъ реестру въ числѣ нерѣшенныхъ, состоять подъ № 36-мъ, а по экспедиціи подъ № 18.

Всеподданнѣйшее донесеніе Иркутскаго генераль-губернатора Пиля о послѣдствіяхъ совершенной поручикомъ Лаксманомъ экспедиціи въ Японію.

(28 Февраля 1794).

Всепресвѣтѣйшей, державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Самодержицѣ Всероссийской, Государынѣ всемилостивѣйшей, генераль-порутчика, правящаго должностю Иркутскаго и Колыванскаго генерала губернатора и кавалера,

Всеподданнѣйший рапортъ.

Вашему Императорскому Величеству имѣль я счастіе отъ 27-го Ноября прошедшаго 1793 году всеподданнѣйше донести, что отправившееся изъ Охотскаго порта 1792 года Сентября 13 въ Японію транспортное судно подъ предводительствомъ штурмана прaporщика Ловцова обще съ порутчикомъ Лаксманомъ, по благополучномъ плаваніи до 22 Курильскаго острова и далѣе до Японскаго владѣнія и обратно Сентября 8-го ч. того прошедшаго году возвратилось. А нынѣ, сождавъ я прибытія сюда помянутыхъ Ловцова и Лаксмана, получа отъ нихъ плаванію журналъ и карту, нужные ихъ обо всемъ ими видѣнномъ рапорты, описанія и планы, также собранныя натуральныя вещи, три Японскіе листа, врученные Лаксману чрезъ присланныхъ въ Матсмай отъ Японскаго двора чиновниковъ съ изъясненiemъ одного на посланное къ Японскому правительству по высочайшему Вашего Величества созволенію отъ имени моего письмо, и другое отъ Лаксмана и Ловцова

къ Матсмайскому губернатору, писаное съ учиненными на Россійской языке переводаами, паки имъю напріятійшій случай на прозорливое Вашего Величества благоразсмотрѣніе все оное въ оригиналѣ поднести у сего, исполненъ будучи удовольствія, что слѣдствіе сей экспедиціи доставило пѣкоторое на первой случай удовлетвореніе высочайшимъ и благодѣтельнымъ Вашего Величества намѣреніямъ, простирающимся чрезъ торговлю съ Японіею открыть новую отрасль и новое приращеніе коммерціи подвластныхъ Вамъ народовъ и, почитая все оное дѣломъ уваженія достойнымъ, осмѣливаюсь по ревности моей изъяснить слѣдующее мое заключеніе.

Хотя посланной мною къ Японскому правительству листъ якобы за незнаніемъ ими перевода не рассматриванъ и съ тѣмъ возвращенъ обратно при письмѣ къ Лаксману; но поелику послѣдній Японскаго двора листъ, врученный тому же Лаксману 23-го числа Іюля, дозволяеть уже безвозвратно Россійскимъ для торговли приходить въ одну токмо Нангасакскую гавань и подаетъ по обласканіямъ и уваженіямъ, оказаннымъ Японцами нашимъ мореходамъ, несомнѣнную надежду опредѣлять, что Японской дворъ никогда уже не перемѣнить своихъ о семъ мыслей: то и нужно учинить повтореніе дальнѣйшаго испытанія, чрезъ которое бы достигнуть до постановленія дружескихъ взаимныхъ и торговыхъ условій между обѣими державами въ Нангасакѣ, гдѣ (какъ въ первомъ же Японскомъ листѣ полученномъ Лаксманомъ 17-го Іюля съ обѣявленіемъ Японскаго обѣ иностранныхъ судахъ узаконенія изъясняется) находятся определенные для таковыхъ дѣлъ чиновники. Но сего вторичнаго покушенія, всемилостивѣйшая Государыня, нельзя иначе произвестъ, какъ чрезъ особую и подобную нынѣ возвратившейся экспедицію. И ежели на сіе воспослѣдуется высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе, то сужу я необходимо будетъ потребно построить въ Охотскѣ для сего посольства особое лучшей конструкціи транспортное судно; послику нынѣ возвратившееся транспортное судно не можетъ уже быть прочнымъ и совершенно способнымъ къ дальнѣйшему плаванію,

а врядъ ли могутъ быть способны и прочія тамошнія транспортныя суда. Новое судно по окончаніи экспедиціи можетъ оставаться для обыкновенной изъ Охотска въ Камчатку перевозки тягостей, или продано партикулярнымъ морскимъ промышленнымъ компаніямъ, или тѣмъ же самымъ, кои въ послѣдующее время торгъ съ Японію отправлять будуть. Но къ построенію онаго новаго въ Охотскѣ судна нѣтъ искуснаго нынѣ какъ судоваго мастера, такъ и знающаго разныя судовыя оснастки и дѣлающаго якори, каковымъ не только на ссїй разъ, но и навсегда необходимо быть тамъ нужно, и безъ оныхъ никакъ обойтиться нельзя. Въ разсужденіи чего, ежели благоугодно будетъ Вашему Императорскому Величеству повелѣть ко вторичному отправлению въ Японію экспедиціи построить новое лучшее нежели Охотскія суда конструкціи, то всеподданнѣйше испрашуваю высочайшаго Вашего указа Адмиралтейской Коллегіи, чтобы она снабдила вышеупомянутыми необходимыми нужными тамъ мастерами съ определениемъ имъ пристойнаго жалованья на счетъ Иркутской губерніи. Весьма бы можно было употребить въ настоящій случай оставшіяся отъ астрономической экспедиціи суда, именуемыя «Слава Россіи» или другое «Черный Орелъ», находящіяся нынѣ безъ употребленія, первое въ Камчатской Петропавловской гавани, а другое въ Охотскѣ. Но изъ нихъ первое, какъ известно мнѣ, не самой лучшей конструкціи и не ходкое и къ слѣдованию въ тотъ путь по обширности своей (на коемъ и комплектъ людей противу бывшаго въ Японіи долженъ быть вчетверо) совершенно неспособное; а другое «Черный Орелъ» малой конструкціи; да и на обоихъ ихъ таеклажи пришли въ совершиенную негодность, и потому не можно ни на которое изъ нихъ полагать надежды, чтобы могли они быть способны къ тому вояжированію. Развѣ неудобноли будетъ Вашему Императорскому Величеству лучшей конструкціи судно искусствимъ образомъ экипированное назначить отъ города Архангельска, отколь и вся экспедиція въ Японію отправлена быть можетъ?

За тъмъ, всемилостивѣйшая Государыня, предполагаю я, что и начальника сей вторичной экспедиціи нужно отправить изъ природныхъ Российскихъ штабъ-офицеровъ, человѣка искуснаго, гражданскія и политическія дѣла знающаго и совершенного патріота, которому можно дозволить для пріобрѣтенія отъ Японцевъ большаго уваженія къ возложенному на него дѣлу во время отправленія сей его должности объявить себя Японцамъ противу того чина, какой онъ дѣйствительно имѣть будетъ по службѣ степеньми двумя выше, снабдить его кредитивою и полною инструкціею сообразно предложеніямъ, въ Японскихъ листахъ означающимся, равно и тому, что къ уваженію и достоинству Всероссійской Имперіи пристойно, и для выгоды и пользы торговли необходимо нужно. Но какъ здѣсь совершенно я такового человѣка не имѣю, а потому и назначить кого либо не могу. Неизлишне будетъ оному посланному вручить нѣсколько и подарковъ приличныхъ для Японской министеріи или же и для самаго Японскаго императора, которые именемъ Вашего Императорскаго Величества и поднесены быть могутъ во увѣреніе сосѣдственой дружбы.

Въ сю же экспедицію нужно будетъ пригласить Российскихъ и Сибирскихъ купцовъ, чтобы оные для опыта сами отправились или бы послали своихъ прикащиковъ съ приличными для Японцовъ товарами. Таковыми пожелающимъ ѿхать въ Японію для опытный торговли можно дозволить во время бытности своей въ Японіи носить шпаги и объявить себя, по разсмотрѣнію начальника экспедиціи, чиновными купечествующими, дабы придать всему посольству большую важность, тѣмъ наипаче, что и Японцы у себя имѣютъ отличившееся трудами купечество чиновное, которое содержитъ въ большемъ почтеніи, нежели прочее и нечиновное.

Впрочемъ, все сіе повергая во всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества благоволеніе, долгомъ себѣ поставляю присовокупить еще и то, что къ совершенному достижению новой торговой съ Японцами связи не встрѣчаю я на первыя времена никакихъ затрудненій, какъ только пред-

ставляю себѣ: 1-е) что наши торговые люди, могущіе отправиться въ Японію, будуть на первой случай подвергаться неминуемымъ интригамъ Голанцовъ которые несомнѣнно станутъ преклонять Японцевъ охотнѣе покупать ими привозимые товары, поелику могутъ оные продавать дешевлѣе противу привозимыхъ Россійскими, такъ какъ послѣдніе необходимо должны имѣть между доставляемыми туда товарами иностранные и такие же какіе и Голанцы туда привозятъ, да еще многіе и собственныхъ ихъ манифактуръ и рукодѣлій, какъ то тонкія сукна, камлоты, стамеды, и прочія тонкія шерстяныя истканія, и отъ такихъ интригъ неминуемо послѣдовать должны на первой случай убытки; 2-е) что Агличане, занявши въ части сѣверной Америки подъ 50 градусомъ хорошее мѣсто Нотку, по видимому изъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ уже Вашему Величеству обстоятельствъ предпріятію сей націи о заведеніи прочныя своея торговли съ Китаемъ, по близкому своему изъ Нотки сосѣству же, не оставлять дальнихъ своихъ дѣлать покушеній и о торговлѣ съ Японіею къ чему они имѣютъ уже довольно хороший случай, ежели вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ подтвержденнымъ Японцомъ Коодаемъ, бывшимъ предь отправленіемъ помянутой экспедиціи въ столицѣ Вашего Величества, что Агличане ѻздятъ въ Японію. Ежели сія преданная интересамъ нація будетъ имѣть успѣхъ, то конечно сдѣлается соревнующею и соперничествующею въ тамошней торговлѣ Россійскимъ столько же, сколько и Голанцы. Для сей причины, а наиболѣе, что Агличане заняли Нотку, гдѣ они, заводя разныя фабрики, въ томъ числѣ конечно и суконныя, также имѣя хорошие звѣриные всякаго рода промыслы, они имѣютъ случай въ торговлѣ своей сими свѣжими товарами вредить нашу съ Китайцами торговлю. Но всѣ сіи интриги, могущія произвести на первой разъ невыгоды для Россійскихъ купечествующихъ, могутъ однакоже быть отвращены тѣмъ *вопреки*, что хотя Японцамъ на первой случай для дальнихъ испытаній и узнанія нуждъ ихъ и должно будетъ пожертвовать уступкою цѣнѣ на привозимые къ нимъ Россійскими иностранные товары,

но можно пригомъ довести ихъ и до узnanія, что привозимые потомъ Российскими товары, будучи везены изъ съверной дер- жавы, гораздо прочнѣе привозимыхъ Голанцами; поелику извѣстно уже изъ опыта, что везенныя чрезъ съверные стра- ны манифактурная издѣлія болѣе безвредно сохраняютъ свою прочность, нежели тѣ, кои вокругъ свѣта чрезъ жаркой по- ясь привозятся. Доказательство сіе яко истинное, когда узна- ютъ Японцы, всеконечно будуть тогда охотнѣе къ товару Российскими привозимому, ежели только не останется сіе до- казательство въ забвениі. *Во вторыхъ*, уваженіе всея Европы къ мудрымъ дѣятельностямъ Вашего Величества и силамъ пространныхъ Вашихъ обладаній, можетъ чрезъ труды ми- нистерскіе доставить случай согласить Голанцовъ, чтобы не только Российскіе отъ вышедонесенныхъ интригъ были ими освобождены, но интересы обоихъ народовъ по сей части торговли выгодно и прочно соединены, чтобъ общими силами Агличанъ отъ торговли въ Японіи всеконечно удалить что- двумъ взаимопрѣтствующимъ націямъ легко можно произ- вести, особенно подъ высочайшимъ покровительствомъ Вашего Величества. *Въ третьихъ*, ежели бы и подлинно случи- лось, что Российскіе торгующіе, иѣсколько лѣтъ подвергались убыткамъ отъ привозимыхъ ими въ Японію иностранныхъ товаровъ, то сей убытокъ могутъ награждать собственные Российскіе товары, какъ то рыба всякаго рода, соленая и сухая, которую на Алеутскихъ и Курильскихъ островахъ можно доставать и пріуготовлять весьма легко въ превели- комъ изобилиї, въ Японію возить яко вещь тамъ весьма ну- жную, по причинѣ что рыба, какъ по свѣдѣніямъ извѣстно есть, тамъ важнѣйшій и питательный почти для всей Японіи продуктъ; китовой, тюленій и львовъ морскихъ жиръ, выдѣ- ланныя разными манерами сихъ морскихъ звѣрей, также и земляныхъ звѣрей кожи, оленьи, лосинныя, частію барсовая, могущія получаться (первая съ острововъ Алеутскихъ и изъ Российской Америки, а вторая изъ країей Якутскихъ, Охот- скихъ и Нерчинскихъ) равномѣрно островная и земляная разнаго рода мягкая рухлядь, моржовая и мамонтовая кость, и

еще что нибудь Японцамъ потребное, чего теперь совершенно узнать не можно, пока чрезъ посредство начальника новой экспедиціи въ общій конференці съ Японскою министерію не положится взаимнымъ трактатомъ, или чрезъ другія средства не будетъ узнано, въ чемъ Японцовъ нужда состоить, такъ какъ и полученные отъ Японцовъ товары бумажные, сорочинское пшено и другія хлѣбныя семена, наилучшая мѣдь, желѣзо въ дѣлѣ и не въ дѣлѣ и многія другія вещи, про-даться могущія въ Охотскѣ, въ Камчаткѣ и Якутскѣ удобно и выгодно и безъ малѣйшия въ цѣнѣ тягости тамошнимъ жителямъ, особенно сорочинское пшено и другія хлѣбныя се-мена, яко вещи къ пропитанію въ тамошнихъ безхлѣбныхъ мѣстахъ нужныя, несравненно дешевлѣе будутъ проданы, не-жели привозимой туда, а наипаче изъ Иркутской области хлѣбъ нынѣ казною туда поставляемой, въ разсужденіи труд-наго изъ Якутска въ Охотскъ транспорта весьма дорогою цѣнною. Да и ту еще пользу произведеть, что менѣе уже по-требуется туда доставлять казеннаго провіанта, слѣдователь-но менѣе казенныхъ издержекъ на будущее время происхо-дить будетъ.

Но чтобы сей новый опытъ въ торговлѣ съ Японіею не былъ подверженъ каковымъ либо неудобствамъ еще и съ той стороны, чтобы Россійские купечествующіе, пожелавши от-правлять туда свои товары (когда уже по взаимному между Японіею торговому постановленію откроются основательные виды нуждъ Японскихъ и правила, на каковыхъ сія торговля производима быть можетъ) другъ передъ другомъ не возрев-новали съ соперничествомъ между собою и тѣмъ бы одинъ другому въ продажѣ и въ цѣнахъ не дѣлали подрыву (что можетъ послужить сугубымъ убыtkомъ, противу вышепизъя-сненныхъ интригъ Голанцовъ причиниться могущимъ), сужу я, всемилостивѣйшая Государыня, что удобнѣе будетъ, ежели всѣ пожелающіе производить въ Японіи торгъ составлять компанію и будутъ на прочныхъ основанныхъ по волѣ Ваш-шего Величества правилахъ производить оной. Сію компанію могутъ составить люди изъ Россійскаго и Сибирскаго купе-

чества, положивъ каждый по силамъ своимъ сумму или равными частями на урочные годы. Чѣмъ болѣе сихъ складчиковъ будетъ, тѣмъ болѣе умножится капиталъ; поелику компанія сія должна имѣть знатныя издержки на заведеніе порядочныхъ конторъ въ Иркутскѣ и Охотскѣ, а по времени и въ Японіи, такъ какъ Голандцы, и слѣдовательно немало надобныхъ людей содержать должна, построить и соорудить нѣсколько транспортныхъ судовъ для посылки товаровъ въ Японію и въ другія мѣста по дѣламъ сей компаніи. Дѣлая же разные опыты, въ коихъ на первой случай иногда послѣдуютъ неудачи, легче сносить могутъ убытки или несчастливыя приключения и съ лучшею удобностію продолжать могутъ далѣе свое дѣло, употребляя на достижение своихъ намѣреній подарки Японскимъ вельможамъ, пока достигнутъ до совершенныхъ своихъ выгодъ, чего малымъ капиталомъ выполнить не можно. Высокоматернее Вашего Императорскаго Величества милосердіе къ подданнымъ удобно можетъ даровать всѣ выгоды и высочайшее покровительство, сей предметъ прочно устроить могущее.

Распространеніе сея новыя съ Японіею торговли, всеавгустійша Монархія, послужитъ непримѣтнымъ распространениемъ обладанія Вашего надъ пріобрѣтеніями до сего на Тихомъ морѣ утвержденными; ибо Курильскіе и Алеутскіе острова, равно и матерая Россійская Америка, съ ея островами, могущи доставлять проектируемой Японской компаніи рыбные, китовые и другихъ морскихъ звѣрей жировые, кожевенные и всякие промыслы для посылки въ Японію, болѣе прежняго будутъ Россійскими мореходцами увеличены, и новые каналы на пространствѣ тамошнихъ водъ и земель къ умноженію промысловъ къ торговлѣ изыскиваемы; обращеніе мореходныхъ судовъ на тамошнемъ морѣ будетъ удвоено; чаше тамошніе народы стануть видѣть нравы и обычай Россійскіе и ко онѣмъ съисподоволь привыкшая, сдѣлаются наконецъ надежными подданными высочайшей державы Вашей. Да и земледѣліе, столь нужное въ тамошнихъ краяхъ, особливо на Курильскихъ островахъ, съ лучшею удобностію со време-

немъ можетъ распространиться, а отъ всѣхъ таковыхъ предположеній и высочайшіе доходы Вашего Величества несравненно тамъ противу нынѣшнихъ будуть пріобрѣтаться; а во время какового либо по подобію прежнихъ лѣтъ несогласія съ Китаемъ Россія будетъ получать изъ Японіи бумажные, а частію шелковые товары лучшіе, нежели Китайскіе; поелику известно, что Японцы въ отдѣлываніи своихъ манифактурныхъ вещей превосходятъ Китайцовъ, которые, узнавъ о связи нашей съ Японіею, меныше будутъ надменны, нежели нынѣ.

Изъяснивъ Вашему Императорскому Величеству о всемъ томъ, въ чёмъ вѣрноподданническое мое усердіе обязывало, обращаюсь теперь дложить здѣсь высокомонаршай особѣ Вашей о суммѣ, которая отъ помянутой Японской экспедиції осталась въ наличіи. Ея послѣ отправленія въ прошломъ 1792 году въ Японію судна (какъ изъ всеподданнѣйшаго моего рапорта отъ 11-го Декабря того 1792 году Ваше Величество высочайше усмотрѣть соизволили) оставалось за всѣми расходами 13100 рублей 30 $\frac{1}{2}$, копѣйки. Изъ сего числа, по высочайшему Вашему повелѣнію отъ 20-го Генваря 1793 году, употреблено для предположеннаго за Байкаломъ въ иновѣрческихъ селеніяхъ хлѣбопашества 5190 рублей 56 $\frac{1}{2}$, копѣекъ, о чёмъ я также имѣлъ счастіе донести всеподданнѣйше отъ 2-го числа Марта тогожъ 1793-го году. Изъ оставшейся за тѣмъ 7909-ти рублей 74 $\frac{1}{2}$, копѣйки выдано по возвращеніи нынѣ Японской экспедиції находившимся во оной чинамъ и служителямъ денежнаго жалованья, котораго они сверхъ положенного въ исчисленіи на одинъ годъ заслужили въ пути и по прибытии въ Охотскъ за исправленіемъ по тойже экспедиціи дѣлъ по 1-е Октября 1793-го году, 1448 рублей 76 $\frac{1}{2}$, копѣйки, прогоновъ отъ Охотска до Иркутска Лаксману, Ловцову съ двумя съ ними сержантами и подъ свозъ разныхъ собраній 135 рублей 52; отъ Иркутска первымъ двумъ прогоновъ же до Санктпетербурга на 5 лошадей 309 рублей 22 $\frac{1}{2}$ -ю копѣйки. За тѣмъ дѣйствительно осталось въ наличіи 6078 рублей 83 $\frac{1}{2}$ копѣйки. Къ сей же суммѣ надлежало

причислить изъ числа отпущеныхъ въ Японію на непредвидимые расходы денегъ 3686 рублей 60 копѣекъ, употребленные въ плаваніи Лаксманомъ, Ловцовымъ и другими чинами и служителями въ порцію и на другіе къ ихъ же содержанию расходы, 3185 рублей 92½ копѣйки, такъ какъ издержашь они сверхъ тѣхъ, кои изъ той же суммы на другія необходимыя надобности по экспедиціи употреблены, поколику на провизію и порцію, а нижнимъ служителямъ амуниція въ числѣ жалованья по исчислению апробованному Вашимъ Величествомъ были ассигнованы; но, уважая трудной и продолжительной путь и самое ихъ странствованіе въ неизвѣстности, гдѣ многіе изъ низкихъ чиновъ и служителей подвержены были болѣзнямъ, по неминуемости заслуживали сіе вспомоществованіе, которое имъ въ провизію и порцію употреблено; то сіе обстоятельство повергая въ матернее Вашего Величества соизволеніе, испрашиваю высочайшаго повелѣнія куда оставшуюся нынѣ на лицо сумму 6078 рублей 83½ копѣйки, какъ равно и оставшиеся товары, которые возжены были въ Японію на подарки (о числѣ коихъ подношу у сего реестръ) обратить будеть указано. А какъ изъ числа приготовленной для экспедиціи провизіи и разныхъ вещей, осталось небольшее число безъ употребленія, то чтобъ отъ долговременного лежанія не могли прийти они въ негодность, предписаль я Охотскому коменданту употребить ихъ тамъ аукціонномъ порядкомъ въ продажу и вырученныя деньги, не причисля въ общіе доходы, хранить до тѣхъ поръ, поколь о вышеписанной суммѣ послѣдуетъ высочайшее соизволеніе, при чёмъ всеподданнѣйше осмѣливаюсь испрашивать высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія и о оставшихъ съ Охотскъ астрономическихъ инструментахъ и другихъ вещахъ къ тому относящихся, кои употреблялись при той же Японской экспедиціи, не благоугодно ли будетъ повелѣть оставить ихъ въ храненіи тамошняго начальства для могущихъ впредь встрѣтиться надобностей?

Изъ представленныхъ отъ поручника Ласкмана и штурмана Ловцова извѣстіевъ, между прочимъ явствуетъ, что во время

бытности ихъ на 22-мъ острову подарено отъ имени Японского императора сто кулей Японского пшена, изъ коего за употреблениемъ въ пути одного, осталось въ Охотскѣ въ 99-ти по вѣсу въ каждомъ съ кулями по 4 пуда 25 фунтовъ, а во всѣхъ 457 пудъ 35 фунтовъ, то и обѣ ономъ испрашивало высочайшаго повелѣнія, на какое должно оставаться оно употребленіе.

Наконецъ всего, не могу умолчать предъ освященнымъ престоломъ Вашего Императорскаго Величества о бывшихъ въ той экспедиціи штурманъ прaporщикъ Ловцовъ и поруччикъ Лаксманъ, изъ коихъ первой, продолжая долговременную въ Охотскѣ морскую службу, будучи употребляемъ въ разныя по тамошнимъ водамъ вояжированія, совершилъ и нынѣ плаваніе свое въ Японію, какъ доселѣ неизвѣстное для него мѣсто, желаемымъ образомъ; второй, участвуя въ томъ же неизвѣстномъ пути, исполнилъ порученную коммисію, сколько настоящія обстоятельства позволяли могли, учиня описание многимъ неизвѣстностямъ, кое послужитъ, какъ новѣйшее, многому любопытству. Равномѣрно отдаю мою признательность и бывшимъ съ ними геодезіи сержантамъ Туголукову и Трапезникову. Первой изъ нихъ употреблялся въ переводѣ разговоровъ съ Японцами, даже самыхъ листовъ, къ нимъ посыпаемыхъ и полученныхъ отъ нихъ поруччикомъ Лаксманомъ, служилъ къ многимъ предубѣжденіямъ Японцовъ въ случаѣ происходящихъ съ ними конференцій; другой, вспомоществуя въ описаніяхъ Лаксману и въ протчихъ по экспедиціи препорученностяхъ, таковое же обращаетъ на себя вниманіе. И для того, всемилостивѣйшая Государыня, всѣхъ ихъ труды по сей экспедиціи переносимые, какъ равно и оказанное ими къ службѣ усердіе и ревность, повергаю въ высокоматернее Вашего Императорскаго Величества благоволеніе.

Столько же обязаннымъ себя считаю свидѣтельствовать предъ освященною особою Вашею труды коллежскаго ассесора Коха, находящагося въ Охотскѣ совѣтнымъ судьею съ 1784-го года, съ открытия тамъ области, и бывшаго, сверхъ настоящей своей, три раза во управлениі положеннаго тамъ

коменданта должности, и еще въ Губернскомъ Магистратѣ предсѣдательской. Онъ, при отправлениіи всѣхъ сихъ должностей, паче комендантской, оказывалъ особую расторопность и благоразуміе, не упустилъ ничего что относилось до правосудія и всякаго порядка, тишины и спокойствія во всей тамошней области, трудяся и занимаясь вездѣ самъ собою, такъ что потерялъ здоровье; дѣла, имъ руководствуемыя, ясно то свидѣтельствуютъ. Почитая его въ искусствѣ, знаніи и попечительности за рѣдкаго человѣка, и какъ такого, кото-рой и при отправлениіи въ Японію въ прошломъ годѣ вышеп-имянованной экспедиціи исполнилъ все до онай касающееся и отъ меня особенно на него возложенное, съ желаемымъ успѣхомъ и съ соблюденіемъ казеннаго интереса, къ тому же обремененнаго немалымъ семействомъ, при крайнемъ недостаткѣ имѣнія, которое состоитъ только въ 750 рублевомъ его жалованіи, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ все несравненно дорого и оставшагося отъ сверстниковъ своихъ, получившихъ чрезъ 10 лѣтъ повышеніе въ чинахъ, награжденными, осмѣлива-юсь Ваше Императорское Величество, всеподданнѣйше про-сить въ награжденіи его онимъ высокомонаршаго Вашего благоволенія.

Повергая однакожъ все сие, какъ равно и расположение мое до экспедиціи относящеееся, въ высочайшую волю Вашего Императорскаго Величества, осмѣливалось всеподданнѣйше испрашивать высочайшаго повелѣнія.

Февраля 28 дня 1794 года.
Въ Иркутскѣ.

Донесение штурмана прaporщика Ловцова И. А. Пилю, поданное Генваря 18 числа 1794 года.

Въ данной мнѣ отъ вашего высокопревосходительства инструкції въ 6 пунктѣ повелѣнно было сдѣлать мнѣ замѣчаніе о 22-мъ Курильскомъ островѣ, и въ чёмъ состоить главный жителій сего острова продуктъ, какими товарами торгуются съ Японцами, и о многомъ прочемъ. Въ слѣдствіе сего вашего высокопревосходительства повелѣнія, сколько обстоятельства и возможность при неимѣніи Курильскаго языка толмача позволили мнѣ навѣдаться въ бытность мою на ономъ островѣ, о всемъ томъ имѣю честь доносить вашему высокопревосходительству въ слѣдующемъ.

Сей островъ исполненъ множествомъ равнинъ и другихъ земель, удобныхъ къ произведенію лучшаго хлѣбопашества; но жители онаго, природные Японцы, въ томъ весьма мало упражняются: ибо, хотя и имѣютъ около губернскаго города Матсая пашни, но самую малѣйшую часть въ самой близи. Мокнатые же Курильцы, обитающіе на семъ же острову, никакихъ хлѣбовоздѣлываній не имѣютъ, а получаютъ вообще съ Японцами хлѣбныя зерна въ пищу изъ Нифона. Всѣхъ живущихъ на семъ острову Курильцовъ полагаютъ, какъ Японцы между разговорами объявляли, около семи тысячъ душъ, изъ коихъ Японцы немногое число весьма мало знаютъ, по причинѣ что скитаются они въ горахъ. Селеніевъ Японскихъ на ономъ острову замѣчено мною немало. Курильцы же живутъ въ шалашахъ, покрытыхъ травою. Курильцы какъ на семъ острову, такъ и на прочихъ Ку-

рильскихъ же островахъ 19, 20 и 21 обитающіе, Японцами почитаются за подданныхъ своихъ, и употребляютъ ихъ въ такія работы при всѣхъ чинимыхъ Японцами разныхъ про- мыслахъ, въ перенесеніи изъ мѣста въ мѣсто разныхъ тя- гостей и въ прочія работы употребляютъ и содержутъ въ превеликомъ порабощеніи, даже до самого Матсмайскаго гра- додержателя, который величайшую честь и раболѣпіе оказы- ваетъ послѣднему Японскому солдату; а отъ того очень при- мѣтно, что всѣ Курильцы крайне Японцами недовольны, что изображали они чрезъ разныя движенія при разговорахъ съ нами, чинимые украдкою по ночамъ: ибо въявь говорить съ нами не смѣли.

Происшествіе, о которомъ въ помянутой данной миѣ ин- струкції ваше высокопревосходительство для развѣданія о истинѣ включить изволили, подтверждено и Японцами. Оное было слѣдующимъ образомъ. Въ прошломъ 1788 году, въ Маїѣ мѣсяцѣ, одно Японское торговое судно пришло на Матсмай въ пристань, Чуруй называемую и отстоящую отъ пристани Нимуро, въ которую я сначала съ судномъ при- сталь, къ сѣверной сторонѣ на два дни пути въ лодкахъ, а сухимъ путемъ на три дни. Сie судно привезло разные на Курильскую руку товары. Курильцы, въ помянутой приста- ни обитающіе, какъ думать должно, будучи Японцами издавна недовольными за порабощеніе ихъ или по другимъ какимъ причинамъ, соглашась съ Курильцами Кунаширскаго остро- ва, сдѣлали на то судно нападеніе и бывшихъ на ономъ Японцовъ, семдесятъ пять человѣкъ, убили, а товары ихъ взявшъ разбили. Какъ скоро Матсмайское правительство и дру- гія мѣста сего острова, гдѣ живутъ Японцы, узнали о семъ отъ Курильцовъ же, не бывшихъ въ согласіи съ помянутыми убийцами, присланъ былъ изъ Матсмая Японской чиновникъ для изслѣдованія въ Августѣ мѣсяцѣ того же года и, найдя виновныхъ, такъ какъ и нѣкоторыхъ Курильскихъ старшинъ за слабое ихъ смотрѣніе, казнилъ на мѣстѣ преступленія, всего 35 человѣкъ, разбросавъ тѣла казненныхъ, а головы ихъ, осоля, дляувѣренія начальства привезъ въ городъ Матс-

май. Послѣ сего никакого уже беспокойства не было; однако очень примѣтно изъ поведенія Японцевъ, что весьма худую имѣютъ къ Курильцамъ довѣренность.

Торгъ Курильцы онаго острова производятъ съ Японцами слѣдующими продуктами: послѣдніе первымъ привозятъ табакъ, вино, сорочинское пшено и небольшое количество бумажныхъ тканей для верхняго платья, также разную посуду лаковую и иные мелочи, топоры и ножи; а отъ Курильцовъ за сіи вещи получаютъ сушеную разную рыбу, яко коренную, всѣмъ Японцамъ въ провизію, грибы, нерпичій и китовой жиръ и морскую выкидную на берега капусту. При томъ даютъ Курильцы Японцамъ вѣсколько бобровъ и лисицъ. Лѣсу на семъ острову находится въ изобиліи, какъ то: дубу, клену, ели, пихты, березы; мѣстами есть орѣховой (что называютъ Цареградскими или Волошскими) и яблонной плодовитой лѣсъ, а кромѣ онаго еще довольно есть другихъ разного рода прекрасныхъ деревъ, коимъ имена объяснить я не могу, поелику нигдѣ подобныхъ видѣть мнѣ не случалось, токмо вообще доношу, что какъ къ строенію нужнаго, такъ и плодоноснаго лѣсу есть избыточно, такъ же и дикаго бѣлаго, крупнаго и краснаго мелкаго винограда изобильно. Впрочемъ Курильцы съ Корейцами никакого торгу не ведутъ, но только сказываютъ, что видятся съ жителями лежащаго отъ ихъ острова на Сѣверозападѣ въ 20-ти верстахъ острова Карапты, до котораго перегребаютъ мелкими судами, куда и Японцы приходятъ. Караптинцы имѣютъ тоже все что и 22 острова жители. Порядочно же осмотрѣть весь оной 22-й островъ я не имѣлъ возможности, сколько по малости бывшихъ съ нами людей, изъ коихъ многіе были одержимы цынготною болѣзнию, столько и ради удаленія всякаго на насъ подозрѣнія. Однакожъ доставшійся мнѣ отъ Матсмайцовъ планъ сего острова при семъ вашему высокопревосходительству всепокорнѣйше подношу, да таковой же ими сочиненій и острову Нипонту.

Штурмамъ въ рангѣ прaporщика Василій Ловцовъ.

**Донесеніе поручника Адама Лансмана И. А. Пилю поданное Генваря
22 числа 1794 года.**

Въ исполненіе повелѣнія вашего высокопревосходительства отъ 19 Маія 1792 года, отправились мы изъ Охотска 13-го числа Сентября въ Японію, имѣя первую пристань по предписанію на 22-мъ Курильскомъ островѣ въ восточной окончности. Но какъ извѣстились, что оной островъ есть Японскаго государства Матсмайская губернія, не упустиль, порѣшившись тутъ зимовать, предварительно чрезъ губернатора оной главное правительство о нашемъ до ихъ столицы слѣдованіи увѣдомить, на что чрезъ присланныхъ изъ Эдо чиновниковъ, по переговору позволено было намъ слѣдовать до пристойной къ отстою судна по близости губернского города Матсмая гавани, съ увѣдомленіемъ, что для дальнаго разрѣшенія экспедиціи присланы въ оной отъ ихъ императора большой степени чиновники. Почему прошедшаго года Іюня 4 числа изъ гавани Нимуро отправились и Іюля 5-го вошли въ гавань по имени города называемую Хакодаде; изъ оной же 13 числа выѣхали и 16 числа прїѣхали въ Матсмай горнымъ трактомъ, гдѣ и находились за рѣшеніемъ дѣль по 26 число до выѣзду въ Хакодаде, куда и прибыли Іюля 30 числа обратно. Августа же 11-го, по исправленіи всего нужнаго на суднѣ къ обратному вояжу, съ рейду оной гавани вышли въ море и, слѣдя по 9 число Сентября (исключая первой статьи матроза Семена Малотина, которой прошедшаго жъ года Апрѣля 11-го числа въ цынготной болѣзни волѣ Божією помре) всѣ прибыли въ Охотскъ благополучно.

Откуда по сдачѣ всѣхъ вещей и припасовъ за расходомъ оставшихся, съ принятymi реестрами, документами и книгами, удовольствовавъ также всѣхъ нижнихъ чиновъ служителей атестатами и жалованьемъ, прошедшаго года по 1-е Октября, онагожъ мѣсяца 4 числа отправясь въ путь, сего Генваря 21 въ Иркутскъ прибыли благополучно. О чёмъ симъ рапортъ вашему высокопревосходительству нижайше донесть честь имѣю. О происходившихъ же переговорахъ въ Матсмай полученные листы и росписку въ сдачѣ препровожденыхъ Японцовъ, описание сего острова, физическія наблюденія въ продолженіе всего вояжа и прочее буду имѣть честь по исправлениі и приведеніи въ порядокъ всѣхъ имѣвшихся записокъ при особомъ рапортѣ поднестъ.

Подлинной подписаль порутчикъ Адамъ Лаксманъ.

**Великаго Нифонскаго государства, его Тензинъ-Кубоскаго величества
Матсмайской губерніи главнокомандующему Шимано Ками Сама.**

Извѣщая симъ главнокомандующаго Матсмайской губерніи начальника о воспослѣдовавшемъ слѣдованіи нашемъ Нифонскаго государства въ главное начальство назначенаго (по случаю Его Тензинъ Кубоскаго величества торгующихъ подданныхъ Коодаю съ товарищи, спасшихся по разбитіи ихъ судна на островахъ Алеутскихъ, где Россійскіе промышленники за два года до сего подобное же въ разбитіи судна злоключеніе претерпѣли), я ожидалъ тутъ другихъ за промысломъ звѣрей разъѣзжающихъ около тѣхъ мѣстъ судовъ. По природному и свойственному человѣколюбію и чувствительной сострадательности, соболѣзнуя о несчастномъ жребії, стараниемъ своимъ изъ разбитыхъ своего и Тензинъ Кубоскаго величества судовъ построили одно удобное къ путешествію судно, вывезли ихъ въ ближайшій оттуда Россійскій городъ Камчатку. А сего города начальники, какъ исполнители человѣколюбивыхъ великой Всероссійской Императрицы узаконеній, повелѣвающихъ всѣмъ странствующимъ оказывать всевозможное покровительство и вспоможеніе, употребили всѣ силы для лучшаго истребленія изъ памяти ихъ того претерпѣваемаго страха и нужды, коими одолѣваемы были, доставили ихъ въ намѣстническій городъ Иркутскъ. Откуда, при первомъ о несчастіи ихъ свѣдѣніи, Ея Императорское Величество всепресвѣтлѣйшая Россійская Государыня, по высокоматернему и единственно о благѣ человѣчества пекущемся покрову, указать соизволила великаго Россійскаго государства войскъ Ея Им-

ператорского Величества генераль-порутчику Иркутского и Колыванского намѣстничествъ государеву намѣстнику и разныхъ орденовъ кавалеру Ивану Алферьевичу Пилю, чтобы упомянутыхъ подданныхъ великаго Нифонскаго государства возвратить въ ихъ отчество, чтобы они могли видѣться съ своими родственниками и соотчичами.

Вслѣдствіе такового высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія его высокопревосходительство и отправилъ нась какъ для посольства въ великое Нифонское государство къ главному правительству, такъ и для доставленія оного государства подданныхъ въ свое отчество съ подробнѣйшимъ описаніемъ о ихъ приключеніи, и обо всемъ прочемъ по со-сѣдственной смежности.

Но какъ дошедъ до сего берега обитаемаго Курильцами, свидѣлись съ служителями начальства вашего, почли за лучшій способъ (какъ уже наступило поздне осеннеѣ время) здѣсь зимовать и чрезъ сie самое для свѣдѣнія вашего и собственной нашей пользы для безопаснаго будущей весны впередъ путешѣствованія просить ихъ о доставленіи вамъ, главному Матсмайскому начальнику, сего письма нашего, которымъ просимъ васъ, чтобы вы отъ себя великаго Нифонскаго государства главному правительству возвѣстили о нашемъ туда шествіи съ таковымъ расположениемъ, чтобы главное начальство оного государства на случай естьли по приближеніи нашемъ къ берегамъ Нифонскаго государства, мы имѣть будемъ не дошедъ главной пристани, либо въ разсужденіи погодъ или другихъ какихъ могущихъ встрѣтиться случаевъ необходимую нужду въ пристанищѣ, предписало своимъ подданнымъ, дабы онѣ намъ какъ сосѣдственнымъ союзникамъ безъ всякаго препятствія безвозбранный входъ имѣть позволяли, не считая нась за противоборствующихъ и нечестивыхъ противниковъ.

Увѣдомляя же васъ симъ письмомъ, также просимъ, что когда вы получите изъ главнаго начальства Нифонскаго государства на увѣдомленіе свое по сему письму нашему для продолженія нашего путешествованія соответствіе, нась въ

разсужденіи чтобы мы не могли упустить удобнаго времени, о семъ главнаго начальства предписаніи поспѣшить увѣдомленіемъ не оставить. Подлинной подписали начальствующій Японской экспедиціей поручикъ Адамъ Лаксманъ, штурманскаго ранга прапорщика Василій Ловцовъ.

Октября 12-го дня 1792-го года.

Островъ Эззо.

Листъ предписанный отъ его Тензинъ-Кубоскаго величества о узаконеніи въ государствѣ Японскомъ въ разсужденіи приходу иностранныхъ судовъ.

Какъ уже съ самыхъ древнихъ лѣтъ до нынѣ въ государствѣ нашемъ законъ непоколебимъ, и никогда никакой въ ономъ перемѣны быть не можетъ; а какъ вы изъ своего государства за препровожденiemъ по жребию занесшихъ моремъ людей по незнамости, прибыли, но не въ Нангасаки, а въ другое мѣсто (въ другія же мѣста къ нашей землѣ съ моря приходить иностраннымъ судамъ не позволено, и никогда въ Японіи не бывали, естьли же какія и придутъ, будуть взяты въ пленъ, хотя бы сколько ихъ ни было) за тѣмъ, когда и моремъ слѣдуютъ, слѣдуютъ безъ всякаго огненнаго орудія, изъ древнихъ же лѣтъ живущій всегда въ содружествѣ государственномъ народъ, а именно Голандцы, приходятъ судами въ Нангасакскую гавань, но не во внутренняя мѣста государства, такъ какъ вы за препровожденiemъ людей нашихъ прямо въ здѣшнее мѣсто, не имѣя еще никакого дружества съ людьми на суднѣ вооруженномъ пришли: чего для и слѣдовало бы долговременно обратно не отпускать, какъ пришедшихъ безъ вѣдома, а особенно противъ закона нашего, ибо таковые, которые какія законопротивныя дѣла производить будутъ, и вовсе обратно не отпускаются. Но, уважая, что за препровожденiemъ нашихъ подданныхъ людей изъ своего государства отправлены, съ великою трудностію слѣдовали и государства нашего законовъ еще не вѣдая, нынѣ возвратить обратно простительно, только съ тѣмъ, какъ въ

здѣшнее мѣсто заходить запрещается, чтобы впредь не приходитъ.

Изъ древнихъ же лѣтъ не имѣя содружества и не вѣдая о степени достоинства имперіи государства вашего, также чрезъ переводъ нарѣчія и письма величія и низкости и какое обхожденіе и обыкновеніе имѣете, не знаемъ, почтительно ли или непочтительно вашему государству въ нашемъ покажется. Для чего и посланное письмо хотя отъ васъ и принято, но на оное по несовершенній знаемости никакого исполненія учинить не можно будетъ, исключая какъ прибыли за препровожденіемъ занесшихъ по жребію къ вамъ людей, чтобы оныхъ принять. Дальнихъ же переговоровъ о семъ быть не чаемъ; чтожъ до условія о содружествѣ касается въ здѣшнемъ мѣстѣ, того сдѣлать невозможно, также и въ столичной городъ Эддо отсюда идти не позволяетъ.

Торгующіе же поздревле по утрактованной дружбѣ разныхъ государствъ подданные ни въ какомъ другомъ каѳъ только въ одномъ показанномъ мѣстѣ торгаются. Впрочемъ же со всѣми сильно хотя въ какую-нибудь гавань или пристань приходящими повелѣно поступать весьма строго и никакихъ разговоровъ и отговорокъ не принимать.

Будеже довольно, какъ слышали, извѣстно, что по повелѣнію вашего главнаго начальства прежде со стороны Курильскихъ острововъ прямо ити въ столичной городъ Эддо на мѣреніе имѣли: и за тѣмъ извѣщаемъ, чтобы исполненіе сего начальства своего повелѣнія оставить и уже не напоминать, дабы чрезъ сіе самое, какъ не для чего тамъ видѣть иностранное судно, себѣ не падѣали болѣе затрудненія; потому что по строгости узаконеній во всѣхъ пристаняхъ, а напаче естьли еще съ какимъ орудіемъ кого поймаютъ, не смотря хотя и со дружественныхъ, тогда говоренныя отговорки или что по повелѣнію начальства исполнили, приняты не будутъ, но чрезъ оныя еще вище и наиболѣе подвергнутся опасности.

Ежели же все предписанное и разговоромъ растолкованное еще не послушаются, тогда связавши и не пріемля никакова

признанія въ оправданіе, по узаконенію нашему, поступленіи
быть имѣеть. Для объявленія же узаконенія нашего посланы
къ вамъ изъ столицы Эддо двое чиновниковъ Шеинъ-Яши,
которымъ (какъ прибытие ваше изъ иностранного государства
по отдаленности за препровожденіемъ по жребію попавшихъ
людей, поставляя за великой трудъ) также объявить повелѣніо;
чтобъ вы были безъ опасности, показанныхъ же людей
нашихъ можете посланнымъ для принятія оныхъ изъ столицы
Эддо въ здѣшнее мѣсто нашимъ вѣрнымъ главнымъ чинов-
никамъ тамъ на мѣстѣ находящимся сдать. Впрочемъ же
оными чиновниками по закону нашему никакія отъ васъ бо-
льше объясненія приняты быть не могутъ; даже что касается
и до людей, то хотя и имѣемъ сожалѣніе, но также въ про-
тивность узаконеній нашихъ насильно у васъ не просимъ, и
естыли отдавать добровольно не будете согласными, взять
ихъ къ себѣ не можемъ; почему все предписанное со вни-
маниемъ выслушать и разсудить, чтобъ впредъ, естыли остав-
шие два человѣка посланы будутъ въ здѣшнее мѣсто, не пре-
провождать, а въ Нангасакскую гавань и въ оную также
следовать открытымъ моремъ, одаль въ невидимости земли,
какъ довольно уже выше объявлено, что во всѣхъ приста-
няхъ приставать возбранено, равно хотя съ кѣмъ и дружески
обходимся, повелѣно ни подъ какимъ видомъ за опасенiemъ
не пускать. Въ Нангасакскую же гавань следовать однимъ
судномъ съ даннымъ отъ наась листомъ, которой показавъ
впущены будете, а не имѣя онаго и туда не позволяется.

Относительно же для заключенія дружбы и согласнаго трак-
тату, чтобъ торговатся въ ономъ мѣстѣ находится опредѣл-
ленной чиновникъ. И обо всемъ вышепрописанномъ выражу-
мѣвъ обстоятельнѣйшимъ образомъ, съ успѣхомъ следовать
обратно.

Полученъ Іюля 17 числа 1793 года.

Записка, съ которой отъ имени его Тензинъ Кубоскаго величества Адаму Лаксману вручили подарокъ, а именно: три сабли и сто кулей пшеницы сорочинской.

Получена Іюля 17 числа 1793 года.

*

Росписка въ приемѣ Японскихъ подданныхъ Коодая и Исокича.

Отъ присланного за препровожденіемъ по жребію попавшихся Японцовъ Коодая и Исокича, оныхъ въ городѣ Матсмай приняли, въ чёмъ за подписаніемъ нашимъ съ приложениемъ печатей и росписка сія дана.

Фамилія Ишикава, имя Шіонгенъ Муракими Дайкаку.

Получена Іюля 21 числа 1793 года.

*

Листъ о позволенномъ входѣ въ Нангасанскую гавань.

Позволяя Велико-Россійскаго государства одному судну имѣть входъ въ гавань Нангасакскую, изъяснивъ уже, что исключая оной въ протція мѣста иностраннымъ судамъ приставать возвращено, и повторяя о нетерпимой въ нашемъ государствѣ вѣрѣ Христіанской, дабы по прибытіи оного образовъ служенія и жертвоприношенія ниже знаковъ не было; а во всемъ, естьли какое условіе будетъ, чтобъ поступать безъ противности нашему закону по врученному отъ насъ предписанію; съ чѣмъ для слѣдованія и листъ препоручаемъ Адаму Лаксману.

Полученъ Іюля 23 числа 1793 года.

*

На случай недостатка въ обратный путь харчевыхъ припасовъ повелѣно приказаніемъ его Тензинъ Кубоскаго величества выдать въ раздѣль на команду, а именно: ржи 61, пшеницы 27, гречихи 3, итого 91 куль; козьяго соленого мяса 6 боченковъ. Сверхъ того для молотья муки жерновъ ручной одинъ и два сита, изъ коихъ одно проволочное красной мѣди.

Получено Іюля 24 числа 1793 года.

Письмо Костюшки къ императору Павлу Петровичу.

(1798).

Sire!

Je profite des premiers instants de la liberté dont je jouis sous les loix protectrices de la plus grande et la plus généreuse nation pour vous renvoyer le présent que l'apparence de votre bonté et la conduite atroce de vos ministres m'ont forcé d'accepter. Si je m'y suis prêté, Sire, ne l'attribuez qu'à la force irrésistible de l'attachement que je porte à mes compatriotes, compagnons de mes malheurs et à l'espoir de servir encore peut-être ma patrie. Oui, je vous le répète, Sire, que j'aime à vous le déclarer. Votre coeur m'a paru touché de ma situation désastreuse; mais vos ministres et leurs satellites n'ont pas agi à mon égard conformément à vos voeux. Aussi s'ils osaient attribuer à la détermination de ma volonté libre une démarche qu'ils m'ont contraint de faire, je dévoilerai devant vous et devant tous les hommes qui connaissent le prix de l'honneur, leur violence et leur perfidie, et c'est à eux seuls, Sire, que vous devez vous en prendre de la publication de leurs forfaits.

Paris, 4 Août 1798.

Signé: Koscuiczkko.

*

Cette lettre a été envoyée à Sieyès pour la faire passer en Russie par mon entremise. Il s'y est refusé en prevoyant que je ne l'accepterai pas; il l'a renvoyée au Directoire. Alors elle a été interceptée à la poste, et m. de Haugwitz m'en a confié une copie sous le sceau du secret. Je supplie votre excellence de n'en faire mention nulle part.

Печатается со списка, доставленного изъ Берлина графомъ Н. П. Павинымъ въ Лондонъ графу С. Р. Воронцову. Сиеъ въ 1798 году съ порученіями отъ Директоріи находился въ Берлинѣ, гдѣ, какъ известно, Французская республика нашла себѣ самыхъ раннихъ союзниковъ. П. Б.

А З Б У Ч Н Й У К Л А З А Т Е Л Ъ
СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ,
УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГѢ
А Р Х И В А К Н Я З Я В О Р О Н Ы О В А,

<p>✓ Абернромби 183, 184.
✓ Аби-паша 283.
Автомоновъ Петръ 296.
Александръ Павловичъ великий 159, 163, 164, 165, 166, 197, 204, князь 179, 257, 264, 268, 274, 205, 218, 228, 234, 241, 444, 245, 277.
Алексѣй Михайловичъ царь 215.
Альвинци 323.
Ананія сотникъ 294.
Андреасъ сотникъ 294.
Анна Ioannovna императр. 12—56.
Анна Леопольдовна 10, 12, 16, 17, 25, 26, 29, 30, 32, 33, 34, 43, 45, 47, 48, 50, 54, 60.
✓ Антонъ Ульрихъ Бевернскій 15, 26, 27, 28, 29, 31, 37, 45, 46, 47, 52, 54.
✓ Апраксина гр. Вѣра Никол. 162.
✓ Апраксина гр. Еліс. Кир. 325.
✓ Апраксинъ фельдмарш. 189.
✓ Апраксинъ графъ 325.
✓ Арнаутъ-паша 283.
✓ Ауерсбергъ графъ 307.
✓ Ахметъ-паша 283.
Бакунинъ Петръ Вас. 151, 162, 166.
Бакунинъ 271.</p> | <p>Баллестеръ купецъ 248, 249.
Барятинскій кн. 257, 259.
Безбородко кн. Ал—дръ Андр.
Балашовъ А. А. 273, 374, 375.
Бекю 167.
Белегардъ 330, 332.
Бельмонте де Вентимиле кн. 242.
Бемъ А—й И. 384.
Бемъ А—ъ 383.
Бентламъ 337.
Бергетъ графъ 319.
Беренсъ 73, 79.
Бернисъ кардиналъ 222.
Бестужевъ-Рюминъ гр. канцлеръ 18, 21, 24, 27, 29, 33, 34, 37, 39, 47, 56, 60, 62, 90.
Бестужевъ-Рюминъ гр. М. П. 76, 78, 81—88.
Бестужевъ-Рюминъ полковн. 67.
Бецкій Ив. Ив. 151, 155, 221, 222.</p> |
|--|--|

- Бибиковъ 243.
Билингсъ 202, 208.
Биронъ герц. Курляндскій 12—
56.
Биронъ Густавъ 36, 52, 55, 56.
Биронъ Петръ 52.
Бисмаркъ 36.
Бланкенагель 232.
Блон福特ъ 314.
Блюмъ капит. 354, 383.
Бобо 327.
Болье 323.
Бонопартъ 277, 323, 337, 341.
Борисъ Годуновъ 233.
Браницкая гр. Александра Вас.
242, 259.
Браницкій гр. 242.
Бревернъ фонъ 21, 30.
Бриль 83, 84, 115.
Брогліо фельдмаршалъ 243.
Броунъ гр. 239, 240.
Брюсь гр. Я. А. 305, 317.
Бушуевъ А. М. 221—224.
Бурмейстеръ Анна 390.
Бурмейстеръ Софья 353—390.
Бутларъ камергеръ 67.
Бухъ садовникъ 257.
Валуевъ 243.
Валь донъ 116.
Варвацій 302.
Веберь Іосифъ 354, 366.
Великий Сем. Ив. 250.
Вестфalenъ 307.
Викгамъ 349.
Вилларъ 322.
Витвортъ 242, 256, 267, 279.
Воейковъ 58, 113, 115.
Воейковъ, артил. полковн. 307.
Войновичъ 302, 313.
Волконскій кн. П. М. 390, 373.
Волковъ Д. В. 117—126, 265.
Вольфенстирнъ 61.
Воронцова гр. Ек. Алексѣвна
221.
Воронцова кн. Елис. Ксав. 280.
Воронцова гр. Марья Ром. 136.
Воронцовъ гр. Ал—дръ Ром. 140,
156, 160, 165, 166, 188—191,
197, 214, 215, 220, 225—238,
(письма Голикова), 239—249 (пись-
ма Храповицкаго), 353 (Пасекѣ).
Воронцовъ Ив. Алексѣв. 136.
Воронцовъ гр. Лар. Ив. 133.
Воронцовъ гр. Мих. Лар. 57, 59,
75, 79, 81—88, 105, 109, 112—
114, 127, 128.
Воронцовъ гр. М. С. 270, 280.
Воронцовъ гр. Ром. Лар. 130—
141.
Воронцовъ гр. С. Р. 102 (пись-
ма Завадовскаго), 218, 221, 256)
(письма Ростопчина) 400, 416.
Вунаковичъ 335.
Вульфъ бар. 71, 75.
Вурмзеръ 323, 330.
Вутъ 269.
Гагаринъ кн. Гавр. 278.
Гадекъ, генер. 328, 329, 332,
336, 338.
Гаддинсь 92.
Гайлесь 279.
Галло (де) ѣаркизъ 245.
Ганнъ 273.
Гаугвицъ 416.
Гаррисъ 165, 166.
Гейкинъ 250.
Генриковъ гр. Ив. Симон. 66,
356—368.
Георгій Галштинскій 98.
Герардъ 215.
Герцбергъ 309.
Герцъ бар. 65, 78.
Гессенъ Гомбургскія княгиня 76.
Гессенъ Гомбургскій князь 24,
30.
Гилленбургъ 64.
Гогенгольцернъ 16.
Голиковъ И. И. 211, 225—238.
Голицыны кн. 76, 259.
Голицынъ кн. Ал—дръ 67.
Голицынъ кн. Ал—ѣй 66.
Голицынъ кн. А. М. 168, 173.
Голицынъ кн. Дм. 110.
Голицынъ кн. Петръ 67.

- Голицынъ кн. С. Ф. 368.
Головинъ адмир. 21, 24, 30, 41.
Головинъ гр. Н. Н. 271.
Головкина гр. 27.
Головкинъ гр. Мих. 14, 24, 27,
30, 49, 50, 51,
Головкинъ гр. Федоръ Гавр. 253.
Головкинъ гр. 243, 262.
Гордонъ 228.
Горчаковъ кн. А—й Ив. 336, 337.
Гофманъ Иоганнъ 153.
Гренвиль 279.
Григорій стряпчій 362.
Гримъ Абр. 383, 384.
Гроссъ 83, 84.
Грунтъ фабрикантъ 216.
Губертъ баронъ 245.
Гудовичъ Андрей Вас. 160, 161,
254, 255.
Гудовичъ Ив. Вас. 162, 259,
265, 278.
Густавъ III—й 309.
Гюссей 181.
Давыдовъ 136.
Дамонъ 67.
Далмодоваръ маркізъ 116.
Данговская 78.
Данилевский Ив. 79.
Дашкова кн. Ек. Ром. (письма
къ отцу) 130—141, 231, 234.
Дашковъ кн. Мих. Ив. 130.
Дашковъ кн. Пав. Мих. 136.
Деказъ 282.
Дерфельденъ 326, 338.
Демидовъ 165.
Дивовъ Пав. 36.
Дивовы 285.
Дидрихштейнъ 325, 341, 346.
Джуньковский 218, 220.
Димитрій самозванецъ 233.
Дмитріевъ Момоновъ Ал-дръ Матв.
247.
Долгорукій кн. Вас. 81.
Долгорукій кн. Гр. Федор. 81.
Долгорукій кн. Ив. Алексѣев. 6.
Долгорукій кн. Юр. Влад. 247,
259, 261, 316, 317.
- Дороеў архимандритъ 244.
Дохтуровъ 136.
Друцкой кн. 66.
Дугласъ 7.
Дундасъ 182.
Дурковъ 285.
Дурковъ 275.
Дюранъ 113, 115.
Евгений, принцъ 316, 335.
Евреиновы 120.
Екатерина II-я вел. кн. 69, 73,
90—98, импер. 137—140, 151—
159, 171—213, 239—252, 257—
264, 270—286, 287—304, 305,—
317 368 (о В. В. Пассекѣ).
Елизавета прицесса Ангальть-
Цербостская (матка Екатерины II-й)
90—98.
Елизавета Алексѣевна вел. кн.
257, 278.
Елизавета Петровна имп. 14, 26,
31, 32, 33, 34, 35, 45, 47, 48,
57—89, 127—129.
Ермоловъ 165.
Еропкинъ Н. Д. 317.
Жанъ-Жакъ 311.
Жуанъ донъ 9.
Журданъ 321.
Завадовский гр. П. В. (письма
къ гр. С. Р. Воронцову) 142—
167, 259.
Загряжскій 66.
Замойскій Максимил. 73.
Зиновьевъ 260, 262.
Зиновьевъ Ст. Ст. 135.
Зубовъ гр. Валер. А. 259, 266.
Зубовъ гр. И. А. 165, 250, 251,
256—266.
Ивановъ Петръ 294.
Ивановъ 231, 232, 233.
Ивинскій Латв. 57—59.
Игельштромъ 143, 144.
Игнатій, митрополитъ 291, 293.
Измаиловъ Петръ Ив. 252, 253,
259, 265.
Имангуловъ, Татаринъ 312.

- Іоаннъ Антоновичъ 28, 31, 41,
42, 43, 46, 47, 54.
Іосифъ архи-дюкъ 116.
Какуринъ 353.
Камбрэ 331.
Каменскій гр. М. Ѳ. 316, 317.
Кантемиръ князгия 358.
Кантемиръ кн. 81, 370, 387, 390.
Карадыкинъ 278.
Каразинъ В. Н. 232.
Карлъ VI-й 48.
Карлъ эрц-герцогъ 320—350.
Карлъ маркграфъ 15.
Картавый Нв. Герес. 378.
Кастело (де) 9.
Каховскій В. В. 367.
Кашталинскій 110, 113.
Кейзерлингъ 29, 30, 85.
Кейтъ Яковъ 6, 7.
Клинтонъ 331.
Кобенцель гр. 242, 343.
Кобургъ принцъ 309, 316, 322.
Колоредо гр. 116.
Калычевъ С. А. 262, 319, 330,
338, 342, 343, 347.
Конде герцогъ 340.
Константиновъ 297.
Константинъ Павловичъ вел. кн.
261, 268, 274.
Коодай Японецъ 189, 190, 192,
198, 200, 201, 204, 206, 414.
Корибутъ Воронецкій кн. 69,
70, 79.
Корицкій 298.
Корнваллисъ 183, 184, 185.
Корсановъ 162, 266.
Костюшко 415, 416.
Кохъ 209, 211, 401.
Кочубей кн. В. Н. 259, 268, 269,
270, 272, 273, 274, 275, 277.
Край, генер. 319, 326.
Крюденеръ 263.
Крюковъ Н. А. 384.
Ксаверій принцъ 113, 114, 115,
Кузнеццовъ 231.
Куракины князъ 21, 24, 42, 89,
269, 270.
- Кутейниковъ 306.
Кушниковъ полковн. 347.
Кутузовъ Логинъ Ив. 271.
Кутузовъ кн. М. Л. 373, 385, 390.
Кушелевъ 271.
Лаксманъ Адамъ 210, 212, 213,
391—407.
Лаксманъ Кир. 188—191, 196,
197, 198, 199, 200, 201, 202,
203, 205, 206.
Лаландъ 331.
Ласкосъ донъ 9.
Ласси 275, 323.
Лауденъ 316.
Лафейлледъ 328.
Лаферміеръ 162.
Лебедевъ Герасимъ 174—179.
Левальдъ 89.
Левашовъ 159, 307, 245.
Левенвольдъ гр. 12—19, 21, 24,
24, 37, 39.
Леопольдъ имп. 307
Лестокъ 60, 61.
Лефорть 228.
Лизаневичъ В. І. 179, 272,
279, 299.
Лирій дюкъ 6, 7, 8.
Литта графъ 272, 275.
Ловцовъ В. 210, 213, 391—407.
Лопухина 275.
Лопухинъ ІІ. В. 215—218, 275,
278, 389.
Лошаковъ 310.
Любомирскій кн. 243.
Людовикъ XV-й 89, 262.
Людольфъ гр. 245.
Львовъ Николай Александровичъ
217.
Лясковскій 305.
Мадатовъ кн. 384.
Майнцскій курфюрстъ 102.
Макаровъ Вас. 122.
Макдональдъ 324, 331, 332.
Максимовичъ 299.
Милютинъ Семенъ матросъ 406.
Момоновъ 165.
Манштейнъ 32, 53, 55.

- Маргосъ Петръ, Армянскій архи-
мандритъ 291, 293.
- Мариновскій 383.
- Мариньянъ 133.
- Марія Терезія 57, 102.
- Марія Феодоровна имп. 177,
258, 274.
- Мортанжъ принцъ 113.
- Масонъ авторъ Записокъ 365.
- Массена 320, 340, 344.
- Матв'євъ гр. А. А. 6, 7, 8, 9.
- Медаусъ 183.
- Мекленбургскія принцеса 12,
13, 14.
- Мекленбургскій Карлъ Леопольдъ
герцогъ 19, 34, 37.
- Меласъ 319, 326, 335.
- Мелекъ-паша 144.
- Менаже 89.
- Менгденъ Юліана 18, 54.
- Менгденъ камергеръ 29, 33, 34.
- Меншиковъ кн. 228, 230.
- Мещерскій кн. 253.
- Милорадовичъ 144, 320.
- Минай Степановъ Армянинъ 312.
- Минихъ гр. 18, 19, 20, 21, 22,
24, 27, 30, 31, 32, 33, 37, 45,
52, 53, 55, 58, 61.
- Михайловъ 231, 232.
- Монмартъ 260.
- Міончинская гр. 69.
- Монтремаръ 324.
- Моровскій гр. 243.
- Морганъ г-жа 136.
- Мордвиновъ 261.
- Мордвиновъ Сем. Ив. 226.
- Морковъ гр. А. И. 259, 261, 263,
271.
- Моро, 321, 326—329, 332.
- Морошевичъ 354, 366.
- Мошинскій гр. 245.
- Моцениго гр. 221.
- Муравьевъ М. Н. 372.
- Муромцовъ 149.
- Мусинъ-Пушкинъ гр. В. П. 317.
- Мустафа-эфендій 308.
- Нагаевъ Ал—бѣй Ив. 226.
- Надаржинскіе 387.
- Назаревскій 270.
- Нарвишъ Мих. 69.
- Нарышкина Марья Алексѣевна
166.
- Нарышкина Нат. Федор. 281.
- Нарышкина 76.
- Нарышкинъ А. А. 376.
- Нарышкинъ Ал—дръ Львов. 166.
- Нарышкинъ Ал—бѣй Вас. 135.
- Нарышкинъ Дм. Вас. 280, 281.
- Нарышкинъ Девъ Александр. 162,
241, 243.
- Нарышкинъ 258, 275.
- Нассо (де) гр. 242.
- Неплюевъ Ив. Ив. 226.
- Нероновъ 66.
- Несвицкій 259.
- Нессельроде 262.
- Новиковъ 229, 230, 234.
- Новосильцовъ 279.
- Норовъ 247.
- Обрѣзковъ А.—бѣй Вас. 368, 273.
- Обрѣзковъ Петръ 270, 272, 373.
- Обуховъ 259.
- Оливье 331.
- Олсуфьевъ Ад. Вас. 109, 110.
- Орлова княгиня 162, 164, 166.
- Орловъ-Чесменскій гр. Ал—бѣй
Григ. 248.
- Орловъ ; кн. Гр. Гр. 160, 162,
164, 165, 166, 223.
- Орловъ гр. Влад. Гр. 139.
- Остейнъ 16.
- Остерманъ гр. Ив. Андр. 10.
- Остерманъ гр. Андр. Ив. 1—5, 6.
- Остерманъ гр. 259.
- Офф-Ды-Горсъ 174.
- Павель Петровичъ вел. кн. 177,
258, 264; имп. 252—254, 265—
277, 279, 415.
- Палень гр. 279.
- Панинъ гр. П. Ив. 286.
- Панинъ гр. Н. И. 168, 173.
- Панинъ гр. Н. П. 262, 416.
- Параби 122.
- Пассекъ В. Б. 355—390.

- Пассекъ В. В. 351—390.
Пассекъ П. Б. 259, 352—390.
Пассекъ Ф. Б. 357, 359.
Пассекъ Валеріанъ В. 390.
Пассекъ Вильгельмъ В. 390.
Пассекъ Марья Серг. 361, 362.
Пассекъ Над. Петр. 360, 361, 374.
Перкова Е. И. 374.
Петръ Великий 19, 29, 81, 226, 227, 230, 233, 234, 235, 236.
Петръ II-й 6—9, 41.
Петръ Федоровичъ вел. кн. 21, 3', 33, 34; имп. 254.
Петръ Петровичъ царев. 19.
Пестель 241, 273.
Пиль И. А. 201, 205, 207, 214, 391—407.
Питтъ 180.
Піоръ Мих. 73.
Піоръ Станисл. 69—80.
Платонъ архієпископъ 248, митроп. 317.
Подевильсъ гр. 94.
Позняковъ 231.
Полтева М. Б. 358.
Полторацкій 285.
Полянская Анна Александр. 140.
Понятовскій кн. Йосифъ 243.
Понятовскій кн. Станисл. 242.
Поповъ В. С. 309, 313—316.
Портландъ герцогъ 331.
Потемкинъ кн. Гр. Александр. 140, 145, 147, 148, 159, 242, 246, 247, 258—261, 366.
Потемкинъ Ив. Серг. 316.
Потоцкая 259.
Прассе 99.
Прозоровскій кн. Андр. Ив. 142, 148.
Прокоповичъ 14.
Протасова 260.
Протопотоская гр. 266.
Пугачовъ 286.
Путятинъ кн. Ив. 51.
Пушкинъ гр. А—й Сем. 131.
Радищевъ Ал-дръ Никол. 214.
- Разумовская гр. Е. О. 319, 424, 334.
Разумовскій кн. А. К. 319—350.
Разумовскій гр. К. Г. 72, 76, 134, 151, 162.
Ростопчина гр. Е. П. 271.
Ростопчина гр. Нат. Федор. 271.
Ростопчинъ гр. Андр. Федор. 282.
Ростопчинъ гр. Ф. В. 179—252, 256—282 (письма къ гр. С. Р. Воронцову), 339—342, 346, 347.
Рахманова гр. Пассекъ 359.
Рахмановъ Н. 143, 148, 159, 306.
Ребиндоръ 327—329.
Репнинъ кн. Н. В. 142, 144, 256, 259, 305, 317, 368.
Ржевскій 159.
Рибасъ О. М. 261, 310, 315.
Рикла гр. 116.
Римскій Корсаковъ А. М. 329, 336—338, 340, 344, 346, 347, 349.
Рожерсонъ 264, 268, 271, 275, 276, 278.
Розенбергъ А. Г. 321, 326—329.
Ромодановская княгиня 49.
Рохлецовъ Вас. 211.
Румянцова гр. М. А. 76.
Румянцовъ гр. Мих. Петр. 244.
Румянцовъ гр. Н. П. 265.
Румянцовъ гр. П. А. 65, 142, 147, 149, 155, 160, 163, 167, 259, 265, 289, 293.
Румянцовъ гр. С. И. 264, 270, 280, 281.
Руске 331.
Салтыкова Дарья Петр. 259.
Салтыкова Нат. Владимір. 259.
Салтыковъ С. В. 252.
Салтыкова 135.
Саксенготская принцесса 97.
Саксонскій курфюрстъ 103.
Сальмъ 331.
Салтыковъ гр. Ив. Петр. 261, 285, 306, 317.

- Салтыковъ кн. Никол. Ив. 135.
317.
Салтыковъ бригад. 90, 92, 98.
Салтыковъ 42, 243.
Самборскій протоієрей Андр. Асан.
218, 219.
Самойловъ гр. А. Н. 259, 261.
367, 368.
Санти 66, 67.
Саншесъ врачъ 17.
Сахновскій 296.
Свинбургъ 331.
Северинъ 367.
Сегюръ графиня Софія Федор. 280.
Селецкій 143.
✓ Селимъ султ. 308.
Сентъ-Андре 320, 324, 326.
Сенявина Ек. Алексеевна 166.
Сиверсъ 256.
Симоновичъ 367.
Синельниковъ 295.
Сіесь 461.
Скавронская гр. 272, 275.
Скавронскій гр. 75, 262.
Скандербергъ 341.
Славищева, помѣщица 385.
Смирновъ 272.
Соботковскій Антоній 79, 74.
Соковнинъ 34.
Соноловскій 229, 234.
Стакельбергъ гр. 242, 262, 263.
Старенбергъ гр. 14.
Стреналовъ Ст. Федор. 205, 241,
251, 257.
Строгонова гр. К. Н. 164.
Строгоновъ гр. Ал-дръ Ник. 136.
Строгоновъ гр. Ал-дръ Серг. 78,
164.
Стофрегенъ В. 383, 384.
Строгоновъ гр. 275.
Суворова княз. В. Н. 312.
Суворовъ кн. А. В. 259, 265,
283—350.
Суворовъ В. 286.
Суворовъ (племянникъ) 289, 295.
Суворовъ Н. С. 313.
Сумараковъ 66.
- Тауенцинъ 95.
Телень 335.
Тельсь врачъ 130.
Терсіе 105, 109.
Тимани 221.
✓ Типо-султânъ 180—187.
Тишневичъ гр. 242.
Толстой гр. П. А. 320, 323 329,
337, 344, 348.
Топильскій 130.
Торель 335.
✓ Трапезниковъ 401.
Тревененъ 250.
Третьяковскій Левъ В. 370.
Трощинскій 263.
Трубецкая княгиня 76.
Трубецкой кн. Н. Ю. фельдмарш.
21, 24, 30, 42, 45, 61.
Туголуковъ 401.
Тугутъ 321—350.
Туманскій 228.
Урсини гр. 151.
Ушаковъ маіоръ 66.
Ушаковъ генер. 21, 24, 30, 31, 41.
Ушаковъ Ф. Ф. 308,
Фалькенштейнъ гр. 244, 245, 246.
Финкенштейнъ гр. 60, 61.
Фіорелли 331.
Флайдъ 183.
Фонксъ Карадъ 181.
Фонтене 113.
Фредерика принцесса 257.
Френкъ (де) маркизъ 91, 92,
93, 95, 98.
Френсисъ 181.
Функъ 82, 83, 84.
Ханыковъ 34.
Харlamовъ губ. прокур. 373.
Хастотовъ Богданъ 301, 307.
Хвостовъ Д. Н. 325.
Холодиловъ купецъ 188.
Хотомлянскій Іоаннъ 378.
Хохловъ купецъ 296.
Храповицкій А. В. 239—249.
Цагъ 341.
Черкасовъ бар. 61.
Черкасскій кн. А. М. 14, 18, 21,

- 24, 27, 29, 37, 39, 45, 47, 50, 51, 66.
Черневъ 87.
Чернышова гр. А.Р. 364, 369, 378.
Чернышовъ 164.
Чернышовъ гр. З. Гр. 24, 30,
127, 248.
Чернышовъ Ив. Гр. 117, 246.
Чертковъ Вас. Алексеев. 247,
248, 259.
Чорба 247.
Шатлеръ маркизъ 341.
Шенъ Яни 413.
Шевалье де ла Метъ 243.
Шелеховъ 209, 211.
Шембенъ 323.
Шепелевъ 42.
Шёреметевъ гр. 228, 275.
Шетарди 64.
Шимано Ками Сама 408.
Шкіадъ врачъ 130.
Шоазель 110, 111, 112, 113,
114, 115.
- Шокуровъ 105, 109.
Шувалова гр. 76, 258.
Шуваловъ гр. Андр. Петр. 241.
Шуваловъ Ив. Ив. 127, 128, 243.
Шуваловъ гр. И. И. 75.
Шуйський царь Василій Іванович
283.
Щербатовъ кн. Мих. Мих. 229.
Юсупова княгиня 76.
Юшкова 24, 25.
Ягужинская гр. 27.
Ягужинскій гр. Серг. Павл. 84.
Якоби 67.
Якобъ Армянскій патръ 291.
Яковлевъ 29, 34.
Яцунскій 143.
Эклисовъ 306.
Эммануиль принцъ Португальскій
12.
Энгельгардъ 146.
Эстергази 263.

